

В.И. Дьяков, О.В. Дьякова

КУРГАНЫ ПРИМОРЬЯ

КУРГАНЫ ПРИМОРЬЯ

В.И. Дьяков, О.В. Дьякова

Far Eastern Division
of Russian Academy of Science

Institute of History, Archaeology
and Ethnography of Peoples of the Far East of Russia

V.I. Diakov, O.V. Diakova

MOUNDS OF PRIMORYE

Vladivostok
Dalnauka
2016

Российская академия наук
Дальневосточное отделение

Труды
Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока
Том XVII, серия археология Дальнего Востока

В.И. Дьяков, О.В. Дьякова

КУРГАНЫ ПРИМОРЬЯ

Владивосток
Дальнаука
2016

Рекомендовано к публикации
Учёным советом Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

Рецензенты:
д-р ист. наук, профессор Ю.С. Худяков (ИАЭ СО РАН, г. Новосибирск),
канд. ист. наук С.М. Тупикина (ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток)

Отв. редакторы:
д-р ист. наук, профессор Н.Б. Леонова (МГУ им. М.В. Ломоносова),
д-р ист. наук, гл. научный сотрудник П.М. Кожин (ИДВ РАН, г. Москва)

Дьяков, В.И.
Д93 **Курганы Приморья:** монография / В.И. Дьяков, О.В. Дьякова. — Владивосток: Даль-
наука, 2016. — 260 с.: ил.
ISBN 978-5-8044-1624-0

Первые курганные сооружения появились в Приморье в эпоху раннего металла в конце I тыс. до н.э. Создателями курганных некрополей являлись носители лидовской и янковской культур. Сохранялась курганная культура и в развитом железном веке в польцевской культуре (конец I тыс. до н.э. — начало I тыс. н.э.). Типовое разнообразие курганов появилось только в раннем и развитом средневековье в культурах тунгусо-маньчжурского круга — мохэской, бохайской, чжурчжэньской. Завершающим этапом развития курганных сооружений является позднее средневековье, характеризующееся уникальной богопольской каменной гробницей, возведённой в XVII в.

Ключевые слова: курганы, традиции, Приморье, палеометалл, лидовская, янковская, мохэ, бохай, чжурчжэни.

Diakov V.I., Diakova O.V.
Mounds of Primorye. — Vladivostok: Dalnauka, 2016. — 260 p.: ill.
ISBN 978-5-8044-1624-0

The first constructions of kurgan type have appeared in Primorye during an era of early metal (the end of the 1st thousand BC). The necropolises of kurgan type were carried by people of the Lithuanian and Yankovsky cultures. The culture of kurgan type continued to be remained during the developed Iron Age in the Poltsevsky culture (the end of the 1st thousand BC — the beginning of the 1st thousand AD). A standard variety of barrows has appeared only in the early and developed Middle Ages in cultures of the Tunguso-Manchurian range of population — Mokhe, Bohai, and Jurzhen's peoples. The Mounds type of constructions was the final stage of developments of the late Middle Ages which were characterized by the unique Bogopolsky stone tomb built in the 17th century.

Key words: mounds, tradition, Primorye, paleometal, lidovskaya, yankovskaya, Mohe, Bohai, Jurchen.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакторов	7
Предисловие	9
Глава 1. История исследований древних курганов Приморья	11
Глава 2. Древние курганы Приморья. Курганный комплекс Петровка-9	50
Глава 3. Средневековые курганы Приморья	160
3.1. Курганы мохэской культуры	162
3.2. Курганы бохайской культуры	173
3.3. Позднесредневековый каменный склеп у с. Богополь	190
Глава 4. Периодизация и происхождение курганов Приморья (вместо заключения)	198
Литература	222
Источники	227
References	229
Istochniki	234
Summary	236
Иллюстрации	241

CONTENTS

From the editors	7
Introduction	9
Chapter 1. History of research of ancient burial mounds Primorye	11
Chapter 2. Ancient burial mounds Primorye. Mound complex Petrovka-9	50
Chapter 3. Medieval mounds Primorye	160
3.1. Mounds moheskoy culture	162
3.2. Mounds of Bohai Culture	173
3.3. The late medieval stone crypt in with. Bogopol	190
Chapter 4. Periodization and Origin mounds Primorya (instead of the conclusion)	198
Literature	222
Sources	227
References	229
Istochniki	234
Summary	236
Illustrations	241

ОТ РЕДАКТОРОВ

В мировой археологии курганы занимают чрезвычайно значимое место и служат многоплановым историческим источником, отражающим важные аспекты жизнедеятельности древнего населения. Функции курганов различные — погребальные, мемориальные, ориентационные, указательно-направленческие, знаки пространственно-земельной собственности того или иного населения. Известны разные типы курганов: почвенно-земляные насыпки, кладки из земляных блоков, каменные, сырцовые кладки (например, Бустан 6, Таджикистан; Усть-Тартасс) и др. Часто курганы неоднократно использовались в пределах одного или нескольких периодов заселения определённой территории. Тогда захоронения осуществлялись в насыпи кургана или прорезали её насквозь вплоть до материкового грунта. В таких случаях изначальные и предшествующие захоронения могли повреждаться, поскольку об этих погребениях не сохранилась память (или из них спешно извлекали ценности, что указывало на сохранение памяти и на распространение сведений о наличии в них ценностей). Курганы могли быть одиночными или группироваться в поля. Они могли создаваться изначальной популяцией, первой начавшей производить захоронения в данной местности, или воспроизводиться сменяющими друг друга популяционными группами населения. В этом случае возникает довольно сложная структура погребального поля, ибо разные этнокультурные группы вырабатывали особые принципы построения погребальных полей. Они строились с учётом специфики родственных отношений в данной погребальной группе, с учётом особенностей рельефа местности, правовых отношений, существовавших между населением соседних групп населения (не родственников по крови, сородичей по этносу и т.п.). В случаях построения кладбищ вдоль дорожных сетей курганы образовывали протяжённые, часто параллельные, цепочки.

Само слово «курган» имеет тюркское происхождение. На Руси слово «курган» появляется в XIII в. в значениях «крепость» и «могильный холм». Учитывая повсеместное распространение курганных погребений «славянских племён» в значительно более раннее время, можно предположить, что, видимо, было и другое слово, не связанное с тюркскими языками так тесно, как форма «курган». Например, в «Слове о полку Игореве» подозрение падает на слово «шеломянь» («Русская земля уже за шеломянем еси»). В Китае часто встречаются ступенчатые земляные насыпи и курганы сложной конфигурации, использовавшиеся для особо важных обрядовых ритуальных действий. Время сложения этой традиции неясно. В Скандинавии в период христианизации был в ходу обычай устраивать курган

над вышедшими из употребления и часто сжигаемыми языческими святилищами (курганы-хранилища). Обычай воздвигать какой-либо возвышенный монумент на местах исторических событий необходимо отнести к рангу архетипных проявлений человеческих представлений об увековечении памяти о чем-то особо важном (*Обо* как разновидность кургана, курганы-мемориалы). В Европе появление курганов относится к энеолитической эпохе, что вполне согласуется с предположением о прямой связи курганов с горными местностями и с началом горнорудных разработок. В то же время проявляется изначальная связь с подвижным, в лучшем случае полуседлым населением. В западной Азии курганы связаны с бронзовым веком, с территориями степной и полупустынной широты, хотя, учитывая многочисленные и разнообразные смещения климатических зон, нельзя исключать их более северное появление. В Сибири в древности курганы распространялись до бассейна Енисея, а южнее — вплоть до Монголии. К I тыс. до н.э. они заполняли весь Синьцзян — ими определялся путь кочевников к границам собственно Китая. В Забайкалье, Синьцзяне, Монголии в большей степени характерно наличие каменных набросок. Вероятнее всего, их происхождение не связано с земляными курганами.

Из дальневосточных курганов в литературе опубликованы только средневековые чжурчжэньские курганы, вероятнее всего, связанные с какими-то воинскими захоронениями. Что касается приморских курганов, то это «terra incognita», которую ещё предстоит открыть. Поэтому предлагаемая к публикации книга В.И. и О.В. Дьяковых является важным рубежом в их исследовании и закладывает мощную базу для заполнения неизвестных страниц истории этого уникального, во многом реликтового, региона, во все времена служившего магистралью между западом, севером, югом и востоком.

П.М. Кожин, Н.Б. Леонова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древние и средневековые курганные некрополи являются важными и полиаспектными археологическими источниками, позволяющими решать ключевые задачи в изучении той или иной территории, начиная от времени её заселения, характера освоения и заканчивая этногенезом и этнической историей населения. Поэтому курганным некрополям при проведении археологических изысканий всегда уделялось особое, пристальное внимание. Тем более что из-за своей внешней заметности (в отличие от поселенческих памятников и грунтовых могильников) они часто привлекали внимание не только специалистов, но и желающих «улучшить своё благосостояние» за счёт добычи из них «погребальных богатств». Для пресечения таких действий ещё Петром I был издан соответствующий указ и велено было все обнаруженные диковинные находки доставлять в специально созданную для этого Кунсткамеру. Повезло многим территориям России, особенно европейской и сибирской, где осуществлялся археологический мониторинг за курганными некрополями. Они систематически и профессионально исследовались, благодаря чему появились прекрасные опорные датировки не только для самих памятников, но и для археологических культур региона, разработаны добротные хронологические выкладки, выявлена материальная культура и определены сакральные ландшафты. Всё это позволило экстраполировать полученные данные в исторический контекст и, по сути дела, пошагово восстановить исторические реалии.

Выявлен «курганный круг культур» (андроновская, карасукская, тагарская), созданных светлоглазым и светловолосым европеоидным населением, выходцами из Восточной Европы, и прослежена миграция в эпоху бронзы с запада на восток. Установлено, что в материалах тагарской культуры (VIII—II вв. до н.э.) среди европеоидного населения отмечены вкрапления монголоидного компонента. Европеоидный компонент, согласно физической антропологии и генетике, сохранился у многих современных алтайских этносов.

Приморью в этом отношении повезло гораздо меньше. Систематического изучения курганов здесь не велось. Немногочисленные попытки раскопок либо не получали надлежащего продолжения, либо не давали ожидаемого результата. В результате возможности этой ценной категории источников не были раскрыты. Но наступила пора, когда эта проблема стала актуальной необходимостью для археологии Приморья и потребовала безотлагательного разрешения. Поэтому, приступая к разработке данной проблемы, мы по архивным и опубликованным источникам

предлагаем хронику исследования курганов, определяем корпус накопленных к сегодняшнему дню источников, пригодных для историко-культурной интерпретации. Основной упор при изложении материала делается на курганные некрополи Петровка-9, Монастырка-III, Богополь, поскольку это не только авторские раскопки, позволяющие свободно пользоваться материалом и детально его публиковать, но и на сегодняшний день самые масштабные в Приморье.

Результаты работ неоднократно обсуждались на конференциях различного уровня в России и за рубежом, со специалистами — д.и.н. П.М. Кожиным, д.и.н. И.Л. Кызласовым, академиком РАН В.И. Молодиным, д.и.н. Д.Г. Савиновым, д.и.н. В.Е. Медведевым, д.и.н. Ю.С. Худяковым, к.и.н. В.С. Флёровым.

Возможность изучения архивных и библиотечных материалов, касающихся исследований Приморья в конце XIX в., предоставлена Обществом изучения Амурского края.

Техническую обработку иллюстративного материала осуществляли Л.А. Карака, В.О. Лёвушкин, С.В. Василенко.

В экспедиционных исследованиях принимали участие студенты ДВГТУ, школьники г. Владивостока. Неоценимую помощь в проведении полевых работ оказали водитель В.А. Сидоров, доцент ДВФУ А.Л. Сергеев.

Всем коллегам, принимавшим участие в полевых и кабинетных изысканиях, в камеральной обработке материала, авторы выражают глубокую признательность.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ДРЕВНИХ КУРГАНОВ ПРИМОРЬЯ

Первые сведения о курганных некрополях Приморья появились ещё в конце XIX в., когда началось активное освоение «дальневосточных окраин земли русской» и, как следствие, разрушение древних памятников. Но большинство специалистов, которым российское правительство поручило выполнять эту наисложнейшую задачу, были энциклопедически образованными и ответственными людьми, стремившимися при изучении новых территорий фиксировать всё, что встречалось на пути. Благодаря этому мы имеем возможность знать эти уникальные материалы. В Приморье внимание первопроходцев сразу же привлекли курганные некрополи, расположенные вблизи с. Никольское (ныне г. Уссурийск).

Никольско-Уссурийские курганы (Уссурийский район) (рис. 1—5). Располагались вблизи с. Никольское (ныне г. Уссурийск) на левом берегу р. Раздольная (старое название Суйфун), недалеко от места впадения в неё р. Борисовка (старое название р. Шуфан), вблизи «Двуградия», т.е. двух противостоящих средневековых крепостей. Впервые курганы были описаны горным инженером Иннокентием Александровичем Лопатиным в 1864 г. [*Лопатин*, 1864] в сводке «замечательных произведений древности», а в конце 1868 г. при повторном посещении памятника им сделаны чертежи и зарисовки кургана с черепахой и скульптурными изваяниями (рис. 3). В 1871 г. Палладий Кафаров, осматривая древние укрепления Никольска, обнаружил «могильный памятник» и наверху с иероглифической эпитафией [*Кафаров*, 1871, с. 364].

Но раскопочные работы никольско-уссурийских древностей были проведены Фёдором Фёдоровичем Буссе, выпускником физико-математического факультета Петербургского университета, 28 лет прослужившим в Восточной Сибири и попутно собравшим сведения о древних памятниках Приморья. Им несколько раз были предприняты спасательные раскопки ряда курганов. К сожалению, завершить при жизни свод древних

памятников Фёдору Фёдоровичу не удалось, но эстафету подхватил князь Л.А. Крапоткин. В 1908 г. собрание сведений о древностях Амурского края было закончено и опубликовано в совместной работе, и ныне являющейся важным историческим документом [Буссе, 1888, с. 39; Буссе, 1908, с. 1—66]. В разных источниках сохранилось несколько описаний месторасположения николюско-уссурийских курганов. Из записей Ф.Ф. Буссе от 1884 г. следует: «На северо-запад от Чжурчжитского стана разбросаны на значительной площади курганы разнообразной формы, частью размытые дождём...» [Буссе, 1908, с. 6]. Им же приведены и дополнительные данные относительно месторасположения курганов: «От кладбищенской церкви (Николюск-Уссурийской. — О.Д.) прямо на запад идёт древняя дорога, а примерно в 150 саженях от её пересечения с трактом на с. Михайловское к западу, и от этой точки примерно в 100 саженях к югу находятся два кургана, южный курган значительно менее северного...» [Буссе, 1888, с. 19]. К северу от них «...находилась группа курганов (в плане круга), раскопанных в 1889 г. Ф.Ф. Буссе и Ульяничкиным» [Буссе, 1888, с. 19]. Там же есть запись о том, что курган с черепахой находился на краю естественной террасы, на дворе паровой мельницы Линдгольма, а к северу от черепахи располагались ещё два кургана, из них северный раскопан в 1883 г. Ф.Ф. Буссе, и в нем найдена каменная гробница. Протоколы Общества изучения Амурского края содержат следующие уточнения: «На зимке г. Фика, на устье р. Шуфан на левом берегу имеется несколько групп возвышений с камнями на поверхности, которые несомненно принесены, так как таковых в соседних полях не имеется. 17 и 20 июня 1893 г. три возвышенности были раскопаны Ф.Ф. Буссе, из них две оказались жильём, а одна могилой...» [Буссе, 1888]. Из приведённых выше сведений мы можем заключить, что николюско-уссурийские курганы сосредоточивались в трёх зонах. Северную часть курганного анклава занимали рядовые курганы круглой формы, не имевшие каменных изваяний. В южной части возвышались два отдельных кургана с каменными изваяниями, обозначенные в документах как северный и южный. К югу от этих двух курганов на краю террасы находился курган с каменной черепахой. О первоначальном виде курганов можно судить по записям и рисункам Иннокентия Александровича Лопатина (рис. 3) и по раскопкам 1885 г. Ф.Ф. Буссе. Об этом сохранились следующие сведения: «Основание черепахи курган, круглый в основании, диаметр 9 саженей, вышиною 1 сажень. В 1868 г. памятник был разрознен по частям. Средняя часть плита синевато-беловатого известкового метаморфоза. Высота 3 аршина, ширина 1, толщина 7 вершков. На плите нет никаких изваяний, она полирована, на верхнем и нижнем концах выступы, которые и входят в гнезда других частей памятника. Черепаха (1) из крупнозернистого гранита, бледно-красноватого цвета,

- — средневековые курганные группы
- — первобытные курганные группы

1. Украинка Курганный некрополь (к/н)	25. Сергеевский к/н	39. Дворянка
2. Рудниковский к/н	26. Валентиновский к/н	40. Крабе
3. Соколовский могильник	27. Тавричанский к/н	41. Шайгинские
4. Покровский к/н	28. Монакинский к/н	42. Мономаховские
5. Старокаменский к/н	29. Чернятино-5	
6. Батюкинский к/н	30. Михайловский к/н	
7. Отрадненинский к/н	31. Козаковский к/н	
8. Песчаное-1	32. Никольский к/н	
9. Де-Фриз	33. Барабашевский к/н	
10. Тереховский к/н	34. Курганы Хунчуки	
11. Шмидтовский к/н	35. Курган Занадворовка	
12. Полтавский к/н	36. Лазовские курганы	
13. Фурмановский к/н	37. Курганы Попова	
14. Сучанский к/н	38. О-в Фуругельма	
15. Богуславский к/н		
16. Борисовский к/н		
17. Кроуновский к/н		
18. Абрикосовский к/н		
19. Варфоломеевский к/н		
20. Кокшаровский к/н		
21. Курган в устье р. Павловки		
22. Монастырка-III		
23. Петровский к/н		
24. Богопольская гробница		

Рис. 1. Карта курганных памятников Приморья

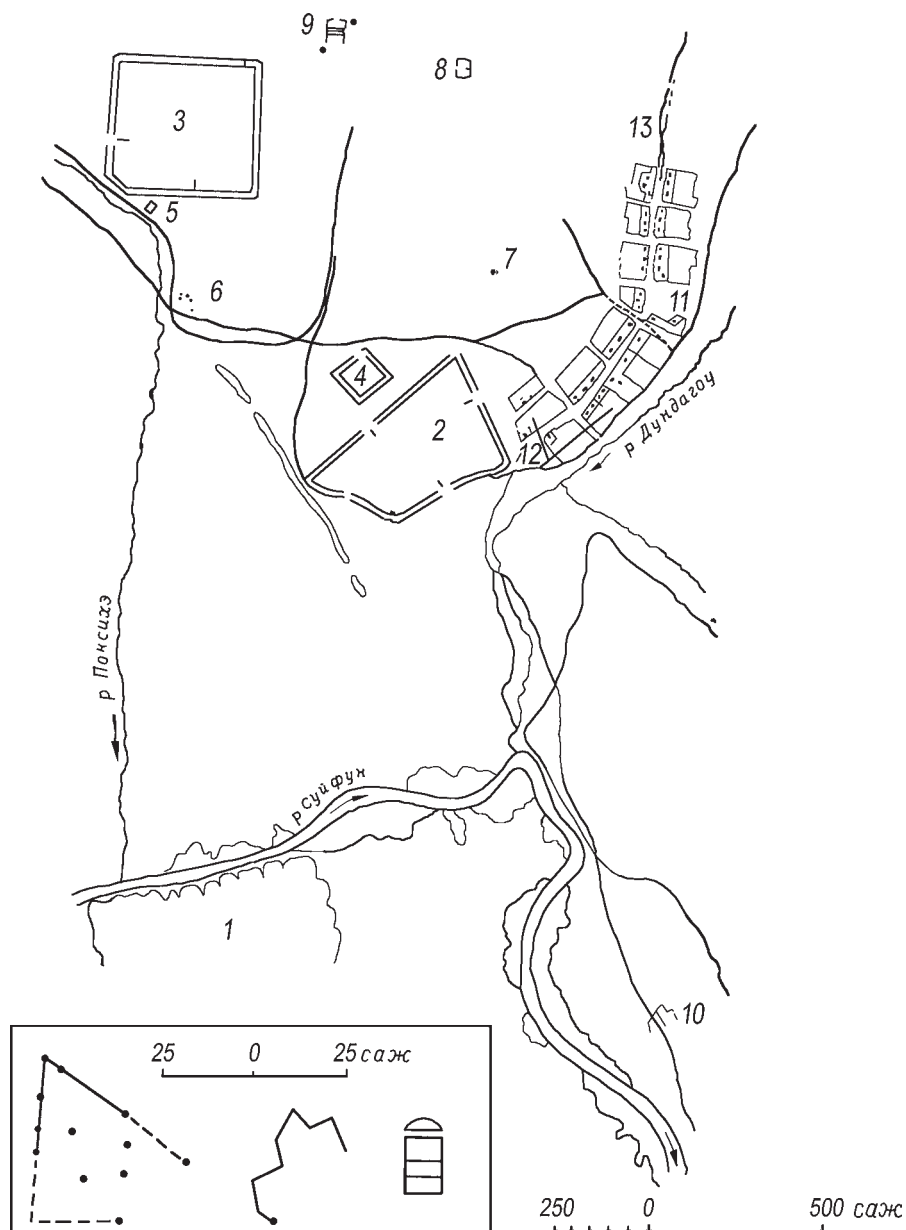

Рис. 2. «План Двуградия и его окрестностей», составленный топографом Гавриилом Нахвальных, участником экспедиции Палладия Кафарова.
 1 — гора, подножие которой опоясано валом; 2 — Фурдань; 3 — вал, возведённый вокруг древнего стана; 4 — вынесенное вперёд укрепление; 5 — крепостца; 6, 7, 8 — кладбище; 9 — место где возможно находилась кумирня; 10 — остатки сторожевого поста; 11 — селение Никольское; 12 — по некоторым признакам здесь находилось предместье древнего города; 13 — часть древней дороги (по В.Е. Ларичеву)

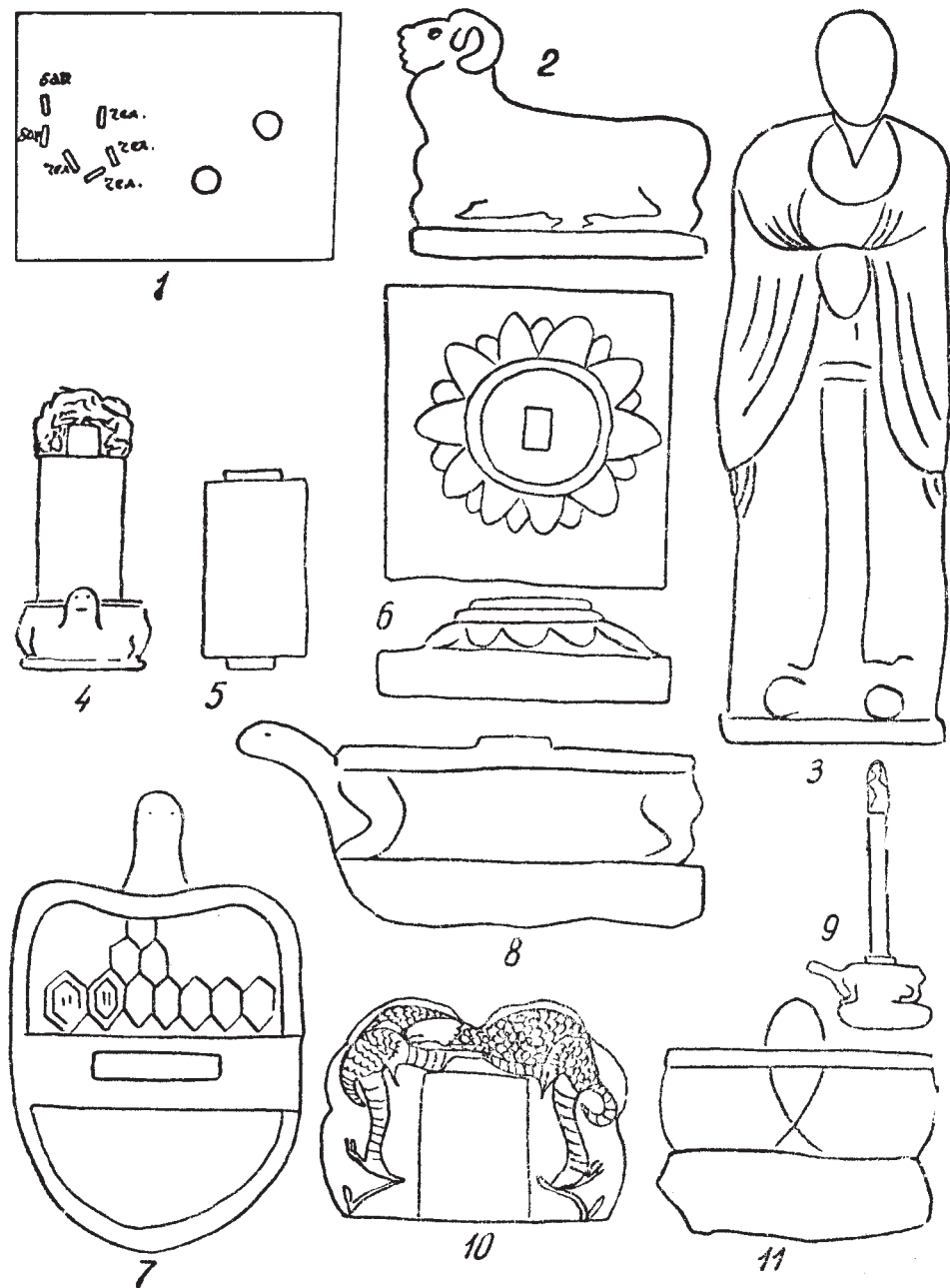

Рис. 3. Никольск-Уссурийские курганы. Рисунки И.А. Лопатина.
 1 — план гробницы и расположение каменных изваяний; 2 — изваяние барана;
 3 — скульптура воина; 4 — общий вид памятника; 5 — стела; 6 — подставка для
 колонны; 7, 8, 11 — рисунки черепахи; 9 — вид памятника сбоку; 10 — навершие
 с драконами

Рис. 4. Никольск-Уссурийские курганы. Каменная черепаха (по В.Е. Ларичеву)

значительно разрушена, длина её 3 аршина, ширина 2,5, высота 1 аршин. Дракон (Ш) из синевато-белого известкового метаморфоза. В настоящее время верхняя часть памятника — драконы, находятся в музее ОИАК во Владивостоке, на нём есть надпись... „Сей памятник поставляется на священной дороге во время Великой Дайцинской Династии для бывшего знаменитого, имеющего чин губернского Кай-фу Уй-шунь сань-сый Области

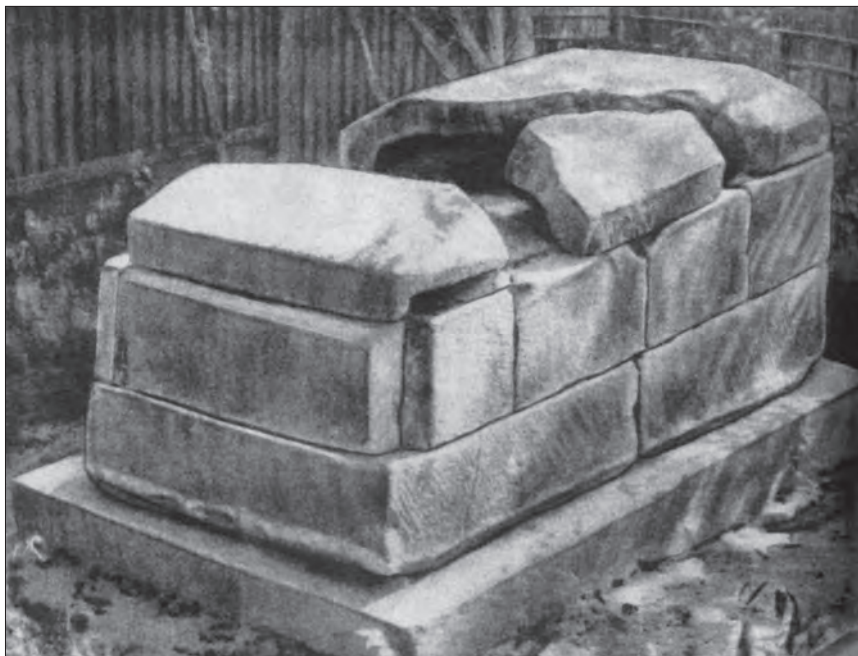

Рис. 5. Никольск-Уссурийские курганы. Фото гробницы (по В.Е. Ларичеву)

Цзинь-ень цзюнь, Титула умно-храброго Великого Князя г-на по фамилии Вань-янь, т.е. Ванъ“. По чтению В. Михайловского: Великого Гиньского Царства Главнотначальствующего Светлейшего Цзинь юань цзюньского князя, Вань-янского Гуна славных заслуг памятник...» [Буссе, 1888, с. 19]. Несколькими годами позже Ф.Ф. Буссе и В.П. Маргаритовым были завершены раскопки «кургана с черепахой», в котором не оказалось захоронения, а также вскрыт другой курган в той же местности, позволивший выявить каменную гробницу. В группе из шести курганов, расположенных к северу от первого, раскопано два. В одном из них отмечено кремированное погребение в деревянном ящике, два керамических сосуда и железные гвоздики. Следовательно, в никольск-уссурийском курганном анклаве с 1883 по 1889 г. Ф.Ф. Буссе было раскопано: два рядовых кургана из северной группы, содержащих кремированные захоронения в деревянном гробу, два керамических сосуда и гвозди; один (северный) курган из южного участка с каменной черепахой и скульптурами животных. «В нем найдена каменная гробница, ныне поставленная в саду музея ОИАК во Владивостоке. Размер для гробницы 127 см ширина 112 см высота 87 см. При рытье фундамента для триумфальной арки, ныне часовня св. Николая, в Никольск-Уссурийском найдена печать» [Буссе, 1888, с. 19]. К этому кургану относится и приведённая выше надпись.

В 50-х годах XX в. с архивными материалами фонда Ф.Ф. Буссе в Географическом обществе (первоначальное название «Общество изучения Амурского края», ныне «Русское географическое общество — Общество изучения Амурского края») познакомился А.П. Окладников, заключивший, что «...копание траншеи произведено с подробной описью самих работ и мест находимых вещей...» [Окладников, 1959, с. 261]. Непосредственные работы на никольск-уссурийском комплексе в 50-х годах прошлого века проводили Н.Н. Забелина и М.В. Воробьёв [Забелина, 1959, с. 374—390]. И только позднее, в 1966 г., востоковед В.Е. Ларичев — выпускник Ленинградского государственного университета смог восстановить сложные перипетии судьбы никольск-уссурийских каменных изваяний, проведя скрупулёзные архивные и археологические изыскания, обнаружить все переводы эпитафий, сделанные В.Ф. Михайловским, М.Г. Шевелевым, В.А. Пановым, В.К. Арсеньевым, и предложить к ним исторические комментарии [Ларичев, 1966, с. 254; Ларичев, 1973, с. 121; Ларичев, 1974, с. 205—224]. Из эпитафий ясно, что в некрополе похоронен выдающийся военный и государственный деятель империи Цзинь (1115—1234) из рода Ваньянь и что, вероятнее всего, имя его Дигунай.

Вывод. Никольск-уссурийские курганы возведены в эпоху средневековья, относятся к чжурчжэньской культуре периода империи Цзинь (1115—1234). Некрополь сооружён в честь военного и государственно-го деятеля империи Цзинь (1115—1234) из рода Ваньянь, вероятно, носившего имя Дигунай. На наш взгляд, маловероятно, что этот погребальный комплекс был сооружён в кратковременный и очень беспокойный период существования государства Восточное Ся (1217—1234). Во времена Восточного Ся или несколько позднее он мог быть повреждён. Архитектурные каноны, погребальный ландшафт и мемориальное оформление некрополя выполнены в соответствии с китайскими традициями, как правило, использовавшимися для захоронений государственных деятелей «варварских» империй, захватывавших Поднебесную*.

* В Китае подобная традиция возведения погребальных комплексов возникла задолго до династии Цзинь и имела строгую иерархию. Например, император династии Тан Тай-цзун (626—649 гг.) использовал для своей гробницы природную гору (гора Jiuzong). Гробницу сопровождал мемориальный комплекс — прямоугольный или квадратный участок, ограниченный стеной, с воротами, центральной дорогой, поминальными храмами, скульптурами и стелами. Членам императорской семьи полагались гробницы в пределах природных гор. Дети императора хоронились под курганами с усечёнными вершинами. Высшим чиновникам полагались конические курганы с одной окружающей стеной и одними воротами на южной стороне с погребальными камерами и гробницами.

Борисовские курганы (Уссурийский район) (рис. 1). Ещё несколько курганов были изучены Ф.Ф. Буссе и Л.А. Крапоткиным на правом берегу р. Борисовка (старое название Шуфан) [Буссе, 1888]. Но подробная информация об этом пока не обнаружена.

Вывод. Вероятнее всего, борисовские курганы возведены в эпоху средневековья и относятся к чжурчжэньской культуре периода империи Цзинь (1115—1234).

Фроловские курганы (Партизанский район) (рис. 1). Впервые зафиксированы в 1888 г. Ф.Ф. Буссе и Л.А. Крапоткиным в работе «Остатки древностей в Амурском крае» [Буссе, 1908]. Курганы обнаружены в 9—11 км от с. Фроловка, у дороги на с. Сергеевка, в бассейне р. Партизанская (старое название Сучан). Краткая информация о них сохранилась и в отчёте-дневнике за 1928 г. Н.Г. Харламова [Харламов, 1928]. В 1963 г. курганы осмотрел Э.В. Шавкунов, но план памятника и культурно-временную атрибуцию не установил.

Вывод. В настоящее время курганы разрушены, культурное и временное определения отсутствуют.

Николаевские курганы (Партизанский район) (рис. 1). Обнаружены в среднем течении р. Партизанская (старое название Сучан) в конце XIX в. Преподавательница женской гимназии З.И. Смирнова сообщает следующее: «Верстах в 45 к северу от бухты Находка, в 1,5 верстах от корейской деревни Николаевка, на левом берегу Сучана, подле старой крепости, к северу и юго-востоку есть насыпные из речного камня курганы величиной 10 аршин (7,1 м) в диаметре...». Ею же проведены раскопки, при которых «...она обнаружила на глубине 1,5 аршин обломки глиняной посуды и маленькие угольки; в другом камне, уложенные в известном порядке, под ними стену, сложенную из тёсаных камней. В третьем каменистые плиты, образующие собой нечто вроде склепа; в склепе найдена металлическая пуговица и такие же брусочек, бляха и бусинка. Подробный протокол раскопок хранится в библиотеке ОИАК» [Буссе, 1888, с. 27; Глуздовский, 1907, с. 19].

Вывод. Можно констатировать, что при раскопках сучанских курганов встречено три типа сооружений: 1) с каменной насыпью и подкурганной ямой; 2) склеп из тёсаных камней; 3) склеп из каменных плит. Обнаруженные в них находки представлены металлической пуговицей, бляхой и бусиной, что позволяет отнести курганы к позднему средневековью.

Богуславские курганы (Пограничный район) (рис. 1). Известны с конца XIX в. По сообщению Л.А. Крапоткина, они находились рядом с Богуславским городищем, на левом берегу р. Студёная [Буссе, 1908]. В 60-х годах прошлого века их осматривал Э.В. Шавкунов, но работ не проводил. В 1990 г. поиском этих курганов занимался В.И. Дьяков, обследовавший в данном месте значительный участок поймы и первой надпойменной террасы, но курганов там не обнаружил. Расспросы местных жителей о местонахождении курганов результата тоже не дали. Видимо, к этому времени они уже были окончательно разрушены [Дьяков, № 15231].

Вывод. В настоящее время курганы разрушены, культурное и временное определения отсутствуют.

Кокшаровские курганы (Чугуевский район) (рис. 1, 6—9). Известны с 1888 г. по публикации Ф.Ф. Буссе и Л.А. Крапоткина, обнаруживших их в северо-западной части с. Кокшаровка, на правом берегу р. Уссури [Буссе, 1888, 1908]. В 1953 г. курганы переобследованы и нанесены на план местности А.П. Окладниковым. Исследователь отметил, что «...в северо-восточной части д. Кокшаровка имеется курган, который уже пытались копать местные жители, но будто бы ничего не было найдено». Причём местоположение кургана в разных источниках значителся по-разному. По информации Ф.Ф. Буссе, курган расположен в северо-западной части села, у А.П. Окладникова в тексте отчёта значителся северо-восточная часть, в то время как на плане курган отмечен всё-таки в северо-западной части д. Кокшаровка [Окладников, № 1029.].

В 2008 г. при стационарных исследованиях городища Кокшаровка-1 сотрудники Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН обнаружили в 0,6 км на северо-запад от северных ворот городища Кокшаровка-1 и в 4 км к северо-северо-востоку от восточной окраины одноимённого села курган, расположенный «...на одной из пойменных возвышенностей правого берега р. Уссури, являющейся левобережной террасой заросшей старицы». Памятник обозначен как *Кокшаровка-8* [Клюев и др., 2013, с. 106—119]. Вероятнее всего, именно этот курган зафиксирован в отчёте 1954 г. А.П. Окладниковым. Раскопки показали, что в плане курган имел округлую форму и занимал площадь 360—380 м². В верхней части его размеры составляли 18×15 м, в основании — 20×22 м. Высота насыпи над современной поверхностью равнялась 1,1—1,35 м. Западный и северный края кургана крутые, восточный и южный пологие. В юго-западной части кургана зафиксирована уплощённая вершина площадью 30—35 м². При раскопках выявлено, что курган имеет каменное основание высотой 45—52 см, «...сложенное из трёх (в некото-

Рис. 6. План Кокшаровских археологических памятников
(по А.П. Окладникову)

рых местах из двух) рядов крупных отёсанных гранитных плит, пространство между которыми плотно заполнено смесью мелкого речного галечника и песка (речной аллювий). Плиты перекрывает каменисто-земляная насыпь мощностью 25—60 см (в отдельных случаях до 70 см), состоящая из светло-коричневого пойменного суглинка, крупных речных галек и крупнообломочного гранитного материала. Кровлю кургана составляет дёрн мощностью 5—8 см и поддерновый гумусный слой до 12 см» [Клюев, 2013, с. 109]. «Значительная часть камней, расчищенных на его вершине, залегает в виде упорядоченной кладки вдоль западного и северного краёв и, вероятно, является остатками каменной ограды либо стен какого-то сооружения» [Клюев, 2013, с. 110]. Предполагается, что под курганом была погребальная камера.

При разборке насыпи встречены: железный бубенчик желудевидной формы, фрагменты круговой керамики, в том числе фигурные конусовидные подставки в виде пагоды, аналогичные изделиям из дворцового комплекса

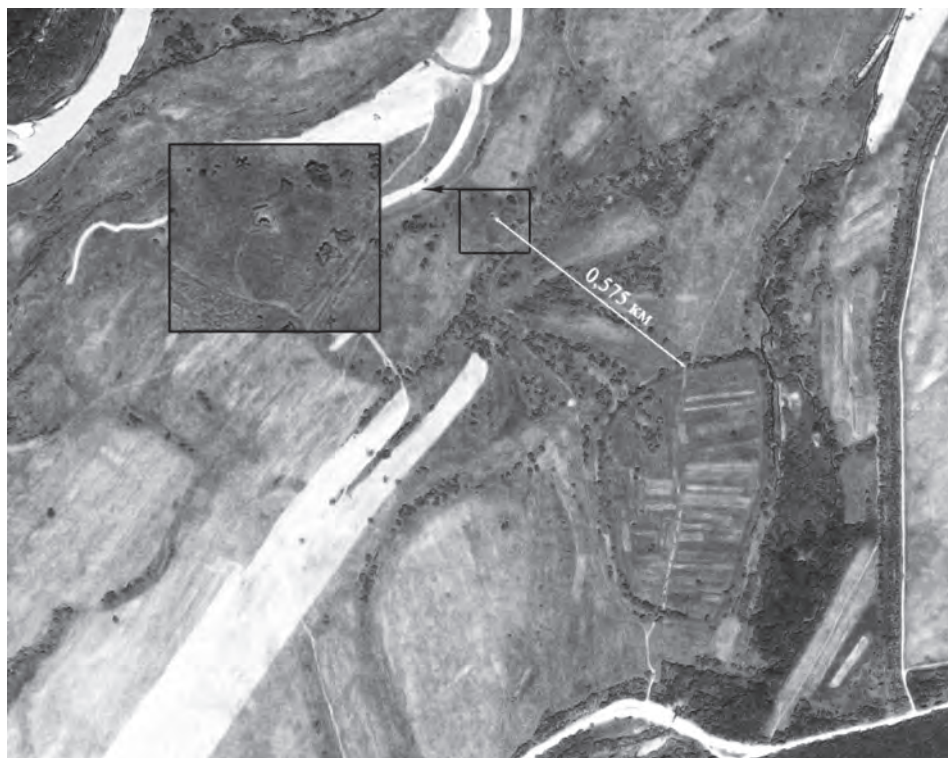

Рис. 7. Местонахождение кургана Кокшаровка-8 (Чугуевский район, Приморский край) (по Н.А. Ключеву)

Рис. 8. Разрез кургана Кокшаровка-8 (по Н.А. Ключеву)

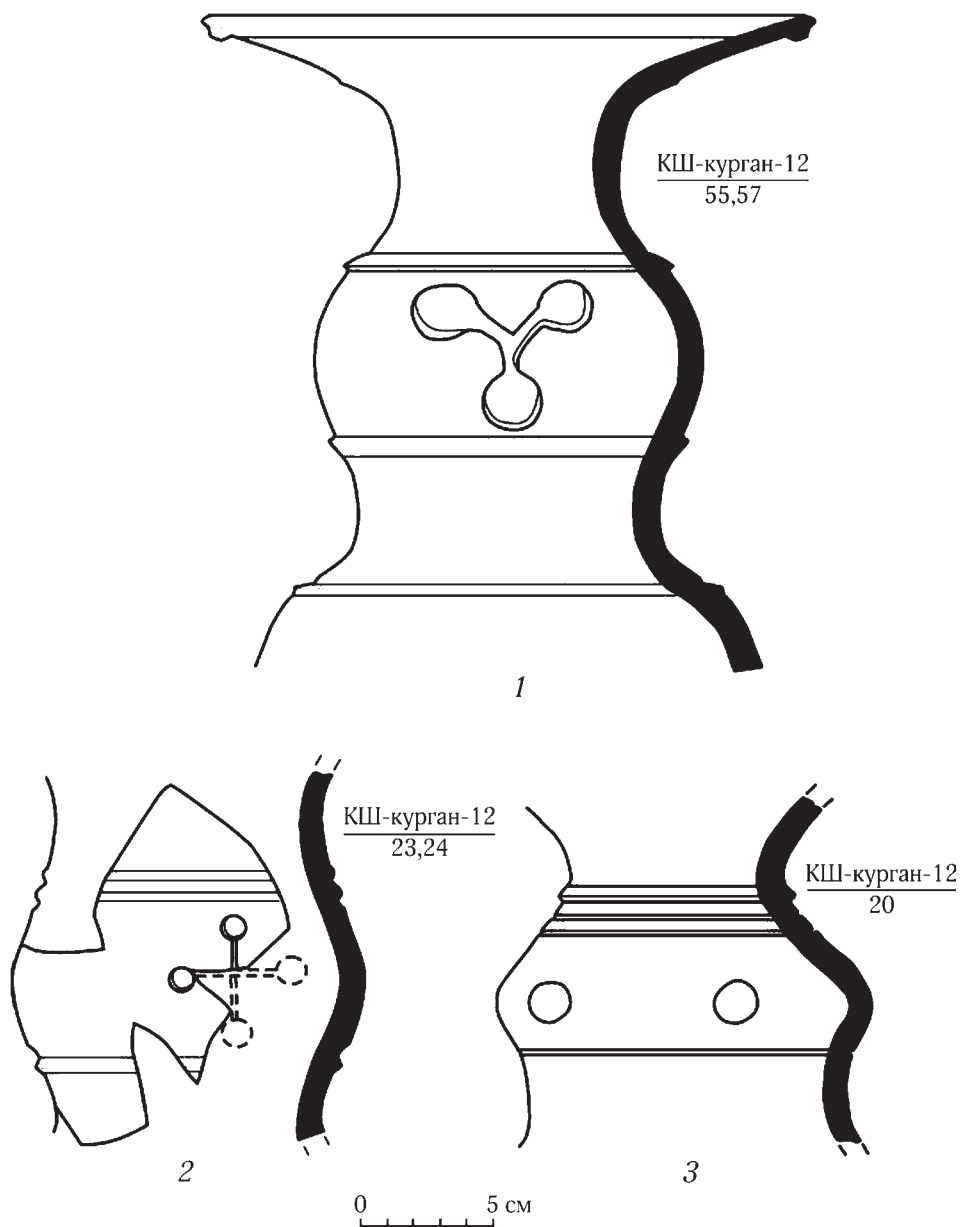

Рис. 9. Керамический сосуд из кургана Кокшаровка-8 (по Н.А. Ключеву)

городища Кокшаровка-1, обломки серо-зелёного глазурованного фарфора, каменная шестигранная бусина размером 2,3×0,6 см, глиняная обмазка с отпечатками дерева и соломы и куски плоской и желобчатой черепицы.

Вывод. Вероятно, курган Кокшаровка-8 (по Н.А. Ключеву) и курган Кокшаровка (по А.П. Окладникову) являются одним и тем же памятником. Курганное захоронение, видимо, связано с Кокшаровским городищем. По характеру материала и типу погребального комплекса курган может датироваться постбохайским временем, т.е. концом X—XI вв., и его сооружение могло быть связано с периодом государства Дундань. По форме курган округлый с уплощённой (срезанной?) вершиной и каменной кладкой, что позволяет полагать, согласно китайской иерархии, что захоронение принадлежало сыну человека знатного рода.

Шмидтовские курганы (Надеждинский район) (рис. 1). В 1888 г. четыре группы курганных сооружений на левом берегу устья р. Шмидтовка в северной части Амурского залива были отмечены Ф.Ф. Буссе. Исследователь писал: «Вдоль морского берега имеются курганы крайне неправильной формы, расположенные четырьмя группами. В средней группе наибольшая высота около 1 сажени, а в первой, считая от устья реки, значительно меньше, группы 3-я и 4-я не посещены, но по-видимому сходны» [Буссе, 1908, с. 39]. Позднее, в 1928 г., эти же курганы упомянуты в отчёте-дневнике Н.Г. Харламовым [Харламов, № 135]. К сожалению, материалы для определения культурной и временной атрибуции отсутствуют.

Вывод. Шмидтовские курганы, видимо, представляли собой погребальное поле с разновременными группами захоронений, культурная и хронологическая привязки которых неизвестны.

Полтавские курганы (Октябрьский район) (рис. 1). Известны с 1888 г. по публикации Ф.Ф. Буссе и Л.А. Крапоткина, где сообщается следующее: «Около ст. Полтавской в 1 до 1,5 верстах, по направлению к пограничному караулу (к западу. — О.Д.) имеются курганы, много кирпичей из серой глины» [Буссе, 1888; Буссе, 1908, с. 18]. Краткая информация о них сохранилась и в полевом дневнике за 1915 г. А.З. Фёдорова [Фёдоров, № 4780]. Время возведения и культурная принадлежность не установлены.

Вывод. Культурная и хронологическая привязки полтавских курганов неизвестны, но наличие серых кирпичей позволяет предполагать, что они сооружены в позднесредневековое время.

Тереховские курганы (Надеждинский район) (рис. 1). Обнаружены князем Л.А. Крапоткиным в 1908 г. Расположение курганов описывается следующим образом: «В направлении на север от... укрепления (Кедровка. — *О.Д.*)... идёт древняя дорога с запада от д. Тереховки, вблизи её она поднимается на возвышенность и идёт далее в направлении к Корейскому укреплению; дорога слабо заметна, но несомненно была шоссирована; и вдоль её имеются курганы, один из них, виденный мною, имеет размер около 30 саженей диаметр. И около 1 сажени высоты, находится близ р. Кедровки на земле хутора Ташина» [*Буссе, Крапоткин, 1908, с. 14*]. Позднее, уже в 60-х годах прошлого века, эти курганы осматривал Э.В. Шавкунов, уточнив, что они находятся в 6 км к юго-западу от с. Тереховка (в сторону пос. Раздольное), на правом берегу р. Раздольная. Объекты обследованию не подвергались и в отчётах исследователя не значатся.

Вывод. Курганы долинного ландшафта, расположены вблизи средневекового или позднесредневекового укрепления, прослежен дорожный подход к ним, культурная и хронологическая привязка неизвестна.

Барабашевские курганы (Пограничный район) (рис. 1). Обнаружены в 1893 г. Ф.Ф. Буссе и В.П. Маргаритовым «...на реке Монгугай в уроч. Барабаша на водоразделе между Малым Монгугаем и ручьём, впадающим в Большой Монгугай у ур. Барабаша». В плане курганы имеют овальную форму, обложены дёрном и нагромождёнными камнями. Один курган раскопан 9—12 июля 1893 г. Буссе и В.П. Маргаритовым. Ничего не найдено [*Буссе, 1908, с. 14*]. За последние 120 лет курганы повторно не обследовались, никаких сведений о них нет.

Вывод. Курганы овальной формы, по составу насыпи каменные с дерновой обкладкой, долинного ландшафта, культурная и хронологическая привязка курганов неизвестна.

Курганы Хунчунки (Пограничный район) (рис. 1). По сообщению И.П. Надарова (конец XIX в.), по правому притоку р. Хунчунка «...на шестой версте имеются слабосохранившиеся курганы». К ним через урочище Барабаш по долине реки идёт древняя дорога, уходящая через перевал в долину р. Тунча (совр. р. Решетинка) [*Буссе, 1908, с. 14*]. Больше о курганах ничего не известно. Повторно не обследовались.

Вывод. Курганы долинного ландшафта, зафиксирован дорожный подход, культурная и хронологическая привязка курганов неизвестна.

Курган Занадворовка (Хасанский район) (рис. 1). В 1886 г. Г.А. Мосин сообщил: «В расстоянии около трёх четвертей версты от д. Занадворовка на р. Амбабира, по дороге к с. Исаева, около русского кладбища есть древняя могила (?) с оградой из камня, имеющего в квадрате около 4 сажень по фасу; ограда из плит вышиной от 2 до 3 четвертей аршина. Самая могила обозначена кучею камней к северной стене ограды» [Буссе, 1908, с. 14]. Повторно курган не обследовался.

Вывод. Культурная и хронологическая привязка курганов из-за отсутствия материалов неизвестна, но наличие квадратной каменной ограды из плит и самой могилы с каменной насыпью не исключают её мохэ-бохайской принадлежности и сооружения в I тыс. н.э.

Остров Фуругельма (Хасанский район) (рис. 1). Погребение обнаружено в 1951 г. местными жителями при проведении земляных работ. В 1955 г. территория обследовалась Дальневосточной археологической экспедицией. По рассказам местных жителей, захоронение находилось на вершине мыса западной части острова. На черепе скелета была часть шлема с остатками волос и бронзовым щитком, предохранявшим переносицу от ударов. На запястьях каждой руки было по 5 бронзовых браслетов, на каждом пальце — по 8 бронзовых колец. Насыпи на этом месте уже не наблюдалось, но по соседству имеется несколько правильных кругов, образуемых зарослями кустарников. По информации А.П. Окладникова, «...среди подъёмного материала на котловине в Северной бухте оказался фрагмент типично средневекового сосуда из серой глины, изготовленного на гончарном круге, а также половинка китайской медной монеты XI—XII веков н.э.» [Окладников, № 1189].

Вывод. Погребение на о-ве Фуругельма мысового ландшафта, вероятнее всего, сооружено в эпоху средневековья в постбохайское или чжурчжэньское время. Погребальный инвентарь позволяет предполагать, что здесь был захоронен воин.

Мономаховские курганы (Дальнегорский район) (рис. 1). Обнаружены в 1955 г. Э.В. Шавкуновым. Расположены в 1 км к северу от пос. Момахово. Представлены группой небольших холмиков из камня и земли длиной около 3—4 м и шириной около 1,5—2 м. Местными жителями расплано одно захоронение. Материал передан в Приморский краеведческий музей. После осмотра материала Э.В. Шавкуновым сделано заключение, что «...это не что иное, как нанайское кладбище XVII—XVIII вв.» [Шавкунов Э.В., № 1316, с. 18]. Ландшафтная приуроченность погребального па-

мятника не установлена, описание предметов, сопровождавших погребённого, отсутствует. Коллекцию материала в музее обнаружить не удалось.

Вывод. Мономаховские курганы по типу каменно-земляные, относятся к этнографическому времени, вероятнее всего, к XVII—XVIII вв., не исключено, что нанайские, хотя в этих местах в указанное время обитали и удэгейцы.

Сергеевские курганы (ключ Кандаги, Партизанский район) (рис. 1, 10). В 1958 г. в 19—20 км севернее с. Сергеевка на левой 5—8-метровой террасе ключа Кандаги (притока р. Муравейка) геологами обнаружены курганные захоронения, расположенные на южном склоне безымянной сопки (рядом с сопкой Точильная). В том же году курган частично раскопал Ю.М. Дегтярёв, сотрудник краевого краеведческого музея им. В.К. Арсеньева, и вывез два железных предмета и человеческие кости. Весной 1959 г. обследование курганов продолжил Ю.А. Сем [Сем, 1973, с. 126—131]. Он отметил, что курганы имеют форму эллипсов. Каждый курган одним концом на 10—12 см возвышался над дневной поверхностью, другой его конец терялся на склоне сопки. На каждом холмике росли по два дерева. Раскопанное захоронение залегало в слое глины. Само захоронение располагалось не строго по горизонтали, а чуть наклонно. Головная часть гроба залегала на глубине 80 см, противоположная — 60 см. Погребённый ориентирован головой на юго-восток — восток. Гроб имел трапециевидную форму и был изготовлен из корейского кедра или лиственницы. Длина гроба 185 см, ширина в верхней части — 30 см,

Рис. 10. Сергеевский курган (Партизанский район, Приморский край), фото деревянной куклы

в нижней — 36 см. Выполнен из досок толщиной 3—4 см. Стенки гроба скреплялись с помощью двух шипов по бокам и одного шипа сверху и снизу. Сам гроб тщательно обложен пятью слоями берёсты, а под его дном имелась ещё дополнительная трёхслойная берестяная подстилка, что и сохранило его от разрушения влагой. Защитным панцирем для гроба являлась и глина. Внутри гроба находилось деревянное изображение человека с хорошо профилированной головой, но без рук и ног, обёрнутое в берёсту. Деревянная кукла была выполнена из досок толщиной 5 см, длиной 155 см. Размер головы составлял 20×22,5 см, т.е. голова была слегка вытянута. На лбу прикреплены три косы из волос человека, из которых две связаны вместе, а третья узлом прикреплена к ним. Длина кос — 78 см. Внутри гроба находились четыре железных обломка от сошника. Погребение (деревянная кукла) датировано радиоуглеродным методом — ЛОИА-780+65, что соответствует периоду чжурчжэньской империи Цзинь (1115—1234). Ю.А. Сем отметил, что дальневосточные тунгусо-маньчжурь ориентируют умерших головой с востока на запад, поскольку «мир мёртвых» — буни — находится на западе, там, где заходит солнце, и умерший, по поверью, встав, должен пойти по дороге в этот мир [Сем, 1973, с. 127]. Согласно Л.Я. Штернбергу, у нанайцев мугды — «деревянная фигура, изображающая покойника на последних поминках», выполнялась из грубо обтёсанной осины, и с нею совершался цикл ритуалов [Штернберг, 1933, с. 519].

Вывод. Сергеевские курганы склоново-сопочного ландшафта, овальной формы, с деревянным гробом, юго-восточной ориентацией головы погребённого, относятся к чжурчжэньской культуре и датируются по C^{14} временем империи Цзинь (ЛОИА-780+65). Курганы имеют очевидную научную значимость, но, к сожалению, продолжения раскопок не последовало. Полученный материал свидетельствует, что в чжурчжэньское время у рядового населения Приморья уже сформировались погребальные традиции, нашедшие своё продолжение в обрядах дальневосточных тунгусо-маньчжуров. Это является подтверждением продолжения существования на данной территории тунгусо-маньчжурского населения и после падения империи Цзинь.

Кроуновский курганный анклав (Уссурийский район) (рис. 1). В литературе известен как курганы сопки Абрикосовая и Копыто, опубликованы Э.В. Шавкуновым как единый комплекс со сплошной нумерацией курганов (№ 1—5) [Шавкунов Э.В., 1968, с. 128]. Проведённый нами анализ полевых отчётов Э.В. Шавкунова показал, что курганы были раскопаны на разных памятниках — на сопках Копыто, Абрикосовая, Мечта, Амфитеатр. Поэтому, чтобы не обременять читателей новыми названиями,

целесообразно объединить их в кроуновский курганный анклав и предложить в соответствующем разделе данной книги подробную характеристику по конкретным памятникам.

Впервые курганные памятники долины р. Кроуновка (прежнее название Чапигоу. — *О.Д.*) обнаружены в 1956 г. Дальневосточной археологической экспедицией, руководимой А.П. Окладниковым. Детальному обследованию подверглись в 1958—1961 гг. Э.В. Шавкуновым [*Шавкунов Э.В.*, № 1877; *Шавкунов Э.В.*, 1968, с. 128].

Копытинские курганы (рис. 1). Детальному обследованию подверглись в 1958 г. Э.В. Шавкуновым. Курганы расположены в 3—4 км к югу от с. Кроуновка, на правом берегу р. Кроуновка, рядом с храмом на сопке Копыто (*Шавкунов Э.В.*, № 1719). Раскопано одно захоронение у восточного подножия сопки Копыто, представлявшего собой курганный насыпь диаметром 12 м, высотой 1,4 м. Захоронение разграблено. В насыпи найдены обломки лепной посуды, железный наконечник стрелы, пряжка, обломок втульчатого тесла или кельта, выпрямитель стрел из крупнозернистого песчаника и много костяной крошки. Курган отнесён исследователем к памятникам государства Бохай (698—926) [*Шавкунов Э.В.*, 1968].

Абрикосовские курганы (рис. 1). Обнаружены в 1959 г. Э.В. Шавкуновым. Расположены на гребне западного склона сопки Абрикосовая в долине р. Кроуновка (*Шавкунов Э.В.*, № 1877). Согласно полемому отчёту исследователя, курганы являлись частью единого поселенческого комплекса бохайской культуры, куда кроме погребальных памятников входили поселения и храмовые сооружения. Вскрыто четыре кургана. Насыпи выполнены из базальтового плитняка со следами подтёски. Захоронения совершены без могильных ям, на горизонте, по обряду кремации. Находки обнаружены в двух курганах. В одном — несколько фрагментов лепной керамики, 16 каменных цилиндрических и сечковидных бусин и костяная крошка, в другом — железный нож и костяная крошка. Курганы отнесены к памятникам государства Бохай (698—926). Впервые исследователем отмечено наличие каменной оградки.

Вывод. Курганные памятники кроуновского анклава относятся к памятникам государства Бохай (698—926).

Курганы Де-Фриза (Надеждинский район) (рис. 1). По сообщению Э.В. Шавкунова, в средней части п-ова Де-Фриз, у современного кладбища, есть курганы. Обследованию не подвергались.

Вывод. Курганы Де-Фриза культурной и временной диагностике из-за отсутствия материалов не поддаются.

Лазовские курганы (Лазовский район) (рис. 1). Расположены в 1 км к северо-западу от небольшого средневекового укрепления Батюки на южном склоне невысокой горной гряды. Само городище находится в 3 км к северо-востоку от пос. Лазо, на высокой пойме правого берега р. Судзухе (совр. р. Киевка). Согласно отчёту Ж.В. Андреевой, курган раскопан в 1959 г. Г.И. Андреевым, найдены вещи конца II — начала I тыс. до н.э. Весной 1966 г. Ж.В. Андреевой удалось обнаружить ещё две небольшие оплывшие каменные насыпи. Одна из них находилась в 20 м вниз по склону от раскопанного в 1959 г. кургана, другая — у самого подножия склона сопки. Около верхнего кургана зафиксированы каменные россыпи, похожие на каменные выкладки. Расчистка нескольких таких «выкладок» показала их естественное скопление. Раскопан верхний курган. Площадь раскопа составляла 64 м² (8×8 м). Каменная насыпь возвышалась над дневной поверхностью на 40—50 см. «Самая тщательная расчистка камней не позволила обнаружить какой-либо закономерности или системы в их расположении. После разборки насыпи и гумусного слоя вышли на коричневый суглинок. Находки, следы ям отсутствовали... В северо-восточной части полы курганчика, в гумусном слое, между камнями было найдено около 30 обломков лепного глиняного светильника на высоком цилиндрическом поддоне. Нижняя часть поддона украшена двумя поясками тонких горизонтально-прочерченных линий (по три линии на каждом пояске)... Никаких других находок не было. В насыпи встречались довольно крупные камни. Под камнями не было выровненной горизонтальной площадки» [Андреева, № 3102].

Таким образом, вблизи пос. Лазо Г.И. и Ж.В. Андреевыми раскопано два кургана. Материалы хорошо, подробно документированы. Позднее, уже в 1966 г., Ж.В. Андреева пришла к выводу, что находки лазовского кургана из раскопок 1959 г. перекликаются с находками из кургана в бухте Валентин, где обнаружен такой же нож и схожая керамика. А светильник из раскопок 1965 г. аналогичен светильникам из поселения Синие Скалы [Андреева, № 3102]. Следовательно, Г.И. и Ж.В. Андреевыми впервые выявлены курганы эпохи палеометалла и датированы концом II тыс. до н.э., а также установлено, что лазовские курганы не имеют отношения к средневековой крепости Батюки. По информации Ж.В. Андреевой, вблизи пос. Лазо школьниками был раскопан ещё и третий курган. Но он не документирован, и его материалы неизвестны.

Вывод. Лазовские курганы — склоновые по ландшафту, каменные по составу насыпи, подпрямоугольные по форме, датированы эпохой раннего металла.

Валентиновские курганы (Лазовский район) (рис. 1, 11, 12). В 1959—1960 гг. обследованы Г.И. Андреевым. Согласно подробному и хорошо написанному полевому отчёту Г.И. Андреева, им по информации местного жителя С.И. Старикова были обследованы четыре курганных месторасположения. Одно находилось между древними поселениями и кладбищем у дер. Валентиновка; второе — в самой Валентиновке; третье — в 300 м от древнего поселения № 2, возле колхозных полей; четвёртое — за посёлком по верху и боковым сторонам сопки [Андреев, № 1923, № 2074]. Более подробному обследованию подверглись третье и четвёртое курганные месторасположения. О третьем курганном местонахождении Г.И. Андреев пишет следующее: «Метрах в 300 к северо-востоку от поселения № 2, в месте выхода распадка в долину, где расположены поля колхоза, одиноко стоит как бы курган из камней, задернованный сверху и поросший кустарником и молодыми деревьями. В некоторых местах берут камень для строительных нужд. Осмотр этих мест позволяет сделать предположение, что здесь камни не являются естественными выходами, а представляют собой наброску внушительных размеров (высота метров 5—6, диаметр метров 40—50)» [Андреев, № 1923]. Четвёртое курганное месторасположение Г.И. Андреев описывает следующим образом: «По верху и бокам уплощённой сопки разбросано очень много небольших «курганчиков», ориентированных в основном с севера на юг (по длинной оси). «Курганчики» вытянуто-овальной формы, причём с одной из сторон идёт канавка, сильно оплывшая. Высота «курганчиков» около 0,5 м, ширина без канавки около 2 м. Один из таких «курганчиков» раскопан нами... Никакой могильной ямы, однако, обнаружить не удалось. Основная засыпка «курганчика» представляла собой жёлтую глину со щебёнкой, сверху окрашенную гумусом. Дёрн был около 10 см толщиной. Интересно то, что канавка, заполненная тёмной гумусированной землёй с глиной, перекрыта слоем жёлтой глины со щебёнкой. Видимо, это результат оползания насыпи «курганчика». С восточной стороны «курганчика» прослежено тёмное пятно, но в нем ничего не обнаружено. Никаких находок не найдено, поэтому назначение курганчиков осталось пока не ясным». Как видим, к какой-либо однозначной интерпретации курганных местонахождений, их временной и культурной атрибуции исследователю прийти не удалось. Для этого просто не оказалось необходимого материала. Однако Г.И. Андреевым положено начало для их научного описания, по которому можно заключить, что встречались курганы одиночные и групповые, что они были каменные, разных размеров и окружались ровиками. Несколькими годами позже, в 1966 г., Ж.В. Андреева вскрыла один курган из третьего местонахождения, располагавшийся в 1 км к северо-востоку от поселения, на первой надпойменной террасе правого берега небольшой горной

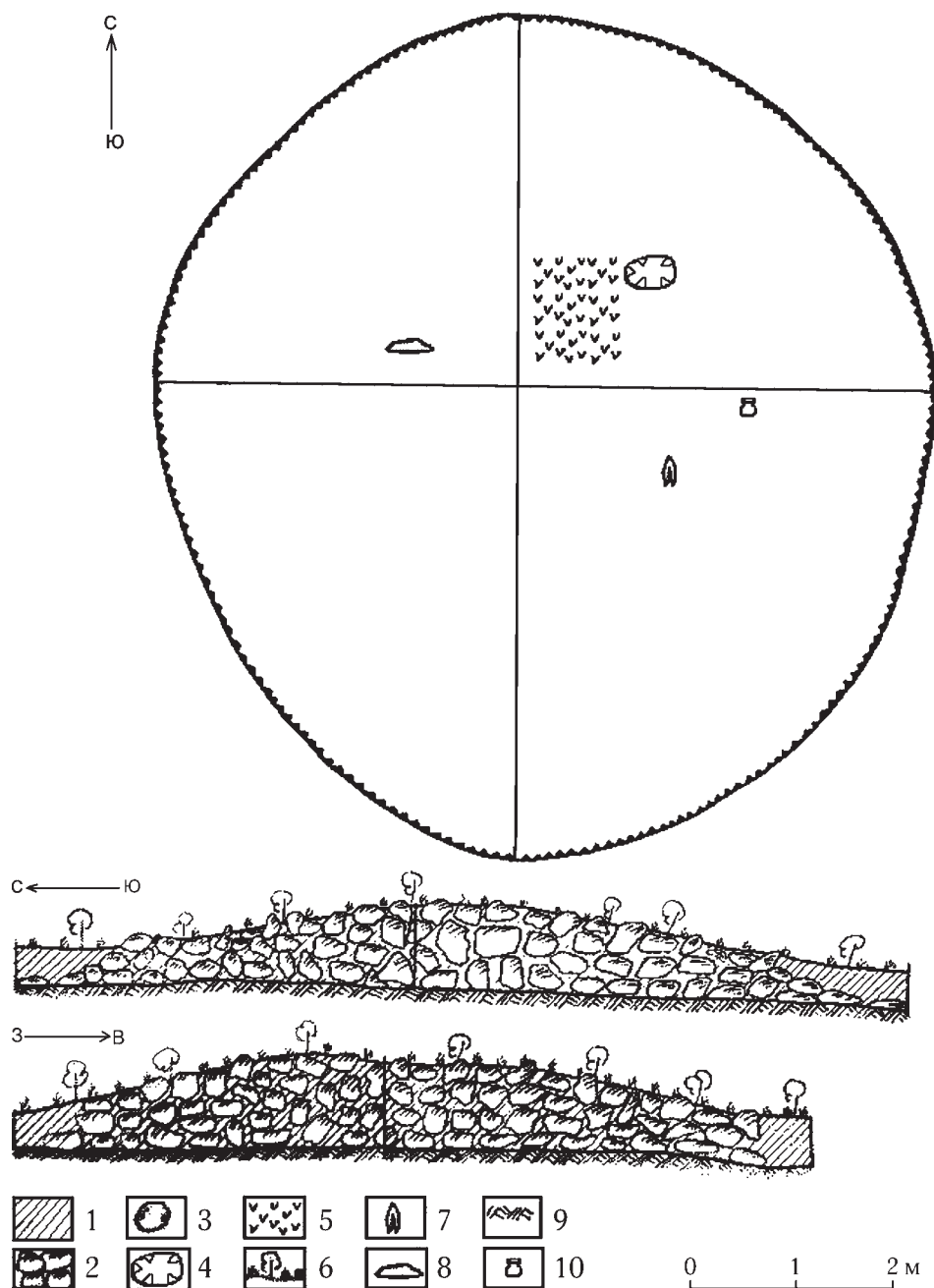

Рис. 11. Валентиновские курганы: план и разрез. Условные обозначения: 1 — гумус, 2 — камни, 3 — халцедоновая подвеска, 4 — углубления, 5 — угольное скопление, 6 — растительность, 7 — наконечник копья, 8 — нож, 9 — материк, 10 — сосуд (по Ж.В. Андреевой)

речушки. Раскопки были выполнены очень профессионально, результаты опубликованы [Андреева, 1974, с. 120—125]. Как пишет исследовательница, «...высота насыпей едва приближалась к одному метру, диаметр достигал 10 м. Форма насыпей полусферическая. Во взаимном их расположении не наблюдалось какой-либо закономерности (рядов, групп). Насыпи, как и всё вокруг, поросли кустарником, небольшими деревцами, а в некоторых случаях и крупными деревьями» [Андреева, № 3102]. Вершина вскрытого кургана поднималась на 60—70 см от дневной поверхности, его диаметр достигал 8—9 м, сама насыпь состояла из бес-

системно залежавших больших и мелких обломков скалы, валунов, гальки. В нижней части насыпи увеличилось количество крупных камней. Выяснилось также, что перед насыпкой кургана не делалось специально выровненной площадки. Находки встречены в насыпи в виде обломков плоскодонных горшков с плавно или резко отогнутым краем венчика и иногда украшенными наlepным горизонтальным валиком стенками сосудов. Кроме керамики обнаружено три небольших грузила из плоских галек с выбитыми выемками на длинных сторонах, базальтовая шаровидная галька — тёрочник. В центральной части кургана в вытянутом с севера на юг скоплении древесного угля (1×0,7 м) залежала халцедоновая овальная подвеска размером 7×7,5 см и толщиной 0,7—0,8 см с двусторонне просверленным отверстием. В 1 м к западу от углистого пятна был найден шлифованный нож-«сапожок» из серого сланца длиной 12 см, шириной 4 см, толщиной 0,6—0,7 см. В 1 м к юго-востоку от углистого пятна обнаружен шлифованный наконечник стрелы из серого сланца ромбической формы, с выемкой в основании, асимметричными жальцами и центральным желобком. Длина изделия 2 см, ширина 1 см, толщина 0,2 см. К северо-востоку от наконечника залегал раздавленный глиняный тонкостенный горшочек высотой 13 см, диаметром венчика 12 см, диаметром дна 4 см, аналогичный сосуду из жилища поселения Валентин. Следовательно, заключает Ж.В. Андреева, «...невысокие каменные насыпи... сооружены руками человека... Все находки из кургана типичны для поселений валентиновской группы памятников. Следовательно, курган одновременен валентиновскому поселению и был насыпан в период

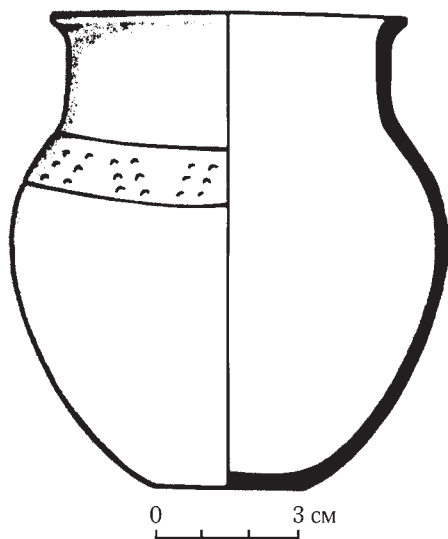

Рис. 12. Валентиновский курган. Сосуд (по Ж.В. Андреевой)

существования этого поселения... Несомненно, это ритуальные сооружения. Возраст кургана синхронизируется со временем функционирования южно-приморской (с 1972 г. янковской. — *О.Д.*) культуры и датируется концом II — началом I тыс. до н.э.» [*Андреева*, 1974, с. 125]. Таким образом, в настоящее время в валентиновской группе курганов оказались два профессионально изученных объекта. Исследования показали, что «каменные наброски» являются искусственными сооружениями, часто сопровождаются ровиками и включены в валентиновскую группу памятников.

Вывод. Валентиновские курганы относятся к склоновому ландшафту, по составу каменные, по форме овальные, возведены в эпоху раннего металла, отнесены к янковской культуре и датированы I тыс. до н.э. Насыпи содержат артефакты указанного времени. Следы захоронений отсутствуют.

Покровские курганы (Красноармейский район) (рис. 1). Обнаружены в 1974 г. археологическим отрядом Института истории ДВНЦ АН СССР [*Галактионов*, № 11516]. Каменные курганы расположены недалеко от пос. Покровка, в устье р. Маревка, на сопке правого берега. Обследование не проводилось.

Вывод. Покровские курганы по ландшафту склоново-сопочные, по составу каменные, временного и культурного определения не имеют.

Шайгинские курганы (Партизанский район) (рис. 1). Обнаружены в 1964 г. Э.В. Шавкуновым. Расположены с северной и западной сторон от укрепления Шайга-Редут. Прослежен «...ряд небольших курганообразных насыпей, густо поросших кустарником. Насыпи, диаметр которых колеблется от 4 до 9 м при высоте от 0,5—1 м, сложены из галечника и земли. Вершины наиболее крупных насыпей венчает... большой булыжник. Ряд насыпей имеет на своей вершине следы грабительских ям». Исследователь выявил несколько десятков курганных насыпей. На план занёс только насыпи, расположенные вблизи укрепления Шайга-Редут. По мнению Э.В. Шавкунова, все насыпи являются остатками захоронений, а расположенное вблизи них укрепление — остатками какого-то культового сооружения типа буддийской пагоды. На кладбище, по предположению исследователя, покоились жители Шайгинского городища. Им же отмечено, что на вспаханной территории укрепления Шайга-Редут не обнаружена черепица или иные архитектурные детали буддийского храма, но «...в изобилии встречаются фрагменты станковой керамики X—XI вв. с мелким сетчатым штампом по всей поверхности сосуда... Наличие большого количества керамики X—XI вв. на территории чжурчжэньского

кладбища должно свидетельствовать, очевидно, о том, что раньше здесь находилось небольшое поселение, жители которого впоследствии переселились на новое место жительства, скорее всего под защиту крепостных стен Шайгинского городища» [Шавкунов Э.В., № 2678]. Стационарные раскопки, проведённые в 2011—2013 гг. В.Э. Шавкуновым (сыном Э.В. Шавкунова) на укреплении Шайга-Редут, однозначно выявили слой смольнинской культуры, датируемый X—XII вв. Обнаружение на территории курганных насыпей керамики смольнинского типа позволяет считать, что они, как и Шайга-Редут, относятся к смольнинской культуре X—XII вв.

Вывод. Шайгинские курганы по ландшафту долинные, по составу каменные, относящиеся, вероятнее всего, к смольнинской культуре, датируемой VIII—XI вв.

Фурмановские курганы (Ольгинский район) (рис. 1). Обнаружены в 1975 г. археологическим отрядом Института истории ДВНЦ АН СССР [Хорев, № 5738]. Курганы расположены в пос. Фурманово, на склоне сопки, обращённом в долину р. Аввакумовка. Культурно-историческая атрибуция не установлена.

Вывод. Фурмановские курганы по ландшафту склоново-сопочные, временного и культурного определения не имеют.

Отраденские курганы (Михайловский район) (рис. 1). Обнаружены в 1975 г. отрядом Института истории ДВНЦ АН СССР [Галактионов, № 11516]. Расположены в 0,7 км к югу от Отраденского городища, в долине р. Отрадная (левый приток р. Илистая), на восточном склоне горной гряды. Курганы каменные. Обследованию не подвергались, планы не сняты. Культурно-историческая атрибуция не проведена.

Вывод. Отраденские курганы по ландшафту склоново-сопочные, по составу каменные, культурного и временного определения не имеют.

Курган Песчаное-1 (Михайловский район) (рис. 1). Обнаружен в 1984 г. Ю.В. Кривулей. Расположен в 2 км юго-восточнее с. Песчаное, на правом берегу р. Раковка, на второй надпойменной террасе. Культурно-историческая атрибуция не установлена, планы отсутствуют.

Вывод. Курган Песчаное-1 по ландшафту склоново-сопочный, из-за отсутствия необходимой информации не поддаётся временному и культурному определению.

Курганы Попова (Шкотовский район) (рис. 1). Обнаружены А.Т. Крон на северном побережье бухты Попова. В 1983 г. осмотрены археологическим отрядом Института истории ДВНЦ АН СССР [Галактионов, № 11516]. Курганная группа, состоящая из 30 объектов, расположена на южном склоне прибрежного мыса. Курганы каменные. Планы и размеры объектов не снимались. Культурно-историческая атрибуция не установлена.

Вывод. Курганы Попова по ландшафту склоново-сопочные, по составу каменные, из-за отсутствия необходимой информации не поддаются временному и культурному определению.

Михайловские курганы (Ольгинский район) (рис. 1). Впервые обследованы в 1986 г. археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН [Хорев, № 11291]. Курганы расположены в 3 км к северо-западу от с. Михайловка. Насчитывается 15 объектов. Курганы сооружены из камня, их высота 0,5—1 м, диаметр основания 5—8 м. В верхней части каждого кургана отмечено углубление. При прокладке дороги часть курганов уничтожена. Раскопки не производились. Собранный подъёмный материал позволил отнести курганы к эпохе средневековья. В 2011 г. курганы вторично обследованы Амуро-Приморской археологической экспедицией, снят план [Дьякова, № 690]. Курганы овальной формы, размерами 5×8 м. Высота не превышает 0,7 м. Установлено, что курганы находятся через реку от Михайловского городища, возведённого носителями смольнинской культуры, датируемой X—XI вв. Собранная круговая керамика с мелкими вафельными оттисками позволяет предполагать, что курганы принадлежат этой же культуре.

Вывод. Михайловские курганы по ландшафту долинные, по составу каменные, по форме овальные, вероятнее всего, относятся к смольнинской культуре и датируются VIII—XI вв.

Козаковские курганы (Лазовский район) (рис. 1). В 1986 г. Археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН обследовано 10 курганов в долине ручья Козакова, левого притока р. Киевка, в 7—8 км к юго-востоку от с. Лазо [Хорев, № 11291]. Курганы расположены в 1 км вверх по течению от устья ручья, по правому борту, у подножия северо-восточного склона распадка. Курганы каменные, круглые, диаметр основания — 8—10 м, в центре курганов отмечается углубление. Собранный материал — лепная керамика с пальцевыми вдавлениями — позволила отнести курганы к развитому железному веку или к начальному этапу раннего средневековья. Иллюстрации

керамики, помещённые в отчёте В.А. Хорева, позволяют нам уточнить культурную принадлежность памятника и отнести его к польцевской культуре, датируемой в Приморье концом I — началом II тыс. н.э.

Вывод. Козаковские курганы по ландшафту долинные, по составу каменные, по форме круглые. Анализ отчётного материала позволяет отнести их к польцевской культуре и датировать концом I тыс. до н.э.

Курганный комплекс некрополя Монастырка-III (Дальнегорский район) (рис. 1). Открыт и стационарно исследован Сихотэ-Алинской археологической экспедицией ДВГУ в 1986 г. [Дьяков, № 13435]. Памятник расположен на 14—18-метровом мысу в 1,8 км к юго-западу от пос. Рудная Пристань. В 1989—1996 гг. исследовался Амуро-Приморской археологической экспедицией [Дьякова, № 17039, 18183, 20065, 19113, 18592, 18183, 17039]. На раскопанной площади 2351 м² обнаружено 88 грунтовых погребений (75 ямных захоронений, 3 погребения на горизонте, 10 подхоронений в насыпь) и 4 больших каменно-земляных кургана. Грунтовые могилы сгруппированы в ряды и тоже сопровождалась овальными каменно-земляными насыпями, не превышавшими размеры 2,5×1,5 м. Могильные ямы составляли ряды, тянувшиеся с северо-востока на юго-запад. Могилы ориентированы запад — восток. Зафиксированы могилы трёх форм: прямоугольные, трапециевидные, круглые. Умерших хоронили несколькими способами: кремация, ингумация, кенотаф. Прослежены кремации трёх типов: в могильной яме, на стороне с последующим захоронением в могильной яме, на месте с последующим возведением курганный насыпи.

Курганы локализованы в северо-западной и юго-восточной частях могильника. Насыпи состояли из крупных камней, принесённых с соседней сопки, и сопровождалась почвенной засыпкой. Высота насыпей не превышала 0,6—0,7 м. Основными находками служили лепные сосуды мохэского типа; доработанные на круге бохайские горшки когурёского происхождения; круговая сероглиняная посуда танского происхождения с прочерченным и штампованным узором, а также железные наконечники стрел, бронзовые пояса тюркского и амурского типов, железные ножи с выделенной рукоятью и бронзовые бубенчики-дракончики. Принципиально новой находкой являлся позолоченный шаровидный бубенчик с растительным криволинейным орнаментом и надписью из четырёх иероглифов «Начальник крепости Шуйдаочэн (Шуйшоучэн)». Памятник отнесён к найфельдской группе мохэской культуры. В материалах и погребальном обряде прослежено сильное влияние тюркских традиций. Некрополь датируется VI—IX вв. [Дьякова, 1998, с. 18; Дьякова, 2014].

Вывод. Курганы некрополя Монастырка-III по ландшафту склоново-сопочные, по составу каменные, по форме подпрямоугольные, относятся к мохэ-бохайскому времени. Специальный анализ курганов предложен в разделе 3.1 монографии.

Варфоломеевские курганы (Яковлевский район) (рис. 1). Открыты в 1987 г. В.Э. Шавкуновым. Находятся в 3 км к юго-востоку от с. Варфоломеевка на правом берегу р. Хонихеза, на крутом западном склоне горы Скалистая [*Шавкунов*, № 228]. Насчитано 50 каменных скальных насыпей. В плане курганы прямоугольной формы, высотой до 1 м, диаметром 2×4,5 м; 7,1×3,4 м; 1,8×1,6 м. Каменные выкладки рассредоточены по большой площади. В нижней части склона каменные насыпи располагались в нескольких метрах друг от друга, в верхней части отмечено их уплотнение, иногда они находятся почти вплотную. Раскопан один центральный курган, обнаружено, что скальник насыпан на гумусную поверхность, под которой прослежен материковый песок со скальными выходами. Могильные углубления, погребения и вещевой материал не выявлены. Культурная и временная атрибуция не установлены.

Вывод. Варфоломеевские курганы по ландшафту склоново-сопочные, по содержанию каменные, по форме прямоугольные, из-за отсутствия материалов временной и культурной диагностики не поддаются.

Курганы Дворянка-1 (Ханкайский район) (рис. 1, 13—15). Обнаружены в 1997 г. Н.А. Ключевым в 1,7 км к северу от с. Дворянка. В 2004—2006 гг. им же стационарно исследованы (262 м²). Объекты находились на вершине и северном склоне длинной скалистой сопки, протянувшейся вдоль правого берега р. Комиссаровка. Погребальные объекты включали: каменный курган, захоронение в каменном ящике, каменную вымостку с грунтовой могилой. Курган имел каменную насыпь диаметром около 10 м, располагался на месте неолитического жилища, в плане имел форму кольца с концентрической структурой и земляную подушку. Каменная насыпь состояла из известняка и базальта, уложенных тремя уровнями (нижний уровень, мощностью в 30 см, включал самые крупные камни, средний и верхний — более мелкие). Земляная подушка, подстилавшая каменную насыпь, состояла из плотного коричнево-серого суглинка мощностью до 38 см, содержавшего разновременные и разнотипные артефакты из располагавшихся здесь более древних стоянок и поселений. Северо-западная и юго-восточная части кургана частично повреждены.

Погребение в каменном ящике выявлено с южной стороны кургана. Оно располагалось под каменной кладкой и представляло собой впускную

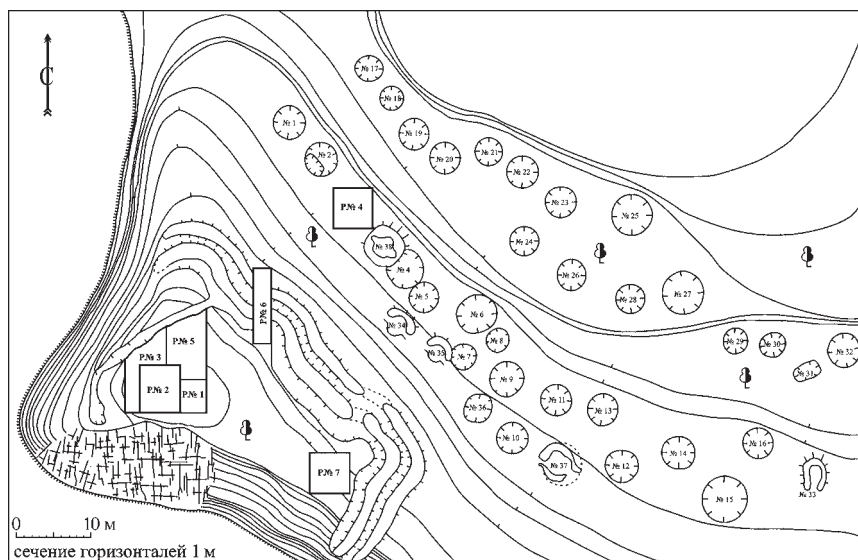

Рис. 13. Расположение погребального комплекса Дворянка-1.
План местности (по Н.А. Ключеву)

яму, заполненную гумусированным коричнево-чёрным суглинком и камнями. Около каменного ящика находилась каменная вымостка. «...Над ящиком и вымосткой была засыпка из камней. Ящик сложен из плоских камней неправильной формы: крупные экземпляры перемежались с мелкими. Крупные камни были установлены вертикально, а более мелкие и плоские укладывались в несколько рядов. Ящик имел прямоугольную форму. Его размеры составляли 210 на 70 см, а высота достигала 30 см. Длинными сторонами он был ориентирован по линии северо-запад — юго-восток (азимут 320°). Сверху могильное сооружение было заложено некрупными камнями, залегающими в три уровня. Часто камни лежали внахлест друг с другом подобно черепичной крыше. Заполнение ящика под камнями было представлено лёгким тёмно-серым гумусированным суглинком. Кости человека проявились после второго уровня каменной засыпки в ящике. Они располагались хаотично по всей могиле. Кости имели желтоватый оттенок и были хрупкими. В погребении обнаружены только отдельные части скелета, и, судя по находкам, они принадлежали минимум трём человекам. Всего расчищено более 130 костей: 10 зубов, 8 позвонков, 6 коленных чашечек, 5 костей голеней, 3 коленных сустава. Преобладали кости конечностей. Практически отсутствовали рёбра. Также не было найдено костей черепов. Дно ящика было выложено мелкими плоскими камнями... Нижняя часть каменного ящика располагалась на полу неолитического жилища, не прорезая его... Погребальный инвентарь,

Рис. 14. Погребальный комплекс
Дворянка-1: план и разрез
(по Н.А. Клюеву)

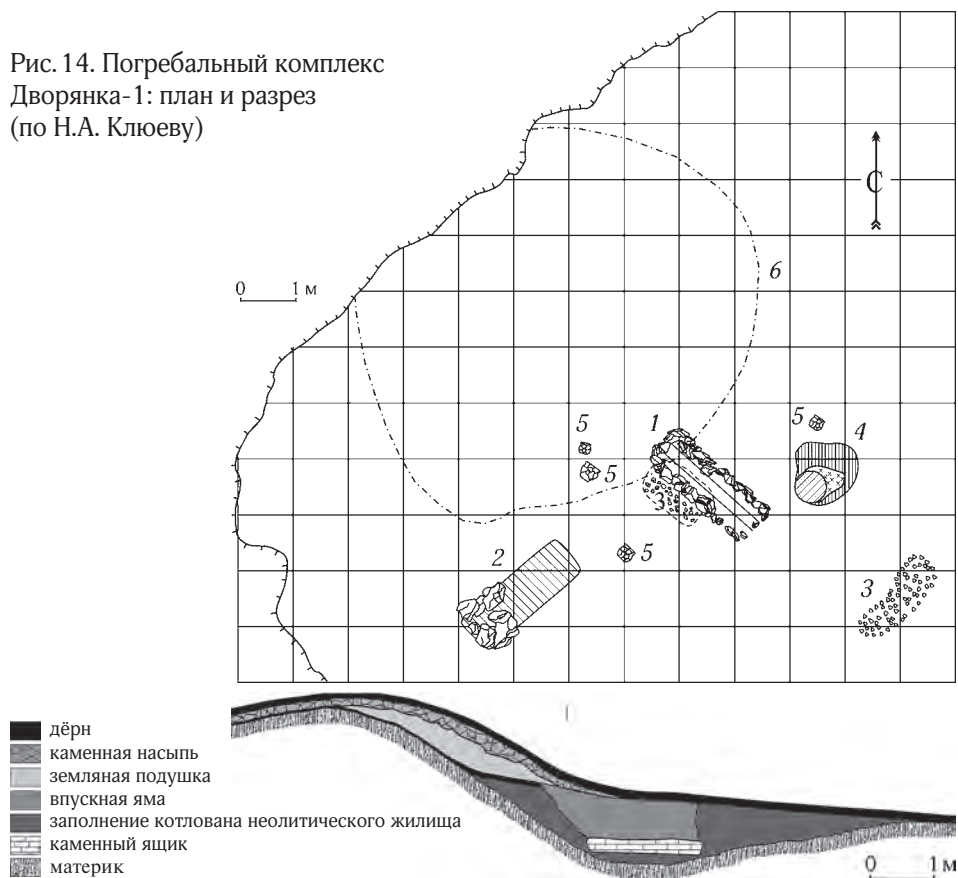

Рис. 15. Погребальный комплекс Дворянка-1: каменный ящик
(вид с юго-запада) (по Н.А. Клюеву)

обнаруженный в каменном ящике, был крайне скудным: 2 фрагмента верхних частей чаш-пиал, венчик от слабопрофилированного сосуда без орнамента, просверлённый клык лисы или собаки. В ящике найдено ещё два артефакта, но они не имеют отношения к погребальному инвентарю, так как использовались как элементы его дна (речь идёт об абразиве из плитки песчаника и бифасе)» [Клюев, 2013, с. 64—70].

Погребение на вымостке. К верхней части западной стенки каменного ящика примыкала вымостка прямоугольной формы размером 1,2×0,6 м из подогнанных друг к другу мелких плоских камней. На вымостке зафиксированы в беспорядочном положении 67 костей (белого цвета), видимо, одного человека: фрагменты конечностей, 8 позвонков, 1 коленная чашечка, 8 зубов, 11 обломков рёбер. Кости черепа отсутствовали. Погребение сопровождал обломок бронзовой пластинки (1,7×1,4×0,2 см) и венчик от слабопрофилированного сосуда, аналогичного обнаруженному в каменном ящике.

Вторая *каменная вымостка* располагалась в 2 м к юго-востоку от *каменного ящика*. Ни костного, ни вещевого материала на ней не обнаружено.

Кроме того, на памятнике была раскопана *впускная могила* подпрямоугольной формы с *вторичным захоронением*, располагавшаяся в 2 м к юго-западу от каменного ящика и ориентированная юго-запад — северо-восток. Могильная яма вырыта в материке и не перекрывалась сверху каменной кладкой кургана. Размеры могилы 210×70 см, глубина 15 см. Заполнением служил гумусированный суглинок чёрно-серого цвета, мелкие и средние камни. Из костных остатков сохранилось 2 зуба и кость человека. Погребальный инвентарь отсутствовал.

По радиоуглеродным датам, полученным для памятника Дворянка-1, курган и погребальные объекты датированы концом II — началом I тыс. до н.э. (2950±50 BP (1160 Cal. BC) (SNU06-1197); 2730±50 BP (900 Cal. BC) (SNU06-1196); 2710±50 BP (890 Cal. BC) (SNU06-1195) и сопоставлены с культурой типа Лютинтун провинции Цзилинь (КНР).

Вывод. Погребальный комплекс Дворянка-1, включавший каменный курган, захоронение в каменном ящике, каменную вымостку с грунтовой могилой, датирован концом II — началом I тыс. до н.э. и сопоставлен с культурой типа Лютинтун провинции Цзилинь (КНР).

Курганы Петровка-2 (Шкотовский район) (рис. 1). Открыты в 1997 г. В.И. Дьяковым [Дьяков, № 26014]. Расположены в среднем течении р. Петровка, на юго-восток от центральной части с. Петровка в 6,5—10,5 км. Находятся в нижней части пади Алексеенко на южном склоне сопки. Зафиксировано 9 курганов, из которых 5 сгруппированы в один ряд, а остальные одиночно. Курганы овальной и круглой форм сложены из сыпучего грунта,

разных размеров — от $8,2 \times 6,1 \times 0,3$ до $4,0 \times 3,6 \times 0,35$ м. В их центральной части отмечены углубления размером $1,6 \times 1,2 \times 0,2$ м, а вокруг — ровики шириной 0,5 м, глубиной 0,1 м. Из находок встречены кости человека.

Вывод. Курганы Петровка-2 по ландшафту склоново-сопочного типа, по составу почвенные, по форме овальные и круглые. Диагностичный материал отсутствует. Предварительно могут быть отнесены к эпохе раннего металла, так как вблизи курганов обнаружено поселение янковской культуры.

Курган Петровка-3 (Шкотовский район) (рис. 1). Открыт в 1997 г. В.И. Дьяковым [Дьяков, № 26014]. Обнаружен в среднем течении р. Петровка, на юго-восток от центральной части с. Петровка в 9 км по левому борту пади Алексеенко. Представлен одиночным курганом круглой формы и ровиком.

Вывод. Курган Петровка-3 по ландшафту склоново-сопочного типа, круглой формы. Предварительно может быть отнесён к эпохе раннего металла, так как вблизи кургана обнаружено поселение янковской культуры.

Петровка-9 (Шкотовский район) (рис. 1). Открыты в 1997 г. В.И. Дьяковым [Дьяков, № 26014]. В 1997, 2001 гг. стационарно исследовались В.И. Дьяковым, в 1999 г. Н.Б. Леоновой и В.И. Дьяковым [Дьяков, № 26014; Дьяков В.И., Леонова Н.Б., № 26041; Дьяков, Леонова, 2001, с. 103—107]. Курганный комплекс занимает компактную территорию в среднем течении р. Петровка, в интервале 6,5—10,5 км на юго-восток от центральной части с. Петровка и в 4,0—8,0 км к ЗСЗ от с. Моленный Мыс. Курганный комплекс Петровка-9 состоит из нескольких курганных групп и одиночных курганов. Курганы дислоцированы на невысоких рёлках, имеющих превышение над уровнем окружающей поверхности менее 1 м. Вскрыто 17 курганов, отмечено наличие ровиков. Каменная насыпь, мощностью до 0,7 м и размером 10×6 м, 7×5 м и др., состояла из крупных, средних и мелких валунов. По форме курганы преимущественно овальные. Под каменными насыпями зафиксированы углубления с остатками погребений в виде разрозненных костей, керамики и каменных изделий. В одном случае под курганной насыпью выявлен каменный круг диаметром $3,5 \times 3,2$ м. Внутри каменного круга встречались отдельные древесные угольки. Курганы разновременные, большая их часть относится к эпохе палеометалла и датируется I тыс. до н.э., единичные курганы сооружены в эпоху средневековья, видимо, в чжурчжэньское время. Появление каменных курганных насыпей в Приморье в эпоху палеометалла

и, особенно, каменных кругов, вероятнее всего, связано с центральноазиатскими традициями [Дьяков, Дьякова, 2001, 2011].

Вывод. Курганы Петровка-9 образуют курганное поле, состоящее из нескольких курганных групп, часть из которых стационарно исследована. По ландшафту курганы долинного и склоново-сопочного типов, по составу каменные, по форме овальные и круглые. Курганное поле разновременное и разнокультурное. Преобладающими являются курганы эпохи раннего металла, датируемые концом I тыс. до н.э., единичными — курганы эпохи средневековья, датируемые концом I — началом II тыс. н.э.

Соколовские курганы (Лазовский район) (рис. 1, 16—18). Обнаружены в начале 1990-х годов Ю.Н. Горюшиным. В 1999, 2001, 2007 гг. обследования проводил И.Ю. Слепцов. Курганная группа состоит из 70 объектов.

Курганы располагаются в 2,5 км к северо-востоку от пос. Преображение, у западного подножия сопки Круглой на левом берегу р. Соколовка. Занимают участок надпойменной террасы и пологую часть западного склона сопки Круглая. Часть памятника с юго-западной стороны разрушена карьером. Курганы продолговато-овальные, размером 2×1 м, высотой 0,3—0,5 м. «Располагаются в четыре ряда и опоясывают крайний южный склон мыса сопки. Расстояние между рядами до 10 м, между курганами — 5—6 м. На вершинах некоторых курганов встречаются углубления» [Слепцов, № 482; Гарковик,

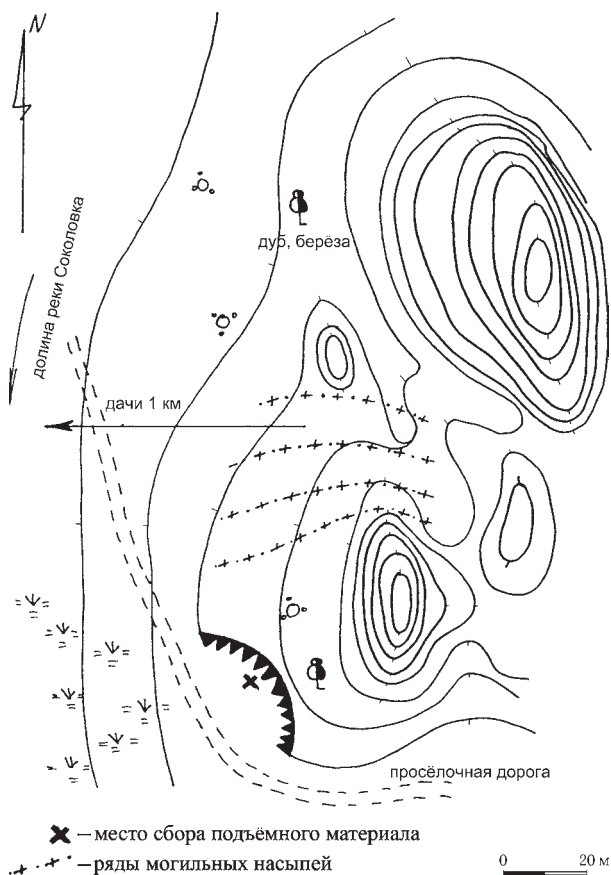
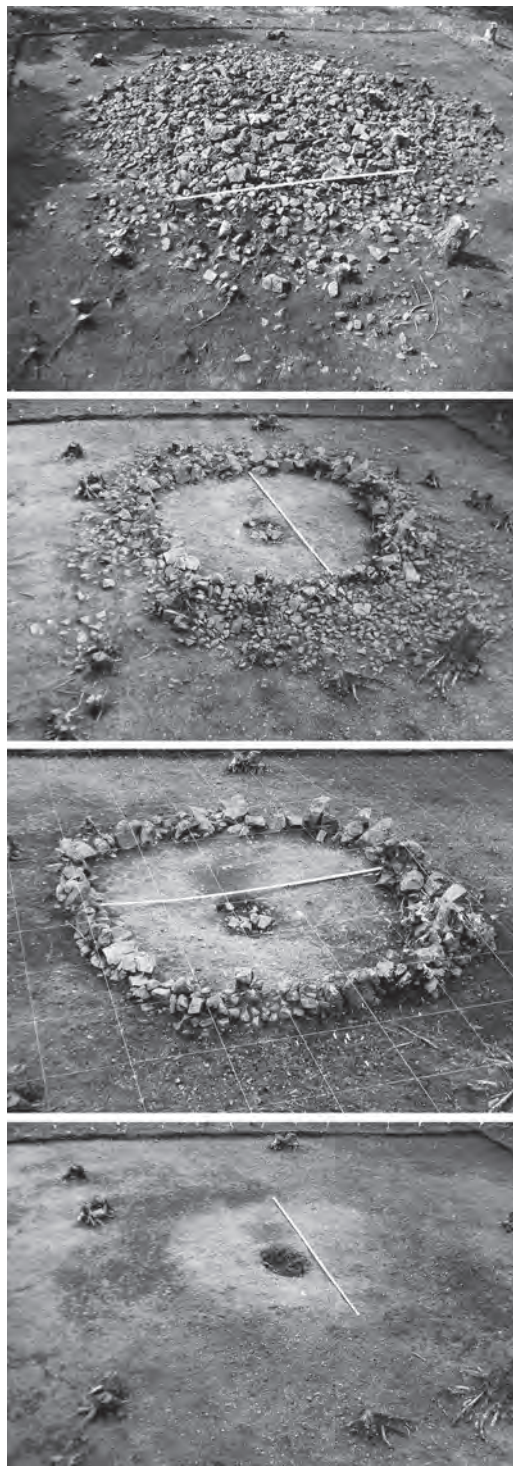

Рис. 16. Соколовские курганы. План местности (по И.Ю. Слепцову)

Горюшин, 2002, с. 88—95; Ключев, Слепцов, 2013, с. 71—105]. В 2007 г. вскрыт один каменный курган, диаметр которого составлял 10 м. «Чётко прослеживается концентрическая структура кургана. Его центральная часть отделялась большими камнями, поставленными по кругу «на попа». Для большей устойчивости этой стенки, образующей своеобразное кольцо, использовалась подсыпка его основания более мелкими камнями с внешней стороны. После разборки насыпи в центре кургана... обнаружена яма диаметром около 1 м, забутованная крупными камнями» [Ключев, Слепцов, 2013, с. 71—77]. В каменной насыпи обнаружены фрагменты четырёх глиняных светильников, характерных для поселений янковской культуры. Следов захоронения в виде ям, пятен, костных остатков и пр. не обнаружено. Севернее каменного кургана был вскрыт земляной холмик овальной формы, ориентированный юго-восток — северо-запад, окружённый ровиком. Длина холмика 1,8 м, ширина 1,2 м, высота 0,45 м. Ширина ровика 0,22—0,25 м, глубина 0,1 м. Под насыпью расчищено подпрямоугольное углубление размером 2,6×2,15 м при глубине

Рис. 17. Соколовский курган
(по И.Ю. Слепцову)

Рис. 18. Соколовский курган: 1–8 — керамические изделия (по И.Ю. Слепцову)

0,14–0,18 м. Материал отсутствовал, но у восточной и южной стенок залежали соответственно три и два крупных камня. Авторы раскопок определили данный объект как погребение-кенотаф [Клюев, Слепцов, 2013, с. 75–77].

Вывод. Соколовские курганы образуют курганное поле, состоящее из 70 объектов, часть которых стационарно исследована. Курганы по ландшафту долинные и склоново-сопочные, по составу каменные, по форме овальные, по артефактам отнесены к янковской культуре и датированы концом I тыс. до н.э.

Чернятинские курганы (Октябрьский район) (рис. 1). Памятник открыт в 1997 г. Ю.Г. Никитиным. Расположен в 3,3 км к юго-западу от с. Чернятино на террасе Орловского Ключа. Стационарные исследования проводились в 1998–2006 гг. Вскрыто около 500 м². Зафиксировано 160 могил. Могилы группируются в ряды. Помимо грунтовых погребений отмечают могилы с каменными оградками и каменные склепы. Работы производились совместно с исследователями Республики Корея. Материалы раскопок опубликованы в Корее, но отчёты по полевым изысканиям в архиве Института археологии РАН не значатся. Курганы отнесены к мохэ-бохайскому времени [Никитин и др., 2007].

Вывод. Чернятинские курганы образуют курганное поле, сооружённое в I тыс. н.э. средневековыми тунгусо-маньчжурами (племенами мохэ). Чернятинский могильник представлен грунтовыми погребениями, каменными оградками и склепами. Часть погребений относится к периоду государства Бохай (698—926). По структуре и набору погребального инвентаря соответствует некрополю Монастырка-III.

Виноградовские курганы (Анучинский район) (рис. 1). В 2001 г. обследованы В.Э. Шавкуновым [*Шавкунов В.Э.*, № 452]. Располагаются в 2,5 км к востоку от с. Виноградовка на юго-восточном склоне сопки. Зафиксировано 20 каменных насыпей подпрямоугольной формы, опоясывающих часть сопки. Высота насыпей не превышала 0,7 м, длина — 6—7 м. Насыпи отстояли друг от друга на 15—40 м. Стационарные работы не проводились. Временная и культурная атрибуция не установлены.

Вывод. Виноградовские курганы по ландшафту склоново-сопочные, по составу каменные, по форме подпрямоугольные, культурная и временная атрибуция не установлена.

Рудниковские курганы (Уссурийский район) (рис. 1). В 2004 г. открыты Ю.В. Кривулей. Расположены в 7 км северо-западнее с. Раковка, в 0,8 км к юго-западу от оз. Рудниково, на левом берегу р. Раковка, в приустьевой части безымянного ручья — притока реки. Сооружены на северо-восточной оконечности 3—4-метрового выступа первой надпойменной террасы, окружённой с востока и северо-востока заболоченной поймой реки. Зафиксировано два земляных кургана овальной формы размерами 14×20 м и 6×9 м. Высота насыпи от 1 до 2,2 м. Ориентированы северо-запад — юго-восток. «На вершине каждого кургана в горизонтальном положении расположено по овальному плоскому камню из жёлто-серого гранита. По четыре камня из этого же материала отмечены по сторонам света, с незначительным смещением на северо-запад, вокруг подножия кургана. Размеры камней от 0,7 до 2 м. Вокруг курганов имеется ограда из камней жёлто-серого гранита прямоугольной формы (размеры ограды 40—45 на 60—70 м). Камни в ограде расположены в среднем в 10—12 м друг от друга. Часть из них зафиксирована в вертикальном положении. Размеры камней в ограде составляют от 0,5 до 1,5 м» [*Клюев и др.*, 2010, с. 340]. Предварительно курганы датированы эпохой средневековья и предположительно отнесены к бохайскому времени.

Вывод. Рудниковские курганы по ландшафту долинные, по составу земляные с каменными оградками прямоугольной формы. Предварительно отнесены к бохайской культуре.

Богопольский склеп (Кавалеровский район) (рис. 1). Сведения о памятнике получены от жителей с. Богополье. Стационарно исследовался Амуро-Приморской археологической экспедицией в 2003 г. [Дьякова, № 24041]. Расположен в 2 км к западу от пос. Богополье Кавалеровского района, на левом берегу р. Зеркальная, на правом берегу впадающего в неё ручья, на 10—15-метровом мысу, возвышающемся над дорогой. Объект возвышался в виде купола над окружающей поверхностью и в плане имел круглую форму размером 5×4,8 м. Внешняя его поверхность была покрыта дёрном и зарослями высокой травы, делавшими его незаметным для глаза. С северной и южной сторон купол был проломлен и обнажал арочную каменную кладку. Каменная арка была возведена над прямоугольной каменной могилой. Основание арки покоилось на плоских камнях. На дне могилы обнаружены две находки — бронзовая маньчжурская монета Шунь чжи 1641—1661 гг. и бронзовый бубенчик круглой формы с петелькой сверху [Дьякова, 2005, с. 67—72].

Вывод. Богопольский склеп по ландшафту склоново-сопочный, по составу каменно-почвенный, по форме прямоугольный. представлял собой одиночное захоронение. Обнаруженная монета позволяет датировать склеп XVII в.

Курганы Украинка 9 (Пограничный район) (рис. 1). Открыты Ю.В. Кривулей в 2004 г. [Клюев и др., 2010]. Памятник располагается в 3,5 км западнее с. Украинка на левом берегу р. Нестеровка, на пойменной террасе зафиксировано 10 земляных курганов округлой формы высотой 1,5 м, диаметром 3—5 м. Культурная и временная атрибуция не установлены.

Вывод. Курганы Украинка 9 по ландшафту долинные, по составу земляные, по форме круглые. Культурной и временной атрибуции не имеют из-за отсутствия информации.

Монакиновские курганы (Партизанский район) (рис. 1). Обнаружены при проведении хоздоговорных работ археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в 2011 г. [Артемова, № 683.]. Расположены в 2,8 км к северо-востоку от с. Монакино. Возведены на западном склоне мысовидного отрога, с южной стороны которого протекает Козловский ключ. Монакиновский курганный комплекс состоит из 30 объектов, занимающих площадь 1 тыс. м². Курганы выложены из местного камня разного размера. Диаметр основания курганов не превышает 10 м, высота достигает 1,5—2 м. В центре курганов зафиксированы воронки диаметром 1,5—2 м, глубиной 0,8 м.

С северной стороны по краю мыса прослежена каменная насыпь высотой до 1 м. Раскопано 2 кургана. Выявлено, что нижняя часть камней опиралась на кольцевую кладку, затем накладывались другие камни, образуя холм. В одном кургане «в центре курганного кольца, при зачистке материкового скальника, в некоторых местах были видны камни, стоящие вертикально, напоминающие стенки могильной камеры», в другом кургане «...проявились камни, стоящие в некоторых местах вертикально и в ряд, создавая тем самым так называемый каменный ящик. Его ширина 0,6—0,8 м, длина 1,5—1,8 м, глубина 0,4 м. Внешне каменный ящик напоминает погребальную камеру, которая встречалась на могильниках железного века. Дно каменного ящика заложено скальными камнями» [Артемьева, № 683]. По наличию в каменных нишах артефактов — блюдовидного венчика, железной панцирной пластинки, кремневого наконечника стрелы, сосуда горшковидной формы, фрагментов костей — курганный комплекс отнесён к польцевской культуре раннего железного века, датированной концом I тыс. до н.э. — началом II тыс. н.э.

Вывод. Монакиновские курганы являются курганным полем. По ландшафту склоново-сопочные, по составу каменные с захоронениями в каменных ящиках. Возведены носителями польцевской культуры, датированной концом I тыс. до н.э. — началом II тыс. н.э.

Курганы Краббе-30 (Хасанский район) (рис. 1). Обнаружены местным жителем Г.П. Костиным в центральной части восточной оконечности полуострова Краббе, в 0,8 км к северу от устья ручья, впадающего в бухту Любимая. Насчитывается 8 курганов, занимающих площадь в 1 км². Материалов, необходимых для определения временной и культурной атрибуции, нет.

Вывод. Курганы Краббе-30 не имеют культурной и временной привязки.

* * *

Из приведённой сводки курганных захоронений следует, что на территории Приморья в настоящее время зафиксировано сорок два курганных памятника. Одиннадцать памятников открыты ещё в дореволюционное время, из них четыре некрополя частично раскопаны и документированы, в частности уникальный чжурчжэньский никольско-уссурийский курганный комплекс с каменными скульптурами и эпиграфикой, указывающей, что некрополь сооружён в честь военного и государственного деятеля империи Цзинь (1115—1234) из рода Ваньянь, вероятно, носившего имя Дигунай.

В 20—40-х годах прошлого века ситуация для археологических изысканий складывалась не очень позитивно, до середины 50-х годов исследования проводились спорадически. И только с началом работ Дальневосточной археологической экспедиции, руководимой А.П. Окладниковым, изыскания возобновляются и открываются новые курганные некрополи. Э.В. Шавкунов вскрывает пять курганных погребений вблизи Абрикосовского храма и устанавливает, что они сооружены в эпоху государства Бохай (698—926), Г.И. и Ж.В. Андреевы исследуют два древних кургана в Лазовском районе, которые позднее, уже в 1960-х годах, определяются как курганы эпохи раннего металла. Но поскольку раскопки древних и средневековых курганов не дали ярких материалов, интерес к ним постепенно угас. И только с конца 90-х годов прошлого века в связи с активизацией хозяйственных работ, проводимых владивостокскими археологами, преимущественно сотрудниками Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, было открыто двадцать курганных некрополей, требовавших безотлагательных стационарных исследований. Из полученных материалов следует, что курганы возводились в Приморье в эпоху раннего металла, в раннем, развитом и позднем средневековье вплоть до нового времени включительно. Картирование курганных сооружений выявляет ареал распространения курганных памятников, включающий южное, центральное, восточное и северное Приморье. Исключением является северо-восточная горно-таёжная зона Приморья (Тернейский район), где пока не обнаружены курганные некрополи, но, видимо, это связано не с отсутствием там курганов, а со слабой изученностью этой территории, куда и сейчас редко ступает нога археолога.

ДРЕВНИЕ КУРГАНЫ ПРИМОРЬЯ. КУРГАННЫЙ КОМПЛЕКС ПЕТРОВКА-9

(рис. 1, 19—80, ил. 1—28)

Разведочные работы 1999 г., проводившиеся В.И. Дьяковым в Приморском крае вблизи г. Большой Камень, дали весьма неожиданный результат. Здесь, в долине р. Петровка и на окружающих её возвышенностях, называемых на Дальнем Востоке сопками, было выявлено более сорока курганов, расположенных поодиночке и группами, которые однозначно воспринимались как погребальные памятники (рис. 19).

Сугубо научный интерес вызвали не особенности курганных насыпей, имевших при внешнем осмотре достаточно обычный вид, а сам факт их наличия. Как уже отмечалось в историографическом разделе, систематического изучения курганов, как это делалось во многих других регионах, в Приморском крае не велось. В результате возможности этой ценной категории источников не были раскрыты и использованы должным образом.

Выявленный курганный комплекс получил название Петровка-9 — по р. Петровка (на старых картах — р. Шитухе), истоки которой связаны с западными отрогами Ливадийского хребта, а устье — с бухтой Суходол, расположенной в северо-восточной части Уссурийского залива, к востоку от п-ова Муравьев-Амурский, в Шкотовском районе. Обследуемая территория находится в среднем течении реки, в интервале 6,5—10,5 км на юго-восток от центральной части с. Петровка и в 4,0—8,0 км к ЗСЗ от остатков некогда большого села Молёный Мыс (рис. 19). Археологические раскопки в этой местности проводились впервые. Изначально было понятно, что все найденные насыпи имеют искусственное происхождение, связанное с деятельностью человека, и что они достаточно древние, так как на них естественным образом сформировался задернованный слой почвенного гумуса; что некоторые из них взаимосвязаны; что они похожи на погребальные сооружения — курганные могильники из других регионов и в то же время отличаются от так называемых «корейских курганов»

Рис. 19. Карта расположения памятника Петровка-9
(Шкотовский район, Приморский край)

XIX — нач. XX вв., достаточно широко встречающихся на юге Приморья; что визуальных признаков ограбления нет. После расчистки насыпей от растительности (преимущественно это орешник-лещина, шиповник, трава, реже деревья) было замечено, что один из курганов повреждён геодезистами, вкопавшими в его центральную часть металлический репер. В некоторых других случаях с курганов вынесено по несколько верхних камней крупного размера. Из-за обилия крупных камней насыпи, оказавшиеся в границах пашни, не распахивались, а опахивались по эллиптической окружности. При снятии дёрна обнаружено, что в его верхней части повсеместно встречаются гильзы от крупнокалиберного автоматического оружия и звенья металлических лент-обойм. Нет сомнения, что курганы как-то использовались для установки соответствующих скорострельных орудий, но повреждений от них не прослежено. Полученные

радиоуглеродные даты подтвердили время их появления в данном месте — середина прошлого века, что совпало со временем функционирования здесь военного аэродрома. Иногда на курганах встречались металлические части сельскохозяйственной техники, горелые доски. Их оставляли на этих возвышенных местах, чтобы они не мешали пахоте.

Некоторые курганы разрушены уже после ликвидации аэродрома, в недавние прошлые десятилетия. Кое-где удалось обнаружить их перетолженные остатки. Дополнительный поиск позволил выявить некоторые места с одиночными крупными камнями продолговатой, пирамидальной формы, принесёнными в пойменную часть реки в древности и, к счастью, сохранившимися. Это стелы. Подобный крупный валун в форме параллелепипеда, размером 1,10×0,30×0,25 м, обнаружен между раскопами № 10 и № 11 на окраине бывшего аэродромного поля. Отмечены аналогичные находки также вблизи и на склонах насыпей курганов, расположенных в труднопроходимых зарослях.

КАРТИРОВАНИЕ КУРГАНОВ

(рис. 20)

Памятник Петровка-9 не представлял собой единого компактно расположенного объекта, а являлся совокупностью нескольких курганных групп и одиночных курганов, расположенных в пойме левого берега р. Петровка, в интервале 9,4—9,9 км от центральной части с. Петровка. При топографических работах съёмка велась от государственного геодезического знака — тригопункта, расположенного на одном из курганов в пойме реки. Всего картирована 41 курганная насыпь, но следует отметить, что количество курганных насыпей этим не исчерпывается. Не менее 70 насыпей обнаружены на другой стороне реки, но работы, кроме визуального осмотра, там не проводились [Дьяков, Дьякова, 2012, с. 33—40, 44—59].

Курган № 1. Расположен в 290 м к ССВ от тригопункта. Имеет овальную, частично задернованную каменную насыпь. Высота 0,54 м, размер 5,0×6,0 м.

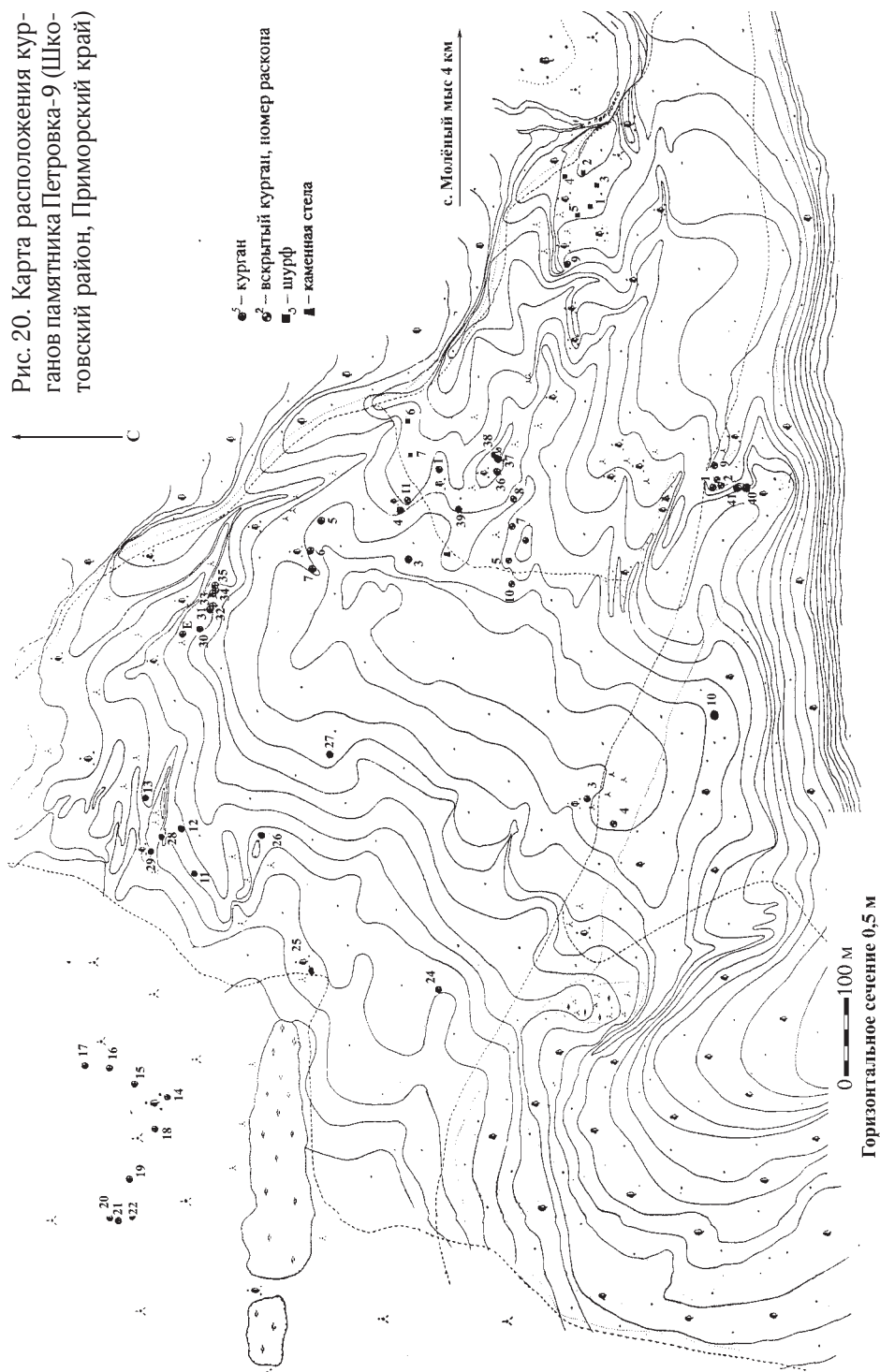
Курган № 2. На месте кургана заложен раскоп № 11, по общей нумерации раскопанных — № 17.

Курган № 3. Расположен в 335 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,98 м, диаметр 4,0×4,0 м.

Курган № 4. Расположен в 340 м к С от тригопункта. Имеет овальную задернованную каменную насыпь. Высота 0,85 м, размер 4,0×4,5 м.

Курган № 5. Расположен в 435 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,57 м, диаметр 4,0×4,0 м.

Рис. 20. Карта расположения курганов памятника Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край)

Курган № 6. Расположен в 450 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,72 м, диаметр 3,5×3,5 м.

Курган № 7. Расположен в 455 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,66 м, диаметр 3,5×3,5 м.

Курган № 8. Расположен в 615 м к ССЗ от тригопункта. Имеет овальную задернованную каменную насыпь. Высота 0,54 м, размер 4,0×4,50 м.

Курган № 9. Расположен в 330 м к ВСВ от тригопункта. Имеет овальную задернованную каменную насыпь. Высота 0,25 м, размер 2,50×2,0 м.

Курган № 10. Расположен в 280 м к ЗЮЗ от тригопункта. Имеет овальную задернованную каменную насыпь. Высота 0,53 м, размер 2,0×2,50 м.

Курган № 11. Расположен в 750 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,93 м, диаметр 3,5×3,5 м.

Курган № 12. Расположен в 730 м к ССЗ от тригопункта. Имеет овальную задернованную каменную насыпь. Высота 0,62 м, размер 2,5×3,5 м.

Курган № 13. Расположен в 750 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,84 м, диаметр 3,8×3,6 м.

Курган № 14. Расположен в 990 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,72 м, диаметр 2,5×2,5 м.

Курган № 15. Расположен в 1000 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 1,02 м, диаметр 2,5×2,5 м.

Курган № 16. Расположен в 1010 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,7 м, диаметр 2,5×2,5 м.

Курган № 17. Расположен в 1020 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,66 м, диаметр 3,0×3,0 м.

Курган № 18. Расположен в 1030 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,72 м, диаметр 2,5×2,5 м.

Курган № 19. Расположен в 1100 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,5 м, диаметр 3,5×3,5 м.

Курган № 20. Расположен в 1150 м к ССЗ от тригопункта. Имеет овальную частично задернованную каменную насыпь. Высота 0,87 м, диаметр 3,0×3,5 м.

Курган № 21. Расположен в 1140 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,4 м, диаметр 2,0×2,3 м.

Курган № 22. Расположен в ИЗЮЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,78 м, диаметр 3,0×3,3 м.

Курган № 23. Расположен в 1470 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,99 м, диаметр 3,6×3,7 м.

Курган № 24. Расположен в 690 м к ЗСЗ от тригопункта. Курган повреждён (почти уничтожен). Представлен остатками каменной насыпи. Высота 0,2 м, размер 1,2×2,0 м.

Курган № 25. Расположен в 740 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь с двумя вершинами. Высота 0,70 м, диаметр 4,0×3,8 м. С южной стороны от него находится округлая незадернованная каменная насыпь. Высота последней 0,40 м, диаметр 1,5 м.

Курган № 26. Расположен в 660 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,59 м, диаметр 3,0×3,0.

Курган № 27. Расположен в 530 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,5 м, диаметр 2,5×2,5 м.

Курган № 28. Расположен в 760 м к ССЗ от тригопункта. Разрушен. Представлен остатками овальной незадернованной каменной насыпи. Высота 0,2 м, диаметр 2,5×3,0 м.

Курган № 29. Расположен в 790 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую слабо задернованную насыпь. Высота 0,3 м, диаметр 2,5×2,5 м.

Курган № 30. Расположен в 610 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,3 м, диаметр 2,0×2,0 м.

Курган № 31. Расположен в 590 м к ССЗ от тригопункта. Имеет овальную задернованную каменную насыпь. Высота 0,3 м, размер 1,5×2,0 м.

Курган № 32. Расположен в 585 м к ССЗ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,3 м, диаметр 2,0×2,0 м.

Курган № 33. Расположен в 580 м к ССЗ от тригопункта. Имеет овальную задернованную каменную насыпь. Высота 0,2 м, размер 1,5×2,0 м. Это остатки кургана.

Курган № 34. Расположен в 570 м к ССЗ от тригопункта. Имеет овальную задернованную каменную насыпь. Высота 0,2 м, размер 1,5×2,0 м. Это остатки кургана.

Курган № 35. Расположен в 565 м к ССЗ от тригопункта. Имеет овальную задернованную каменную насыпь с крупной плоской глыбой на вершине. Высота 0,3 м, размер 1,5×2,0 м.

Курган № 36. Расположен в 220 м к ССВ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,3 м, диаметр 2,0×2,0 м.

Курган № 37. Расположен в 215 м к ССВ от тригопункта. Имеет овальную задернованную каменную насыпь. Высота 0,3 м, размер 4,0×3,0 м.

Курган № 38. Расположен в 225 м к ССВ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,3 м, диаметр 3,0×3,0 м.

Курган № 39. Расположен в 260 м к ССЗ от тригопункта. Имеет овальную задернованную каменную насыпь. Высота 0,3 м, размер 2,0×3,0 м.

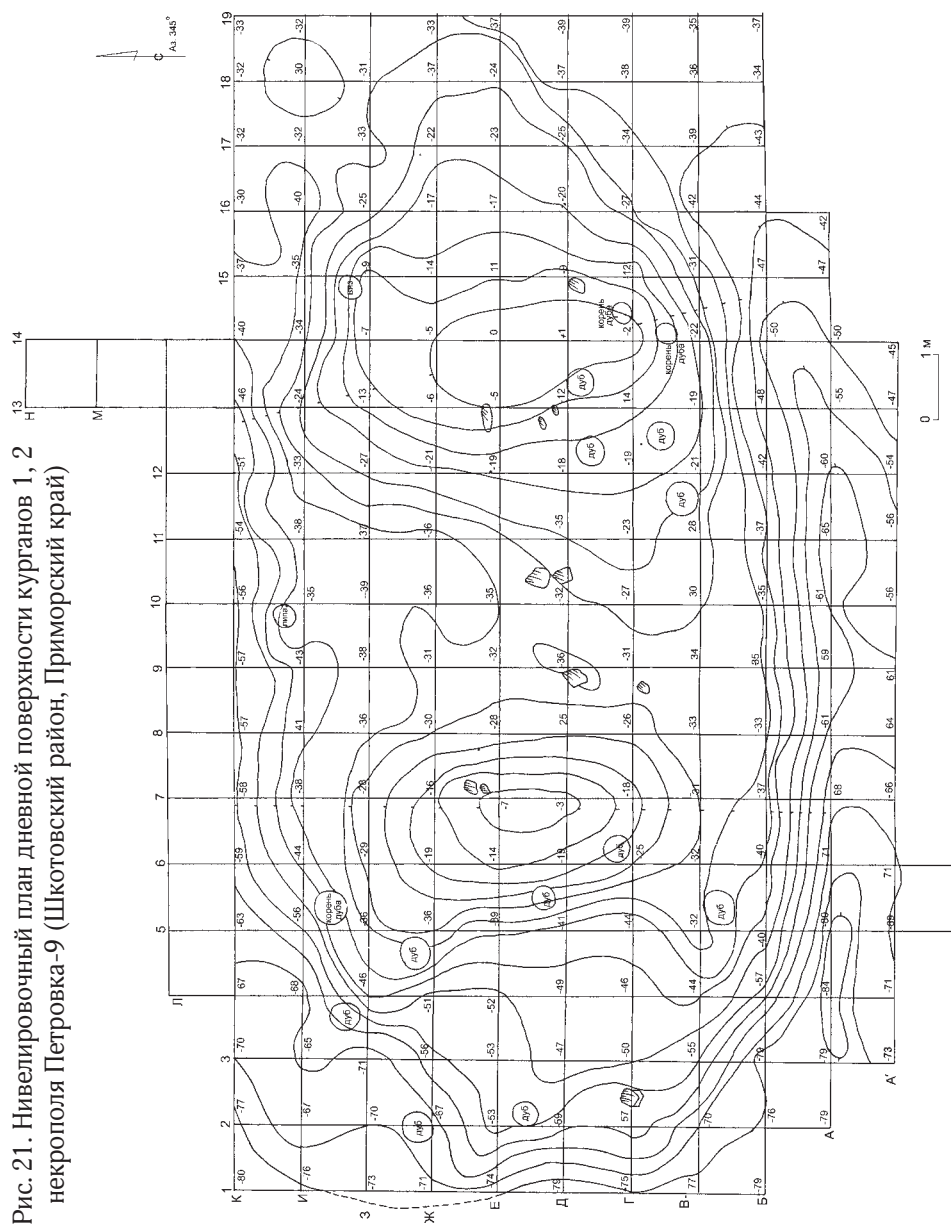
Курган № 40. Расположен в 100 м к ЮЮВ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,35 м, диаметр 2,5×2,5 м.

Курган № 41. Расположен в 90 м к ЮЮВ от тригопункта. Имеет округлую задернованную каменную насыпь. Высота 0,3 м, диаметр 2,5×2,5 м.

Вывод. Картирование каменных курганов в долине р. Петровка выявило их различную ландшафтную привязанность. Большая часть курганных насыпей оказалась дислоцирована в долине р. Петровка на невысоких рёлках (слабо выраженных в рельефе овально-вытянутых возвышенностях), имеющих превышение над уровнем окружающей равнины менее 1 м. Часть курганных насыпей сооружена у подножия сопок. Встречаются также курганные группы, расположенные на пологих склонах сопек, иногда доходящих почти до вершин. Определённой структурной (планиграфической) закономерности в их расположении не выявлено. Видимо, курганы возводились исходя из конкретных обстоятельств и времени года. В плане курганы имели овальную или круглую форму, их высота колебалась от 0,2 до 1,02 м, размер не превышал 4,0×4,5 м. Видимо, курганы памятника Петровка-9 являются большим курганным полем.

РАСКОПКИ КУРГАНОВ НЕКРОПОЛЯ ПЕТРОВКА-9

Всего на памятнике раскопано 17 курганных насыпей, расположенных на невысоких рёлках — слабо выраженных в рельефе овально-вытянутых возвышенностях, имеющих превышение над уровнем окружающей равнины менее 1 м. Рёлки, в отличие от окружающей местности, в прошлом не распахивались и выделялись на травянистом фоне древесно-кустарниковой растительностью. Первоначально наше внимание привлекли два кургана, дислоцированные на общем возвышении — «подушке», получившие номера 1 и 2. Они находились в небольшой дубовой роще с разновозрастными деревьями. Этот участок не входил в территорию, используемую под аэродром или сельскохозяйственные поля. Визуальных данных было недостаточно для определения, является ли своеобразным курганом сама «подушка», представляет она искусственное, естественное или смешанное образование. В плане «подушка» имела овальную форму и плоскую поверхность. Длинная ось ориентирована в направлении долины (В—З, со смещением 10—15° к северу). Максимальная длина достигала 17,3 м, ширина — 8,5 м, высота — 0,15—0,30 м (рис. 21). По периметру боковые стенки «подушки» были крутыми (30—60°) и выглядели как уступ. На восточной и западной поверхностях «подушки» зафиксированы возвышения с овальными в плане вершинами, ориентированными С—Ю (со смещением 12—14°). Длина каждого возвышения не превышала 5 м, ширина — 3 м. Оплывшие насыпи возвышений почти соединялись, но не перекрывали друг друга. Расстояние между их центральными осями составляло 7,6—7,8 м. Насыпи имели одинаковую задернованность мощностью 0,02—0,05 м. В некоторых местах из-под дёрна выступали камни,

большая часть которых утопала в насыпи. Вероятно, на вершинах этих насыпей первоначально стояли каменные стелы. Они были обнаружены под большим деревом в 7—8 м от курганов. Следы современного бивуака показывают, что их переместили сюда для использования в качестве сидений. Оба камня происходят из русловых отложений и имеют окатанность. Один из камней (наиболее крупный) сигарообразной формы со следами несглаженной обивки вдоль одной стороны. Длина камня 0,91 м, ширина — 0,23, толщина — 0,13 м. Второй камень аналогичной формы, но несколько короче и шире описанного (ил. 2, 2а).

Площадь раскопа составляла 172 м² (18×14 м). С запада на восток индексация метровая цифровая (1—19), с юга на север — буквенная (Б', А', А—Н). По линиям Е—Е, 7—7, 14—14 проложены профили раскопа. Северная ось раскопа имела азимут 345°, что связано с указанными выше особенностями раскапываемого участка. За нулевую (0) отметку принята вершина кургана № 1 (восточного). Оба кургана исследовались одним раскопом, поэтому все дальнейшие измерения производились от этой точки. Вершина кургана № 2 (западного) имела нивелировочную отметку (н.о.) —7.

Для установления наличия ровика вокруг «подушки» по линиям профилей были заложены небольшие траншеи и снят дёрн по всей площади раскопа. В дёрне по всей площади раскопа зафиксировано 16 современных артефактов: ржавые гильзы и патроны от трёхлинейки, обрывки металлических лент-обойм и т.п.

После удаления гумусированного слоя, зачистки и прокладки разведочной траншеи выявлено: насыпь курганов, состоявшая из крупных, принесённых из русла реки камней, перемешанных с грунтом, располагалась на «подушке». Большая часть «подушки» оказалась перекрыта полами курганов, на периферии были видны выходы галечника и др. В целом планиграфическая ситуация в раскопе воспринималась как весьма неоднородная. Для исследования «подушки» и участка, прилегающего к ней с внешней стороны, последовательно снимались слои насыпного грунта. Выяснилось, что «подушка» имела композитное строение. Основанием «подушки» служила рёлка — намытое рекой овально-вытянутое в плане возвышение с сегментовидным сечением. О её первоначальных очертаниях в определённой степени можно судить по внутреннему контуру ровика. Рёлка сложена разными фракциями аллювия: мелким и средним галечником, гравием, песком, илистыми отложениями. Выяснилось, что перед насыпанием курганов наиболее высокая часть рёлки была «обрезана» по периметру в форме эллипса. Грунт, оказавшийся с внешней стороны от линии «обрезки», был перемещён на периферийную часть субстрата, что позволило поверхность северной стороны сделать относительно горизонтальной и придать «подушке» вид

подиума, эффектно возвышавшегося над окружающим пространством. Высота «подушки» дополнительно подчёркивалась выкопанным ровиком.

В плане ровик имел форму почти правильного овала, окаймлявшего «подушку». С восточной стороны его концы были разомкнуты. Промежуток между концами ровика достигал 0,7 м. В сечении ровик сегментовидный, глубиной от 0,1 до 0,25 м, шириной на северном участке 2,0—2,5 м, на остальных — 0,5—0,7 м. Северо-восточная часть ровика выкопана в песке. В этом месте ровик ещё в древности был сильно размыт. На чертежах ровик показан в реконструированном виде (рис. 23).

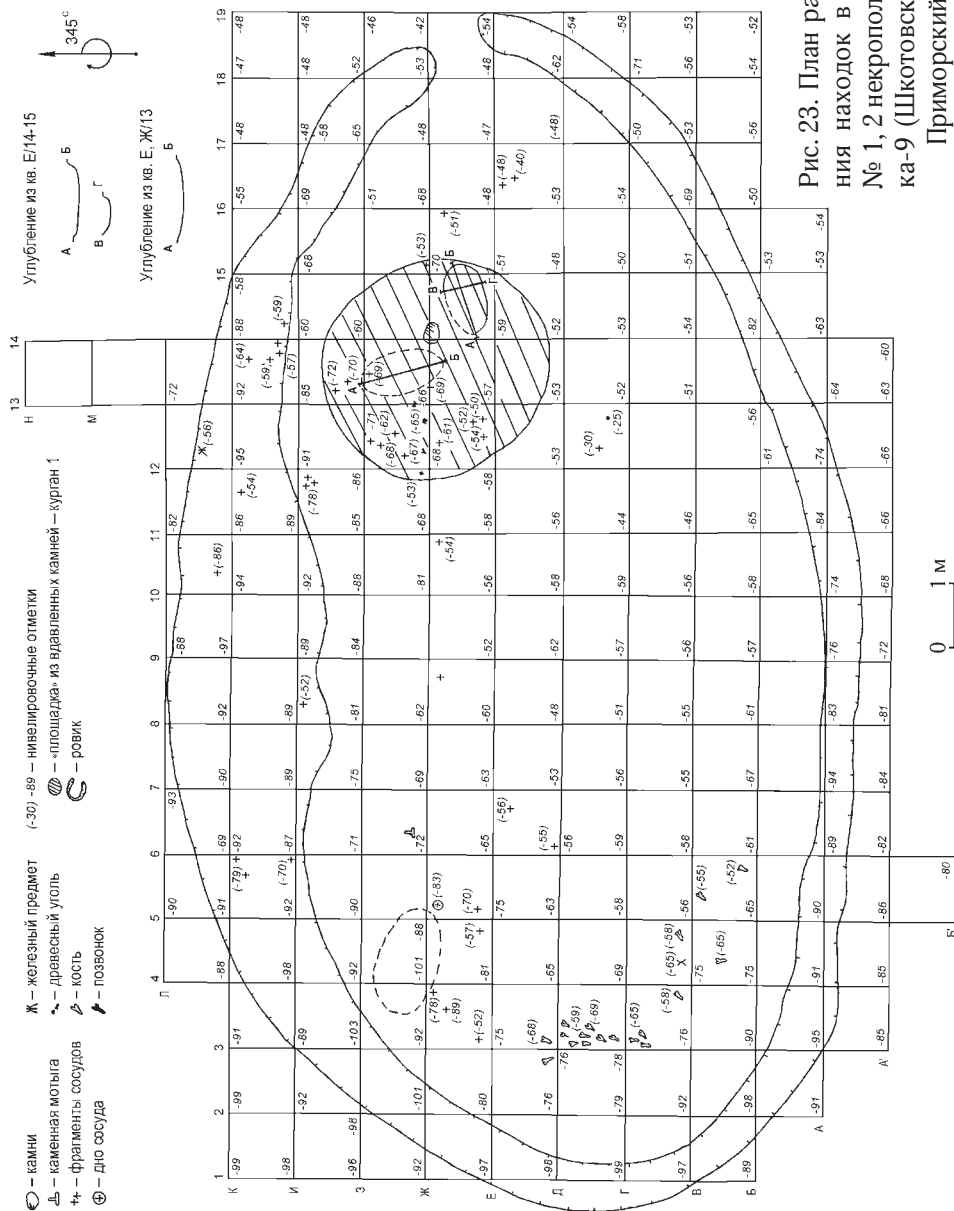
Первые археологические находки обнаружены в заполнении верхней части северного ровика и на прилегающей части «подушки» в насыпном грунте. В кв. И/13 на отметке –57 найден фрагмент лепной керамики. Рядом, в интервале нивелировочных отметок –57 — –59, обнаружены ещё два обломка сосуда красновато-кирпичного цвета. В том же квадрате, у линии К (–64) находился четвёртый фрагмент, видимо, от того же сосуда. Все находки, представленные главным образом немногочисленными фрагментами керамических сосудов, обозначены на плане с указанием глубины залегания. Специально следует отметить фрагмент сосуда с прочерченным орнаментом из двух параллельных линий, найденный в ровике (кв. К/8) на отметке –89. Кроме орнамента его выделяет и несколько большая, чем у других, толщина — 0,8 см.

КУРГАНЫ № 1—2

Курган № 1 (восточный) (рис. 21, 23, 24, ил. 2, 4—6)

Диаметр основания курганной насыпи, согласно нивелировочным данным, сделанным до начала раскопок, составлял 6,5 м, относительная высота — 0,3 м. Одновременная ручная разборка насыпи всех четырёх секторов обнажила плотное, почти без земли, залегание камней в центральной части кургана. К периферии промежутки между камнями увеличивались и плотность уменьшалась. Размеры камней в центре кургана и на его периферии не различались. Преобладали камни средних размеров: 15×17×10 см; 18×22×12 см; 20×25×15 см. Изредка встречались камни размером 22×34×18 см и 5×4×2 см. Камни в насыпь укладывались вперемешку с грунтом — коричневой и светло-коричневой супесью. Практически все камни имели признаки температурного нагрева и следы копоты.

Под верхним слоем камней, в кв. Г/13, найден фрагмент керамики (н.о. –23), в кв. Е/11 — фрагмент с малиново-красной поверхностью, в кв. Е/12 — четыре фрагмента с аналогичного цвета поверхностью на

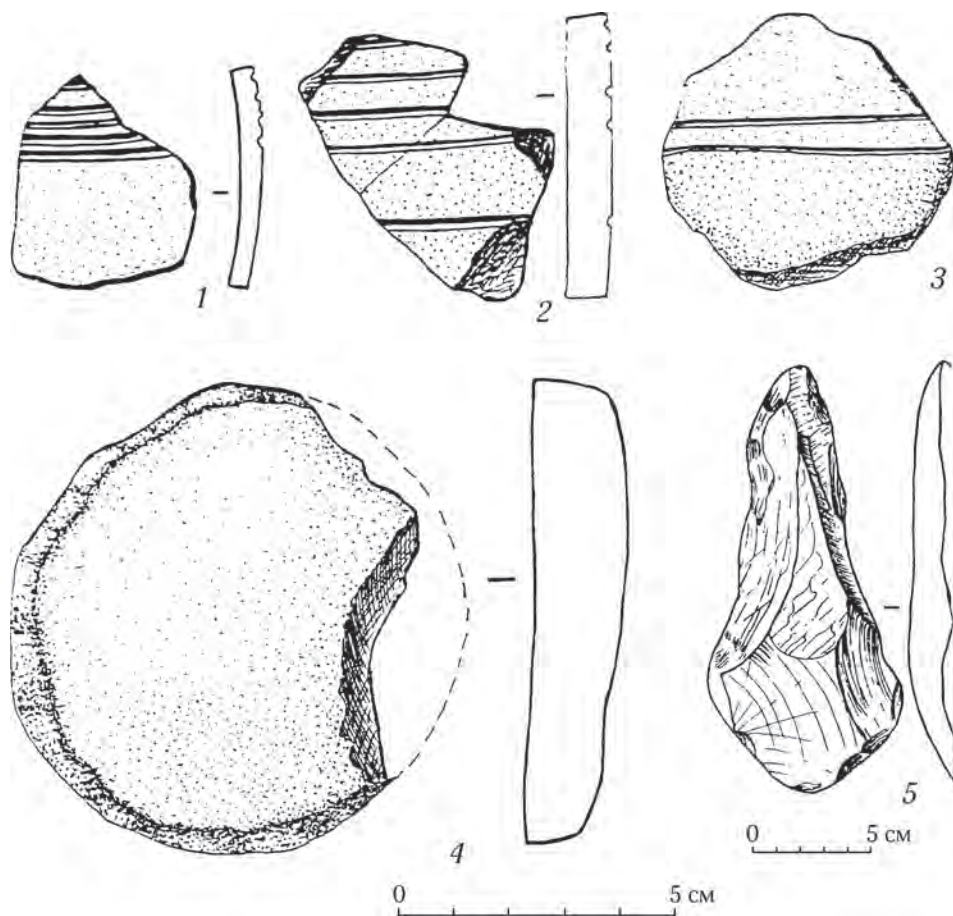

Рис. 24. Находки некрополя Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край): курган № 1—1, 5; курган № 2—2—4

отметках (–50), (–57). Один обломок представлен верхней частью сосуда, но без венчика. В кв. 3/13 (–72) и Ж/13 (–69) обнаружены два черепка одного сосуда с орнаментом из пяти прочерченных параллельных линий (рис. 24, 2).

В кв. И/12 вблизи дна ровика обнаружен обломок корродированной железной пластинки с субпараллельными длинными сторонами, с концами, не имеющими выраженной геометрии, размером $3 \times 1 \times 0,1-0,2$ см. Существенных диагностических признаков не замечено. Имеет пластина отношение к кургану или это фрагмент более позднего изделия, определить невозможно.

Под насыпью из частично вдавленных в грунт камней выявлен силуэт круга диаметром $3,5 \times 3,2$ м. Камни круга были преимущественно среднего размера: $20 \times 10 \times 8$; $17 \times 8 \times 6$ см. Вероятнее всего, каменный круг соответствовал первоначальному размеру основания кургана. Внутри каменного

круга зафиксированы отдельные древесные угольки; в кв. Е/14 на н.о. – 56 углей представлен обломком дощечки размером 3×2×0,8 см.

После зачистки на освобождённой от камней площадке проявились два овальных пятна, которые выделялись серым цветом. Серые пятна не имели чётких границ из-за разной степени интенсивности цвета. Очевидная связь между ними не прослеживалась. Пятна дистанцированы друг от друга на 0,55 м и по расположению взаимно перпендикулярны. Тем не менее, считать их появление несинхронным нет оснований. Большее по размеру пятно № 1 (1,2×0,68 м), ориентированное юг — север, находилось в центральной части каменного круга, в кв. Е, Ж/13. Меньшее по размеру пятно № 2 (1,08×0,66 м), ориентированное восток — запад, располагалось в восточном сегменте каменного круга, в кв. Е/14. Оба пятна оказались повреждены корневой системой современных деревьев.

В заполнении пятен находки отсутствовали. У пятна № 1 прослежены равномерно крутые стенки высотой 0,12—0,15 м и слегка вогнутое дно. Пятно № 2 из кв. Е/14 содержало выемку, западная стенка которой по высоте равнялась 2 см, а восточная достигала 22 см. При этом дно выемки было слабо наклонным, почти горизонтальным. Асимметрия стенок отмечена и в поперечном сечении: северная — более пологая, южная — крутая.

Вывод. По ландшафтному расположению курган долинный, сооружён на песчаной подушке, имеет ровик, по форме круглый, диаметр 6,5 м, высота 0,3 м, по составу каменный-каменно-почвенный, на камнях следы огня и копоти, под курганом два мелких могильных углубления овальной формы, одно ориентировано север — юг, второе — запад — восток, среди находок в каменной насыпи лепная крашенная в малиновый цвет керамика, фрагменты боковых стенок сосудов с горизонтально прочерченным орнаментом, несколько фрагментов трубчатых костей человека, каменная плечиковая мотыга. Наличие песчаной подушки, ровика и характер расположения кургана свидетельствуют о его предварительной разметке при возведении. Материал кургана соответствует культурам эпохи раннего металла, в большей степени янковской культуре, и может быть датирован I тыс. до н.э.

Курган № 2 (западный) (рис. 21, 23—25, ил. 3)

Второй курган, расположенный на «подушке», имел несколько меньший размер, чем вышеописанный. Длина и ширина его слегка вытянутой в основании насыпи соответствовали 5 и 4 м, высота — 0,25 м (рис. 21). Во всем остальном он практически не отличался от кургана № 1. Здесь

также в центральной части камней содержалось больше, чем на периферии. Но между камнями, судя по тёмно-серому цвету супеси и её сравнительно большому количеству, укладывался дёрн — различие не принципиальное, но интересное, так как в первом случае валуны разделены рыхлыми фракциями слабо гумусированного аллювия. Эта особенность позволяет выявить последовательность сооружения курганов: сначала возводили курган № 2 (западный), затем — № 1 (восточный). Кроме того, в кургане № 2 (западном), в отличие от кургана № 1 (восточного), содержалось много мелких валунов и крупного галечника.

В основании кургана обнаружены несколько фрагментов лепной керамики (указаны на плане с н.о.). Черепки плотные, красно-кирпичного, красно-коричневого, коричневого с сургучным оттенком цветов. В изломе черепки обычно тёмно-серые, средняя толщина 0,5—0,7 см, редко 0,3, иногда 1,0 см. Встречаются фрагменты керамики с лощёной поверхностью. Один черепок имеет горизонтально прочерченный орнамент, состоящий из трёх параллельных линий.

В кв. Ж/6 в нижней части насыпи (н.о. —50) найден каменный налупатник мотыги. Орудие изготовлено обивкой, имеет сравнительно узкую рукоять и расширенную рабочую часть. Относится к типу «плечиковых». Длина орудия — 18,2 см; наибольшая ширина рабочей части — 8,5 см. Есть признаки окатанности. Особый интерес представляют остеологические находки. В кв. А/4 на н.о. —58 обнаружен очень маленький обломок плоской в сечении косточки. В кв. Б/5 на том же уровне найден более крупный фрагмент плоской кости. Возможно, это фрагменты лопатки или таза. В юго-восточном углу кв. Б/5 9 (н.о. —52) обнаружен эпифиз трубчатой кости. В юго-западной части кв. Д/3 — целая кость размером 8×3×1,5 см. В 0,4 м южнее последней зафиксирован обломок расщеплённого диафиза мелкой кости. Цвет кости коричневый. Помимо трубчатых костей обнаружены три позвонка (кв. Г/3 — два; Б/4 — один) и, возможно, фаланга, первоначально принятая за изделие из кости (в кв. В/4).

В небольшом углублении, расчищенном в северо-западном углу кв. Д/3, находился керамический асимметричный в сечении диск, видимо, дно лепного сосуда (рис. 24, 4). Оно залегало горизонтально, но, кроме одного фрагмента, других обломков тулова рядом с ним не было. Его местонахождение по всем признакам можно считать инситным. Вероятно, именно в таком виде дно сосуда было помещено в периферийную часть пола кургана. Обломки стенок лепных сосудов зафиксированы в кв. Е, Ж/3, 4. Можно с достаточным основанием предполагать, что в курган они помещались не в виде целого изделия, а в виде разрозненных черепков. Описанные находки зафиксированы в нескольких сантиметрах восточнее крупного, вероятнее всего могильного, углубления.

Под насыпью в кв. Е—З/З—5, со значительным смещением от центра насыпи, между периферийной частью пола кургана и ровиком, зафиксировано углубление, подобное описанному в кургане № 1 (восточном). Данное углубление оказалось сильно повреждено корнями нескольких росших здесь дубов, поэтому точные его параметры установить невозможно. Приблизительно длина достигала 1,6 м, ширина — 0,8—1,0 м. Углубление ориентировано северо-восток — юго-запад, имело овальную форму. Точную глубину из-за корней установить нельзя, но весь грунт был тщательно просеян. Поэтому можно констатировать, что в данном углублении не содержалось никаких находок, угля и прочего материала.

Стратиграфия курганов № 1 и 2

(рис. 25, ил. 3)

Разрез по линии Е—Е. Пересекал среднюю часть раскопа вдоль длинной оси с запада на восток (пикеты 1—19). Дёрн разной мощности (от 0,04 до 0,16 м) явных признаков повреждений не имеет. Между пикетами 6—7, 13—14, 16—17 в дёрне отмечены камни; в одном случае (пикеты 13—14) их «подвешенное» положение может быть связано с локальным нарушением почвенного покрова. В разрезе фиксируются насыпи двух курганов: курган № 2 (западный, пикеты 4—9) и курган № 1 (восточный, пикеты 11—16). В первом случае камни лежат более плотно, во втором отмечено больше пустот, заполненных супесью. Супесь за пределами курганных насыпей имеет коричневый цвет, в насыпи кургана № 2 (западного) она тёмно-серая, сильно гумусированная. Между пикетами 1—2 и 18—19 в разрезе представлены противоположные участки ровика, имеющие вид неглубоких (0,10—0,12 м) выемок с пологими стенками. Ровик выкопан в материке. На большей части вскрытой площади, отражённой в разрезе, материк представлен песчано-галечно-гравийными отложениями, в которых изредка встречаются мелкие валуны.

Разрез по линии 7—7. Включал пикеты А', А—Л, пересекал насыпь кургана № 2 (западного) в направлении юг — север и фиксировал участки ровика с северной и южной сторон. Границы курганной насыпи установлены между пикетами Г—З. Видно, что на «подушке» курган изначально был расположен асимметрично, несколько ближе к северной границе. Дерново-гумусный слой по визуальным данным не имел нарушений. Он покрывал всю поверхность. Его толщина варьировала незначительно, в пределах 0,06—0,11 м. Камни в насыпи лежали с минимальными промежутками, заполненными супесью. За пределами насыпи мощность коричневой супеси достигала 0,3 м. Ниже слоя супеси и под каменной насыпью располагался материковый слой из песчано-галечно-гравийных отложений. Разрез фиксировал единственное нарушение материковых отложений — участками

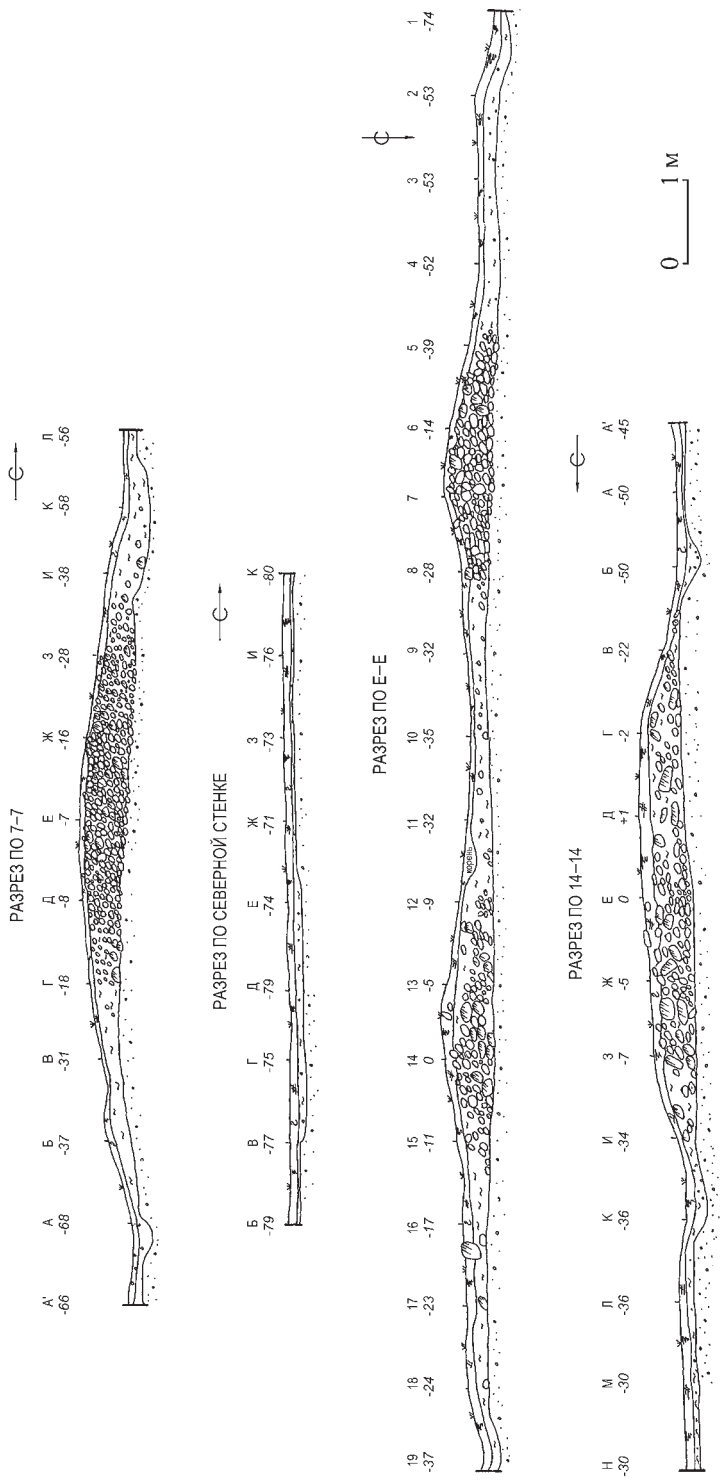

Рис. 25. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край), разрезы курганов 1, 2

ровика, ширина которого достигала 1,9 м в северной части профиля (пикеты З—Л) и 0,53 м — в южной части (пикеты А'—Б). Его максимальная глубина на этих участках составляла, соответственно, 0,22 и 0,16 м.

Разрез по линии 14—14. Данный профиль располагался в раскопе параллельно вышеописанному разрезу по линии 7—7 (с юга на север), включал пикеты А', А—М. Пересекал насыпь восточного кургана, имеющую в разрезе вид трапеции. На «подушке» насыпь (в современном состоянии) располагалась по всей её ширине, но изначально была смещена к северному краю. Визуально отмечается полная задернованность поверхности. Мощность дерново-гумусного слоя довольно значительная — от 6 до 18 см. При этом могли иметь место локальные повреждения почвенно-растительного слоя, так как между пикетами З—Ж и Ж—Е видны «подвешенные» камни, смещение которых от первоначального положения, как мы полагаем, произошло именно по этой причине. Камни в насыпи лежали не плотно. Отчасти это связано с её естественным разрушением под воздействием времени, но видно и то, что изначально между камнями насыпался грунт в довольно большом количестве. Таким грунтом явилась серо-коричневая супесь с гравием и галечником. Её гумусированность незначительная, более заметная в верхней части насыпи, что объясняется инфильтрацией гумуса по корневой системе. Разрез пересекал два участка ровика. С северной стороны ширина ровика около 1 м, глубина — 0,12 м; с южной он более узкий (около 0,8 м) и глубокий (до 0,22 м). Участки ровика — единственные углубления в материковом слое, фиксируемые этим разрезом. Материк представлен песчано-галечно-гравийными отложениями.

Разрез западной стенки раскопа по линии 1—1. Стенки раскопа, вынесенные не только за пределы насыпи, но и за пределы «подушки», никакой археологической информации не содержали. Они однотипны: слой дёрна, подстилаемый тонким стерильным слоем супеси, содержащей гравий и мелкий галечник, и слой материкового аллювия. Исключением являлась западная стенка, в которой отражена вышеописанная стандартная ситуация и зафиксирован достаточно протяжённый участок ровика. Дневная поверхность западной стенки сравнительно ровная и почти горизонтальная. Дерново-гумусный горизонт представлен тёмно-серой сухой супесью с малым количеством камней, без видимых признаков нарушения. Его мощность 0,08—0,12 м. Подстилала его коричневая рыхлая супесь с мелким галечником и гравием, мощностью от 0,02 до 0,04 м. Между пикетами В—Ж виден разрез продольного сегмента ровика, длина разреза 3,25 м, глубина — 0,06—0,08 м. Дно ровное. Уступы выражены отчётливо: у пикета В он более крутой. С северной стороны уступ более пологий, высотой около 0,04 м. В заполнении ровика та же рыхлая коричневая супесь, что и в окружающем слое.

Макетная реконструкция насыпей курганов (ил. 5)

Курган № 1 (восточный): диаметр основания — 3,6 м; высота — 1,4 м; периметр — 11 м. Курган № 2 (западный): диаметр основания — 3,25 м; высота — 1,15 м; периметр — 10,3 м. Так как при реконструкции курганов выкладывалась насыпь только из камня (без добавления грунта), то реальные курганы, вероятнее всего, имели несколько больший объём.

Вывод. По ландшафтному расположению курган № 2 долинный, сооружён на песчаной подушке, имеет ровик, форма кургана овальная, диаметр 5×4 м, высота 0,25 м, структура кургана каменная с включениями древнего дёрна, курганные камни со следами огня, под курганом могильное углубление овальной формы, ориентированное СВ—ЮЗ, размером 1,6×1 м. Среди находок каменной насыпи лепная крашенная в малиновый цвет керамика, боковые стенки сосудов с горизонтально прочерченным орнаментом, трубчатые, тазовые кости человека, фрагмент фаланги. Курган, вероятно, имел предварительную разметку. Материал кургана соответствует культурам эпохи раннего металла, в большей степени янковской культуре, и может быть датирован I тыс. до н.э.

* * *

Таким образом, насыпи обоих курганов являются искусственными древними сооружениями, сделанными для перекрытия углублений, размер и форма которых позволяют считать их могильными ямами. Визуальные характеристики остеологического материала, обнаруженного в насыпи и под насыпью кургана № 2, а также в ровике, дают право считать его принадлежностью названного объекта. Технология сооружения курганов, наличие у них общего основания, другие особенности, отмеченные в процессе раскопок, свидетельствуют об одновременном возведении 1-го и 2-го курганов, что не исключает наличия определённого приоритета при возведении насыпей.

Находки фрагментированных частей лепных сосудов с характерной орнаментацией, каменный инвентарь, стратиграфические и планиграфические наблюдения позволяют синхронизировать сооружение обоих курганов и датировать их в пределах I тыс. до н.э. В это же время широкое распространение в археологических культурах Приморья имели плечиковые мотыги, одна из которых обнаружена в насыпи восточного кургана.

КУРГАН № 3 (КАМЕННЫЙ)

(рис. 26—28, ил. 7, 8)

Расположен в 37 м к югу — юго-востоку от раскопа 1, вблизи левого борта долины, в 70 м от подножия ближайшей сопки, на правом берегу давно заросшего русла реки. Раскоп заложен в лиственном лесу, в котором преобладали дуб и чёрная берёза. При осмотре объект исследования

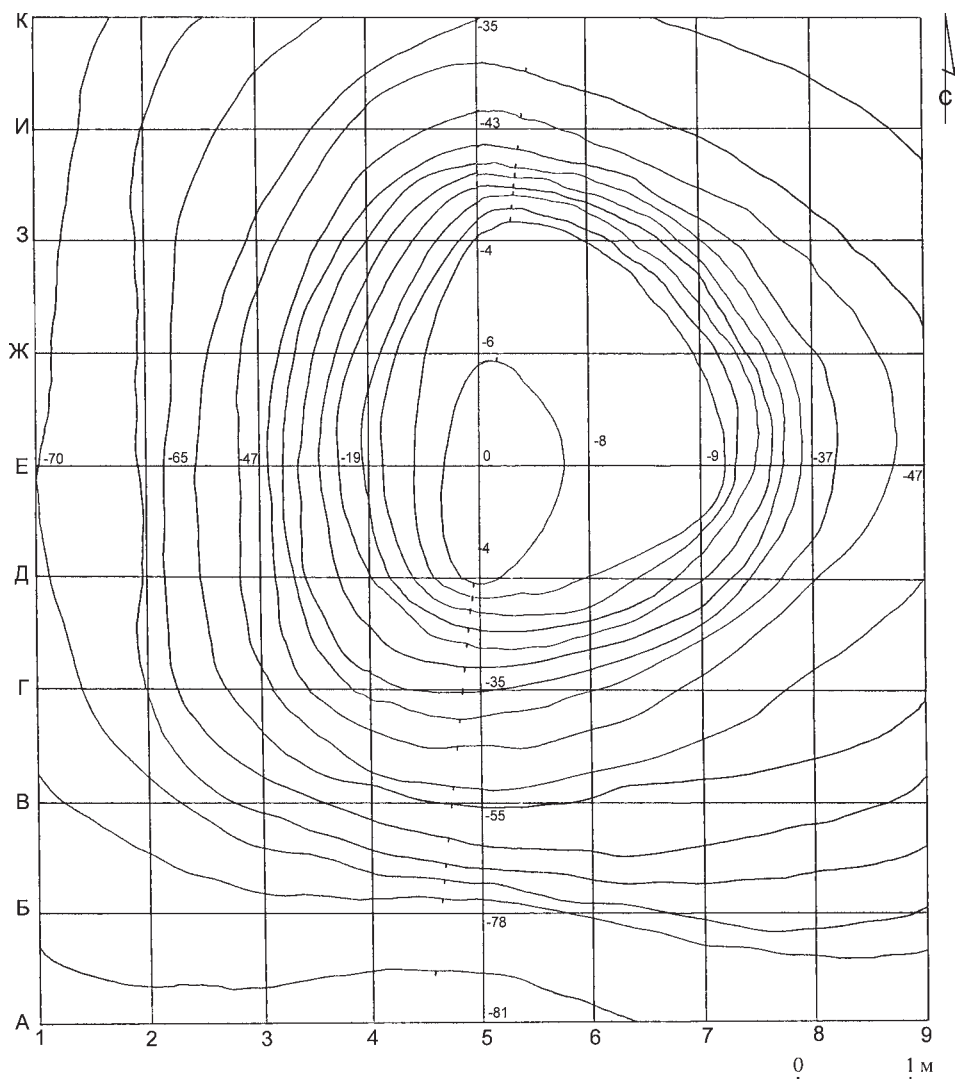

Рис. 26. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край),
Нивелировочный план дневной поверхности кургана № 3

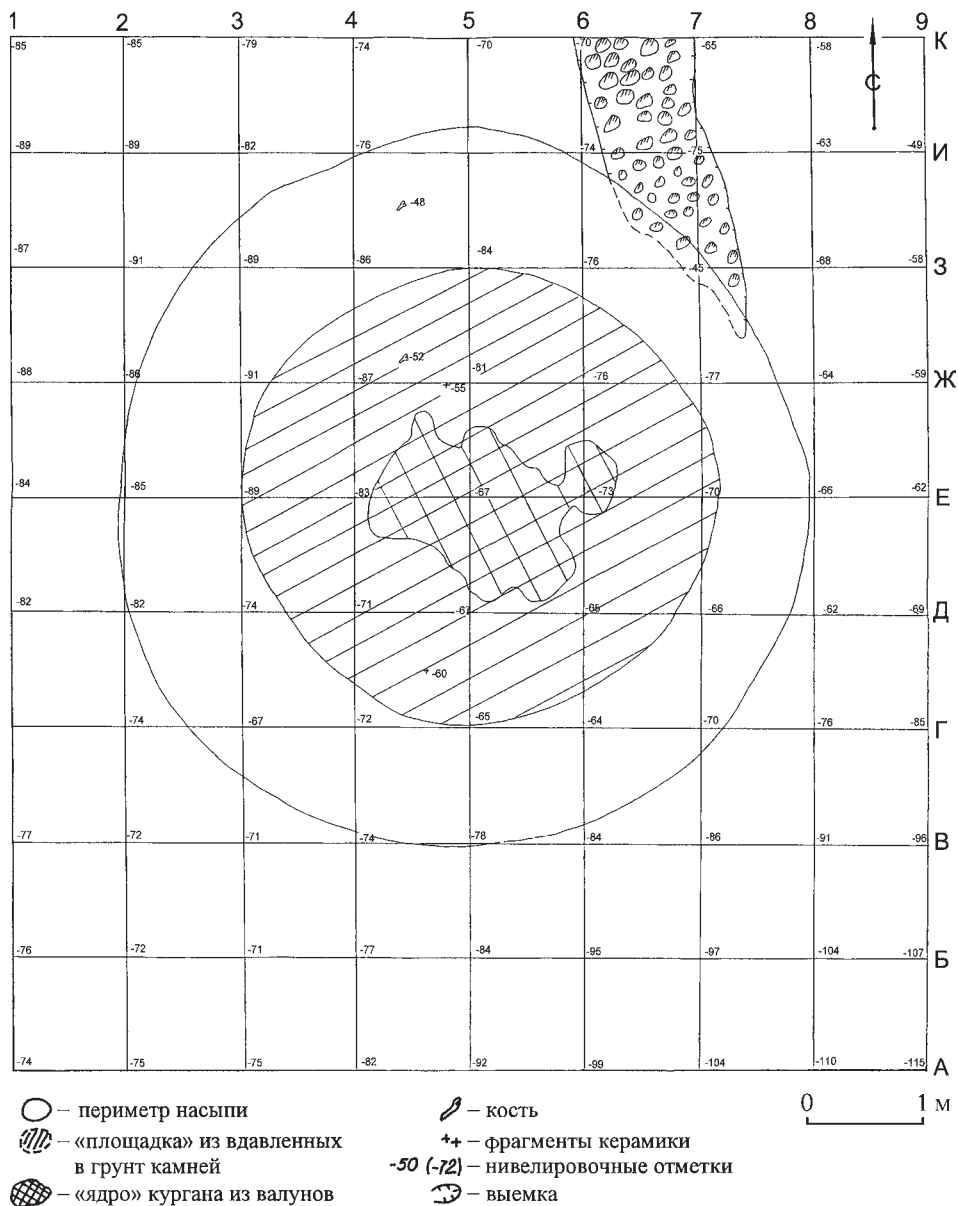

Рис. 27. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
План кургана № 3 и находок

воспринимался как округлая в плане и трапецевидная в сечении насыпь, состоящая преимущественно из камней, перекрытых в верхней части очень слабым дёрном. Его периметр — 19,7 м. Диаметр около 6 м (6,0 и 6,3 м). Относительная высота достигает 1 м. Визуальный осмотр и разведочные

раскопки показали отсутствие ровика. Объяснение этому мы получили после изучения структуры насыпи, сложенной только из камня. Прямоугольный раскоп поставлен с таким расчётом, чтобы включить полностью насыпь вместе с отдельными камнями, некогда скатившимися с неё и кое-где торчавшими из дёрна. Раскоп ориентирован север — юг. В этом направлении расположены пикеты А—К, маркирующие 9-метровую сторону. С запада на восток поставлены цифровые пикеты (1—9), маркирующие 8-метровую сторону. Общая площадь составляет 72 м². Линии разрезов расположены по 5—5 и Е—Е. Площадь, включённая в раскоп, имеет уклон, более выраженный в восточной части. Все перепады высот показаны на нивелировочном плане дневной поверхности.

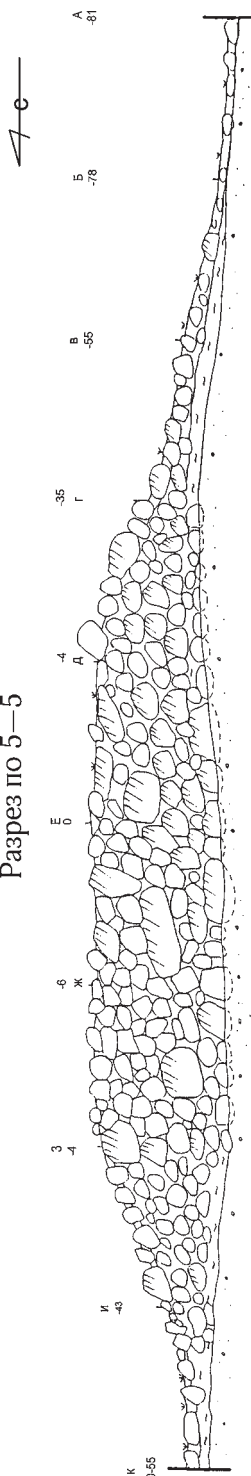
Насыпь каменного кургана № 3

После снятия дёрна по всей поверхности раскопа, кроме оставленных контрольных бровок, производилась последовательная разборка каменной насыпи. Обнаружено, что в верхней части насыпи преобладали средние и крупные валуны сильной окатанности. Встречен единственный угловатый обломок горной породы, взятый не из русла реки, а со склона горы. Между камнями находилась гумусированная чернозёмовидная почва, но в значительно меньшем количестве, чем в курганах № 1—2. Её аккумуляция в данном кургане, видимо, не являлась результатом технологии сооружения насыпи, а произошла путём естественного накопления гумуса в пустотах между камнями. В самом основании насыпи, на материковой поверхности, в центральной части кургана находился очень крупный валун размером 0,60×0,35×0,40 м, рядом с которым оказалось ещё несколько весьма крупных камней, хотя и уступающих ему по размеру и массе. В нижней части насыпи также в количественном отношении преобладали окатанные валуны, но слегка увеличилось количество скальных обломков. Мы насчитали 8 таких глыб в насыпи и 1 — под насыпью на древней дневной поверхности.

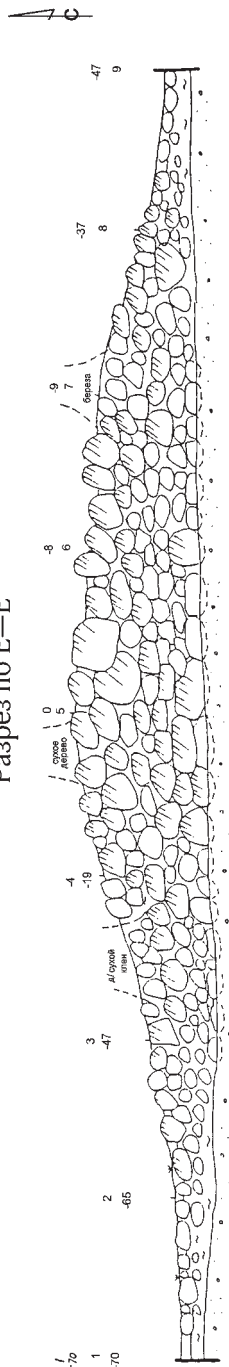
Ям или каких-либо других искусственных углублений под насыпью не обнаружено. Кроме указанных выше фрагментов керамики и косточек, других находок нет. Важно подчеркнуть, что в насыпи и под ней не найдено ни одного современного предмета.

Материком в средней части и в СВ секторе раскопа является галечник (диаметр 3—5 см) с песком. Это наиболее высокое место в микро-рельефе раскопанного участка. На пониженных местах материком служит коричнево-жёлтая супесь, в которой галечник представлен в виде неосновной фракции. В северной части раскопа, в кв. Ж—И/6, 7 выявлено

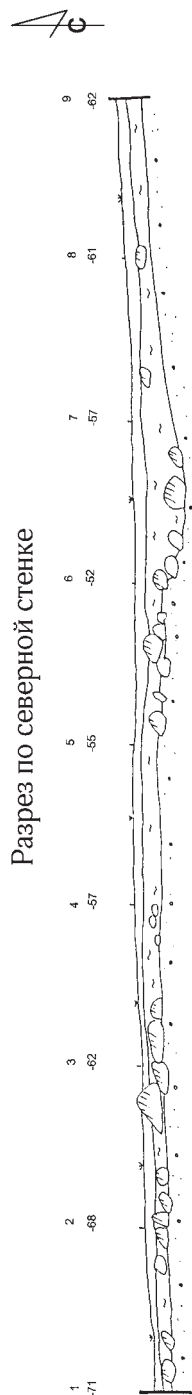
Разрез по 5—5

Разрез по Е—Е

Разрез по северной стенке

— дёрн ~~~ — супесь гумусированная ••••• — гравийно-галечник ∞ — камни

Рис. 28. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край). Разрезы кургана № 3

материковое углубление природного генезиса, видимо, след от временного водотока. Такое предположение основано на форме данного углубления, ориентации в сторону русла реки, особенностях микрорельефа. Вероятно, это произошло в то время, когда у кургана ещё сохранялась первоначальная форма насыпи. Позже скатившиеся с неё камни заполнили эту выемку.

Находки кургана № 3

В северо-западном секторе в средней части насыпи обнаружены два фрагмента костей (кв. Ж/4, н.о. –52; кв. З/4, –48) и небольшой (~ 2,5×2,0 см) красновато-коричневого цвета обломок тулова лепного керамического сосуда (н.о. –55), в кв. Е/4. В юго-западном секторе, кв. Г/4 (н.о. –60), обнаружен ещё один фрагмент лепного сосуда толщиной 0,8 см, почти в точности совпадающий по величине с первым (~ 2,5×2,2 см). Изучение разрезов особенно важной информации не добавило. Видно, что первоначальная высота насыпи была значительно больше. При строительстве грунт между камнями не засыпался, как в курганах № 1 и 2. Смещение камней из верхнего положения на успевающую покрыться дёрном поверхность происходило постепенно. Кроме того, естественным образом происходило почвообразование и между неплотно лежащими камнями.

Стратиграфические разрезы раскопа кургана № 3

Разрез по линии Е—Е. Профиль ориентирован с запада на восток, включает пикеты 1—9. Документирует современное состояние курганной насыпи. В разрезе отмечены три дерева, корневая система которых располагается внутри каменной насыпи. Дёрн тонкий, особенно в верхней части насыпи; многие камни частично выступают на дневную поверхность. Ниже по склону насыпи и у её подножия мощность дёрна возрас- тала до 0,1 м. Под дёрном до самого материкового основания в разрезе представлены валуны, глыбы, крупный галечник. Супесь между камнями прослеживалась, но в очень малом количестве. В периферийной части, между пикетами 1—3, 7—9, количество рыхлого заполнителя увеличива- лось. При этом разрез фиксировал факт перекрытия супеси камнями на- сыпи мощностью 0,1—0,6 м.

Материком служил речной аллювий, состоящий из песчаной и галеч- но-гравийной фракций. Основание кургана было вдавлено в материко- вые отложения.

Разрез по линии 5—5. Ориентирован север — юг. Включал пикеты А—К. За- фиксирован разрез трапецевидной в профиле каменной насыпи, перекрытой

тонким дёрном, мощность которого возрастала к подножию. Всё сказанное относительно вышеописанного разреза по линии Е—Е применимо и к данному случаю.

Характеристика стенок раскопа. Все стенки раскопа в стратиграфическом отношении обладали следующими общими чертами. Они не содержали существенной археологической информации; имели одинаковую стратиграфию; очень небольшую мощность. Это подтверждает разрез северной стенки по линии К—К. Выбор данного профиля связан с наличием в нём дополнительного элемента в виде промоины.

Разрез северной стенки по линии К—К. Современная дневная поверхность имела уклон с востока на запад, равный 0,5 м на расстоянии от пикета 9 до пикета 1. Дёрн не нарушен, его толщина варьировала в пределах 0,05—0,11 м. Ниже располагалась рыхлая коричневая слабо гумусированная супесь. Компонентом этой супеси являлись несколько больших камней, скатившихся с насыпи. Это свидетельствует о том, что формирование данного слоя происходило после того, как был насыпан курган. Мощность слоя супеси 0,1—0,2 м. Но между пикетами 6—7 виден пологий профиль углубления, образованного, по нашему мнению, вследствие воздействия природных факторов. Его глубина едва достигает 0,1 м, стенки асимметричные, плавно переходят в слегка вогнутое дно. В заполнении помимо супеси отмечено несколько валунов из насыпи, залегающих на её дне, это показывает, что выемка образовалась уже после того, когда началось разрушение каменной насыпи. Материком в этом разрезе являлись песчано-гравийно-галечные аллювиальные отложения.

Вывод. По ландшафтному расположению курган долинный, без «подушки» и ровика, по форме круглый, диаметр 4 м, высота 1 м, по составу каменный, без могильного углубления. Сложен на поверхности древнего берега одного из русел реки. Нижние камни под весом насыпи вдавились в мягкую кровлю имевшихся здесь отложений. Первоначальное основание кургана имело форму круга. В средней части круга располагалось несколько крупных камней. Среди находок каменной насыпи лепная керамика с горизонтально прочерченным орнаментом, фрагменты трубчатых костей человека. Материал кургана соответствует культурам эпохи раннего металла, в большей степени янковской культуре, и может быть датирован I тыс. до н.э.

Реконструкция кургана № 3

Макетная реконструкция кургана показала, что высота каменной насыпи кургана от уровня дневной поверхности могла достигать 2,3—2,5 м, диаметр основания — 4,5 м, периметр — 15,8 м.

КУРГАН № 4 (рис. 29—34, ил. 9—11)

Расположен в 273 м к западу — северо-западу от курганов № 1, 2. Дислоцирован на северной оконечности рёлки — овально-вытянутой островной возвышенности, не имевший существенных отличий от большинства других. Размеры рёлки с запада на восток — 18 м, с юга на север — 8 м. Поверхность рёлки задернована, на ней росли два отдельно стоящих небольших деревца и кустарник. Курганная насыпь находилась ближе к северному склону рёлки (рис. 20, 29).

Раскоп площадью 62 м² включал курганную насыпь и часть прилегающей поверхности субстратной возвышенности. Буквенное обозначение пикетов, поставленных через 1 м, ориентировано с запада на восток (А—М), цифровая нумерация (1'—1—7) — с юга на север. Вершина кургана расположена на пересечении линий Ж/4. Для контроля за стратиграфией кургана оставлены разрезы по линиям Ж—Ж и 4—4. Нивелировочные отметки отсчитывались от нулевого репера, взятого на вершине кургана (рис. 34).

Насыпь кургана № 4

Какие-либо признаки повреждения насыпи отсутствовали. Насыпь имела овальную в плане форму размером 4,0×3,5 м и почти трапециевидное сечение. На дневной поверхности визуально различимы отдельно выступающие камни (рис. 29, 30). После снятия дёрна и зачистки вскрытая поверхность повторяла абрис дневной. Дёрн — тёмно-серая гумусированная супесь. Мощность дёрна от 0 на вершине до 0,15 м в основании кургана и у стенок раскопа. В центральной части насыпи в кв. Е—Ж/3—4 в 2 м от вершины залегали плотно уложенные валуны и крупная галька. Отдельные каменные скопления фиксировались в направлении восток — запад. Максимальный радиус разброса валунов по раскопу 3 м. Преобладали мелкие и средние окатанные валуны.

Камни имели горизонтальное расположение. Исключением являлась северо-восточная периферия кургана, где обнаружены две удлинённые гальки в вертикальном положении. В подошве насыпи отдельно залегали два плоских грубообломочных камня.

Кроме камней заполнением курганной насыпи служила тёмно-коричневая, тяжёлая гумусированная супесь, составлявшая от 5 до 50% состава содержания. Количество сыпучего заполнителя увеличивалось по глубине насыпи; под курганом он представлен жёлто-коричневой супесью, идентичной пойменным отложениям.

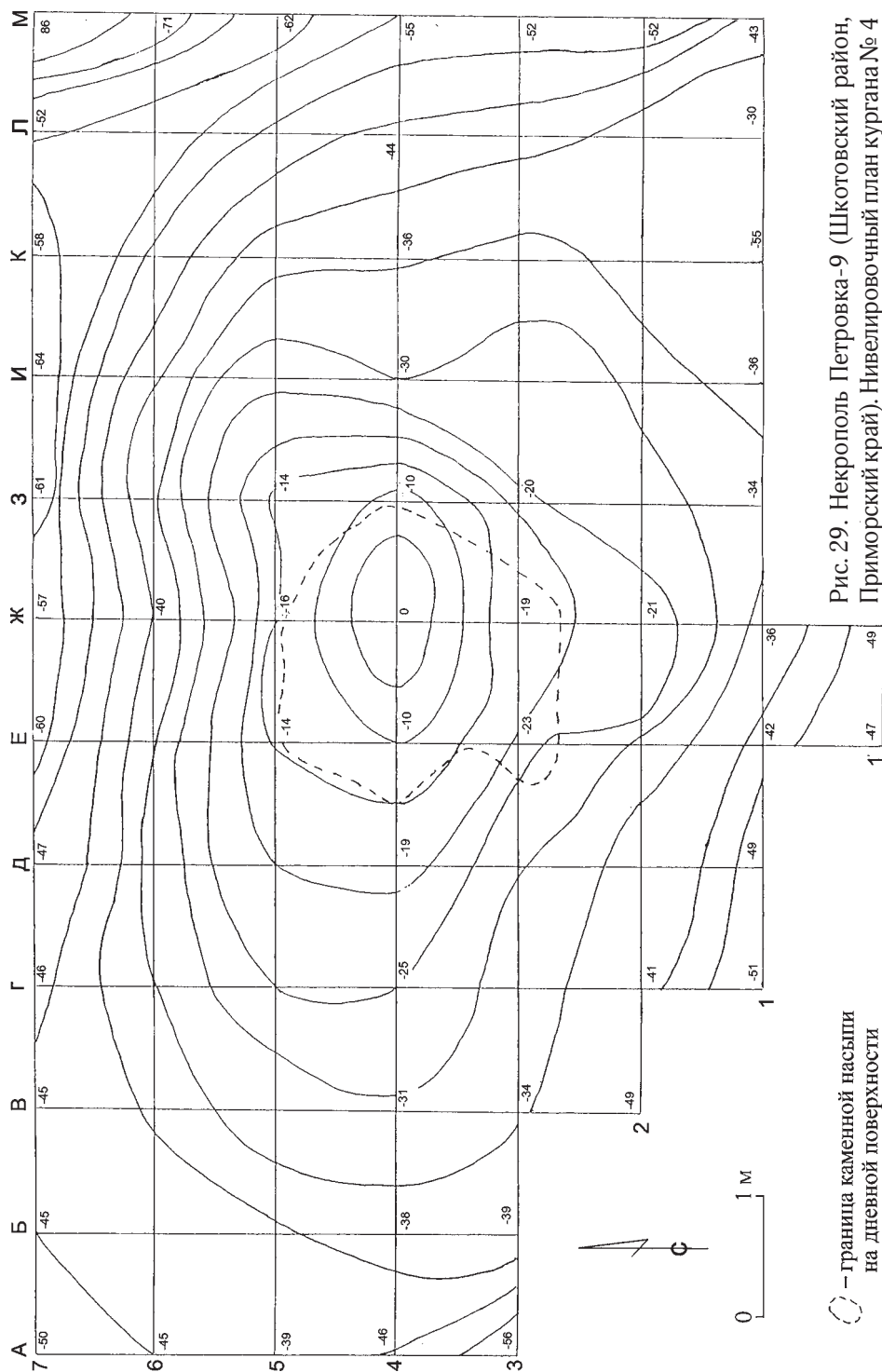

Рис. 29. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край). Нивелировочный план кургана № 4

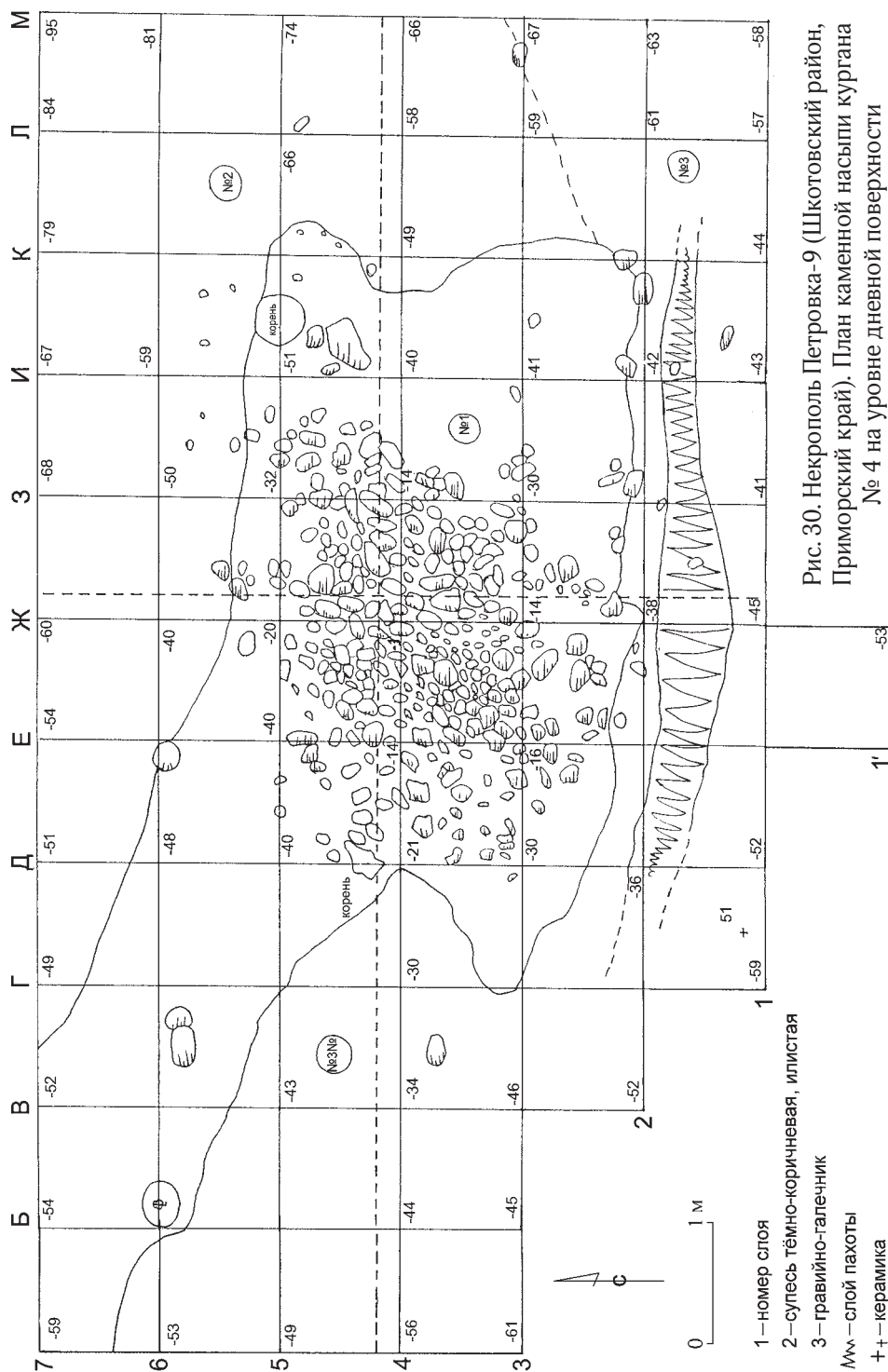
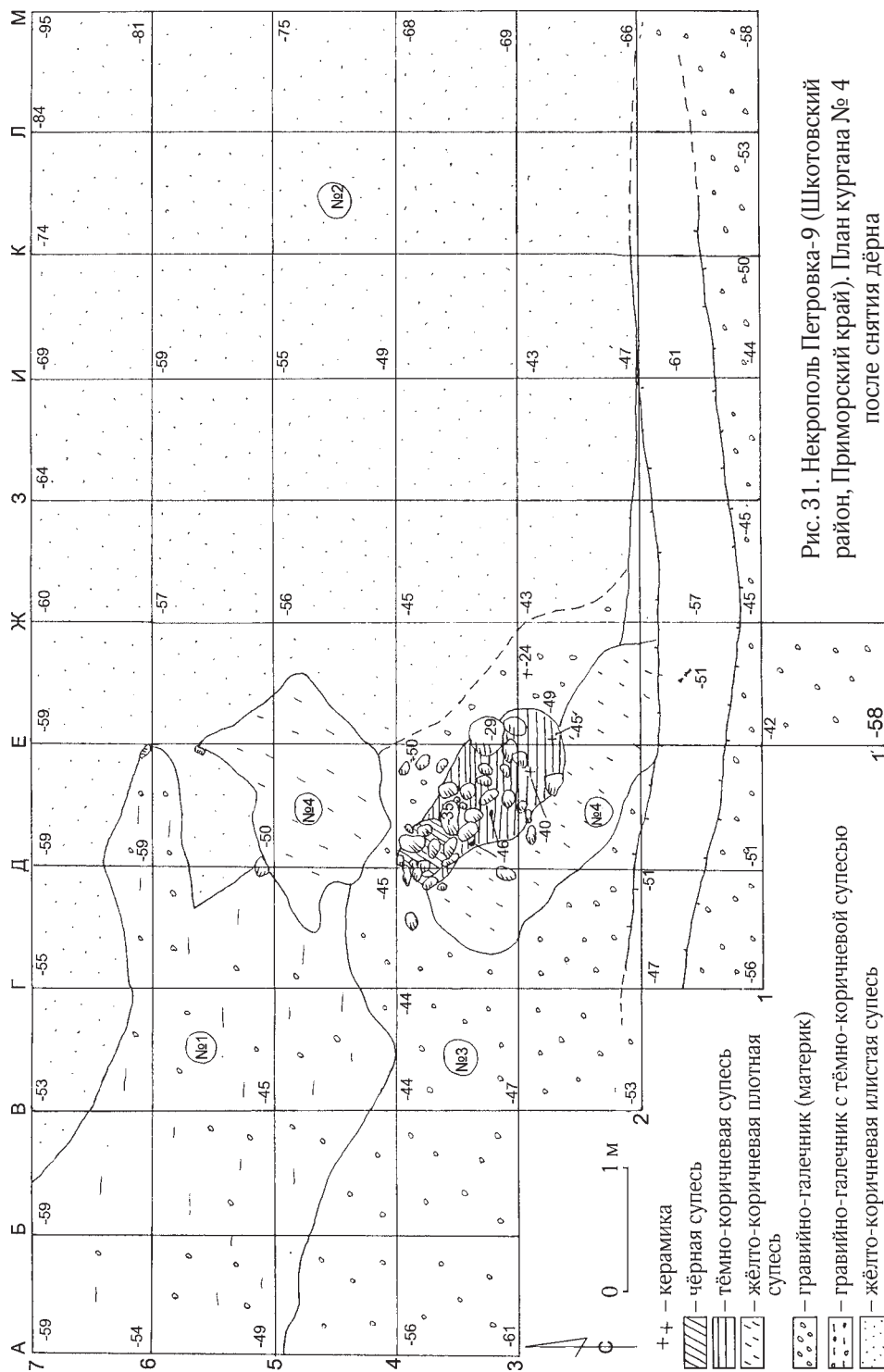

Рис. 30. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край). План каменной насыпи кургана № 4 на уровне дневной поверхности

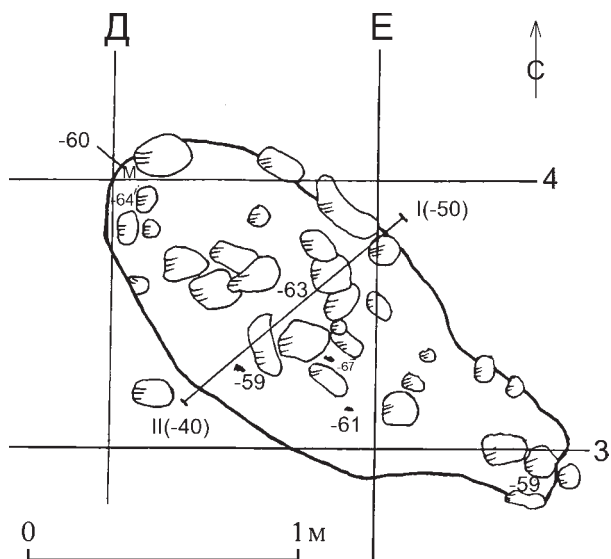

Рис. 32. Некрополь
Петровка-9
(Шкотовский район,
Приморский край).
План и разрез
могильной ямы
кургана № 4

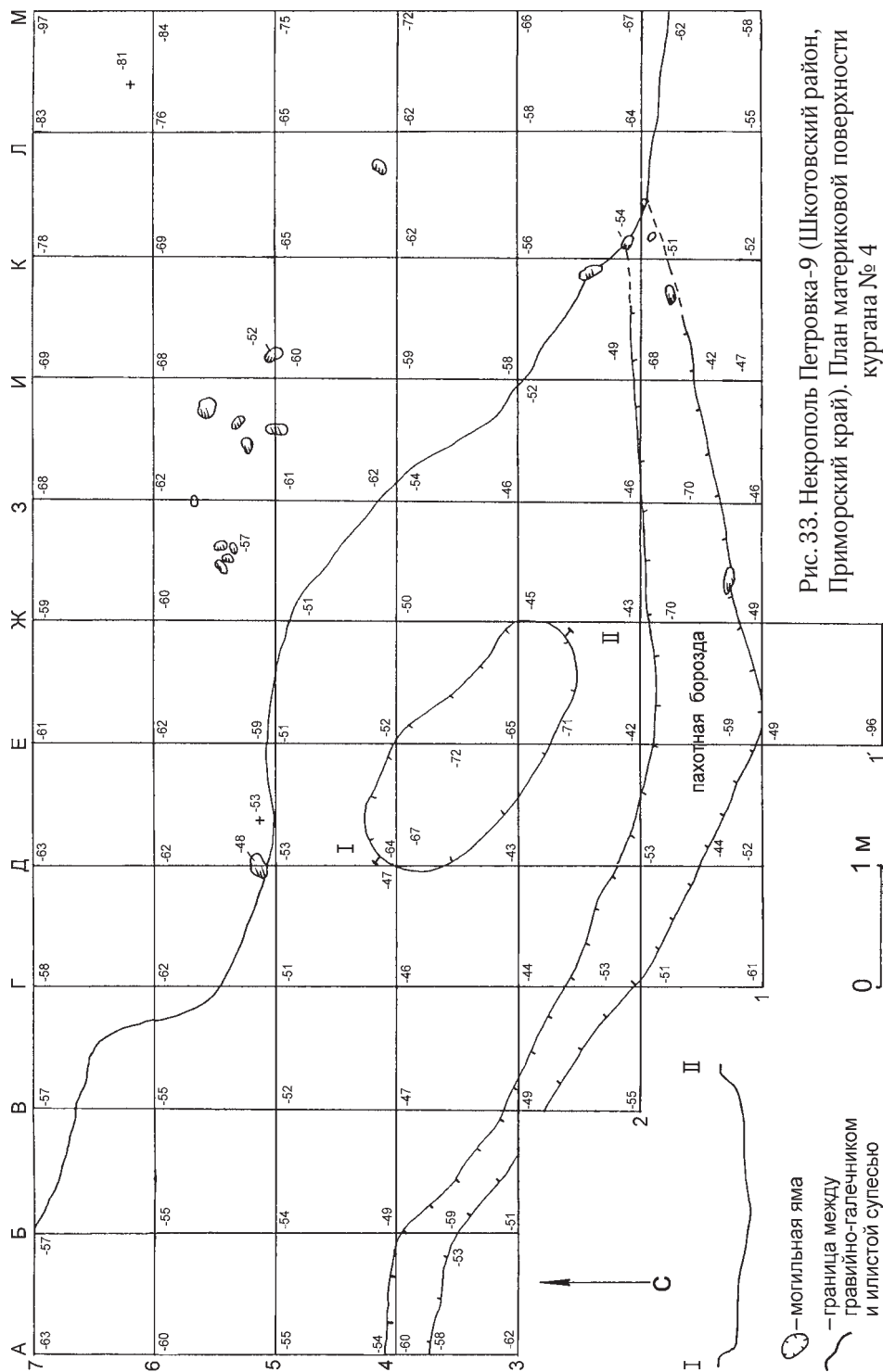

Рис. 33. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край). План материковой поверхности кургана № 4

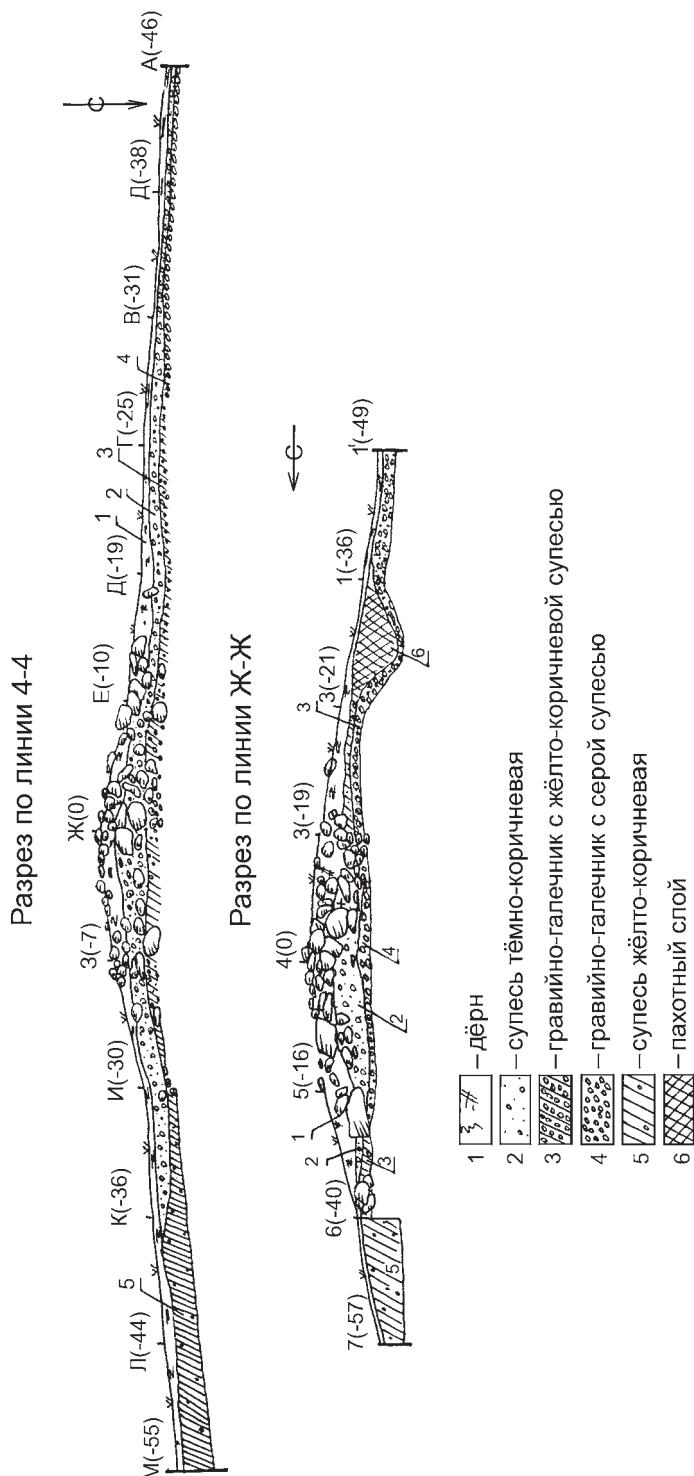

Рис. 34. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Разрезы кургана № 4

Супесь распространялась по значительной части раскопа и простиралась с востока на запад через вершину кургана полосой 1,5—4,0 м. С южной и западной сторон курган окаймлялся плотным слоем гравийно-галечных отложений, с северной и восточной — вязкой коричнево-жёлтой супесью. С южной стороны, по линии кв. 1, отмечена продольная пахотная полоса чёрной гумусированной супеси. Планиграфическое расположение гравийно-галечных отложений и илистых (пойменных) накоплений характеризует генезис дневной поверхности, возможно, связанный с тыловой частью высокой поймы.

При снятии дёрна в его верхней части выявлен достаточно традиционный, как стало ясно из предыдущих раскопок, набор современных артефактов военного назначения — гильзы, патроны и др.

Камней в насыпи много, но лежали они с большими или меньшими промежутками, представление о которых дают профили (рис. 31). Промежутки между камнями изначально были заполнены грунтом, который насыпался в процессе возведения каменно-земляной насыпи. Со временем они увеличились. В разрезах хорошо видно, что насыпь деформирована естественным образом (смещение рыхлых и твёрдых пород по склоновой поверхности). После снятия курганной насыпи в южной части раскопа, кв. Г—Е/2—3, зафиксировано могильное пятно подпрямоугольной формы, заполненное тёмно-коричневой липкой супесью с включением валунов и крупной гальки. Высота насыпи кургана над могильным пятном 0,47 м. Размер пятна 1,65×0,75 м. Оно вытянуто длинной стороной по направлению северо-запад — юго-восток. В северной части пятна, кв. Д/3, отмечен округлый в плане абрис диаметром 0,45 м, заполненный чёрной жирной супесью, остатками кремации. На его поверхности находились два мелких (1,0—1,5 см) кусочка древесного угля. С юго-запада могильное пятно окантовано плотным (утрамбованным?) слоем жёлто-коричневой супеси с незначительным количеством гравия. Аналогичная площадка фиксировалась и с северной стороны. Контактная зона «южной» площадки с пятном имела более тёмный, почти сургучно-коричневый цвет и содержала незначительное количество мелких фрагментов древесного угля. Мощность плотного слоя площадок — 0,05 м. С северо-западной и южной сторон к могильному пятну прилежала гравийно-галечная толща с супесчаным заполнителем. С северо-восточной и восточной сторон простиралась жёлто-коричневая илистая супесь с редким включением гравия.

Расчистка заполнения пятна велась с оставлением контрольных разрезов. Пятно чёрной супеси в кровле заполнения по мощности не превышало 4 см. До уровня н.о. —64 в заполнении — тёмно-коричневая супесь, влажная, с включением мелких валунов и гальки (40%). В этом слое

зафиксировано четыре мелких фрагмента древесного угля (н.о. —59—67). На н.о. —64 могильное пятно с юго-восточной стороны сузилось, приобрело грушевидную форму.

В интервале н.о. (—64)—(—72) (последняя отметка — дно могилы) в заполнении фиксировалась только сухая тёмно-коричневая супесь с отдельными мелкими валунами, галькой и незначительным включением гравия. При расчистке пятно приобрело подпрямоугольную форму. Дно могилы ровное, горизонтальное, слегка приподнято по краям, выложено (отсыпано) тонким слоем гравия и галечника. После окончательной расчистки размеры могильной ямы оказались больше первоначально фиксируемого пятна и составили 2,38×1,0 м. Находок в заполнении ямы не обнаружено.

Находки кургана № 4

В кургане обнаружено несколько фрагментов круговой сероглиняной посуды. При зачистке после снятия дёрна найдены: кв. 3/3 — фрагмент придонной части толстостенного сероглиняного кругового сосуда, часть дна с нижней стороны у него отслоилась, и в кургане её не оказалось; второй фрагмент от этой же части сосуда, соединённый с вышеописанным, найден в кв. Ж/3; кв. Е/6 — фрагмент шейки профилированного сероглиняного кругового сосуда.

При разборке насыпи и зачистке выявлены ещё несколько обломков стенок сосудов. Кв. Д—Е/2 — два фрагмента круговой сероглиняной керамики от тулова сосуда (н.о. —24, —45); кв. Г/1 — фрагмент венчика круговой сероглиняной керамики (н.о. —68). Кв. Д/6, при зачистке по матерiku — два фрагмента тулова кругового сосуда. Кв. Л/6 — фрагмент тулова кругового сосуда, обнаруженный при зачистке материка. Таким образом, в кургане № 4 содержалась керамика эпохи средневековья, датируемая в интервале XII—XIII вв. Интерес представляет находка первичного отщепа с двумя противоположащими искусственными выемками, видимо, подвеска (рис. 31, а).

Стратиграфические разрезы раскопа кургана № 4

(рис. 34, ил. 11)

Разрез по линии Ж—Ж. Почвенно-растительный слой практически отсутствовал на вершине кургана, по краям насыпи он составлял 0,15 м, за границами насыпи — 0,04 м.

В центральной части (кв. 2—6) разрез зафиксировал строение кургана, представленное валунами и галькой с супесчаным заполнителем тёмно-коричневого цвета с незначительным включением гравия. Концентрация камней наблюдалась в кровле по центру кургана и в кв. 3 в подошве

насыпи. В кв. 5 обнаружен одиночный грубообломочный камень. Материком в южной половине разреза являлись гравийно-галечные отложения, в северной, в кв. 5 — жёлто-коричневая илистая супесь. Мощность курганной насыпи 0,47 м.

В кв. 1 зафиксирован конусовидный врез, заполненный гравийно-галечником с тёмно-серым гумусированным заполнителем — пахотная борозда.

Разрез по линии 4—4. Почвенно-растительный слой распространялся по всему разрезу, на вершине кургана остатки почвы фиксировались между камней. Мощность 0,14 м по краям кургана и 0,03—0,06 м — за пределами насыпи. Валун и крупная галька фиксировались между пикетами Д и З с концентрацией в восточной половине разреза. В заполнении насыпи — тёмно-коричневая супесь с галькой и гравием. Супесь распространялась за пределы границ расположения камней, резко обрывалась у пикета К и маломощным слоем простиралась за западную границу раскопа. Мощность курганной насыпи 0,42 м. Под насыпью зафиксирован плотный гравийно-галечниковый слой с жёлтой супесью (кв. Г—З). В западной оконечности разреза, начиная с квадрата В, материк представлен плотным гравийно-галечником с включениями серой супеси, с восточной стороны — илистой пойменной жёлто-коричневой супесью.

Разрез по северной стенке раскопа. Под почвенно-растительным (0,04—0,15 м) слоем залегали илистые пойменные отложения, материком служила жёлто-коричневая илистая супесь. Между пикетами А—Г фиксировалась прослойка тёмно-коричневой гумусированной супеси, выходящая за западную стенку разреза, мощностью 0,04 см.

Разрез по южной стенке раскопа. Почвенно-растительный слой слабый, у пикета М достигал 0,15 м. Дёрн по всему разрезу подстилался материковыми гравийно-галечниковыми аллювиальными отложениями.

Разрез по восточной стенке раскопа. Между пикетами 1—2 почвенно-растительный слой мощностью 0,10 м, подстилался гравийно-галечниковым материком, выходящим за границы раскопа.

Разрез по западной стенке раскопа. Почвенно-растительный слой мощностью 0,10 м подстилался материковым гравийно-галечным слоем. Между пикетами 6 и 7 фиксировалась прослойка тёмно-коричневой супеси с гравием, выходящая за границы раскопа. У пикета 4 отмечался чашевидный врез пахотной борозды.

Вывод. По ландшафтному расположению курган долинный, релочный, возведён без подушки и ровика, по форме круглый, диаметр 4 м, высота 1 м, по составу каменный, с могильным углублением подпрямоугольной формы (165×75 см). Наличие в могильном углублении чёрной жирной почвы свидетельствует о том, что захоронение совершено способом

кремации. Отсутствие следов сжигания на месте захоронения даёт основание предполагать, что кремация происходила «на стороне». Находок в могильном углублении не обнаружено, но в насыпи кургана зафиксированы сероглиняная круговая керамика, вероятнее всего, культуры приморских чжурчжэней, и каменный артефакт (подвеска). Таким образом, курган № 4 является погребальным сооружением, датируемым на основании находок сероглиняной круговой посуды эпохой средневековья, вероятнее всего, чжурчжэньским временем, т.е. XII—XIII вв.

КУРГАН № 5 (РАСКОП 4)

(рис. 35—40, ил. 12—13)

Расположен в 25 м к югу — юго-западу от кургана № 4 в средней части низкой рёлки, вытянутой параллельно течению реки и возвышавшейся над окружающей равниной на 0,5—0,7 м. Поверхность кургана покрыта орешником и отдельными небольшими деревцами. Во время сельскохозяйственного использования местности в XX в. здесь проходила граница пашни и рёлки.

Форма раскопа многоугольная. Площадь составляла 96 м². Нумерация метровых квадратов буквенно-цифровая. Буквенные литеры (А—П) ориентированы с запада на восток; цифровые (1—9) — с юга на север. Стратиграфические разрезы оставлены по буквенной линии З—З, по цифровой — 5—5.

На поверхности раскопа обнаружена железная борона, видимо, брошенная на «пригорок» и оставленная здесь после прекращения полевых работ. В верхней части дёрна выявлены гильзы и несколько звеньев лентобойм разного калибра.

Насыпь кургана № 5

(рис. 35—40)

Курганная насыпь имела полусферическое сечение, овальную в плане форму, длинной осью ориентирована запад — восток. Периметр насыпи составлял 17,6 м. Длина — 5,5 м. Ширина — 4,5 м, высота относительно окружающей поверхности рёлки — 0,7 м. После расчистки от растительности околокурганной поверхности стало видно, что с южной стороны рёлки есть уступ высотой 0,3—0,4 м. Не исключено, что происхождение уступа связано с сооружением кургана. С северо-восточной стороны кургана выявлен маленький дугообразно изогнутый ровик длиной 4,5 м; шириной 0,3—0,4 м; глубиной 0,07—0,09 м, начинавшийся в кв. М/5 у восточной, почти самой высокой точки насыпи и сходивший на нет в кв. 3/6.

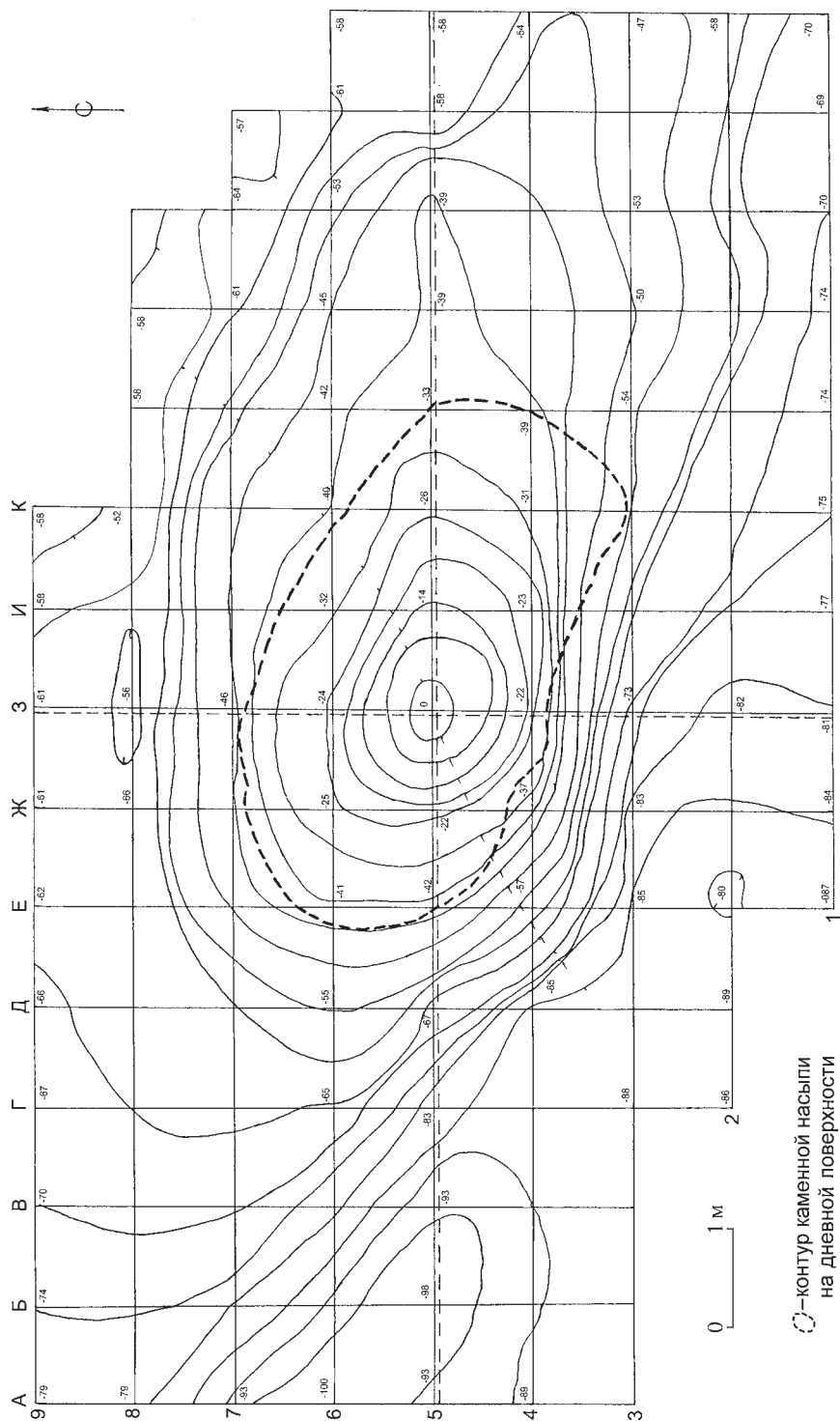

Рис. 35. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край). Нивелировочный план кургана № 5

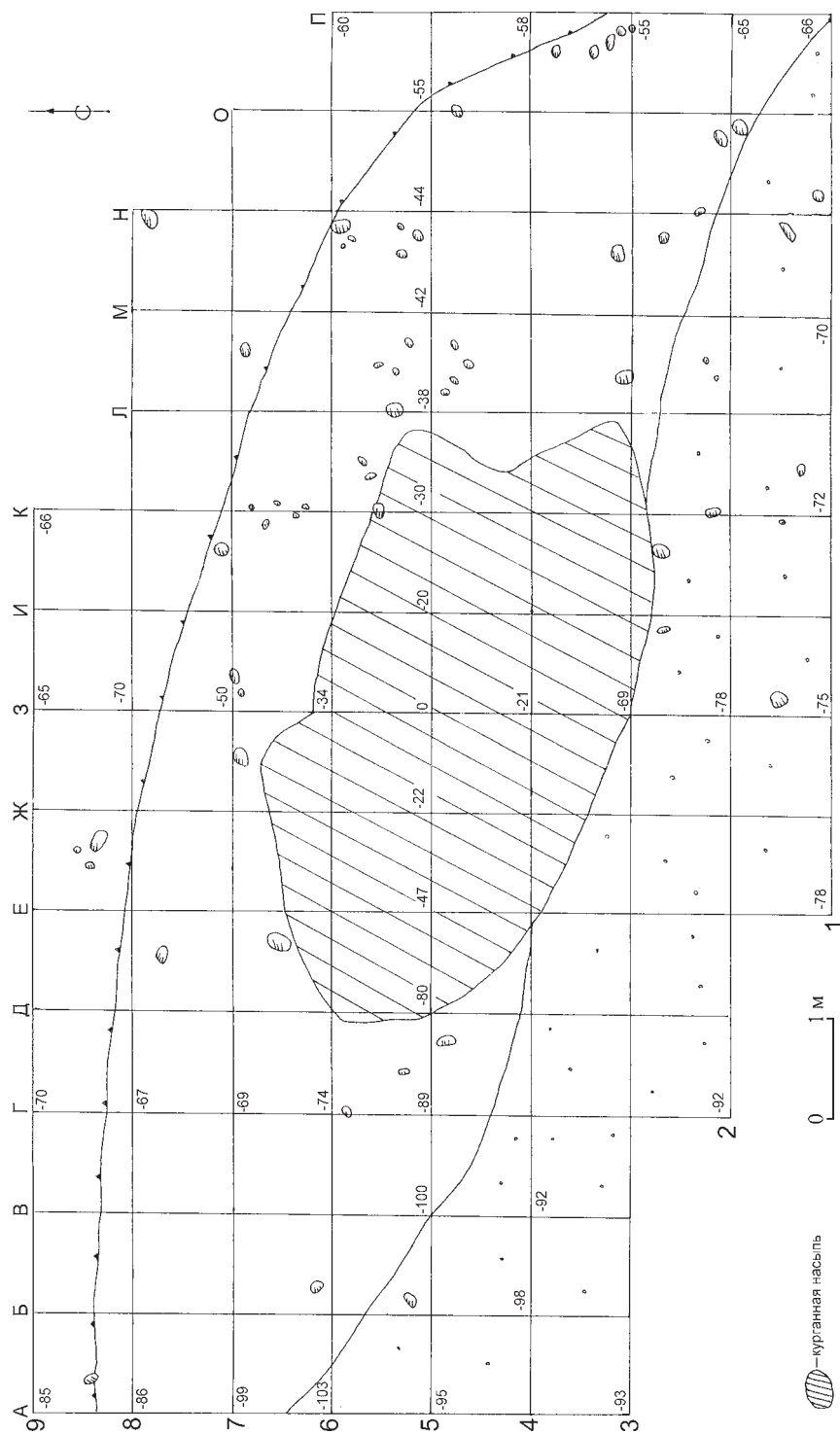

Рис. 36. Некрополь Петровка-9 (Шкоговский район, Приморский край). План кургана № 5 после снятия дёрна

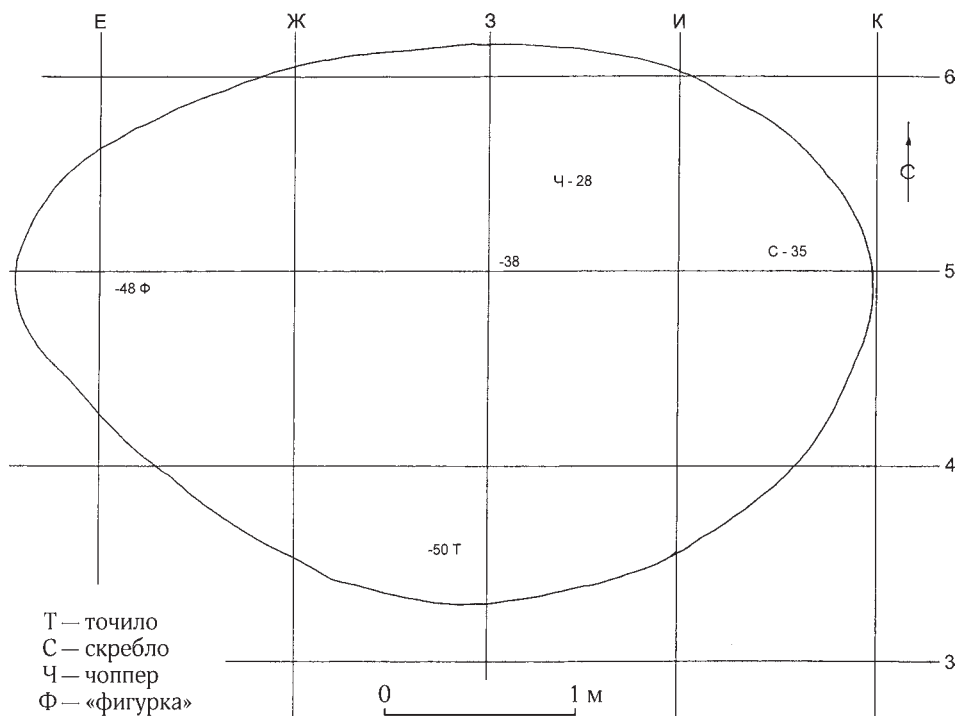
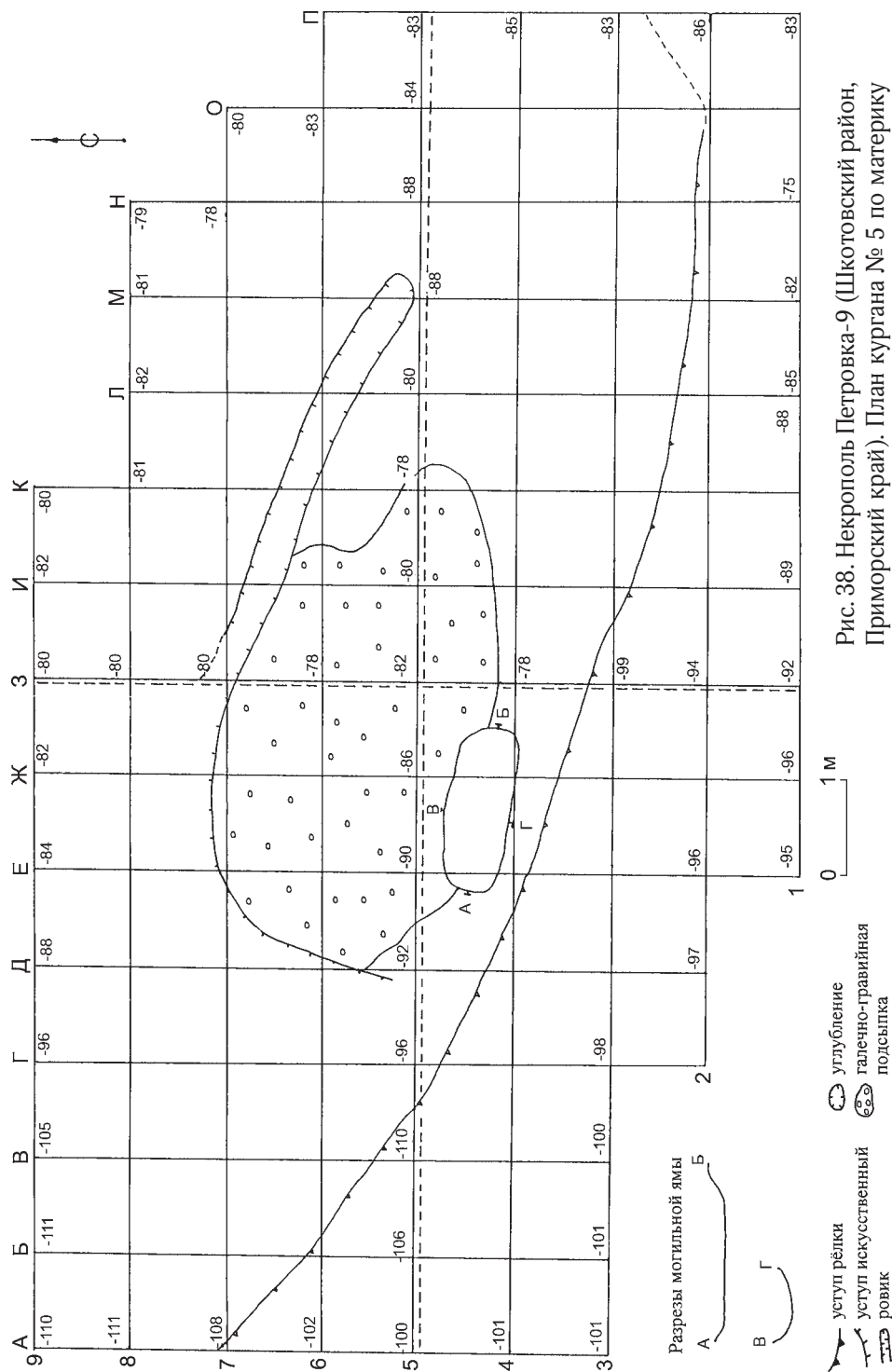

Рис. 37. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
План находок кургана № 5

Далее внутренняя стенка ровика сохранялась в виде уступа, а внешняя постепенно становилась полой. В связи с этим западная граница кургана имела низкий (до 0,1 м) уступчик. Выбранный из ровика грунт оказался перемещённым на древнюю дневную поверхность в виде тонкого (до 0,05 м) слоя, что выявилось после снятия курганной насыпи.

В насыпи встречались отдельные крупные валуны (0,40×0,30×0,20 м), но основным заполнением являлись средние и мелкие камни, а также крупный и средний галечник. Каменная насыпь была хаотично перемешана с чернозёмовидной супесью. Оплывание насыпи естественное. Все характерные детали, аналогичные деталям описанных выше курганов, зафиксированы в профилях.

В верхней части насыпи (почти на её поверхности) обнаружены четыре каменных артефакта, располагавшихся почти крестообразно, с ориентацией по сторонам света. С восточной стороны в кв. И/5 (н.о. –35) обнаружено скребловидное изделие (рис. 40, 2), с северо-восточной в кв. З/5 — чопперовидное орудие (н.о. –25) (рис. 40, 3); с южной в кв. Ж/3 — субпрямоугольное изделие из песчаника с абразивными следами как у точила (н.о. –50); с западной в кв. Е/4 — так называемый «кабанчик» — овальный плоский

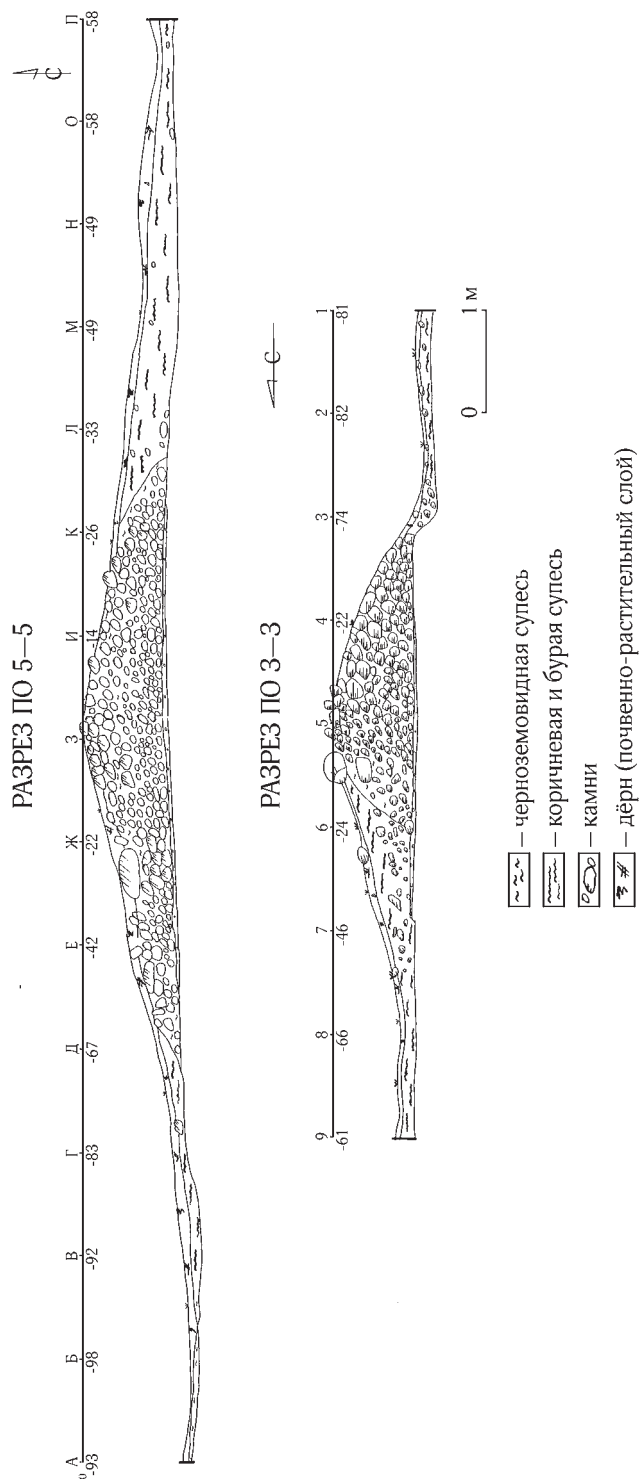

Рис. 39. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Стратиграфические разрезы кургана № 5

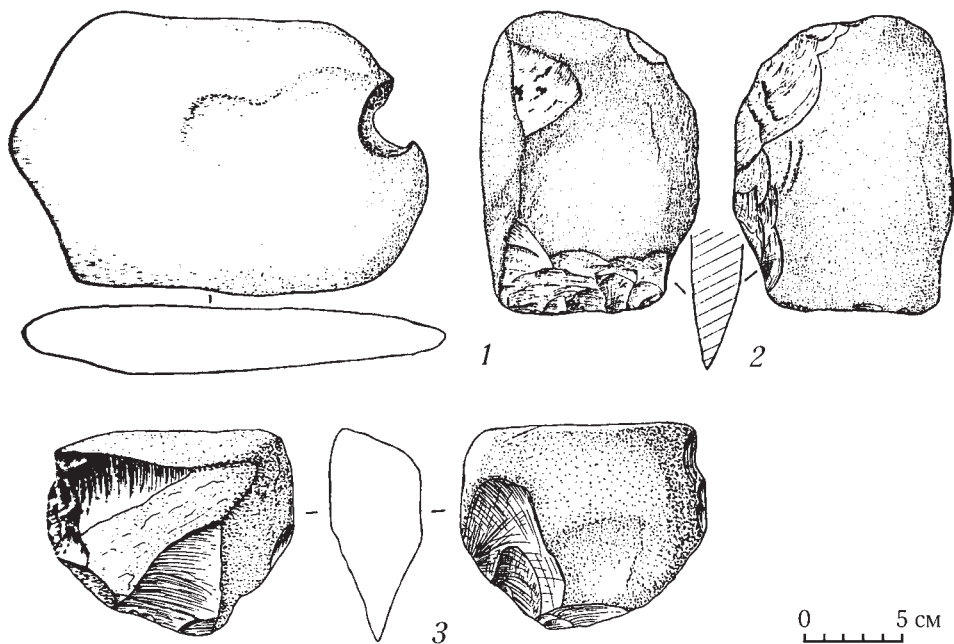

Рис. 40. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Находки кургана № 5: 1 — «кабанчик», 2—3 — галечные орудия

камень с глубокой выемкой на одном из концов (н.о. —48) (рис. 40, 1). Других артефактов в кургане и в раскопе не зафиксировано. Под насыпью со смещением на 0,3 м к юго-западу от центра зафиксировано тёмное пятно, оказавшееся после расчистки мелким корытообразным углублением, ориентированным восток — запад (рис. 38). Длина углубления 1,75 м, ширина — 0,6 м, глубина не превышает 0,14 м. Дно углубления ровное, почти горизонтальное, стенки пологие. В заполнении не было зафиксировано ни одного уголька или каких-либо других особенностей, в том числе камней, изменений цвета, плотности. Тем не менее, искусственный характер углубления, расположение под насыпью и размеры позволяют считать его могильной ямой.

Стратиграфические разрезы раскопа кургана № 5 (рис. 39, ил. 13)

Разрез по линии 3—3 (рис. 39). Описание разреза приводится с севера на юг (пикеты 9—1). На дневной поверхности фиксируется курганная насыпь с симметричными склонами. Визуально различных повреждений не замечено. Из дёрна на вершине кургана частично выступало несколько камней. Почвенно-растительный слой задернован, но на курганной

насыпи его нижняя граница неотчётлива и сливается с тёмно-серым заполнением промежутков между камнями. Мощность почвенно-растительного слоя не превышает 0,1 м.

Наиболее крупные валуны в курганной насыпи располагались в верхней части. Камни лежали довольно плотно, но зафиксированные между ними промежутки показывали, что при возведении насыпи подсыпался грунт, возможно, укладывались пласты дёрна, так как по всей мощности насыпи заполнителем являлась чернозёмовидная супесь. Насыпь асимметрична, с северной стороны её склон более крутой, промежутки между камнями увеличенные, прослеживались признаки интенсивного разрушения со смещением камней за её пределы.

За границами курганной насыпи под дёрном фиксировалась лёгкая супесь коричневого и бурого цветов с природной гумусированностью, ослабевающей по направлению к подошве слоя. В супеси встречались камни: гравий и галечник естественного происхождения, а также отдельные валуны, скатившиеся с насыпи. Наибольшая мощность (до 0,30 м) прослежена на участке, примыкающем к насыпи, далее по убывающей с вариацией от 0,09 до 0,12 м.

Под курганной насыпью и на протяжении всего разреза под вышеописанными отложениями располагались материковые гравийно-галечные аллювиальные отложения мощностью более 0,5 м. У пикета 3 (между 4 и 3) зафиксирован материковый уступ высотой до 0,3 м природного происхождения. С северной стороны разреза, у пикета 7, зафиксирован низкий уступ (0,1 м) антропогенного происхождения, связанный с формированием базовой площадки для кургана.

Профиль по линии 5—5. Описание разреза приводится с запада на восток и включает пикеты А—П. Дневная поверхность фиксирует курганную насыпь с симметричными склонами. Дёрн представлен повсеместно, но его нижняя граница в верхней части насыпи сливается с её чернозёмовидным заполнением. Мощность до 0,12 м. В разрезе насыпь почти симметричная. В верхней части курганной насыпи располагались более крупные валуны. Зафиксированный у пикета Ж крупный валун, видимо, служил стелой и первоначально располагался на вершине курганной насыпи. Наполнителем насыпи служила тёмно-серая гумусированная супесь.

За пределами насыпи фиксировалась коричневая и бурая материковая супесь, в состав которой входили гравий, галечник и отдельные мелкие валуны. Наибольшая мощность (0,40 м) обнаружена с восточной стороны на участке, примыкающем к насыпи. Между пикетами Б и В отмечено прерывание слоя на 0,15 м. Здесь почвенно-растительный слой непосредственно лежал на гравийно-галечных отложениях. Мощность слоя супеси в западной части разреза в среднем составляла 0,03—0,10 м.

Весь разрез базировался на материковых галечно-гравийных аллювиальных отложениях мощностью более 0,5 м.

Вывод. По ландшафтной характеристике курган долинный, релочный, имеет подушку и небольшой ровик, структура насыпи каменно-почвенная с преобладанием в заполнении камня, насыпь овальной в плане формы, длинной осью ориентирована запад — восток, периметр насыпи 17,6 м, длина — 5,5 м, ширина — 4,5 м. Под насыпью — корытообразное углубление, ориентированное восток — запад, длиной 1,75 м, шириной 0,6 м, глубиной до 0,14 м, с ровным, почти горизонтальным дном и пологими стенками, являющееся могильной ямой.

Каменные артефакты, найденные в насыпи, позволяют датировать курган № 5 эпохой раннего металла, наиболее вероятно, первой половиной — серединой I тыс. до н.э.

КУРГАН № 6 (раскоп 5) (рис. 41—45, ил. 14)

Расположен на западной оконечности террасовидной площадки с субгоризонтальной поверхностью. С северной и южной сторон площадка ограничена промоинами временных водотоков. Поверхность задернована, покрыта мелким кустарником, имеется одинокое дерево. Курган выражен уплотнённым возвышением с асимметричными склонами. С восточной и юго-восточной сторон, вблизи уступа площадки, склон кургана более крутой. В отдельных местах на поверхности фиксируются небольшие по площади выходы крупных окатанных камней.

Высота насыпи кургана 0,6—0,7 м. Раскоп включал визуально различные границы курганной насыпи и небольшую прилегающую площадь. Ориентирован по сторонам света, имеет буквенно-цифровую индексацию: северная и южная стенки представлены пикетами А—И, западная и восточная — 1—9. Площадь раскопа 56 м². Нивелировочные замеры велись от нулевого репера, установленного на вершине кургана, на пересечении линий Д—Д и 5—5. По этим линиям оставлены бровки для наблюдения за стратиграфией курганной насыпи и выполнены разрезы.

Насыпь кургана № 6

После снятия почвенно-растительного слоя, имевшего неравномерную мощность, обнажилась валунно-галечная насыпь. Уровень вершины — (н.о. –9), н.о. северной границы — (–21), южной — (–34), западной — (–40), восточной — (–37). На поверхности насыпь представлена малыми, средними

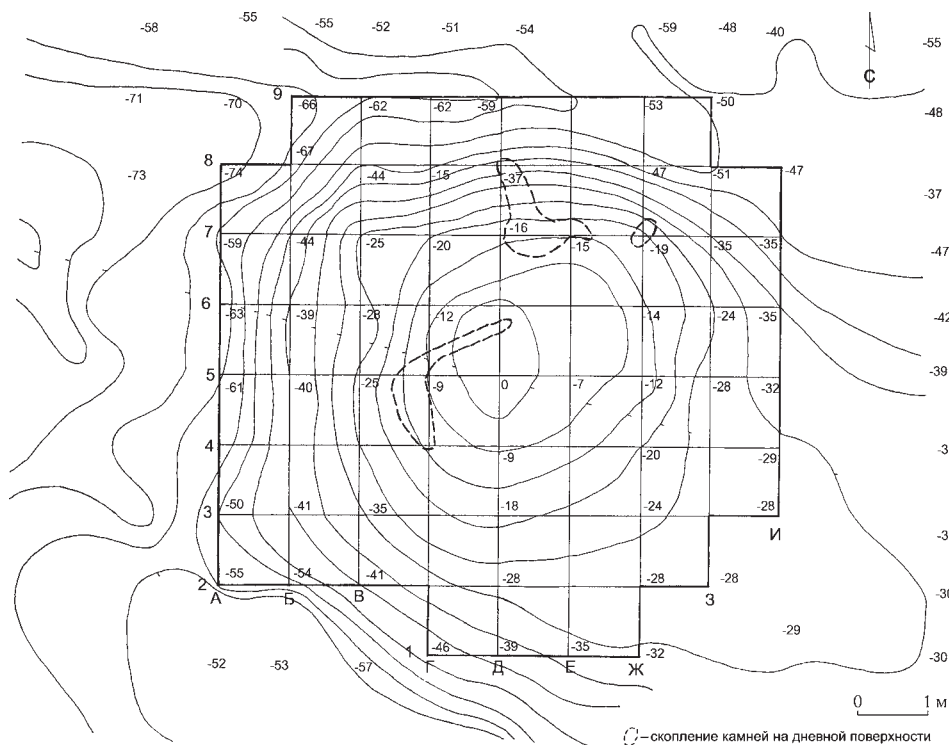

Рис. 41. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Нивелировочный план кургана № 6

валунами и крупной галькой (в соотношении 60% и 40%). В кв. Г/3 зафиксирован одиночный грубообломочный камень. Заполнением между камнями являлась гумусированная почва и лёгкая супесь светло-коричневого цвета. В основании курган имел округлую форму, диаметром 5 м. С западной и северной сторон прослежены размывы насыпи. Но внешняя граница проявлялась отчётливо, за исключением восточной стороны из-за россыпи камней.

После снятия курганной насыпи (на уровне н.о. –59 — под вершиной кургана, на уровне н.о. –68 — по северной границе насыпи, н.о. –65 — по южной границе, н.о. –59 — по восточной, н.о. –74 — по западной) обнажилась округлая в плане гравийно-галечниковая «подушка» диаметром 4 м. Эта «подушка» отличалась относительно ровной поверхностью, имела уступ по периметру и возвышалась над окружающей поверхностью жёлто-коричневой супеси на 0,03–0,10 м. Южная часть «подушки» обрезана плугом при вспашке, в результате её сегментовидный фрагмент оказался отсечённым от остальной части. С северной и южной сторон «подушки» были видны продольные гумусированные полосы — остатки пахотных борозд.

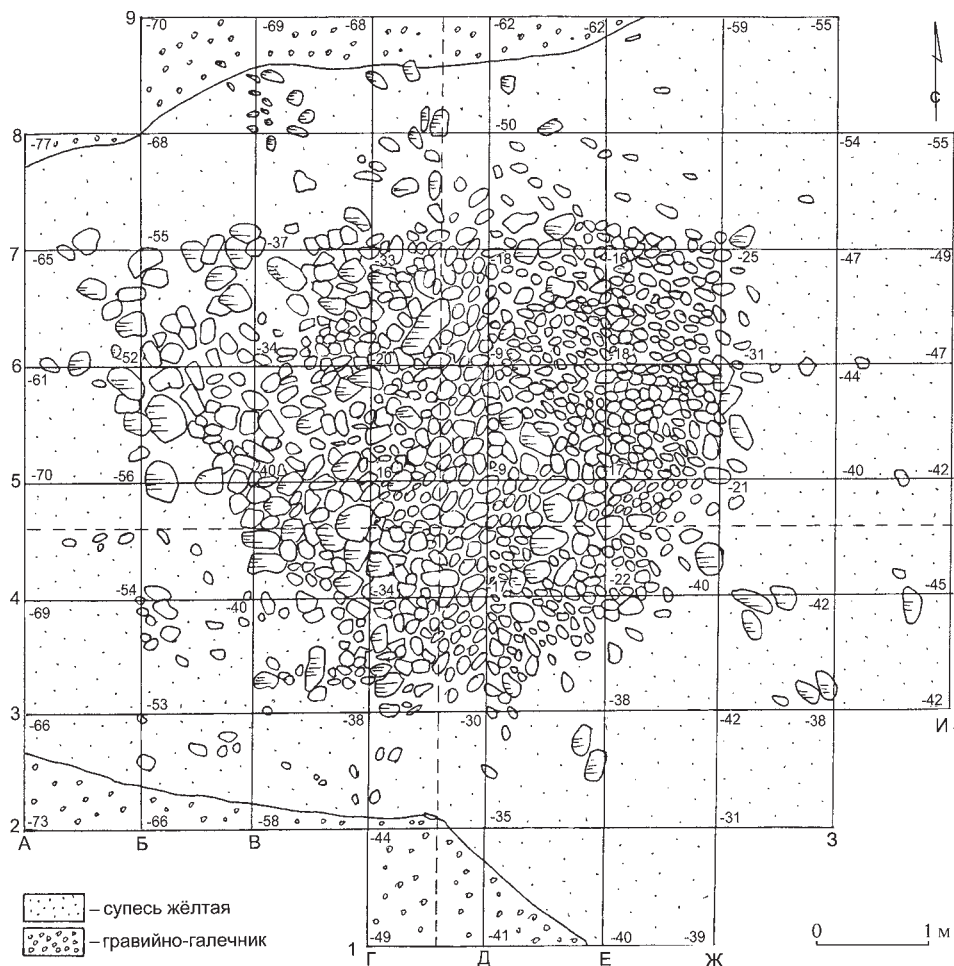

Рис. 42. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
План кургана № 6 после снятия дёрна

В кв. Г/4—5 зафиксировано овальное пятно тёмно-серой гумусированной сухой супеси, ориентированное в направлении юго-запад — северо-восток. Размер пятна $1,3 \times 0,78$ м. После его выборки зачищена яма овальной в плане формы. Размер ямы не превышал размеров пятна. Дно ямы чашевидное, глубина 0,10 м. На пересечении линий Д и 6 отмечено круглое, диаметром 0,47 м, пятно чистого жёлтого песка мощностью 0,015 м.

После снятия гравийно-галечниковой подкурганной насыпи — «подушки» обнажилась песчаная поверхность, сохранявшая общий западный уровень наклона местности. В кв. 3/3, Г/8 и в северо-восточном углу раскопа выклинивался пласт гравийно-галечных материковых отложений.

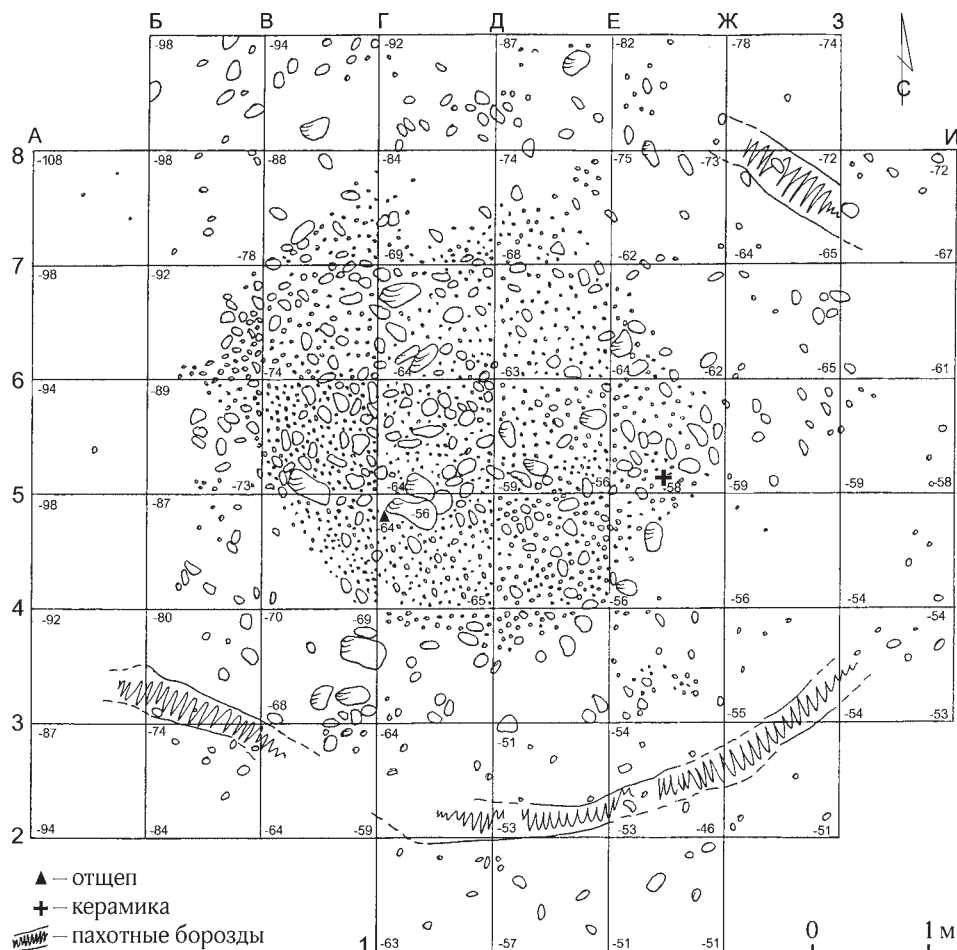

Рис. 43. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
 План кургана № 6 после снятия насыпи

Описание находок кургана № 6 (рис. 43-а)

В курганной насыпи обнаружены: в кв. Е/5 — неорнаментированный фрагмент тонкостенной лепной керамики (н.о. –58); в кв. Г/4 — вторичный отщеп (по максимальным измерениям 6×6 см) из серой мелкозернистой породы с односторонней ретушью с вентрала. В подкурганной насыпи, в кв. В/4 (н.о. –74) найден фрагмент лепной керамики с выпуклым орнаментом в виде острорёберного валика; толщина фрагмента (без валика) — 1,0 см.

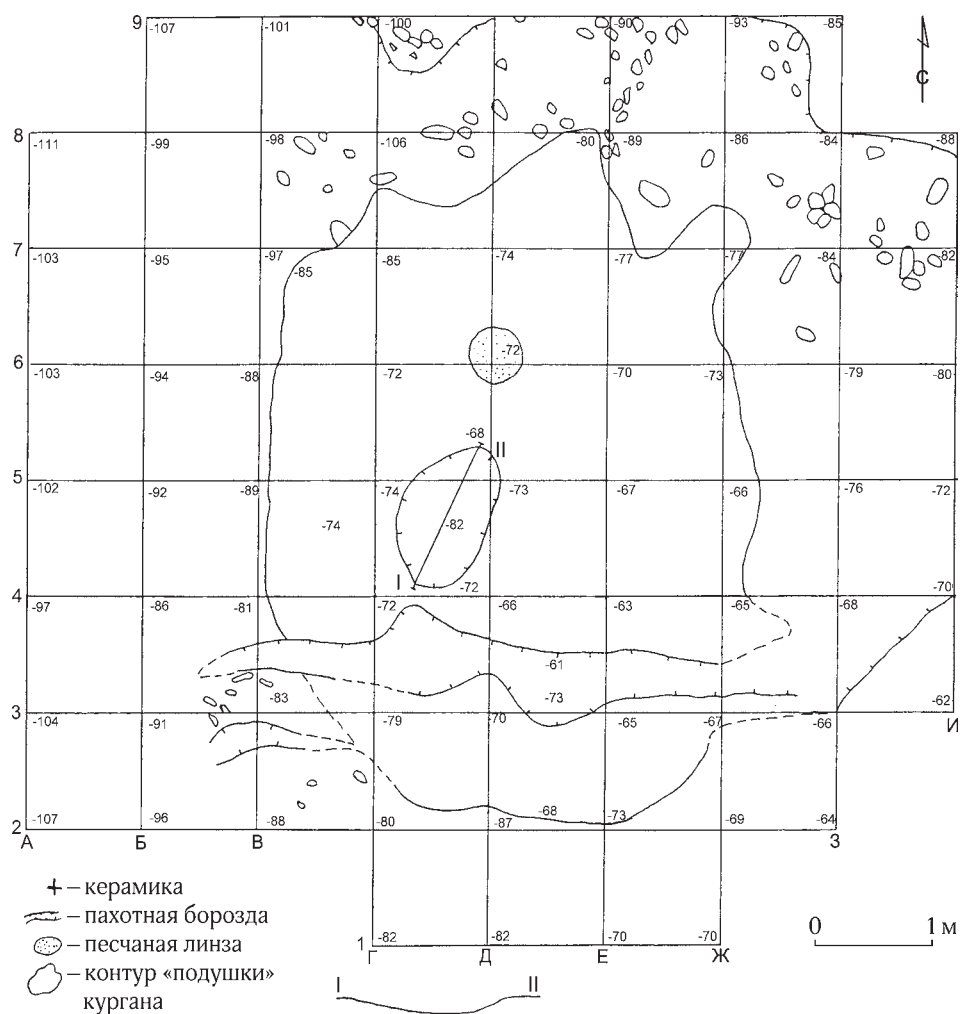

Рис. 44. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
План кургана № 6 по матерiku

Стратиграфические разрезы раскопа кургана № 6 (рис. 45)

Разрез по линии 5—5. Почвенно-растительный слой перекрывал курганную насыпь слоем 0,02—0,03 м. За пределами скопления камней мощность увеличивалась до 0,15 м. Скопление камней фиксировалось у пикетов В—Г, с характерными следами оползания в западном направлении. У пикета Е также отмечена концентрация камней, связанная с разрывом каменной насыпи у пикета Д. В верхней части разреза серая и чернозёмовидная супесь заметно гумусирована, у подошвы разреза она приобретала более светлые оттенки. Под курганной насыпью между пикетами В—Е фиксировался гравийно-галечный слой, за пределами насыпи — гравийно-супесчаный грунт. Максимальная высота насыпи — 0,59 м.

Разрез по линии Д—Д. Аналогичен описанному выше разрезу по линии 5—5. В качестве особенности следует отметить наличие среди камней у пикета 6 крупного валуна, а также неровность линии подошвы курганной насыпи. Прослежено оползание насыпи в северо-западном направлении вниз по склону площадки.

Разрез по северной стенке раскопа. Линия дневной поверхности имела уклон в западном направлении, перепад высоты составлял 0,27 м. Почвенно-растительный слой достигал 0,9 м. По всей мощности разреза фиксировалась лёгкая жёлтая супесь с отдельными включениями гальки и гравия. Мощность слоя 0,34 м. У пикета Г и в восточной части разреза видны гравийно-галечные проявления материка в виде прослоек.

Разрез по южной стенке раскопа. Почвенно-растительный слой — 0,20—0,15 м. По всей мощности разреза — лёгкая жёлтая супесь с гравием и отдельными включениями гальки. Мощность до 0,33 м. В кв. 3 прослойка материковых гравийно-галечных отложений.

Разрез по восточной стенке раскопа. Почвенно-растительный слой, мощностью до 0,14 м, по всей протяжённости разреза подстилался лёгкой жёлтой супесью с гравием и отдельными включениями гальки. Мощность супеси не превышала 0,33 м. У пикета 7 зафиксирована прослойка материковых гравийно-галечных отложений.

Разрез по западной стенке раскопа. Почвенно-растительный слой, мощностью до 0,16 м, на всём протяжении разреза подстилался лёгкой супесью жёлтого цвета с гравием и отдельными включениями гальки. Мощность супеси не превышала 0,38 м.

Вывод. По ландшафтной характеристике курган долинный, релочный, имеет «подушку» диаметром 4 м, ровик не прослежен, структура насыпи каменно-почвенная с преобладанием в заполнении камня, насыпь округлой

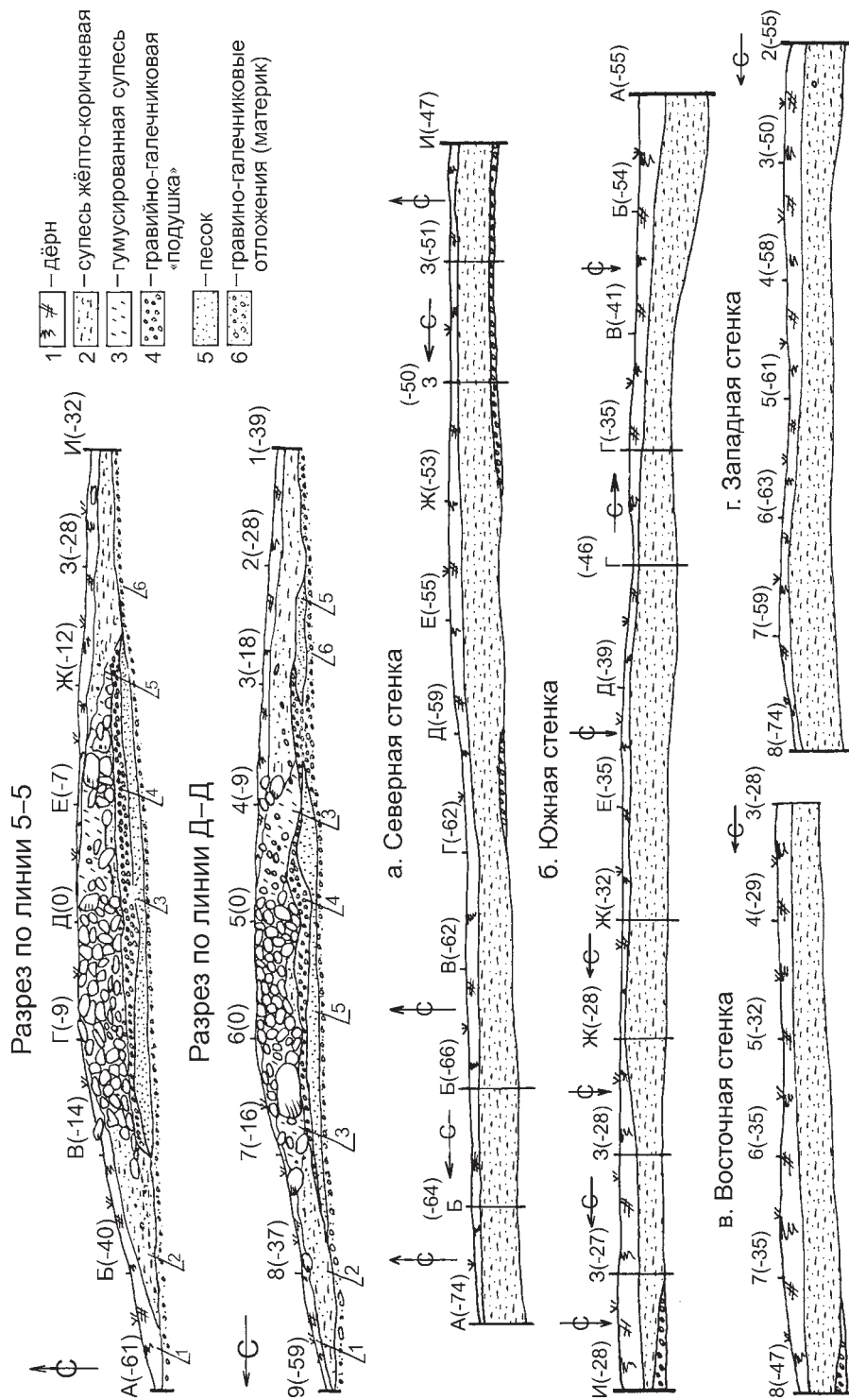

Рис. 45. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край). Стратиграфические разрезы кургана № 6

в плане формы, диаметром 5 м. Под насыпью — овальное углубление размером 1,3×0,78 м, глубиной 0,10 м, ориентированное юго-запад — северо-восток, являющееся могильной ямой. В центральной части кургана располагался крупный валун-стела. Проведённые исследования подтвердили искусственный характер данного сооружения и его древность. Найденные фрагменты лепной керамики с валиком, вероятно, принадлежали одному сосуду. Такая керамика более всего соответствует культурным традициям эпохи раннего металла и на этом основании предварительно может быть датирована в пределах первой половины I тыс. до н.э.

КУРГАН № 7 (раскоп 6) (рис. 46—50)

Располагался на гребне средней части рёлки, в 25 м к востоку — юго-востоку от кургана № 6. Дневная поверхность курганной насыпи субгоризонтальная, с незначительным уклоном к северу и югу, задернована, поросла мелким кустарником. Раскоп многоугольной формы площадью 33 м², ориентирован по сторонам света, охватывал курган и околокурганную поверхность. Буквенная индексация шла в направлении запад — восток (пикеты А—З), цифровая нумерация — с юга на север (пикеты 1—7). Нивелировочные замеры велись от нулевого репера, взятого от верха курганной насыпи. Для наблюдения за стратиграфией кургана по линиям Д—Д и 4—4 оставлены контрольные бровки.

Насыпь кургана № 7 (рис. 46—50)

Курганная насыпь представляла собой овальную возвышенность размером 3,5×4,0 м. Ориентирована длинной стороной по направлению восток — запад. В центральной части возвышения через дёрн на дневную поверхность выходило скопление крупных окатанных камней. Высота насыпи без учёта торчащих из неё камней составляла 0,25 м.

После снятия дерново-гумусного слоя обнажилась жёлто-коричневая лёгкая супесь с отдельными включениями гравия, реже гальки. Её поверхность имела слабый уклон в западном направлении с перепадом высот до 0,16 м. В северо-западном и юго-восточном углах раскопа зафиксированы гумусированные полосы, повторявшие контур основания каменной насыпи (следы пахоты). В центральной части раскопа обнажилась галечно-валунная насыпь овальной формы размером 3,5×4,0 м, ориентированная длинной стороной в направлении восток — запад. Насыпь была смещена

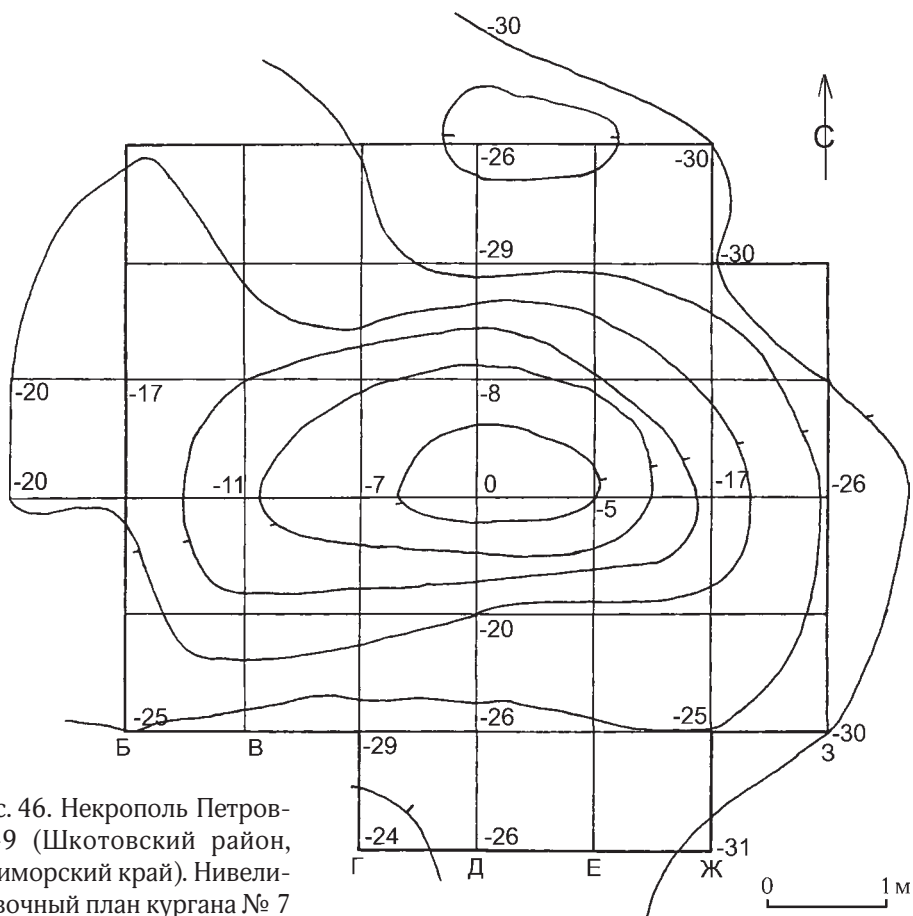

Рис. 46. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край). Нивелировочный план кургана № 7

от вершины в западном (по течению реки) направлении. Уровень н.о. вершины — 0, по восточной и западной границам насыпи — н.о. -24, по южной и северной — н.о. -28. Камни имели высокую степень окатанности. В насыпи преобладали крупная галька и мелкие валуны. По размерам наибольшая фракция представлена крупной галькой — 60%, мелкие и средние валуны — 30%, крупные валуны — 10%. В кв. Г/2 отмечена одиночная глыба со слабо замытыми гранями из склоновых отложений. В центральной части насыпи и по оси восток — запад преобладали более крупные камни. Заполнением между камнями служила чёрная гумусированная супесь.

После снятия каменной насыпи в центре кургана до уровня н.о. -31, по северной и южной границам — до н.о. -32, -34, по восточной и западной границам — до н.о. -24, -26, соответственно, проявилась бесформенная площадка тёмно-серой (почти чёрной) супеси с нагромождением окатанных камней, частично погруженных в грунт. Чётко определить

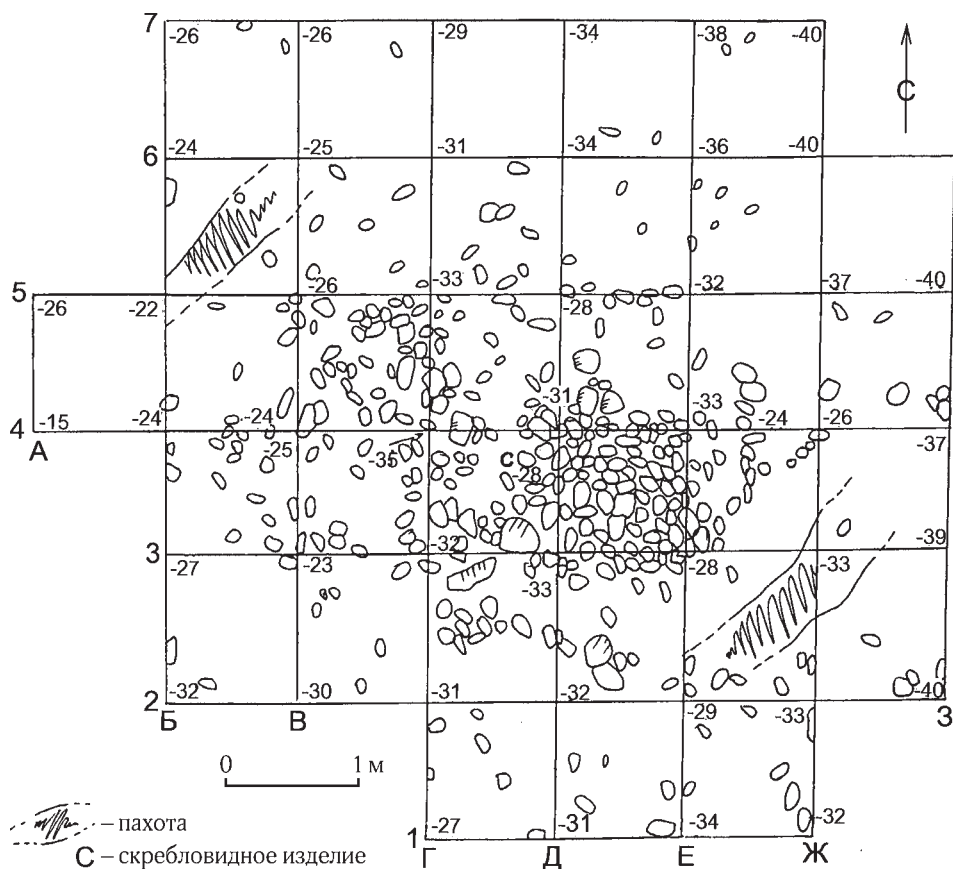

Рис. 47. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
 План кургана № 7 после снятия дёрна

границы этого пятна оказалось невозможно, так как они терялись среди хаотичного расположения камней. Условно форма площадки определена как овальная. Предположительные размеры площадки составляли 4×5 м, большая ось ориентирована в направлении восток — запад. Вероятнее всего, данная площадка служила основанием кургана.

После снятия и зачистки подошвы курганной насыпи в кв. Г—Д/2—4, на уровне н.о. —51, —56, проявилось округлое чёрное пятно, контур которого состоял из гравийно-галечной смеси с отдельными валунами и крупной галькой. Размер пятна составлял 1,6×1,72 м. Уровень пятна превышал окружающую поверхность на 0,03 м. С северной стороны к пятну примыкали гравийно-галечные отложения с супесчаным заполнителем коричневого цвета. Слой частично разрушен при проведении сельскохозяйственных работ. Следы пахоты фиксировались в кв. В—Г/5. На остальных

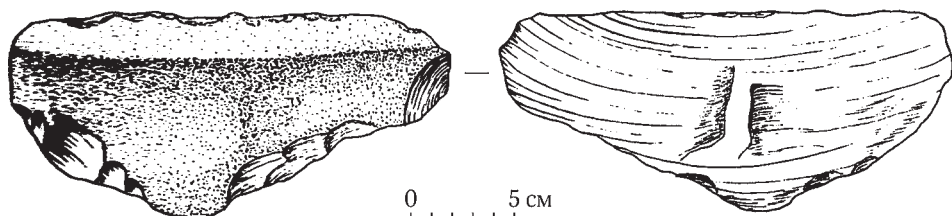

Рис. 48. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Артефакты кургана № 7

участках поверхность раскопа представлена жёлто-коричневой лёгкой супесью с отдельными включениями гравия и гальки.

Яма под чёрным пятном не обнаружена. Тем не менее, данное пятно представляет безусловный интерес, так как оно, вероятно, служило погребальной площадкой. В пользу этого предположения свидетельствует его расположение под насыпью, размеры 1,6×1,72 м и чёрный цвет слоя. Не исключено, что это кремация.

Поверхность материка раскопа ровная, субгоризонтальная. Представлена жёлто-коричневой лёгкой супесью, содержание гравия и мелкой гальки в которой составляет около 15—20%. В центральной части фиксируются гравийно-галечные отложения.

Находки кургана № 7 (рис. 48)

В кв. Г/3 (н.о. –28) обнаружено скребловидное изделие, выполненное на массивном отщепе кремневой породы.

При выборке подошвы курганный насыпи в кв. Е/5 (н.о. –53) найден неорнаментированный фрагмент лепной керамики.

Стратиграфические разрезы раскопа кургана № 7 (рис. 49—49а)

Разрез по линии 4—4. Разрез фиксировал профиль кургана по оси восток — запад. Линия дневной поверхности имела равномерный уклон в северном и южном направлениях от вершины кургана (пикет Д). Почвенно-растительный слой мощностью до 0,22 м прослежен только по склонам кургана. Под дёрном с северной и южной сторон разреза залегал слой жёлто-коричневой лёгкой супеси с гравием и галькой мощностью до 0,20 м. Каменная насыпь мощностью 0,50 м прослежена между пикетами Б—Ж, представлена валунно-галечниковым конгломератом с наполнителем чёрной супеси. Крупная фракция более характерна для кровли насыпи.

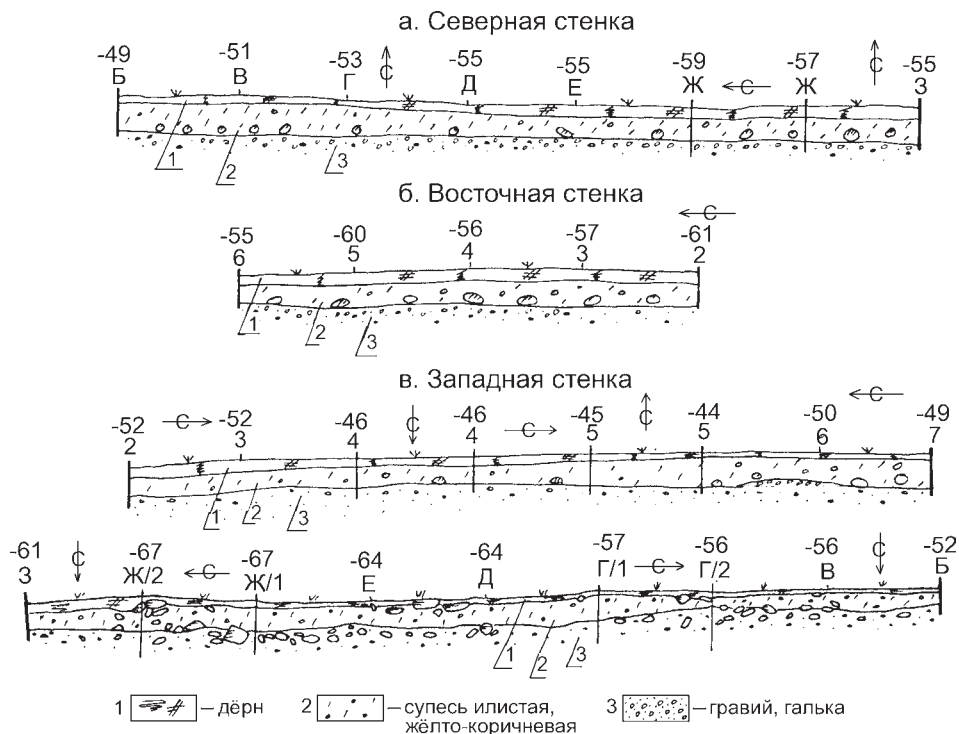

Рис. 49. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Стратиграфические разрезы кургана № 7

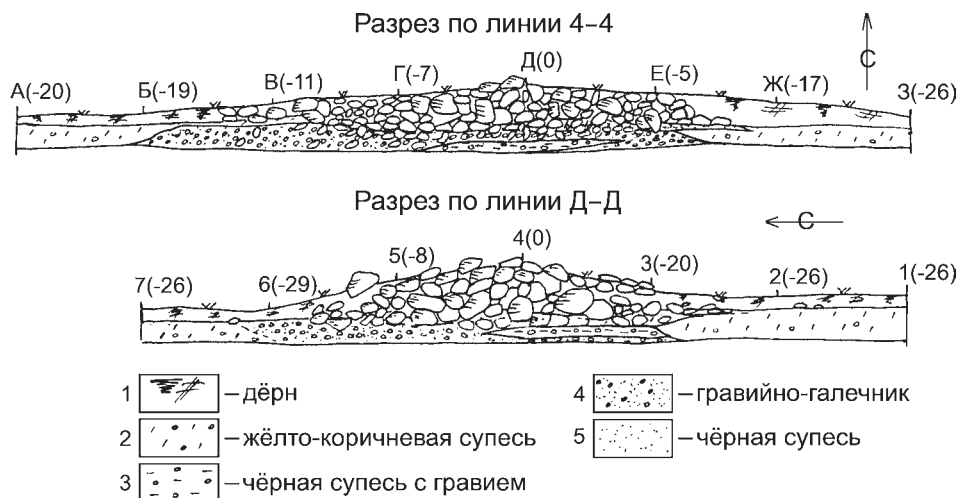

Рис. 49а. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Стратиграфические разрезы кургана № 7

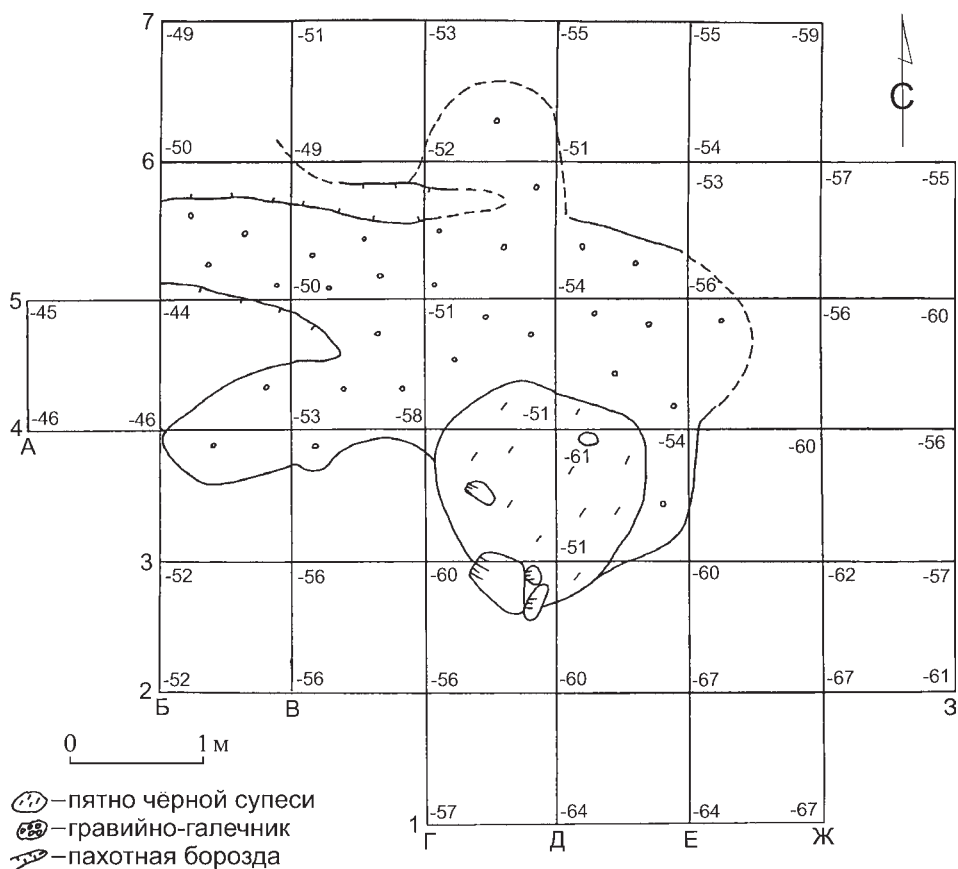

Рис. 50. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
 План кургана № 7 по матерiku

Курган подстилался материковой гравийно-галечниковой толщей с супесчаным наполнителем. Между пикетами Г—Е, под центральной частью кургана, в слое гравийно-галечных отложений отмечена тонкая прослойка чёрной супеси с гравием и галькой мощностью 0,07—0,08 м.

Разрез по линии Д—Д. Профиль кургана по оси юг—север на уровне дневной поверхности имеет плавные равномерные уклоны от вершины кургана (пикет 4). Почвенно-растительный слой мощностью до 0,18 м отмечен только на периферии курганной насыпи и за её пределами. Дёрн подстилался жёлто-коричневой супесью с гравием и галькой мощностью до 0,26 м.

Каменная насыпь кургана фиксировалась между пикетами 2—6. Представлена валунами и крупной галькой с супесчаным наполнителем чёрного цвета. Насыпь подстилалась гравийно-галечниковой толщей с коричневой супесью. В кв. 3, под южной частью кургана, отмечена линза чёрной супеси с гравием и отдельными мелкими гальками мощностью 0,09 м.

Разрез по северной стенке раскопа. Линия дневной поверхности стенки относительно ровная, со слабым прогибом у пикета Д. Почвенно-растительный слой мощностью 0,06—0,10 м, по всему разрезу подстилала жёлто-коричневая лёгкая супесь с отдельными включениями гравия и гальки, являвшаяся материком.

Разрез по южной стенке раскопа. Линия дневной поверхности стенки ровная. Почвенно-растительный слой мощностью 0,02—0,10 м по всей линии разреза подстилался материковой жёлто-коричневой лёгкой супесью с отдельными включениями гальки и гравия.

Разрез по восточной стенке раскопа. Линия дневной поверхности стенки имела слабый уклон в северном направлении. Почвенно-растительный слой достигал мощности 0,10 м. По всей протяжённости разреза дёрн подстилался материковой жёлто-коричневой лёгкой супесью с незначительным количеством гальки и гравия.

Разрез по западной стенке раскопа. Линия дневной поверхности стенки ровная со слабым уклоном с южной стороны разреза. Почвенно-растительный слой мощностью 0,05—0,07 м подстилался материковой жёлто-коричневой лёгкой супесью с отдельными включениями гальки и гравия. Содержание окатанного материала увеличивалось по нарастанию мощности слоя и в северной части разреза. В кв. 5 вклинивался гравийно-галечниковый материк.

Вывод. По ландшафтной характеристике курган долинный, релочный, структура насыпи каменно-почвенная, с преобладанием в заполнении камня, насыпь овальной в плане формы, размером 3,5×4 м, высотой 0,25 м, ориентирована восток — запад. Под насыпью в центре кургана — округлое пятно размером 1,6×1,72 м, заполненное чёрной (илистой жирной) почвой, что свидетельствует о совершении погребения способом кремации на горизонте, т.е. без могильного углубления.

Обнаруженные в насыпи артефакты: скребло и фрагмент керамики не противоречат типологическим и технологическим особенностям аналогичных предметов эпохи раннего металла, возможно, первой половины I тыс. до н.э.

КУРГАН № 8 (раскоп 7) (рис. 51—54, ил. 16)

Располагался на северной оконечности рёлки, круто понижавшейся в северо-восточном направлении и заканчивавшейся уступом к низкой пойме. Курган № 8 отстоял на 25 м к востоку — северо-востоку от кургана № 7. Многоугольный раскоп ориентирован по сторонам света. Буквенно-цифро-

явно переотложенная галька. В восточной части раскопа, по склону рёлки с перепадом высот 0,16—0,19 м, хаотично располагались камни — крупная галька и валуны, ранее составлявшие курганную насыпь. Очевидно, что вследствие распушки поверхности каменная насыпь была деформирована и постепенно смещена вниз по наклонному уступу рёлки. На прежнем месте, под дёрном, сохранились только её уцелевшие остатки.

Разрез по линии 4—4. Линия дневной поверхности относительно ровная с западной стороны и резко понижающаяся — с восточной. Максимальная мощность дёрна — у пикета Г, возле условной вершины кургана. В разрезе зафиксировано скопление отдельных валунов на вершине кургана, а также выходы камней из намывной прослойки жёлто-коричневой супеси. Курганная насыпь в разрезе не фиксировалась.

Разрез по линии Г—Г. Линия дневной поверхности показывает незначительное возвышение (н.о. 0) у пикета 3. В южном и северном направлениях

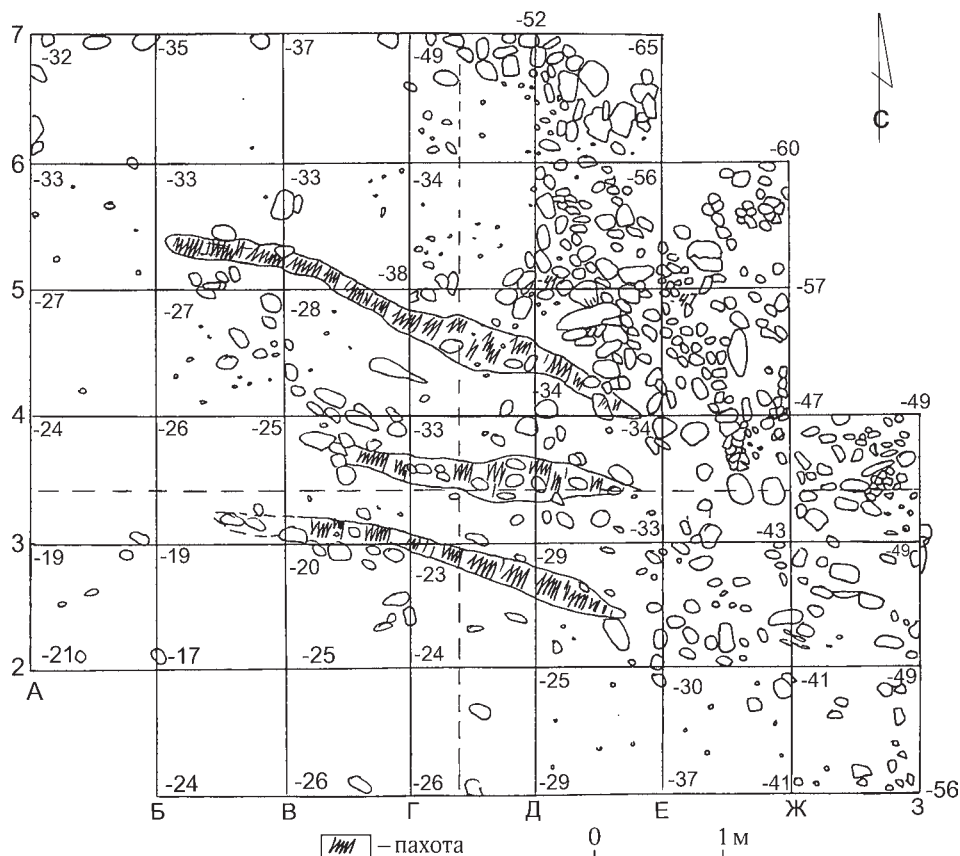

Рис. 52. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
План кургана № 8 после снятия дёрна

прослеживается равномерное слабое понижение. Разрез фиксирует «сползание» курганной насыпи в северном, по уступу рёлки, направлении. В составе насыпи отмечено преобладание малых валунов — 50%, крупная галька — 45%, средняя и мелкая галька — 5%. Средние валуны располагались на дневной поверхности вершины кургана и, частично, в насыпи ближе к центральной части (пикет 3). Камни были сильно окатанными.

Структура курганной насыпи включала почвенно-растительный слой, камни и чёрную гумусированную супесь. Мощность насыпи достигала 0,18 м. Материк представлен гравийно-галечниковыми отложениями, понижавшимися к северо-восточному углу раскопа.

Находки кургана № 8

При зачистке по матерiku в кв. Б/3 (н.о. –26) найден фрагмент неорнаментированной лепной керамики.

Стратиграфические разрезы раскопа кургана № 8 (рис. 53)

Разрез по восточной стенке раскопа. Разрез проходил по ломаной линии восточной стенки раскопа и фиксировал остатки разрушенной курганной насыпи. Почвенно-растительный чёрный гумусированный слой с отдельными включениями гальки достигал мощности 0,10 м. Жёлто-коричневая слабо илистая супесь подстилала почву почти по всей мощности разреза. Слой включал отдельные валуны и крупную гальку. Максимальная мощность (0,22 м) фиксировалась у пикета 2. С южной стороны разреза почвенно-растительный слой подстилался гравийно-галечными отложениями с супесчаным чёрным наполнителем мощностью 0,12 м. С северной стороны разреза, в подошве дёрна, выклинивался слой лёгкой чёрной супеси с гравием и незначительным включением мелких кусочков древесного угля мощностью до 0,11 м. Слой зафиксирован под жёлто-коричневой супесью у пикетов 3—4—5 и терялся между пикетами 2—3 среди плотно уложенных окатанных камней. Здесь отмечено минимальное содержание в слое гравия и гальки. Материком являлся жёлто-коричневый мелкозернистый песок — отложения низкой поймы.

Разрез по северной стенке раскопа. Разрез проходил по прямой линии и фиксировал понижение от вершины рёлки к пойме. Гумусированный почвенно-растительный слой, мощностью до 0,14 м у пикета Б, содержал отдельные включения крупной гальки и валуны. Почвенно-растительный слой подстилался жёлто-коричневой иистой супесью, мощностью 0,8 м. С восточной стороны (пикет Д) под дёрном выклинивался слой чёрной

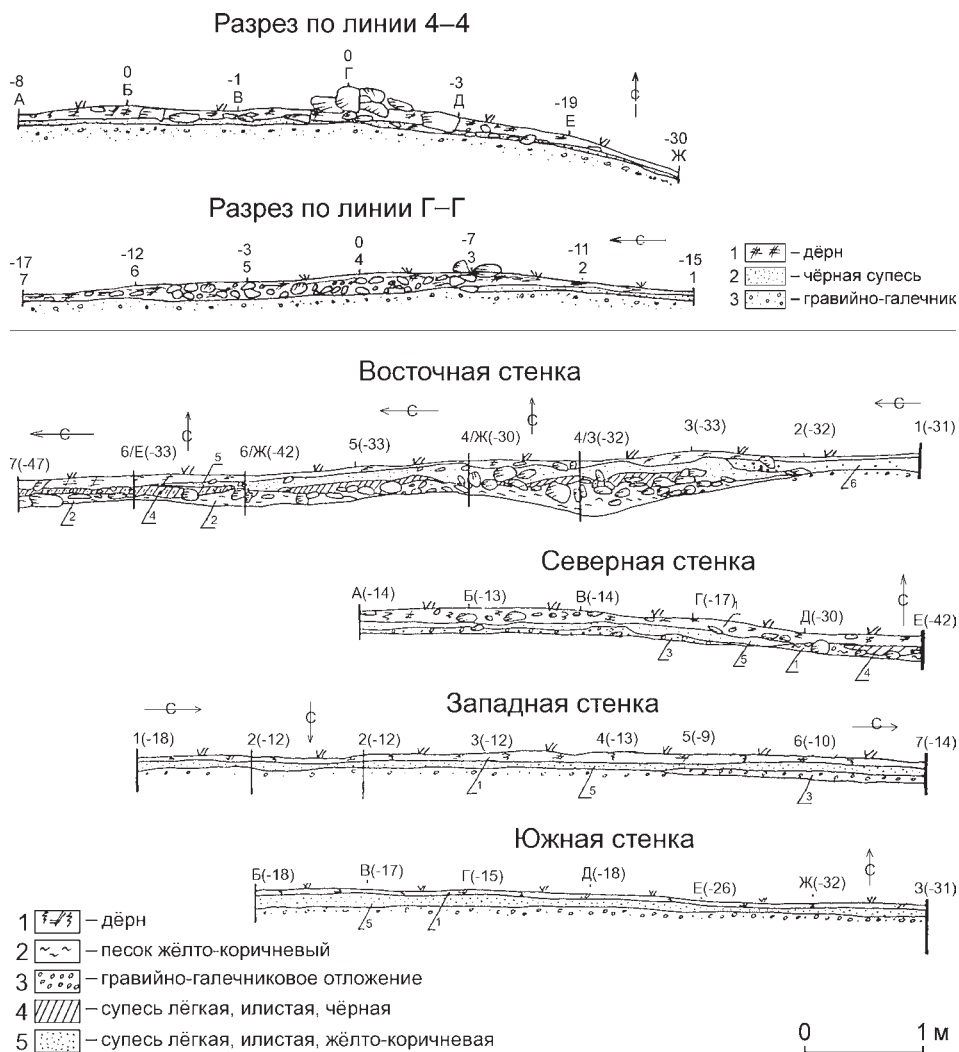

Рис. 53. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Стратиграфические разрезы кургана № 8

супеси с незначительным включением гравия. На более высоком участке раскопа между пикетами А—Г материк являлись гравийно-галечниковые отложения с песчаным наполнителем. На низком участке поймы (пикеты Г—Д) материк представлен жёлто-коричневым мелкозернистым песком с отдельными включениями крупной гальки.

Разрез по западной стенке раскопа. Линия дневной поверхности относительно ровная, проходила по вершине рёлки. Гумусированный почвенно-растительный слой мощностью 0,16—0,18 м по всему разрезу под-

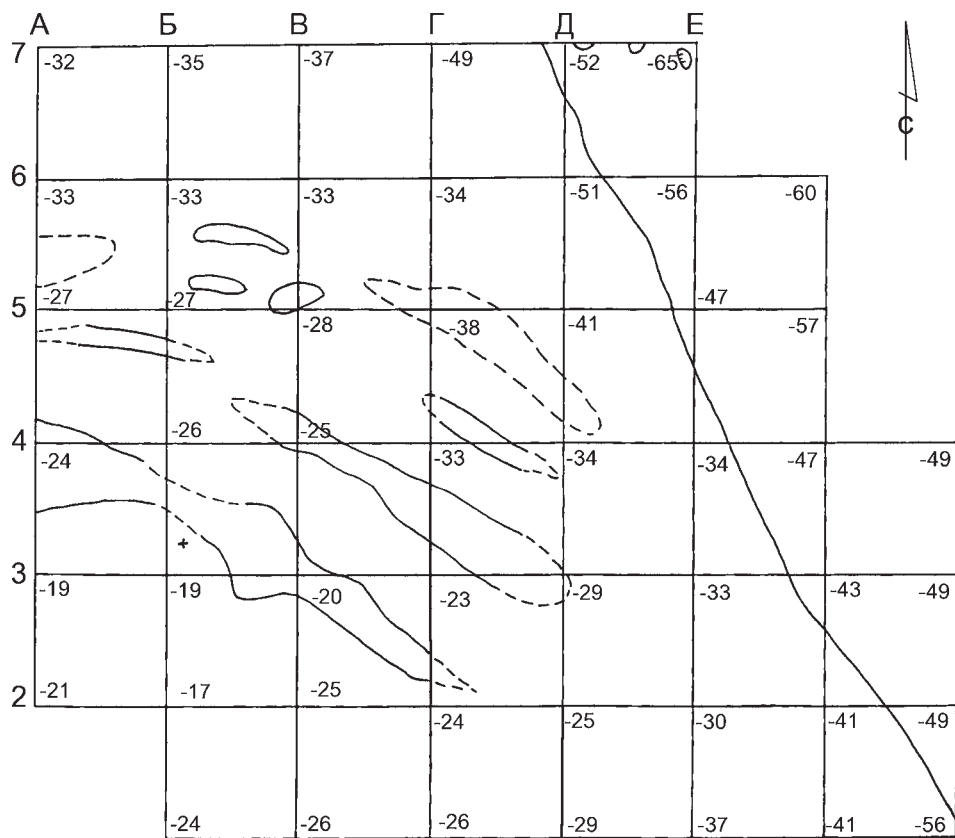

Рис. 54. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край). План кургана № 8 по матерiku

стился жёлто-коричневой илистой супесью. У пикетов 5—6 под слоем супеси фиксировалась материковая прослойка гравийно-галечниковых отложений с песчаным наполнителем.

Разрез по южной стенке раскопа. Линия дневной поверхности проходила поперёк рёлки и имела незначительный уклон в восточном направлении. Гумусированный почвенно-растительный слой мощностью 0,14 м подстилался жёлто-коричневой илистой супесью мощностью 0,20—0,24 м.

Материк представлен гравийно-галечными отложениями с песчаным наполнителем.

Вывод. Несмотря на разрушения от пахоты, видно, что здесь располагался курган того же типа, что и большая часть из описанных выше. По фрагменту лепной керамики, найденному под курганной насыпью на материке, его следует датировать эпохой раннего металла, приблизительно в пределах середины — второй половины 1 тыс. до н.э.

КУРГАН № 9 (раскоп 8) (рис. 55—59)

Расположен в 55 м к юго-востоку от кургана № 8, в восточной части той же рёлки, на которой находились курганы № 6—8. Раскоп многоугольной формы, охватывавший предполагаемые границы кургана, ориентирован по сторонам света. Буквенная индексация шла с запада на восток (пикеты А—Ж), цифровая нумерация — с юга на север (пикеты 1—7). Площадь раскопа 33 м². Замеры уровня нивелировочных отметок велись от нулевого репера, взятого на вершине кургана. Для контроля над стратиграфией курганной насыпи оставлены контрольные бровки по линиям Г—Г и 4—4, пересекающиеся на вершине кургана.

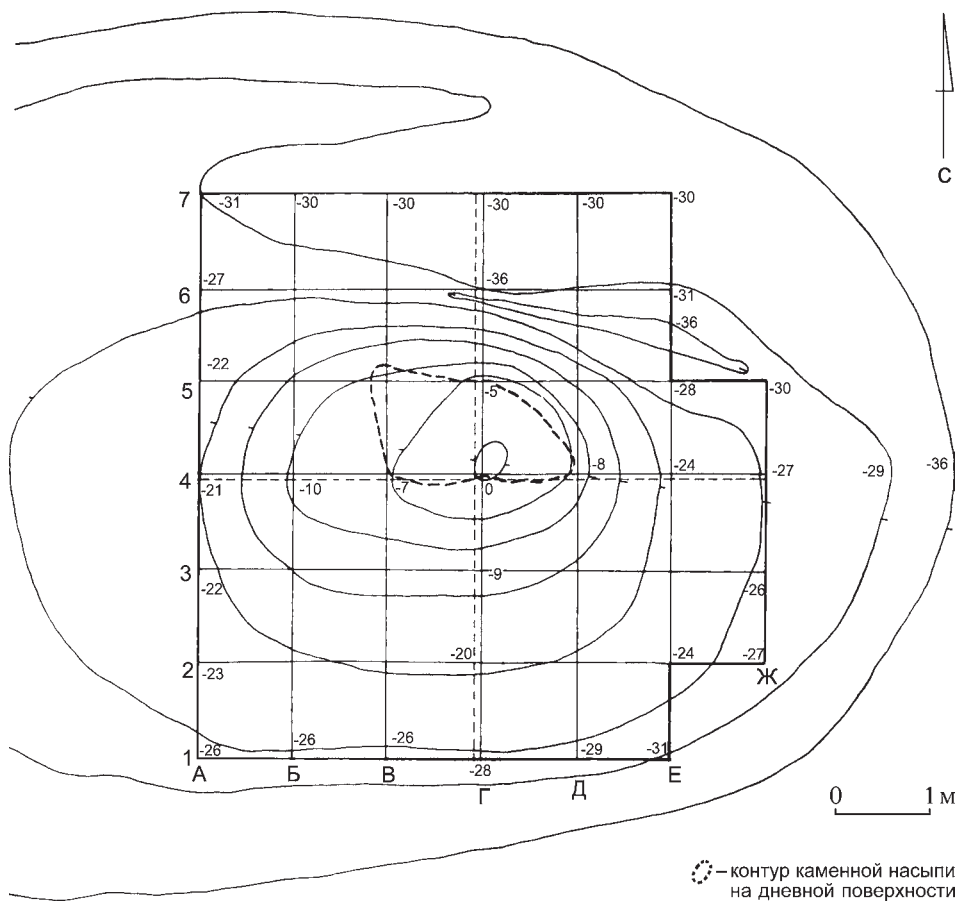

Рис. 55. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Нивелировочный план кургана № 9

Насыпь кургана № 9
(рис. 55—59, ил. 18, 19)

Курган овальной в плане формы, размером 4,0×3,5 м, высотой 0,21 м с западной стороны и 0,32 м — с северной. Ориентирован в направлении восток — запад. Насыпь имеет крутой угол падения с северной стороны и плавно понижается с других сторон. Поверхность задернована, в центральной части насыпи отмечаются выходы крупной гальки и валунов.

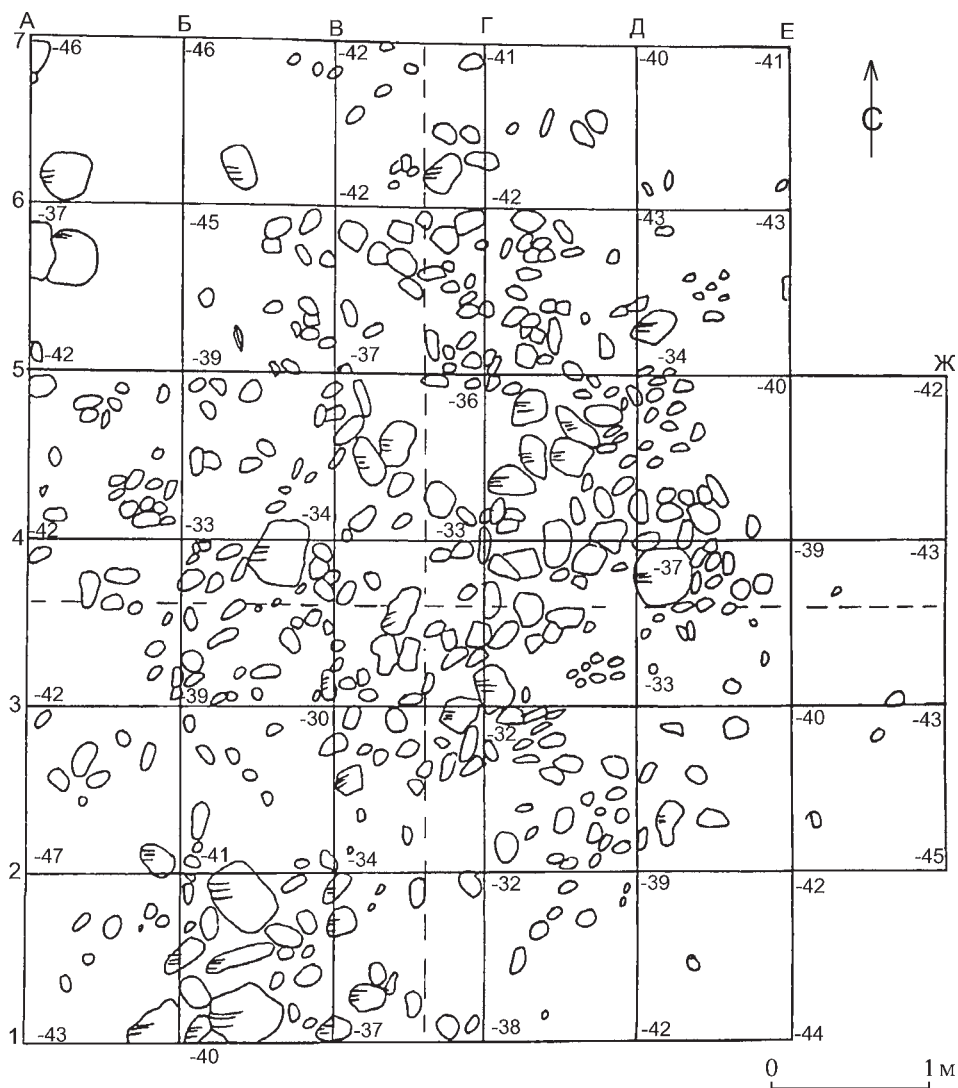
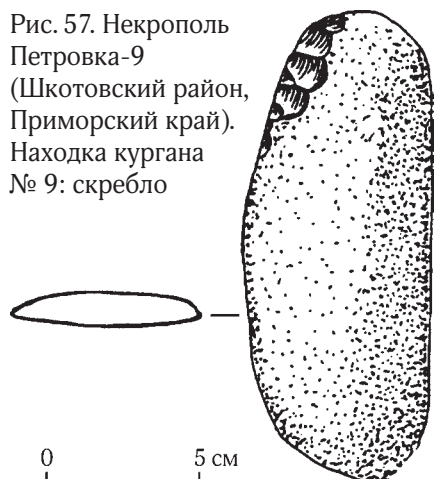

Рис. 56. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край). План кургана № 9 после снятия дёрна

Рис. 57. Некрополь
Петровка-9
(Шкотовский район,
Приморский край).
Находка кургана
№ 9: скребло

После снятия дёрна обнажилась каменная насыпь овальной в плане формы, ориентированная длинной стороной в направлении запад — восток. Склоны насыпи равномерно понижались во всех направлениях. Поверхность насыпи состояла из валунов и крупной гальки, среди которых фиксировались чернозёмные остатки дёрна. После снятия рыхлой части насыпи проявилось основание кургана в виде валунов и крупной гальки, погруженных в жёлто-коричневую илистую супесь. На уровне н.о. –39, –42

камни образовывали квадрат размером 4×4 м с повышением в центральной части до уровня н.о. –30, –33. Несколько крупных плоских галек были вдавлены длинным ребром в супесь. Состав насыпи представлен сильно окатанными валунами различных размеров — средний, мелкий, крупный (соответственно 40%, 30%, 15%) и крупной галькой — 15%. Верх насыпи представлен дерново-гумусным слоем, низ — чёрной гумусированной супесью. В верхней части насыпи содержалось наибольшее количество крупных валунов. Два крупных камня со слабо окатанными гранями залегали в нижней части насыпи. В кв. Б/5 зафиксирована крупная плоская галька, длинным ребром вдавленная в насыпь (н.о. –39).

Находки кургана № 9 (рис. 57—59)

При снятии «подошвы» курганной насыпи в кв. Б/4 (н.о. –56) обнаружена кость, видимо лошадиная, так называемая «бабка». Кроме того, в кв. Г/5 (н.о. –52) зафиксировано режуще-скребловидное изделие, оформленное односторонними сколами на одном из концов плоской гальки.

Стратиграфические разрезы раскопа кургана № 9 (рис. 58)

Разрез по линии Г—Г. Фиксировал профиль курганной насыпи по направлению юг — север. Линия дневной поверхности с южной стороны пологая, с северной более крутая. Каменную насыпь перекрывал почвенно-растительный слой мощностью 0,20 м. Границы почвенно-растительного слоя не были чёткими из-за присутствия большого количества камней

Рис. 58. Некрополь Петровка-9
(Шкотовский район, Приморский край).
План кургана № 9 по матерiku

и чёрной гумусированной супеси, заполнявшей межкаменное пространство. Валуну и крупная галька концентрировались в центральной части разреза (пикет 4); в северной части плотность насыпи уменьшалась. Мощность каменной насыпи в центре кургана достигала 0,60 м. За пределами каменной насыпи дерн подстилался жёлто-коричневой илистой супесью мощностью 0,03—0,08 м. Материк представлен жёлто-коричневой супесью с включением гальки, реже гравия.

Разрез по линии 4—4. Фиксировал профиль курганной насыпи по направлению восток — запад. Линия дневной поверхности разреза показывала равномерное понижение склонов кургана. Лёгкий перегиб дневной поверхности разреза отмечался с восточной стороны (пикет Д). Дневную поверхность пробивали крупные валуны. Плотное расположение камней насыпи усиливалось к западу между пикетами Б—Д. Курганная насыпь перекрывалась мощным почвенно-растительным слоем, который служил межкаменным заполнителем для верхней части кургана. В нижней части, без определения чётких границ, в заполнении фиксировалась чёрная гумусированная супесь. Мощность каменной насыпи достигала 0,60 м. За пределами кургана почвенно-растительный слой подстилался жёлто-коричневой илистой супесью мощностью 0,05—0,07 м. Материк представлен жёлто-коричневой супесью с галькой и незначительным количеством гравия.

Разрез по северной стенке раскопа. Линия дневной поверхности относительно ровная. Гумусированный почвенно-растительный слой мощностью до 0,12 м, содержал отдельные включения гальки. Жёлто-коричневая илистая супесь мощностью до 0,20 м подстилала дерн на всём протяжении разреза и содержала в верхней части гумусированные

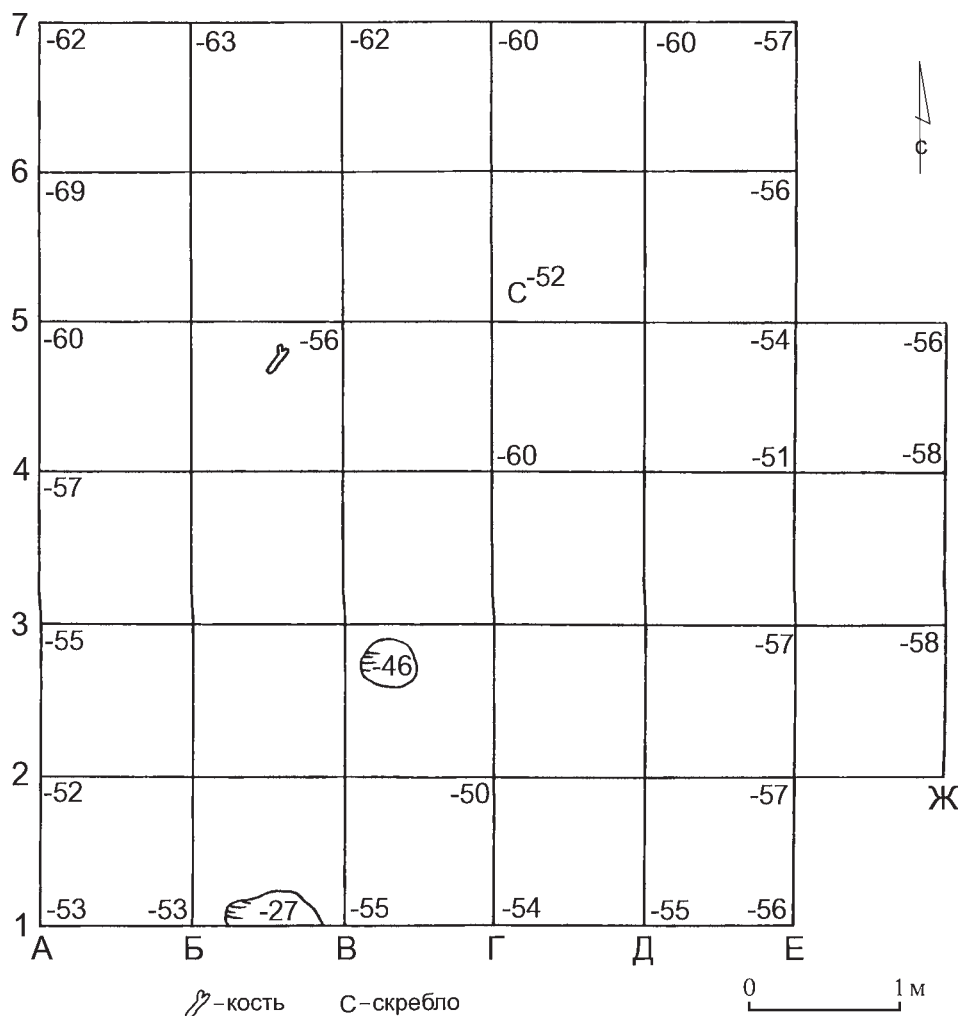

Рис. 59. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Стратиграфические разрезы кургана № 9

тёмно-коричневые пятна (следы пахоты). У пикета В встречались крупные гальки. Материк представлен жёлто-коричневой супесью с отдельными включениями гальки и гравия.

Разрез по восточной стенке раскопа. Разрез восточной стенки раскопа представлял ломаную линию, отражавшую восточную границу кургана. Линия дневной поверхности относительно ровная, с заметным прогибом у пикета 5 (н.о. -14), под которым залегал окатанный камень. Гумусированный почвенно-растительный слой мощностью до 0,14 м, в центральной части подстилался жёлто-коричневой супесью мощностью до 0,22 м.

С северной и южной сторон выклинивались прослойки жёлто-коричневой илистой супеси с гумусированными пятнами (следами пахоты), мощностью до 0,19 м.

Разрез по южной стенке раскопа. Линия дневной поверхности незначительно повышалась в центральной части (пикеты Б—Г). По всей мощности разреза в разных слоях отмечены включения гальки и валунов. Гумусированный почвенно-растительный слой, мощностью до 0,10 м, подстилался жёлто-коричневой супесью с бесформенными гумусированными пятнами пахоты, мощностью до 0,22 м. Материк представлен жёлто-коричневой супесью с галькой и гравием.

Разрез по западной стенке раскопа. Линия дневной поверхности относительно ровная, незначительное повышение отмечено в пикете 3. Гумусированный почвенно-растительный слой достигал мощности до 0,14 м. У пикета 6 фиксировались включения крупной гальки. На всем протяжении разреза дёрн подстилался жёлто-коричневой супесью с бесформенными гумусированными пятнами пахоты. Между пикетами 3—4 отмечались включения крупной гальки и большой валун. Мощность слоя у пикета 5 достигала 0,23 м. Материк представлен жёлто-коричневой супесью с галькой и незначительным количеством гравия.

Вывод. По ландшафтной характеристике курган долинный, по структуре каменный, без подушки и рва, овальной в плане формы, размером 4,0×3,5 м, высотой 0,21 м с западной стороны и 0,32 м с северной. Ориентирован в направлении восток — запад. Основанием кургана являлись валуны и крупная галька, погруженная в жёлто-коричневую илистую супесь. Камни (н.о. —39 — —42) образовывали квадрат размером 4×4 м. Несколько крупных плоских галек были вдавлены длинным ребром в супесь. Могильное углубление не прослежено. Под насыпью кургана из остеологических находок обнаружена только кость, видимо, лошадиная «бабка». Из каменных артефактов найдено галечное режуще-скребловидное изделие. Подобные ему вещи распространены во многих культурах эпохи раннего металла, в том числе в Приморье, может быть датировано I тыс. до н.э.

КУРГАН № 10 (раскоп 9) (рис. 60—66, ил. 20, 21)

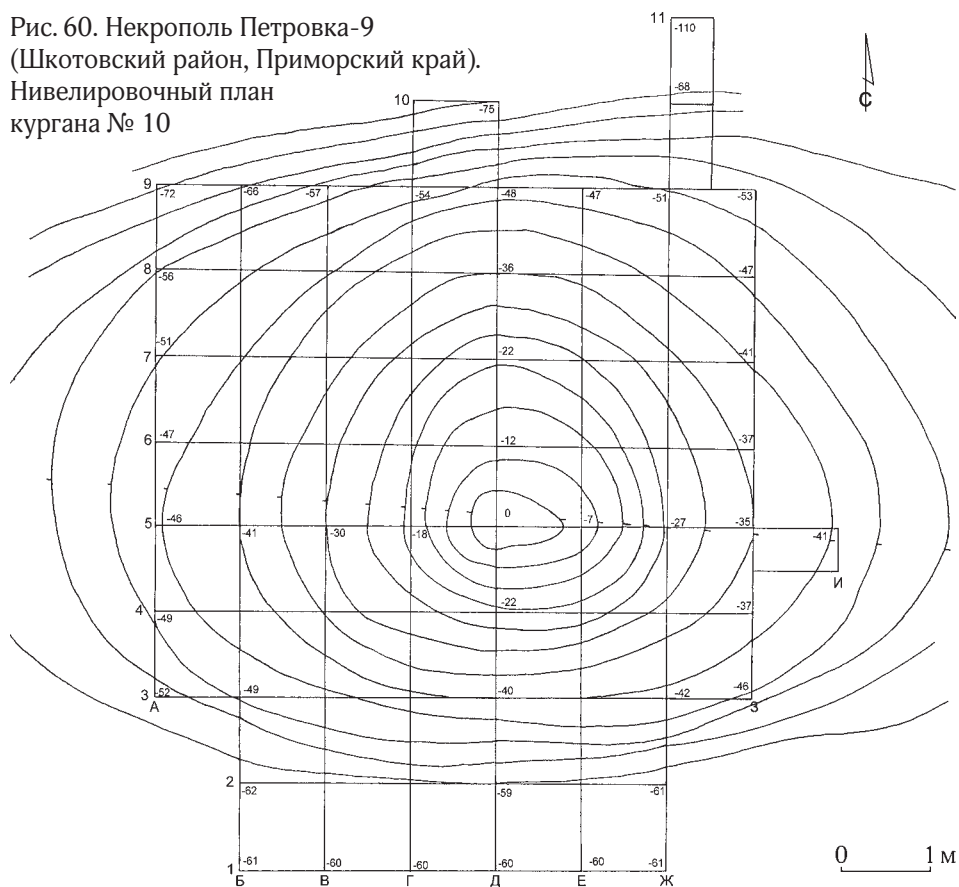
Расположен в 16,5 м к востоку от курганов № 1 и 2 (раскоп 1) на сравнительно высокой, но узкой рёлке, поросшей кустарником и вторичным осиново-берёзовым лесом. С северной стороны рёлки визуально прослеживался ровик, возможно, несколько изменённый при прокладке дороги.

Раскоп площадью 55 м² имел многоугольную форму и полностью охватывал курганный насыпь. Буквенная индексация шла с запада на восток (пикеты А—Е), цифровая нумерация — с севера на юг (пикеты 1—11). Замеры уровня нивелировочных отметок велись от нулевого репера, взятого от вершины кургана. Для контроля за стратиграфией насыпи оставлены бровки по линиям Д—Д и 5—5.

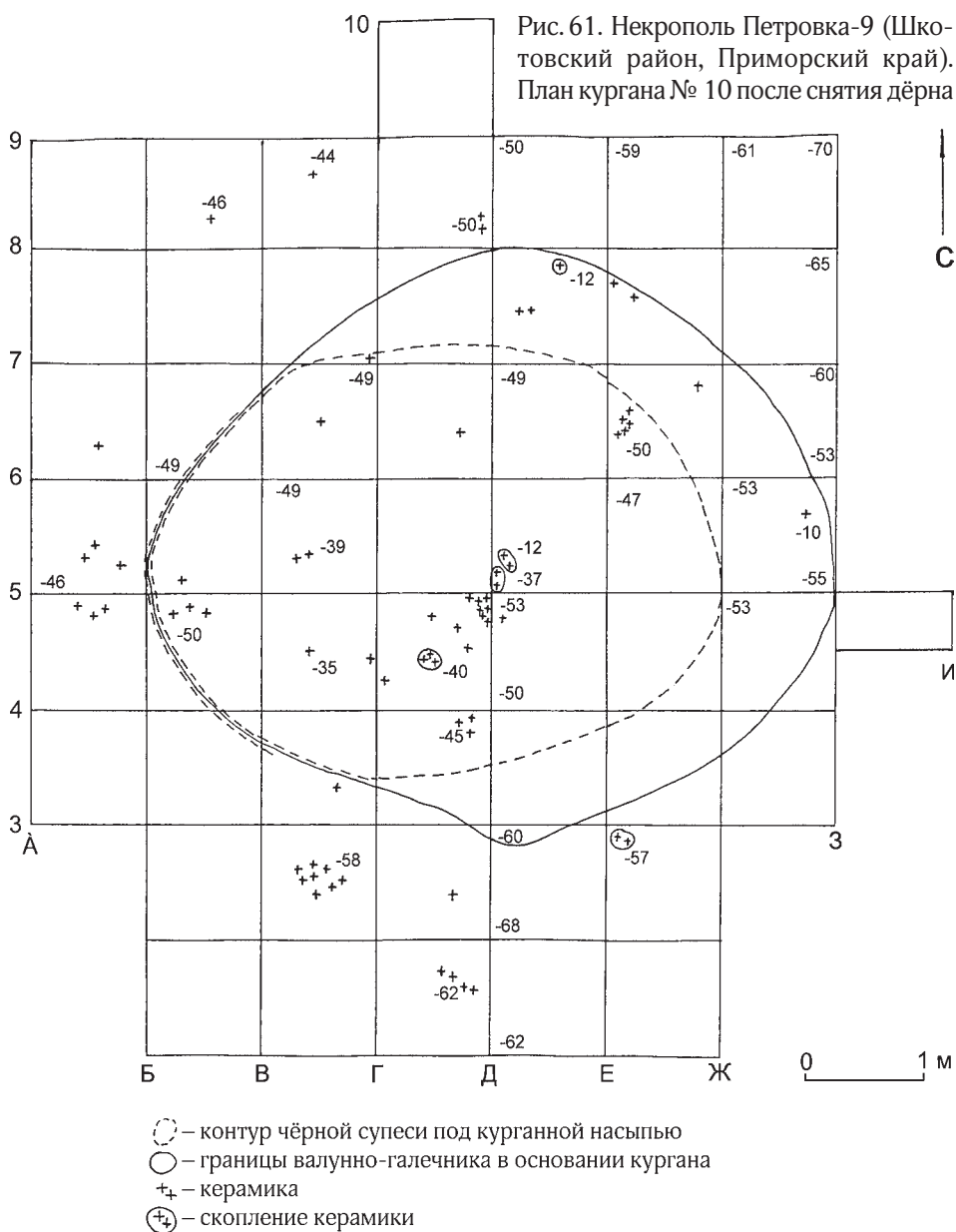
Насыпь кургана № 10 (рис. 60—66, ил. 20, 21)

Курган представлен крупной, слегка уплощённой сверху насыпью размером 5×6 м. Задернован, без визуальных повреждений, с несколькими выходящими у вершины сквозь дерн крупными каменными валунами. После снятия каменной насыпи, на уровне н.о. -46, -53, в центральной части раскопа чётко обозначилось овальное пятно чёрной супеси, ориентированное длинной стороной восток — запад. Размеры пятна 5,0×3,5 м.

Рис. 60. Некрополь Петровка-9
(Шкотовский район, Приморский край).
Нивелировочный план
кургана № 10

Пятно относительно вершины кургана смещено к западу (пересечение линий Д/5), плотно забутовано крупной галькой и отдельными валунами. За границами чёрной супеси забутовка прослеживалась в восточном направлении, но заполнителем здесь служили тёмно-коричневая и коричневая супеси. Насыпь состояла из окатанного камня: крупная галька и мелкие валуны составляли 85%, средние валуны — 10%, крупные валуны — 5%.

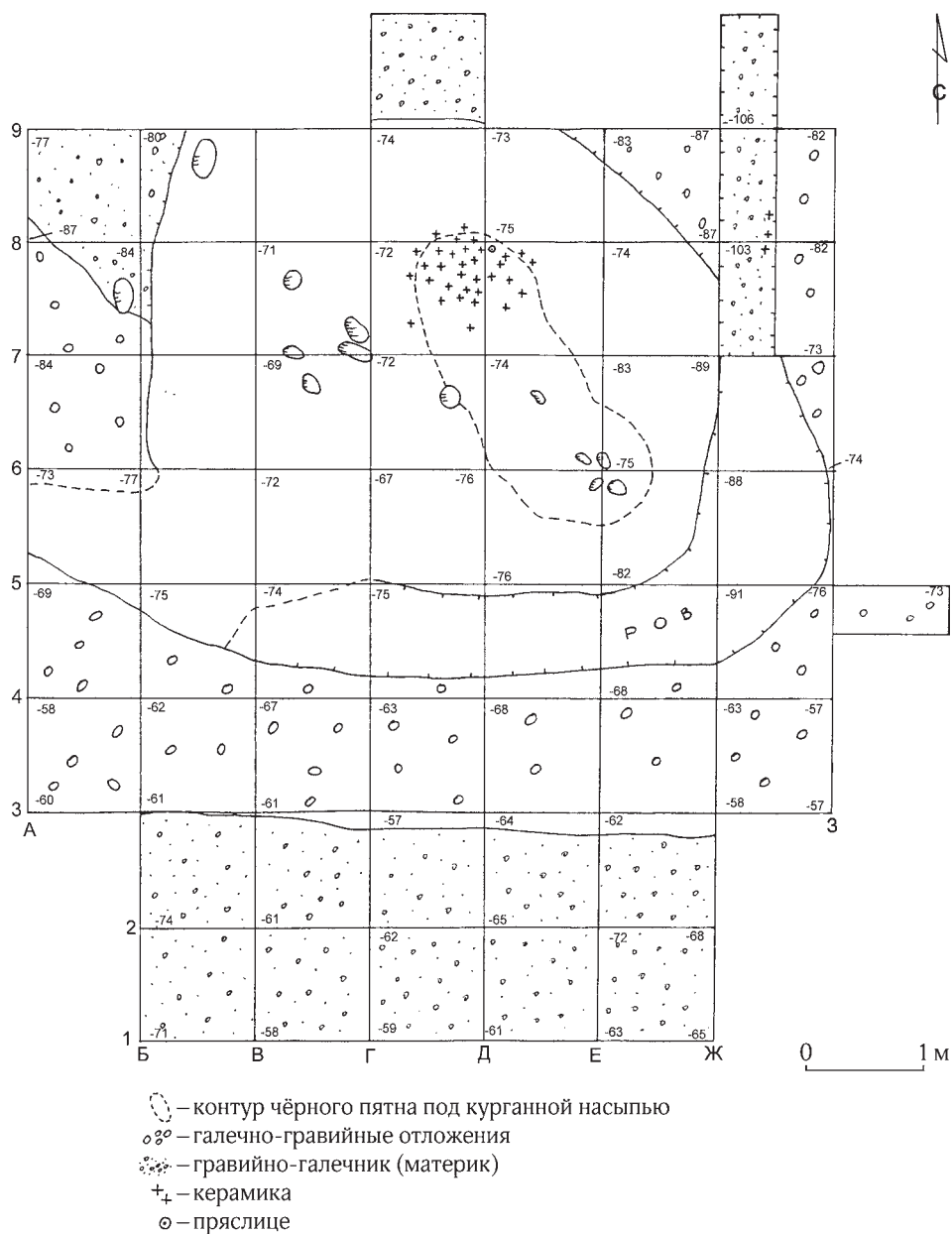

Рис. 62. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
 План кургана № 10 после зачистки галечно-гравийной насыпи
 «подушки» кургана

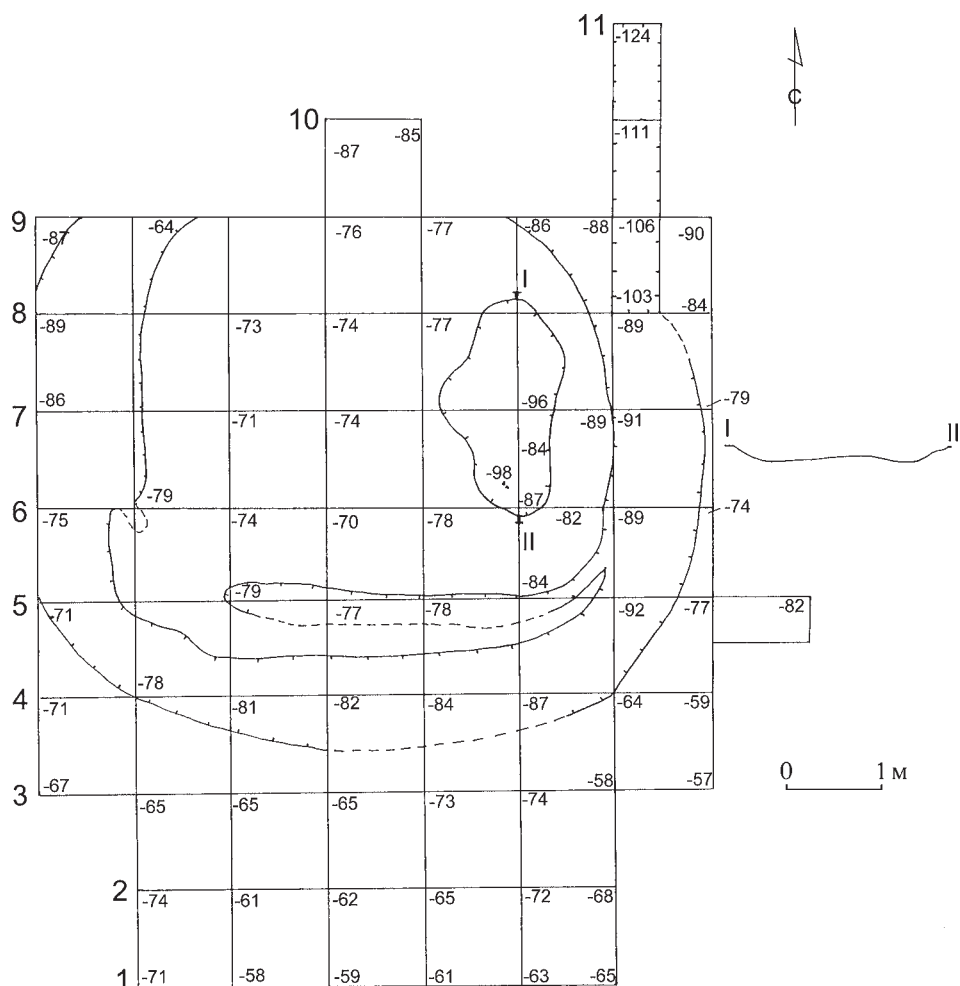

Рис. 63. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
План кургана № 10 по материке

Наиболее крупные камни находились ближе к подошве кургана. Кроме того, с западной стороны основания насыпи (н.о. –26, –32), в кв. Б–В/4 зафиксировано расположение трёх грубообломочных глыб средних размеров и незначительное количество крупного щебня со слабо окатанными гранями.

В северной половине раскопа, после снятия основания курганный насыпи, зачищена овальная в плане площадка, сложенная гравийно-галечными отложениями (90%×10%) с песчаным заполнителем светло-коричневого цвета (н.о. площадки –71, –83). Поверхность площадки субгоризонтальная, размеры 4×5 м, длинная сторона ориентирована восток — запад.

В восточной половине раскопа прослежено пятно чёрной гумусированной супеси (н.о. –74, –75) подпрямоугольной формы, размером 2,90×1,10 м, без резких границ, с плавным переходом в цветовую гамму общего заполнения площадки. Пятно вытянуто по оси северо-запад — юго-восток. В южной части пятна (кв. Д—Е/6) на поверхности зафиксирована мелкая глыба со слабо окатанными гранями. Площадку со всех сторон, кроме северной, оконтуривал ров (н.о. –88, –91). Дном рва служили гравий и галечник, заполнением рва с западной стороны являлись галечно-валунная осыпь и намытый жёлто-коричневый илистый слой. С юго-западной стороны ров заполнен осыпавшимся с насыпи грунтом. Для установления границ рва с северной стороны раскопа (пикеты Г и Ж) проложены метровые траншеи.

С южной и восточной сторон рва (н.о. –58, –68, –82) прослеживались скопление крупной гальки, мелких валунов, жёлто-коричневый супесчаный заполнитель. В месте соприкосновения галечного скопления со рвом отмечалась гумусированность (остатки курганный насыпи). Южная часть раскопа (от линии 3—3), за рвом, представлена материковыми гравийно-галечниковыми отложениями с песчаным заполнителем светло-коричневого цвета. Выборка тёмного пятна обнажила бесформенное углубление с двумя конусовидными врезами (н.о. –96, –98). Заполнением углубления являлись гравийно-галечные отложения с гумусированной супесью. Среди галечно-гравийных отложений встретились 5 мелких глыб со слабо окатанными гранями, 5 мелких валунов и 4 крупные гальки. Находок в заполнении не обнаружено. Зачистка по матерiku (н.о. –71, –89) зафиксировала округлую в плане подкурганную площадку с субгоризонтальной поверхностью диаметром 5 м. Площадка состояла из гравия, галечника и жёлто-коричневого песчаного заполнителя. Со всех сторон, кроме северной, площадку окружал ров с чашевидным сечением. Ширина рва по верху 1 м, глубина 7—8 см. Вероятно, ров был и с северной стороны, но оказался разрушен при сооружении дороги. На дне рва встречались воткнутые длинной стороной ребра отдельные плоские камни. С южной стороны площадки зафиксирован малый ров, в плане и в профиле имевший вид ступени. На дне малого рва кроме галечно-гравийного материка встречены крупные гальки и прослойки илистого осадка.

Находки кургана № 10

(рис. 64)

В кургане № 10 оказалось значительное количество находок. Артефакты представлены 4—5 фрагментированными сосудами. Вся керамика лепная, с плоским дном, выпуклым туловом, отогнутым наружу (иногда под прямым углом) венчиком, коричневой, бурой, красно-оранжевой

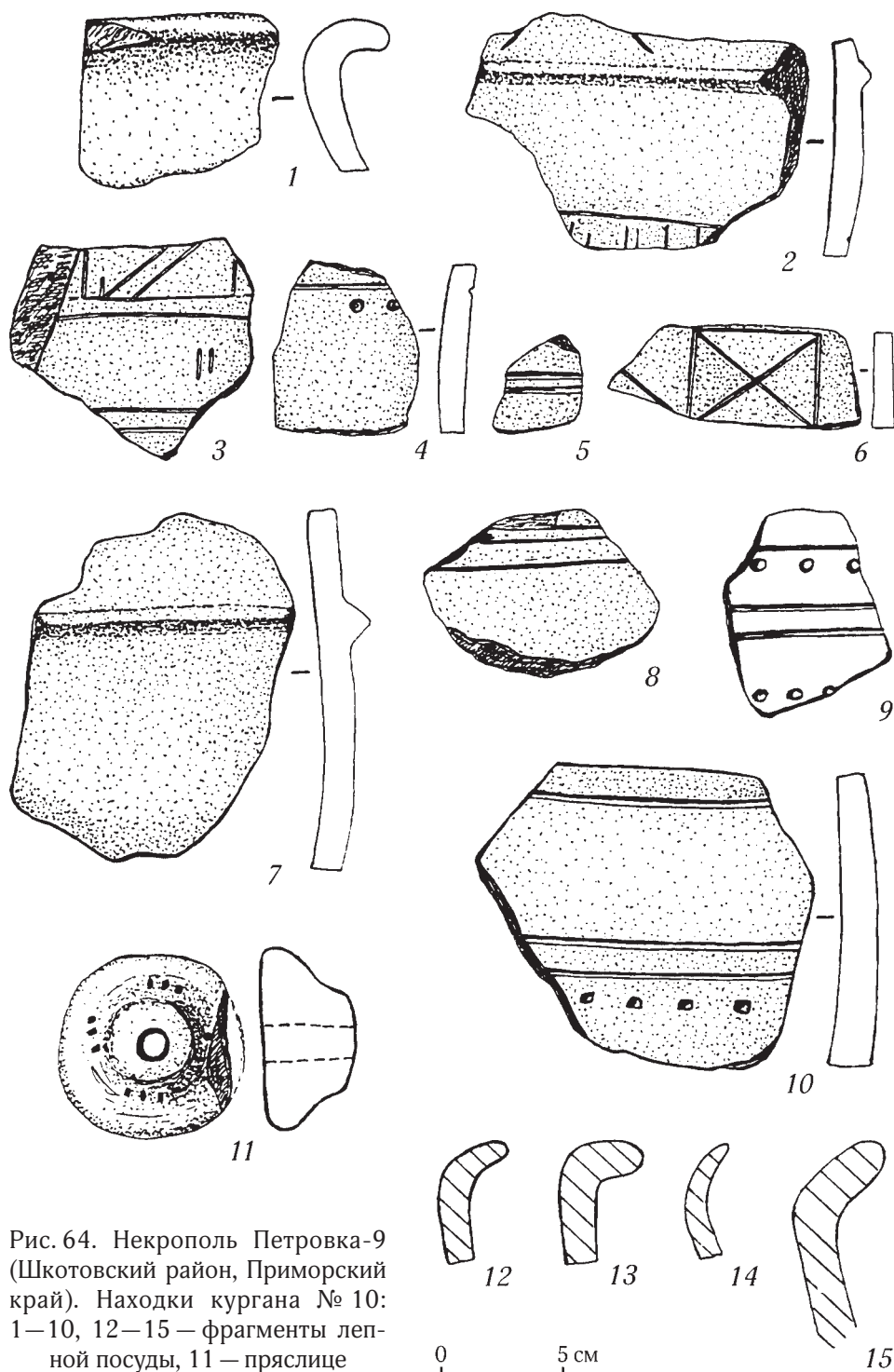

Рис. 64. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край). Находки кургана № 10: 1–10, 12–15 — фрагменты лепной посуды, 11 — пряслице

поверхностью, часто лощёная. Один сосуд крашенный, малинового цвета. Толщина стенок 0,5—1,0 см. Орнаментальная зона занимала верхнюю часть тулова изделия, представлена врезным типом линейно-геометрической композиции. Все керамические изделия принадлежали одной культурной традиции.

В верхней части насыпи, в кв. В/5, из пяти фрагментов керамики два орнаментированы. В одном случае — треугольным в сечении налепным валиком, в другом — тремя параллельными, расположенными на разном расстоянии, прочерченными линиями, опоясывающими сосуд.

В кв. Е/5 в верхней части насыпи найдены фрагменты сосудов с лощёной поверхностью, два из которых орнаментированы параллельными горизонтально-прочерченными бороздами, дополненными оттисками торца полой косточки.

В кв. А/5 в средней части насыпи вместе с двумя неорнаментированными обломками керамики обнаружен фрагмент крупного сосуда с тремя прочерченными на разном расстоянии параллельными бороздами и наклонными точечными оттисками стека под нижней из них.

В кв. Д/7—8 в средней и нижней частях насыпи зафиксировано скопление фрагментов керамических сосудов, среди которых: два крашенных в малиновый цвет обломка тулова; четыре фрагмента стенок от 2—3 сосудов с орнаментом из горизонтально-прочерченных параллельных и субпараллельных борозд; фрагмент круто отогнутого венчика и плоского дна.

В кв. Д/7—8 в нижней части насыпи найден обломок нижней челюсти хищника, вероятно собаки; керамическое пряслице трапециевидной в сечении формы с оттисками трёхзубой гребёнки на шейке. Диаметр основания изделия — 3,8 см; высота — 2 см; диаметр отверстия — 0,6 см. В этом же квадрате обнаружен галечный отщеп среднего размера из плотной породы.

В кв. Г/7—8 в нижней части насыпи зафиксировано 50 фрагментов лепных сосудов, из которых четыре фрагмента орнаментированы налепным треугольным в сечении валиком, один фрагмент сочетал выпуклый и врезной типы декора (параллельно налепному валику сосуд опоясывала горизонтально-прочерченная борозда с подходящими к ней перпендикулярными отрезками); один фрагмент с рисунком в виде косоугольного креста, заключённого в прямоугольную контурную рамку, один фрагмент с прямоугольной рамкой и помещёнными в ней двумя параллельными линиями, расположенными по диагонали. Кроме скопления керамики обнаружен один вторичный отщеп из плотного серого камня размером 2×2 см. В целом находки оказались сконцентрированы в нижней части насыпи и в её основании.

Стратиграфические разрезы раскопа кургана № 10 (рис. 65—66, ил. 20, 21)

Разрез по линии Д—Д. Фиксировал профиль кургана № 10 по оси север — юг. Линия дневной поверхности насыпи отражала равномерное понижение склонов кургана. Почвенно-растительный слой мощный, у пикета 4 достигал 0,30 м. В кровле насыпи он смешивался с камнями и служил заполнителем. Камни преимущественно сосредоточивались в северной половине насыпи. Наиболее крупные — валуны располагались в верхней части разреза, ближе к вершине. Заполнением служила чёрная гумусированная супесь. У пикета 3 камни и чёрное заполнение насыпи вертикально обрывались, и далее в южном направлении от вершины под дёрном залегала жёлто-коричневая супесь. Мощность насыпи 0,78 м. Каменная насыпь подстилалась незначительным по мощности слоем жёлто-коричневой илистой супеси с признаками гумусированности. В кв. 3—4 прослеживалось чашевидное сечение рва. Материк представлен гравийно-галечными отложениями. В северной и южной оконечностях разреза материковый слой залегал непосредственно под почвенно-растительным слоем.

Разрез по линии 5—5. Фиксировал продольный профиль курганный насыпи (восток — запад). Линия дневной поверхности показывала равномерное понижение склонов кургана. Мощность почвенно-растительного слоя достигала 0,22 м. Значительное его утолщение прослеживалось с западной стороны кургана и создавало резкий уклон. Насыпь состояла из крупной гальки и валунов разных размеров. Основанием насыпи (пикеты Г—Д) служило скопление крупного и среднего щебня со слабо окатаннными гранями. Общая мощность каменной насыпи — 0,78 м.

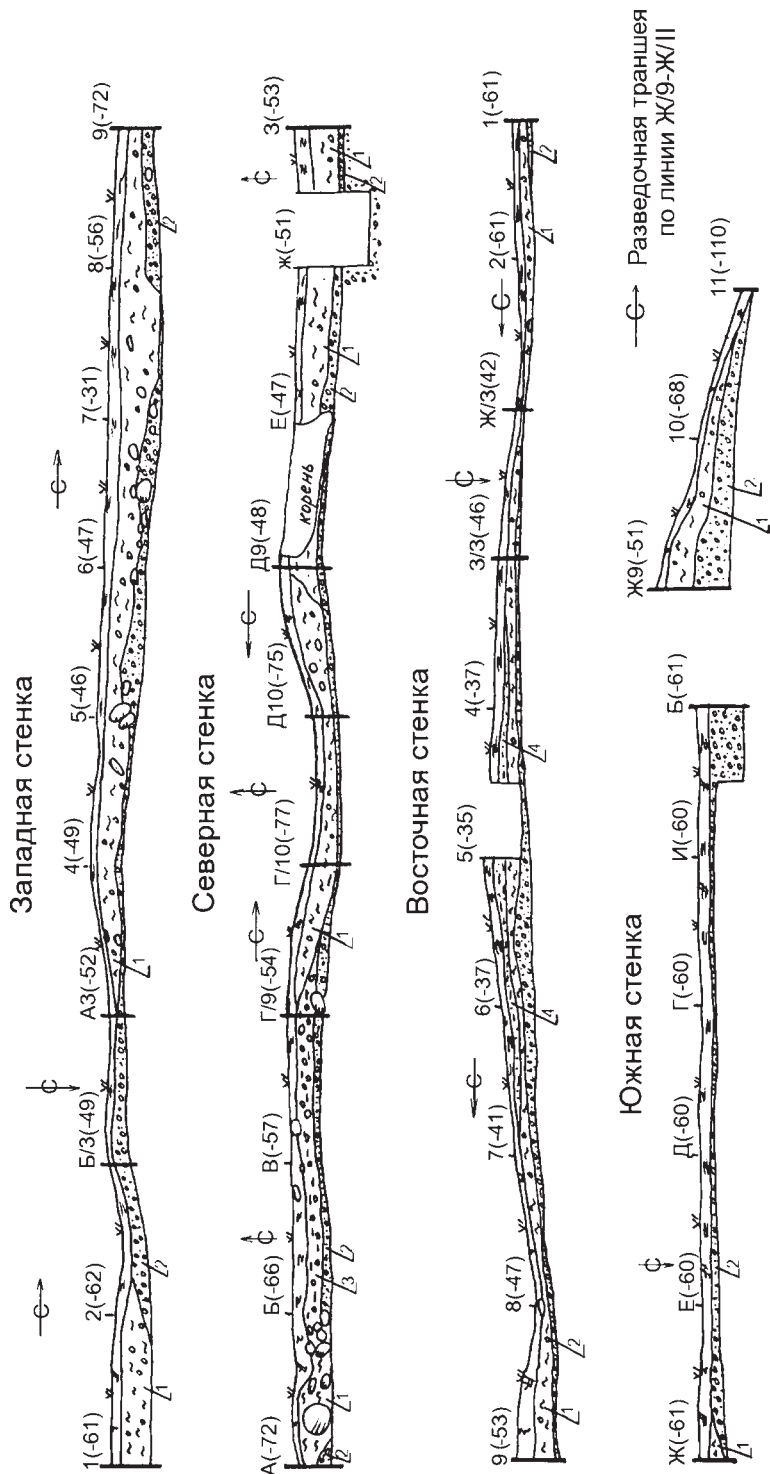

Рис. 66. Некрополь Петровка-9
(Шкотовский район, Приморский край).
Стратиграфические разрезы кургана № 10

Курган подстилался жёлто-коричневой супесью со следами гумусированности. У пикетов Е—Ж зафиксирован чашевидный врез рва глубиной 0,12 м, заполненный слоем жёлтой супеси, залегающей под дёрном. Восточная сторона разреза содержит включения гальки и гравия.

Материк представлен гравийно-галечными отложениями с песчаным заполнителем.

Разрез по восточной стенке раскопа. Представлял собой ломаную линию и фиксировал склоновую восточную периферию курганной насыпи. Профиль разреза имел повышение в центральной части (пикет 5), от которой равномерно понижался и в пикетах 8 и 3 имел прогибы дневной поверхности. Почвенно-растительный слой простирался по всему разрезу. Его мощность составляла от 0,03—0,04 м до 0,11 м. Почвенно-растительный слой подстилала жёлто-коричневая илистая супесь мощностью 0,04—0,16 м (пикет 9). В центральной части разреза (пикеты 3—7) между дёрном и иистой супесью залежала прослойка лёгкой жёлтой супеси мощностью до 0,08. Материк представлен гравийно-галечниковыми отложениями. Продолжением восточной стенки раскопа являлся разрез по линии 9—11 (пикет Ж). Профиль дневной поверхности фиксировал уступ рёлки, сложенный почвенно-растительным слоем и материковой гравийно-галечниковой толщей. Между указанными слоями фиксировалась прослойка иистой жёлто-коричневой супеси, простираение которой прекращалось на уровне тылового шва уступа.

Разрез по северной стенке раскопа. Представлял собой ломаную линию и фиксировал уступ рёлки к пойме реки. Дневная поверхность относительно ровная, исключая место дополнительной прирезки (кв. Г/10), где был уступ рёлки. В кв. Д/9 разрез разрушала корневая система. Почвенно-растительный слой мощностью 0,03—0,10 м гумусирован и опесчанен. Его подстилала жёлто-коричневая илистая супесь мощностью до 0,22 м. У пикета А супесь включала крупную гальку и один мелкий валун. Между пикетами Б и Г подпочвенный слой мощностью до 0,12 м представлен гравийно-галечными отложениями с гумусированным супесчаным заполнителем и отдельными включениями крупной гальки. Идентичный слой зафиксирован с западной стороны разреза и вблизи корневой системы (пикет Д/9). Материк представлен гравийно-галечниковыми отложениями.

Разрез по западной стенке раскопа. Представлен ломаной линией и фиксировал западную оконечность осыпавшейся курганной насыпи. Профиль дневной поверхности имел незначительное повышение в центральной части (пикеты 4 и 5). В северном и южном направлениях шло равномерное склоновое понижение. Почвенно-растительный слой мощностью 0,07—0,08 м включал гумусированную супесь. На всем протяжении разреза

его подстилала жёлто-коричневая илистая супесь мощностью до 0,20 м. У пикета 7 этот слой был ниже уровня материковой поверхности. Между пикетами 2 и 3 под дёрном фиксировался гравийно-галечниковый выступ мощностью до 0,12 м, отмеченный на плане как каменная гряда вдоль рва. Материк представлен гравийно-галечниковыми отложениями. Между пикетами 4 и 7 отмечались отдельные крупные гальки и мелкие валуны.

Разрез по южной стенке раскопа. Соответствовал линии дневной поверхности рёлки. Почвенно-растительный слой мощностью до 0,10 м гумусирован. Под ним залегали материковые гравийно-галечниковые отложения. В восточном углу разреза прослежена прослойка илистой жёлто-коричневой супеси мощностью до 0,06 м.

Вывод. По ландшафтной характеристике курган долинный, релочный, по структуре — каменно — каменно-почвенный, без подушки, но с рвом, овальной в плане формы, размером 5×6 м, высотой 0,57 м. Ориентирован восток — запад. Основанием кургана являлись валуны и крупная галька, погруженные в жёлто-коричневую илистую супесь. Под насыпью располагалось углубление, плотно забутованное крупной галькой, валунами, чёрной супесью. Остеологический материал не обнаружен. Данный курган выделялся количеством и качеством находок, в частности диагностичным керамическим материалом, в орнаментации которого преобладали мотивы янковской культуры. Археологические артефакты этого кургана позволяют датировать его в концом I тыс. до н.э. — рубежом эр.

КУРГАНЫ № 11—16 (раскоп 10) (рис. 67—71, ил. 22—25)

Шесть каменных насыпей под номерами 11—16 располагались в 30 м к западу от кургана № 6. Они группировались на западной, наиболее высокой, оконечности рёлки и исследовались единым раскопом. Поверхность возвышения относительно ровная, борта с южной и западной сторон более крутые, северо-восточная и восточная стороны постепенно сходили на нет и сливались с рёлкой. Поверхность рёлки покрывали дёрн и мелкий кустарник. Насыпи находились в непосредственной близости друг к другу, но каждая представляла собой самостоятельный объект. В центральной, западной и северо-восточной частях возвышения фиксировались три каменные бесформенные насыпи. На северном и южном участках прослеживались три земляные насыпи, на вершинах которых отмечались выходы отдельных камней. Раскоп площадью 130 м² ориентирован по сторонам света. Буквенная индексация шла с запада на восток (пикеты А—О), циф-

ровая нумерация с юга на север (пикеты 1—12). Нивелировочные замеры велись от нулевого репера — самой высокой точки возвышения (пикет Л/4). Стратиграфия контролировалась по линиям 3—3 и 7—7.

Насыпь кургана № 11

(рис. 67—69)

Располагалась в северо-восточной части возвышения в кв. И—Л/5—7. Курган не повреждён, имел крутые слабо задернованные склоны, гребнеобразную вершину. Каменная насыпь размером 2,30×1,50 м, овальной в плане формы, ориентирована длинной стороной северо-запад — юго-восток. Сложена из сильно окатанных валунов (70% — средних размеров, 20% — крупных, 10% — мелких). У двух средних по размерам валунов грани обработаны сколами. Нивелировочные отметки верхних камней +6, +22; нижних —14, —18. Стратиграфия насыпи контролировалась по линиям К и 7.

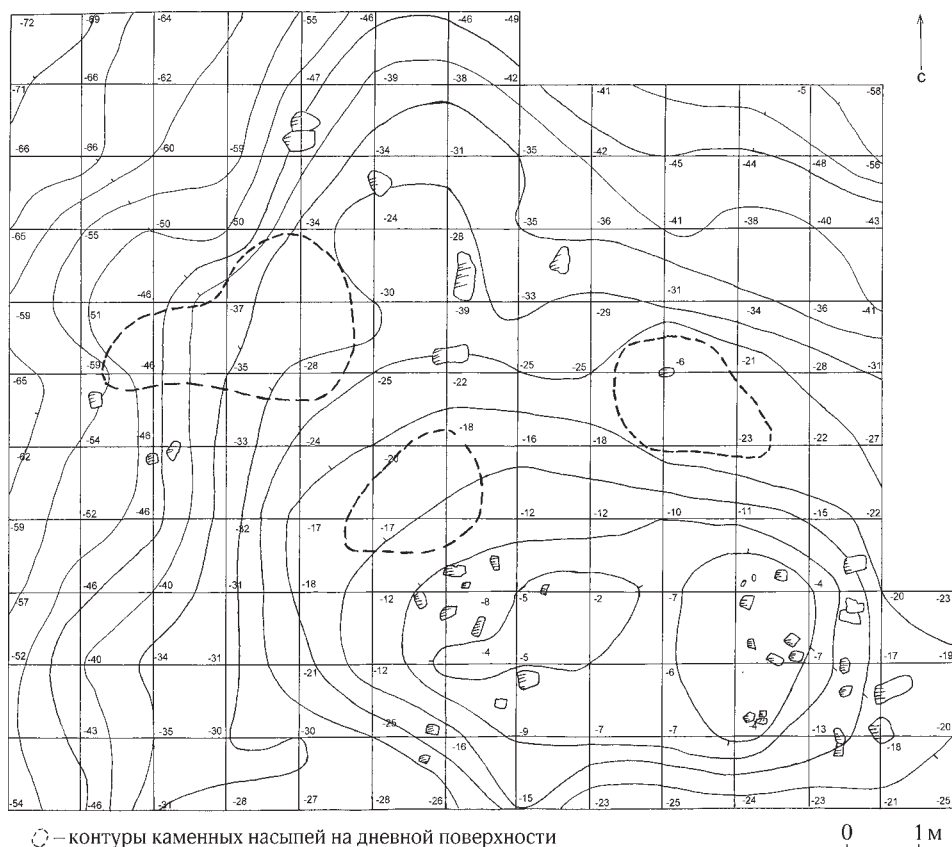

Рис. 67. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Нивелировочный план курганов № 11—16

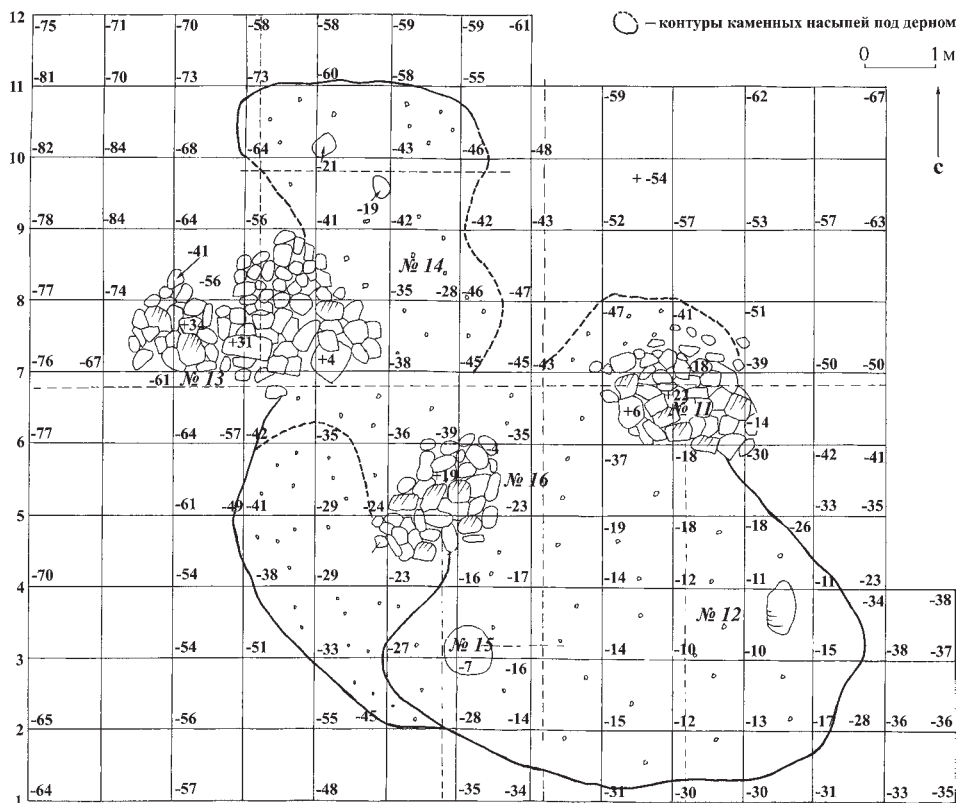

Рис. 68. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
План курганов № 11—16 после снятия дёрна

С северной стороны к кургану (н.о. –41, –47) примыкал участок (3×1 м) сегментовидной формы с плотно уложенной крупной и средней галькой, между которой прослеживалась рыхлая супесь.

С западной стороны каменная насыпь кургана № 11 перекрывала северную оконечность насыпи кургана № 12, что позволяло установить последовательность их возведения: курган № 11 сооружён позже кургана № 12. Под насыпью кургана № 11 (н.о. –52) проявилось подпрямоугольное пятно размером 1,80×1,0 м, заполненное небольшими валунами, крупной галькой и жёлто-коричневой илистой супесью. Пятно ориентировано северо-запад — юго-восток. Выборка пятна на глубину 5 см обнаружила мелкую гальку и гравий, а последующая зачистка выявила подпрямоугольную яму № 1 того же размера, что и пятно. Стенки ямы, за исключением северо-западного борта, слабо наклонные. Дно имело незначительный уклон к северо-западу, перепад высот составлял 4 см. Глубина ямы от уровня материковой поверхности 8—12 см.

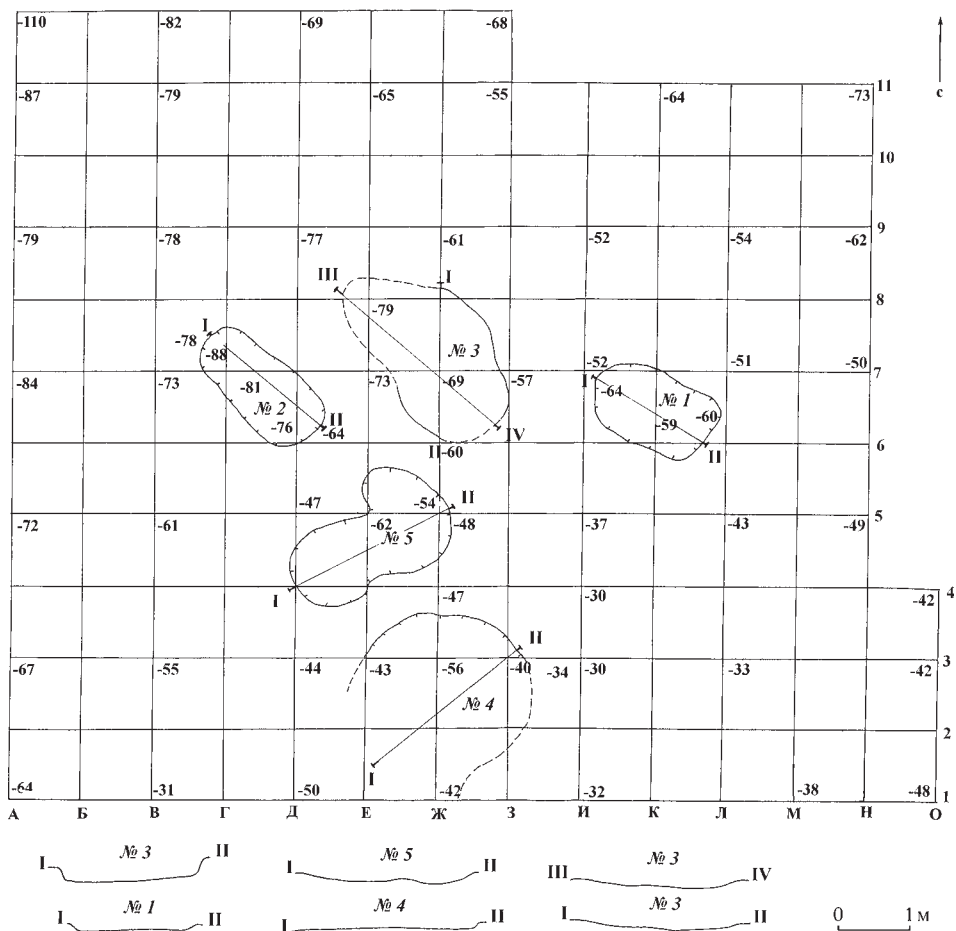

Рис. 69. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
План курганов № 11–16 по матерiku

Находки кургана № 11

В кв. И/9 (н.о. -54), залегал фрагмент неорнаментированной лепной керамики.

Стратиграфические разрезы кургана № 11 (рис. 70, 71)

Разрез по линии К—К. Фиксировал профиль кургана по оси север — юг. Линия дневной поверхности имела уклон в северном направлении. Между пикетами 6 и 8 располагалась курганная насыпь, сложенная в верхней части из валунов и крупной гальки. Рыхлый заполнитель практически

отсутствовал. Высота насыпи 0,40 м. Насыпь покоилась на слое чёрной гумусированной супеси (поддержный слой или погребённая почва) мощностью 0,10—0,12 м. Этот слой подстилала илистая супесь. Зафиксирован прямоугольный врез в слой мешаной коричневой и жёлто-коричневой супеси с гумусированными пятнами. В заполнении этих супесей присутствовала крупная и средняя галька. Граница между илистой и мешаной супесями размыта и в разрезе прослеживалась слабо (кв. 5 и 7). Подошва разреза представлена материковыми гравийно-галечными отложениями и жёлто-коричневым песком.

Разрез по линии 7—7. Представлял профиль кургана по оси восток — запад. Курган размещался между пикетами И и Л в виде небольшого возвышения с плавными склонами. Каменная насыпь состояла из плотно уложенных мелких и средних валунов без какого-либо наполнителя. Высота каменной насыпи не превышала 0,23 м. Слои имели горизонтальное волнообразное залегание. Поддержным слоем являлась чёрная гумусированная супесь с включением отдельных мелких валунов и крупной гальки. В центральной части мощность слоя достигала 0,18 м. Илистая коричневая супесь с включением гальки и гравия прослеживалась на периферийных участках кургана. Под каменной насыпью отмечался мешаный слой супеси коричневого и жёлто-коричневого цвета со следами гумусированности и отдельными включениями крупной гальки и мелких валунов. Мощность мешаного слоя 0,19 м. В отдельных местах материковые гравийно-галечные отложения перекрывала чистая намытая илистая супесь. Линза такого грунта зафиксирована на материке по западной и восточной границам кургана.

Вывод. По ландшафтной характеристике курган долинный, релочный, по структуре каменно-почвенный, без подушки и рва, овальной формы, размером 2,30×1,50 м, высотой 0,40 м, ориентирован северо-запад — юго-восток, сложен из окатанных валунов, два из которых с обработанными сколами гранями, один — со слабо окатанными краями, вероятнее всего, эти камни служили стелами, с могильной ямой подпрямоугольной формы, ориентированной северо-запад — юго-восток, размером 1,8×1,0 м, глубиной 8—12 см, заполненной валунами, крупной галькой и жёлто-коричневой илистой супесью, остеологический материал отсутствовал. С западной стороны курган № 11 перекрывал северную оконечность кургана № 12, что выдаёт более позднее его сооружение, чем кургана № 12. При отсутствии диагностирующего материала временная и культурная идентификация кургана оказалась возможна только по аналогии с сопредельными объектами, позволяющими предварительно отнести его к эпохе раннего металла.

КУРГАН № 12

(рис. 71)

Располагался на юго-восточной стороне релочного возвышения (кв. 3—Л/1—5). В плане имел округлую форму со слабым повышением в кв. К—Л/2—3 (н.о. —10). Южный и восточный борта насыпи крутые, высотой 0,20—0,28 м, постепенно сливались с уровнем поверхности рёлки. С западной стороны насыпь кургана № 12 отделялась микроложбиной от каменной насыпи кургана № 15. В северном и северо-западном направлениях склоны каменной насыпи кургана № 12 с плавным понижением уходили под насыпи более поздних курганов № 11, № 16 и сливались с ними. Контроль за стратиграфией кургана осуществлялся по линии К—К. На дневной поверхности кургана № 12 зафиксированы отдельные окатанные камни с гумусированными остатками почвенно-растительного слоя. На вершине кургана (н.о. 0, кв. Л/3—4) находился одиночный крупный валун, вероятно стела. Составом курганной насыпи служили гравийно-галечные фракции и рыхлые супесчаные почвы, равномерно распределявшиеся по всей мощности насыпи. Под каменной насыпью обозначился материк — гравийно-галечниковые отложения с песчаным заполнителем. Под вершиной кургана (кв. И—К/2—3) материковая поверхность оказалась практически горизонтальной (н.о. —30, —33) и представляла собой округлую в плане площадку с равномерно понижающимися склонами диаметром 2,5 м. Углубления под курганом отсутствовали.

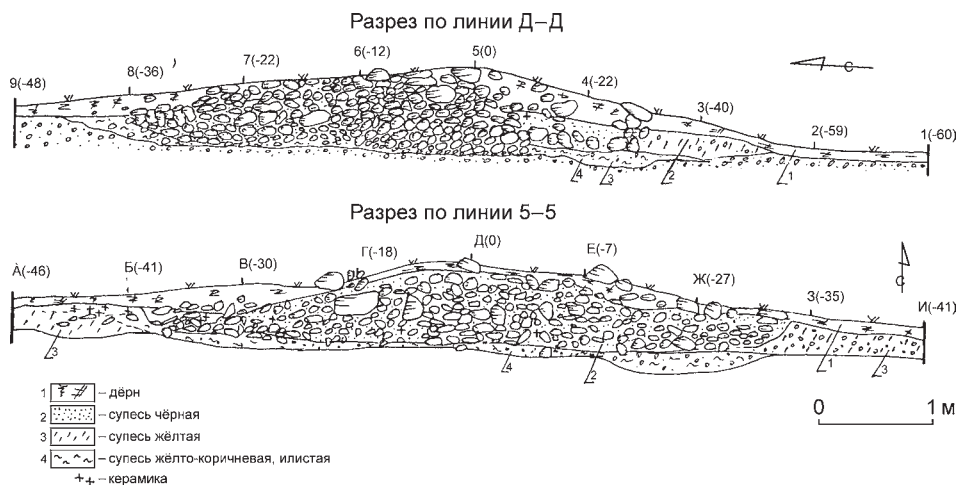

Рис. 70. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Стратиграфические разрезы кургана № 11—16

Стратиграфические разрезы раскопа кургана № 12 (рис. 70, 71)

Разрез по линии К—К. Наблюдения за стратиграфией курганной насыпи проводились по бровке с западной и восточной сторон. Наиболее информативной оказалась восточная сторона. Линия дневной поверхности фиксировала уплощённую вершину кургана с плавно понижающимися склонами. Превышение насыпи над уровнем материковой поверхности с южной стороны кургана составляло 0,26 м. Кровля представлена гумусированной чёрной супесью с остатками корневой системы мощностью 0,12 м. Слой прослеживался только в границе распространения курганной насыпи. Между пикетами 2—5 насыпь представлена коричневой илистой супесью с галькой, гравием и мелкими валунами. Максимальная мощность (0,30 м) зафиксирована у пикета 4. Материком служили гравийно-галечные отложения с песком. Уровень материковой поверхности в разрезе имел незначительный прогиб под вершиной кургана.

Вывод. По ландшафтной характеристике курган № 12 долинный, релочный, по структуре каменно-почвенный, без подушки, без рва, насыпь округлой формы, на вершине кургана обнаружен валун-стела, могильные углубления под курганом не зафиксированы, диагностичные артефакты отсутствовали, с западной стороны курган смыкался через микроложбину с курганом № 15, с севера и северо-запада курган уходил под насыпи более поздних курганов № 11 и № 16. При отсутствии диагностирующего материала временная и культурная идентификация кургана возможна только по аналогии с сопредельными объектами, позволяющими предварительно отнести его к эпохе раннего металла.

КУРГАН № 13 (рис. 67—71)

Располагался на западной окраине рёлочного возвышения (кв. Б—Д/7—8). В плане имел форму двух соединённых овалов, вытянутых длинными сторонами в направлении восток — запад, размером 3,50×2,20 м. Представлен валунно-галечной насыпью без сыпучего материала. Западный полуовал (кв. В—Д/7—8) имел уплощённую вершину и крутые склоны. С северной и северо-западной сторон под насыпью прослеживалась относительно ровная каменная площадка. Западный, меньший полуовал (кв. Б—В/7—8) куполообразный с крутыми склонами. Насыпь практически не разрушена

(н.о. вершины камней +4, основание с западной стороны — -47, с восточной — -24). Со всех сторон, за исключением восточной, склоны насыпи сливались с материковой поверхностью раскопа. Восточная граница кургана проходила по вершине другой каменной насыпи. Контроль за стратиграфией кургана осуществлялся по линиям 7—7 и Г—Г. Насыпь кургана № 13 в верхней части представлена плотной чистой валунно-галечной фракцией, в нижней — супесчаным гумусированным заполнителем. В верхней части насыпи залежали более крупные камни с высокой степенью окатанности. Редко, но встречались валуны с обколотыми или слабо замытыми гранями. Супесчаный гумусированный заполнитель насыщен остатками перегнивших корней. После снятия курганной насыпи вскрылась материковая гравийно-галечниково-песчаная фракция. В кв. В—Д/7—8 (н.о. -64 и -78) на фоне материковой поверхности проявилось подпрямоугольное в плане пятно, заполненное валунами и крупной галькой, ориентированное длинной стороной северо-запад — юго-восток. Размеры пятна 2×1 м. После выборки пятна обнажилось углубление (яма № 2), заполненное валунами, галечником (соответственно 85% и 15%) и илистой жёлто-коричневой супесью. Стенки ямы практически вертикальные, дно плоское, с равномерным уклоном в северо-западном направлении. Глубина от уровня материковой поверхности составляла 0,10—0,12 м.

Находки кургана № 13

При зачистке после дёрна в кв. И/9, на уровне н.о. -54, найден фрагмент неорнаментированной лепной керамики.

Стратиграфические разрезы раскопа кургана № 13

(рис. 70, 71)

Разрез по линии 7—7. Проходил по южной оконечности кургана и не захватывал верхнюю часть насыпи, сложенную из камней. Почвенно-растительный слой мощностью 0,09 м, гумусирован. Между пикетами В—Ж отмечена чёрная гумусированная супесь с остатками корней деревьев. Мощность супесчаного поддернового слоя у пикета Д — 0,16 м. Слой коричневой илистой супеси прослеживался от пикета Г и простирался в восточном направлении далее по разрезу. Между пикетами Г—Е зафиксирован подпрямоугольный врез в гравийно-галечниковую материковую толщу глубиной до 0,10 м. Высота кургана в южной части, включая глубину ямы, составляла 0,46 м.

Разрез по линии Г—Г. Контролировал профиль кургана с юга на север. Верх кургана состоял из плотно уложенных валунов с незначительной

примесью крупной гальки. В нижней части каменной насыпи присутствовала чёрная гумусированная супесь. Нижняя граница гумусированного слоя деформирована под давлением насыпи. Мощность слоя до 0,14 м. Мешаная коричневая и жёлто-коричневая супесь со следами гумусированности фиксировалась между пикетами 9—7, т.е. под курганом. В слое отмечались отдельные валуны и крупные гальки. С северной стороны мешаный слой имел нечёткую границу с илистой коричневой супесью, постепенно понижающуюся в южном направлении. От пикета 8 в южном направлении отмечено плавное углубление в материковой гравийно-галечниковой толще. Углубление заполняли валунно-галечные отложения с илистым заполнителем коричневого цвета. Глубина ямы от уровня материковой поверхности 0,12 м. Высота кургана от вершины камней до дна углубления составила 0,86 м.

Вывод. Курган № 13 по ландшафтной характеристике долинный, рёлочный, по структуре каменно-почвенный, без подушки, без рва, насыпь округлой формы, вершину кургана украшал валун-стела, углубления под курганом отсутствовали, валунно-галечная насыпь без заполнителя в форме 2 соединённых овалов, ориентированных восток — запад, размером 3,50×2,20 м, под насыпью в материке подпрямоугольное могильное углубление размером 2×1 м, глубиной 0,10—0,12 м, ориентировано северо-запад — юго-восток, заполнено валунами, крупной галькой и илистой жёлто-коричневой супесью. Стенки ямы вертикальные, дно плоское.

КУРГАН № 14

(рис. 67—70)

Располагался на северной — северо-западной окраине рёлочного возвышения (кв. Г—Ж/7—10). Он сильно задернован, значительно уплотнён. Границы насыпи чётко прослеживались только в северной части. В кв. Д/10 (н.о. —21), кв. Д/9 (н.о. —19) на поверхность выходили отдельные валуны. Самая высокая точка курганной поверхности зафиксирована в кв. Е/8 (н.о. —28), восточный склон насыпи фиксировался на н.о. —46, западный и северный склоны — на н.о. —60, —64. Конец насыпи южного склона не прослеживался, так как уходил под каменные насыпи курганов № 13 и № 16. Контроль за стратиграфией курганной насыпи проводился по линиям 7—7, 10—10 и Г—Г.

Насыпь состояла из 60% каменного и 40% сыпучего материала — заполнителя. Каменный состав насыпи различной степени окатанности представлен крупной галькой — 70%; мелкими и средними валунами — 25%;

крупными валунами — 5%. В кровле западной стороны насыпи валуны отсутствовали. Чёрная гумусированная супесь прослежена в кровле насыпи, коричневая илистая супесь — в нижней части. Галечно-валунную насыпь кургана подстилала гравийно-галечниковая материковая поверхность, на которой в кв. Д—Ж/6—8 (н.о. 57—73) проявилось пятно, ориентированное северо-запад — юго-восток. Границы пятна очерчивали валуны, крупная галька и илистая коричневая супесь. С западной и восточной сторон контуры пятна проявлялись довольно чётко, с северной и южной — слабее. После выборки пятна появилось овальное углубление размером 2,80×1,60 м, обозначенное на плане как яма № 3. Углубление-яма № 3 ориентировано длинной стороной северо-запад — юго-восток. С западной и восточной сторон контуры ямы проявлялись чётко, стенки ямы пологие, в разрезе чашевидные, врезаны в материк. С северной и южной сторон стенки ямы в разрезе не выражены. Дно ямы (н.о. –69, –79) имело уклон в северо-западном направлении с перепадом высот 0,10 м.

Стратиграфические разрезы курганов № 11—16

(рис. 70, 71, ил. 24, 25)

Разрез по линии 7—7. Фиксировал профиль южной оконечности кургана. Почвенно-растительный слой имел мощность до 0,10 м. Поддержный слой представлен гумусированной чёрной супесью, мощность до 0,12 м. Между пикетами Е—З фиксировалось хаотичное скопление валунов и крупной гальки с преобладанием более крупных камней в западной части. Заполнителем являлась коричневая илистая супесь с незначительной примесью гравия. Мощность слоя с камнями до 0,22 м. Слой перекрывал небольшое чашевидное углубление между пикетами Е—З, заполненное жёлто-коричневой супесью с крупной галькой. Глубина ямы 0,05—0,07 м. Материк представлен гравийно-галечниковыми отложениями.

Разрез по линии 10—10. Фиксировал северный профиль кургана. В центральной части (пикет Е) слабо выделялась вершина с покатыми склонами в западном и восточном направлениях. Верхний слой представлен чёрной гумусированной супесью, мощность до 0,12 м. Между пикетами Д—Ж чётко фиксировалась линза коричневой илистой супеси, по краям которой сосредоточивались валуны и крупная галька. Супесь продолжалась в восточном направлении с уменьшением мощности до 0,04 м. С западной стороны у пикета Д фиксировался разрыв супеси, заполненный валунами и чёрной гумусированной супесью мощностью до 0,16 м. Материк представлен гравийно-галечниковыми отложениями.

Разрез по линии Г—Г. Фиксировал профиль северо-западной оконечности кургана и чётко обозначал его границы. В кровле курганной насыпи

содержалась чёрная гумусированная супесь мощностью до 0,09 м. В верхней части (пикеты 11—9) прослеживался слой илистой коричневой супеси с валунами и крупной галькой мощностью до 0,18 м. Граница слоя с северной стороны чёткая, с южной стороны слой обрывался и замещался гумусированной мешаной супесью — заполнением курганной насыпи № 13.

Находки кургана № 14

В слое илистой коричневой супеси курганной насыпи (кв. Г/10) на глубине 0,22 м залегал фрагмент неорнаментированной лепной керамики.

Вывод. По ландшафтной характеристике курган долинный, рёлочный, без подушки, без рва, вытянутой в северном направлении формы, размером 4×3 м, с «уходящим» под каменные насыпи курганов № 13 и № 16 южным склоном, состав насыпи валунно-галечно-почвенный, с могильным углублением размером 2,80×1,60 м, глубиной 0,10 м, ориентированным северо-запад — юго-восток, находки лепной неорнаментированной керамики позволяют отнести курган № 14 к эпохе раннего металла и датировать концом I тыс. до н.э.

КУРГАН № 15

(рис. 67—70)

Располагался на юго-западной окраине рёлочного возвышения (кв. Е—3/1—4). Внешне представлял собой слабо выраженное уплощённое возвышение овальной в плане формы размером 2,0×1,60 м. Длинной стороной курган ориентирован северо-запад — юго-восток. Наивысшая точка (н.о. —7), зафиксирована в кв. Ж/3. На поверхности насыпи зафиксирован гравийно-галечник, отдельные валуны и гумусированный супесчаный заполнитель. Насыпь состояла из окатанного камня — 60% и рыхлого сыпучего заполнителя — 40%. Каменный материал представлен крупной галькой — 80%; средней галькой — 10%; мелкими и средними валунами — 10%. Особенности в распределении камней в составе насыпи не зафиксировано. Контроль за стратиграфией раскопа осуществлялся по разрезу линии Ж—Ж. После снятия галечно-валунной насыпи на гравийно-галечниковой материковой поверхности (н.о. —34, —44) проявилось круглое пятно, состоявшее из илистого заполнителя, гальки, гравия. Границы пятна определялись по валунам, входившим в общую гравийно-галечниковую фракцию. Поверхность пятна плоская с уклоном к юго-западу. Выборка пятна выявила округлое углубление — яма № 4.

Максимальный диаметр — 2,30 м. Северная сторона углубления имела чёткие границы и выраженные уступы (н.о. —40). С южной стороны стенки ямы сливались с материковой поверхностью (н.о. —50). Дно имело незначительный уклон к юго-западу. В кв. Ж/3 под вершиной кургана отмечено понижение до уровня н.о. —56. Глубина ямы прослеживалась только по северной границе и составляла 0,06 м.

Стратиграфические разрезы кургана № 15 (рис. 70, 71)

Разрез по линии Ж—Ж. Фиксировал профиль кургана по оси юг — север. Насыпь имела слабо выраженную вершину (пикет 3) и пологие склоны. Наибольшее падение склона приходилось на южную сторону. В кровле насыпи на вершине кургана (пикет 3) присутствовала чёрная гумусированная супесь мощностью до 0,23 м. Слой содержал валуны и крупные гальки. Между пикетами 2—4 фиксировался слой коричневой илистой супеси с включением валунов и крупной гальки. Верхняя граница слоя деформирована под давлением каменной насыпи, нижняя граница имела чётко выраженный уступ с северной стороны. Мощность слоя до 0,30 м. Материк представлен гравийно-галечниковой фракцией. С южной стороны материковые отложения обнажились сразу под почвенно-растительным слоем.

Вывод. По ландшафтной характеристике курган долинный, рёлочный, без подушки, без рва, овальной формы, размером 2,0×1,60 м, ориентирован северо-запад — юго-восток, состав насыпи галечно-валунный с сыпучим заполнителем, под насыпью в материке могильное углубление размером 2,3 м, глубиной 0,06 м.

КУРГАН № 16 (рис. 67—71)

Располагался в центральной части возвышения (кв. Д—Ж/4—6). В плане овальной формы, размером 2,0×1,5 м, ориентирован длинной стороной северо-восток — юго-запад. Курган не имел антропогенных разрушений. Насыпь, содержавшая окатанные камни без рыхлого заполнителя, выделялась гребнеобразной вершиной и крутыми склонами. Основным составом насыпи являлись крупные и средние валуны. Верх насыпи выходил на уровень н.о. +19, низ — на уровень н.о. —4, —9. Контроль за стратиграфией курганной насыпи вёлся по разрезу линии Ж—Ж. Состав насыпи представлен хорошо окатанным материалом: крупные валуны — 70%, сред-

ние валуны — 20%, мелкие валуны — 10%. Особенности в распределении камней не отмечено. Рыхлый заполнитель в составе насыпи отсутствовал. После снятия курганной насыпи, на уровне н.о. —47, —48, проявилось бесформенное пятно, выделяющееся на фоне гравийно-галечникового материка скоплением валунов и крупной гальки. Заполнителем служила коричневая илистая супесь. Поверхность пятна горизонтальная, с незначительным повышением в кв. Е/4 (н.о. —43). Выборка пятна выявила бесформенное углубление (яма № 4). Северная сторона ямы овальная, размером 1,50×0,8 м, ориентирована в направлении северо-запад — юго-восток. Стенки ямы слабо наклонные, дно чашевидное (н.о. —54, —62). Южная сторона ямы, размером 1,40×1,10 м, ориентирована длинной стороной северо-восток — юго-запад. Заполнением ямы служили мелкие и средние валуны (80%), крупная галька (20%), коричневая илистая супесь. В заполнении северной части ямы количество камней большее, чем в южной.

Стратиграфические разрезы кургана № 16 (рис. 70, 71)

Разрез по линии Ж—Ж. Фиксировал профиль кургана по оси север — юг. Каменная насыпь прослеживалась между пикетами 4—6 и представляла собой плотно уложенные валуны и крупную гальку. Верх насыпи без рыхлого заполнителя, в основании — чёрная гумусированная супесь мощностью 0,20 м. Под каменной насыпью отмечена линза мешаной коричневой и жёлто-коричневой супеси со следами гумусированности. Слой насыщен крупной галькой. Мощность линзы 0,15 м. В кв. 4, под линзой, слой илистой супеси с крупной галькой. Материк представлен гравийно-галечными отложениями.

Разрез по северной стенке раскопа. Представлен ломаной линией, дневная поверхность имела незначительный уклон к западу. Почвенно-растительный слой мощностью 0,13 м гумусирован. Подстилался материковыми гравийно-галечными отложениями.

Разрез по западной стенке раскопа. Линия дневной поверхности относительно ровная. Почвенно-растительный слой гумусирован, его мощность до 0,19 м. Подстилался материковыми гравийно-галечными отложениями.

Разрез по южной стенке раскопа. Линия дневной поверхности относительно ровная, с небольшим подъёмом у пикета 3 и незначительным общим уклоном в западном направлении. Почвенно-растительный слой мощностью до 0,12 м гумусирован. Подстилался материковыми гравийно-галечниковыми отложениями.

Разрез по восточной стенке раскопа. Представлен ломаной линией, дневная поверхность относительно ровная, с уклоном в северном

направлении. Почвенно-растительный слой мощностью до 0,12 м гумусирован. Подстился материковыми гравийно-галечниковыми отложениями.

Вывод. По ландшафтной характеристике курган долинный, рёлка служила естественной подушкой, оформленной рвом, курган овальной формы, размером 2,0×1,5 м, ориентирован северо-восток — юго-запад, в составе насыпи окатанные валуны без рыхлого заполнителя, под насыпью в материке могильное углубление в виде двух стыкующихся овальных ям, размером 1,40×1,10 м, ориентированных северо-запад — юго-восток.

* * *

Изучение группы близко расположенных и частично перекрывающих друг друга насыпей позволяет сделать несколько важных выводов. Эта группа представляет как бы изживание традиции строительства курганов: насыпи низкие, сложены довольно небрежно, в некоторых случаях — из камней, заимствованных тут же. Под одними насыпями есть углубления, под другими — нет. Вещевой состав крайне беден — всего два фрагмента лепной керамики, позволяющей ориентировочно датировать данный комплекс курганов в пределах I тыс. до н.э.

КУРГАН № 17 (раскоп 11) (рис. 72—80, ил. 26—28)

Располагался в 325 м к ССВ от государственного триангуляционного пункта и в 250 м к северу — северо-востоку от раскопа 10 (2000 г.), на небольшом песчаном островке — рёлке, вытянутой по направлению течения реки. Возвышение над старым руслом — 2,0—2,5 м. Здесь зафиксирована группа из 3 курганов, один из которых (западный) имел две вершины. С восточной стороны рёлки находилась самая большая по визуальной оценке насыпь кургана № 17, ставшая объектом изучения. В плане курган округлый, размером 7×8 м, высотой в среднем 0,5 м (н.о. 0,46—0,52 м). Через задернованную поверхность в нескольких местах пробивались небольшие валуны и крупные гальки. Склоны насыпи равномерно понижались до уровня рёлки. Курган полностью вошёл в раскоп 11. Буквенная индексация раскопа шла с севера на юг (пикеты А-М), цифровая нумерация — с запада на восток (пикеты 1—12). Общая площадь раскопа составляла 108 м². Замеры нивелировочных отметок велись от наивысшей точки кургана — выступающих на дневную поверхность камней в кв. Д/6. Контрольные разрезы проложены через вершину кургана по линиям Е—Е и 7—7.

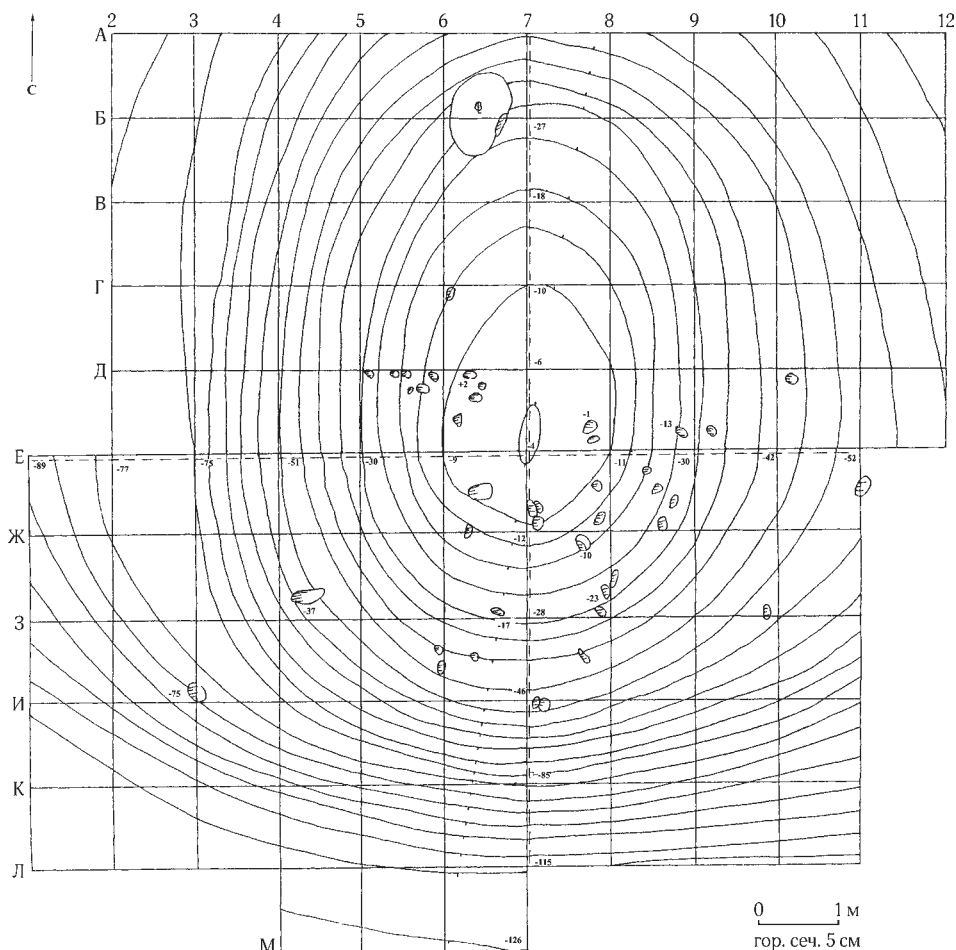

Рис. 72. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Нивелировочный план кургана № 17

Насыпь кургана № 17 (рис. 73—79, ил. 26—28)

После снятия дёрна и зачистки обнажилась округлая в плане каменная насыпь размером 7×8 м, ориентированная длинной стороной в направлении север — юг. Высота насыпи с южной стороны 0,82 м, с северной — 0,32 м, с восточной — 0,44 м, с западной — 0,78 м. Склоны насыпи, кроме крутой юго-западной стороны, отличались равномерным уклоном. Кровля кургана представлена окатанными валунами (0,2—0,3—0,4 м в поперечнике), из которых мелких — 65%, средних — 25%, крупных — 10%. Отмечены редкие включения крупной гальки, камни удлинённой формы

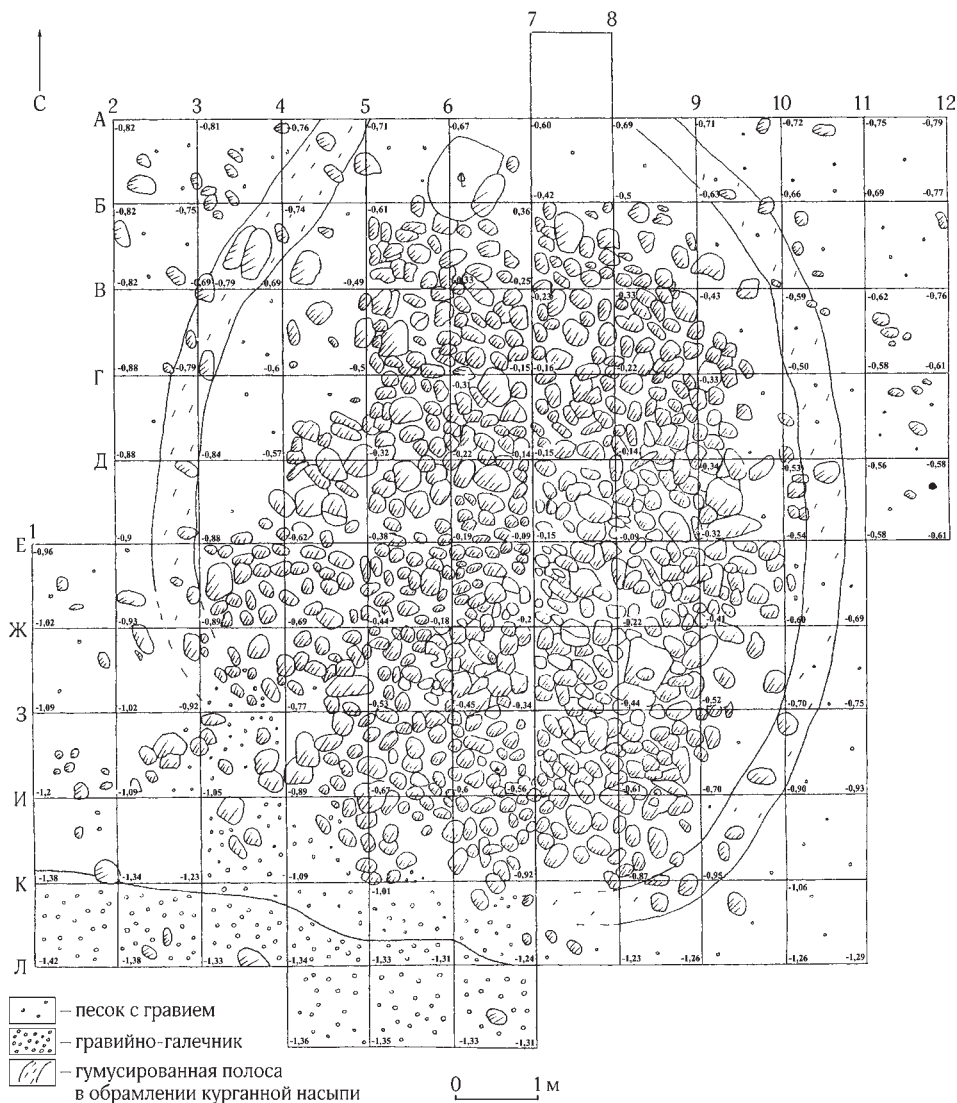

Рис. 73. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
План курганов № 17 после снятия дёрна

стояли «на ребре». В кв. Ж/4 залегал слабо окатанный валун. Наиболее плотная укладка камней фиксировалась на вершине кургана. Подножие каменной насыпи с западной и восточной сторон оказалось обрамлено 50-сантиметровой полосой слабо гумусированной тёмно-коричневой супеси с гравием и галькой. Прилегающая к насыпи поверхность раскопа представлена светло-жёлтым мелкозернистым песком с незначительным включением гравия и мелкой гальки. Южная, наиболее низкая часть

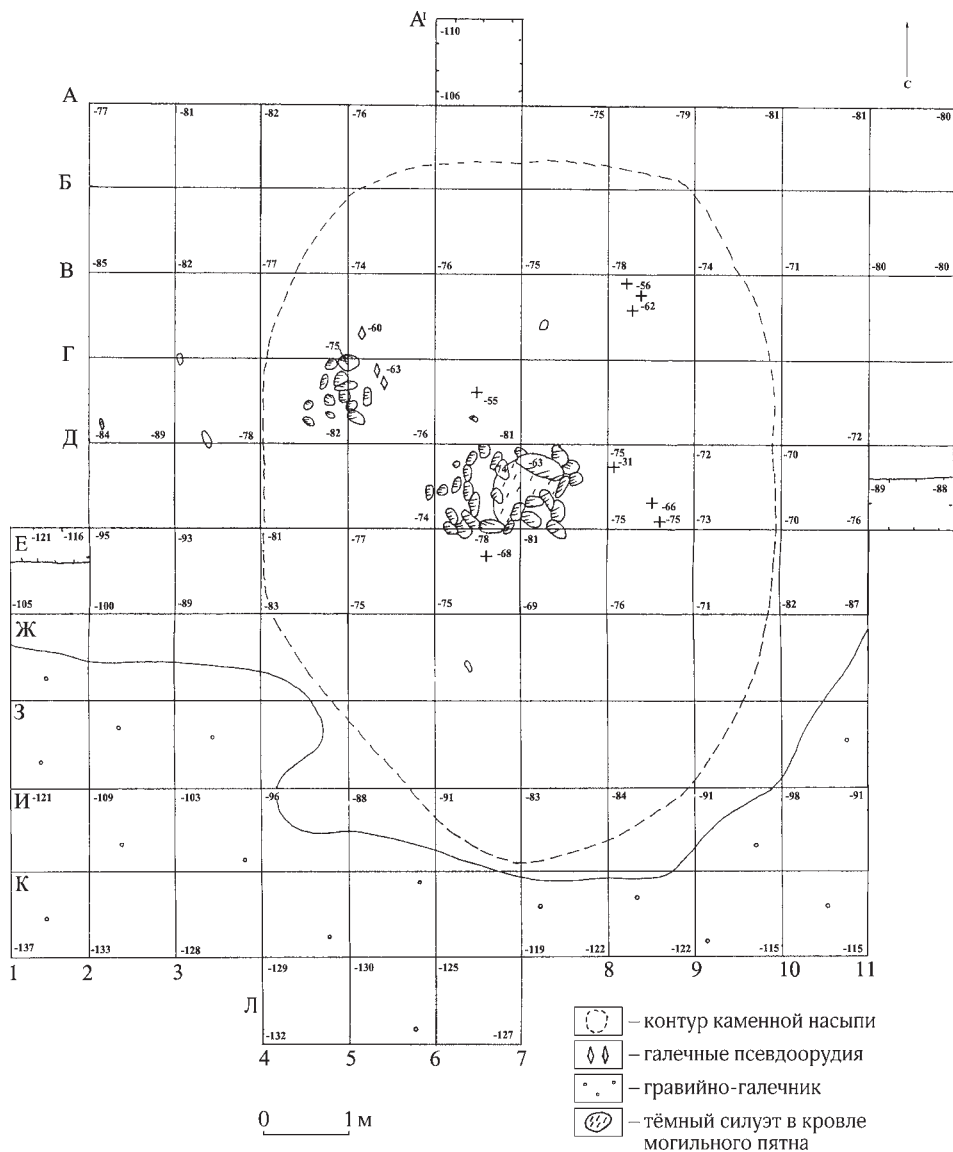

Рис. 74. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
План курганов № 17 после снятия каменной насыпи

раскопа представлена материковыми гравийно-галечниковыми отложениями. Последовательное снятие курганной насыпи показало, что верхняя часть сложена плотно уложенными валунами с преобладанием камней средних и крупных размеров и незначительными включениями крупной гальки. В кв. Г/6 находился крупный валун подпрямоугольной в сечении формы размером 0,6×0,27×0,21 м. Вероятнее всего, это стела. С западной

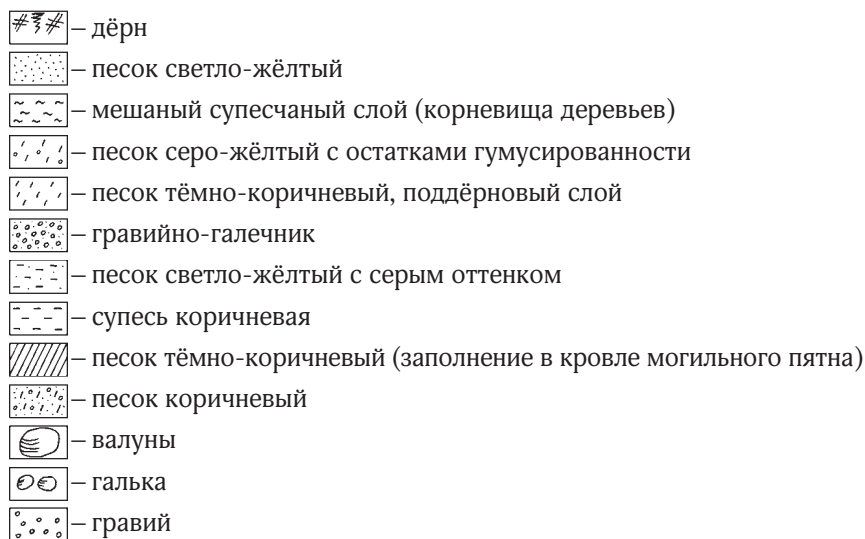

Рис. 76. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Условные обозначения кургана № 17

гумусированностью. В кв. В/7 (н.о. –60) зафиксирован плоский крупный валун длиной 0,93 м. В кв. В—Г/5 (н.о. –60, –63) найдены 3 крупные удлинённые гальки с бессистемными сколами на краях, придающими им заострённую форму, но не образующими явно выраженной рабочей части. В нижней части насыпи прослеживался тот же состав камней с заполнением из тонкозернистого светло-жёлтого песка. В кв. Г—Д/6—7 (н.о. –50, –56) концентрация камней в насыпи резко уменьшалась, образуя подпрямоугольную в плане полость размером 2,0×1,5 м. Полость содержала плотный слой тонкозернистого светло-жёлтого песка с редким включением гравия. Мощность заполнения 0,20—0,24 м. Вероятно, перед сооружением курганной насыпи здесь был построен деревянный склеп. После снятия каменной насыпи (н.о. –69, –87) обнажилась относительно ровная поверхность с небольшими продавленными крупными камнями углублениями в нижней части каменной насыпи кургана. Большая часть раскопа представлена плотным тонкозернистым светло-жёлтым песком. С южной стороны подкурганная площадка оконтуривалась материковой гравийно-галечниковой толщей. Под центральной частью каменной насыпи в кв. Д/6—7 (н.о. –81) зафиксирован тёмный контур пятна овальной формы размером 0,7×0,8 м. Заполнением пятна служил слабо гумусированный тёмно-коричневый песок, идентичный по структуре заполнению каменной насыпи, но меньшей плотности. В кровле пятна и в его обрамлении встречались мелкие валуны и крупная галька. В северо-восточной части пятна зафиксирован крупный валун размером 0,45×0,20 м.

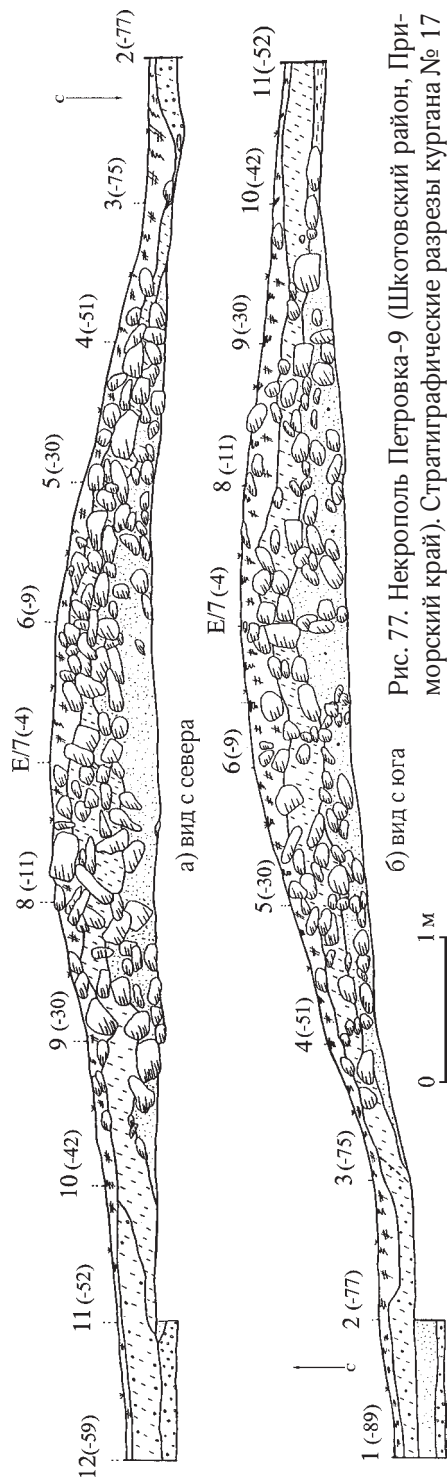

Рис. 77. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край). Стратиграфические разрезы кургана № 17

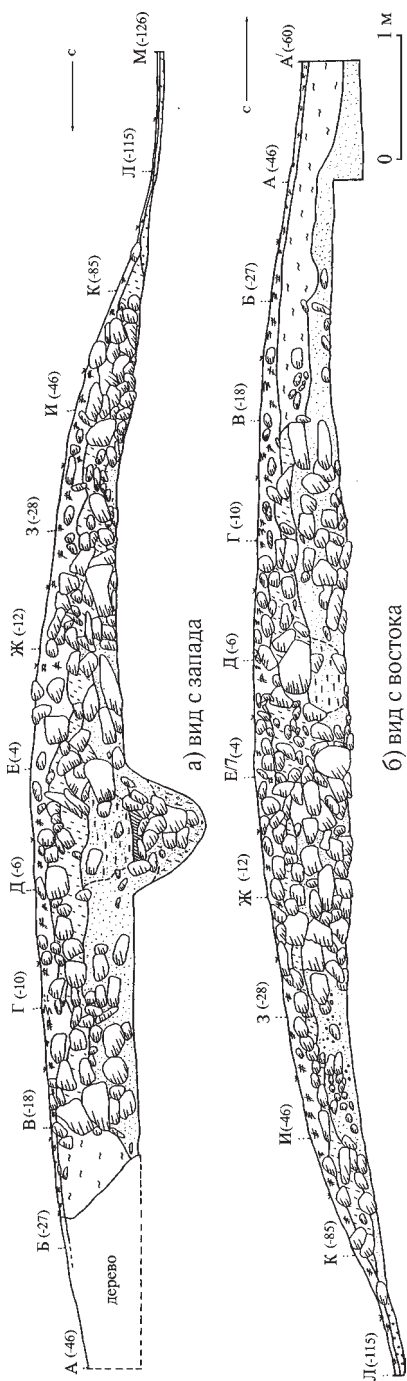

Рис. 78. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край). Стратиграфические разрезы кургана № 17

Стратиграфия заполнения могильного пятна контролировалась поперечным разрезом. В заполнении могильной ямы выявлены плотно лежащие средние, мелкие валуны, крупная галька (соотношение валунов и гальки, % — 50:50), редкие включения гравия и песок.

При расчистке пятна отмечалось постепенное уменьшение гумусированности песка, мощность которой не превышала 0,10 м. При дальнейшей выборке проявился слой светло-жёлтого песка мощностью 0,18 м. В средней части пятна песок соответствовал заполнителю основания курганной насыпи. На дне ямы зафиксирован плотный тонкозернистый песок коричневого цвета мощностью 0,4 м. Каких-либо органических остатков в заполнении не обнаружено.

В результате выявлена яма глубиной 0,64 м (н.о. — 1,45). Верхний контур ямы имел форму неправильного овала с более узкой восточной частью. Длина ямы в верхней части — 1,70 м, ширина 1,06 м, ориентирована запад — восток с небольшим отклонением к северу. Стенки ямы неровные, с наклоном внутрь. Нижний контур дна могильной ямы подпрямоугольный, длиной 1,35 м, шириной 0,60—0,62 м, боковые стенки вогнутые. Дно ямы горизонтальное. В центральной части западной половины (н.о. — 87, — 94) найдены 3 фрагмента неорнаментированной лепной керамики. В составе теста значительные включения крупнозернистого песка и вкрапления тёмной слюды.

Кроме могильного пятна под курганом в кв. Г/4—5 (н.о. — 82) отмечено скопление крупной гальки и мелких валунов. Определённая форма залегания камней не прослеживалась, однако глубина погружения в толщу песка и их обособленность от камней нижней части курганной насыпи позволяют полагать, что между ними присутствовала яма. После разборки камней выявилось мелкое углубление с неровной поверхностью дна. В плане углубление имело удлинённую форму с расширением к западу. Чётко проявились северная и южная границы углубления, восточная и западная стороны выражены слабо. Длина углубления 1,30 м, ширина 0,35—0,40 м. Находок в заполнении углубления не обнаружено.

Находки кургана № 17

(рис. 79, 80)

Кв. Д/8 (н.о. — 31) — фрагмент шейки лепного сосуда с ангобом; (н.о. — 66) — фрагмент прямого венчика с утолщённой кромкой лепного сосуда с ангобом; (н.о. — 75) — неорнаментированный фрагмент толстостенной лепной керамики.

Кв. Б/7 (н.о. — 56) — фрагмент лепного прямого венчика с утолщённой кромкой с ангобом; (н.о. — 62) — фрагмент лепного сосуда с отогнутым

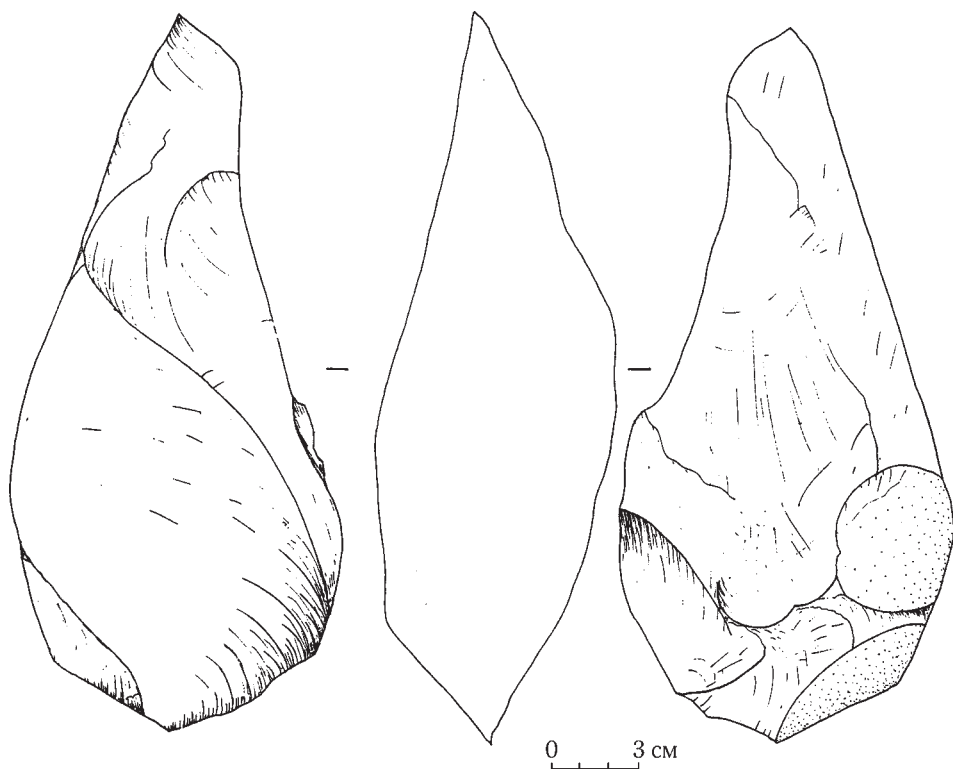

Рис. 79. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Находки кургана № 17: каменная мотыга

наружу венчиком и утолщённой кромкой; неорнаментированный фрагмент лепной стенки сосуда.

Кв. Г/6 (н.о. –55) — неорнаментированный фрагмент лепного сосуда с ангобом.

Кв. Е/6 (н.о. –68) — фрагмент лепного сосуда с прямым венчиком и утолщённой кромкой.

Фрагмент прямого венчика с утолщённой кромкой от лепного ангобированного сосуда обнаружен в западной части кургана. Второй фрагмент лепной керамики собран на восточном участке кургана.

Стратиграфические разрезы раскопа кургана № 17 (рис. 77, 78)

Изучение разрезов кургана выявило определённые стратиграфические различия, обусловленные толщиной контрольных бровок и стороной их фиксации. Поэтому для установления более точного строения курганной насыпи разрезы фиксировались с обеих сторон.

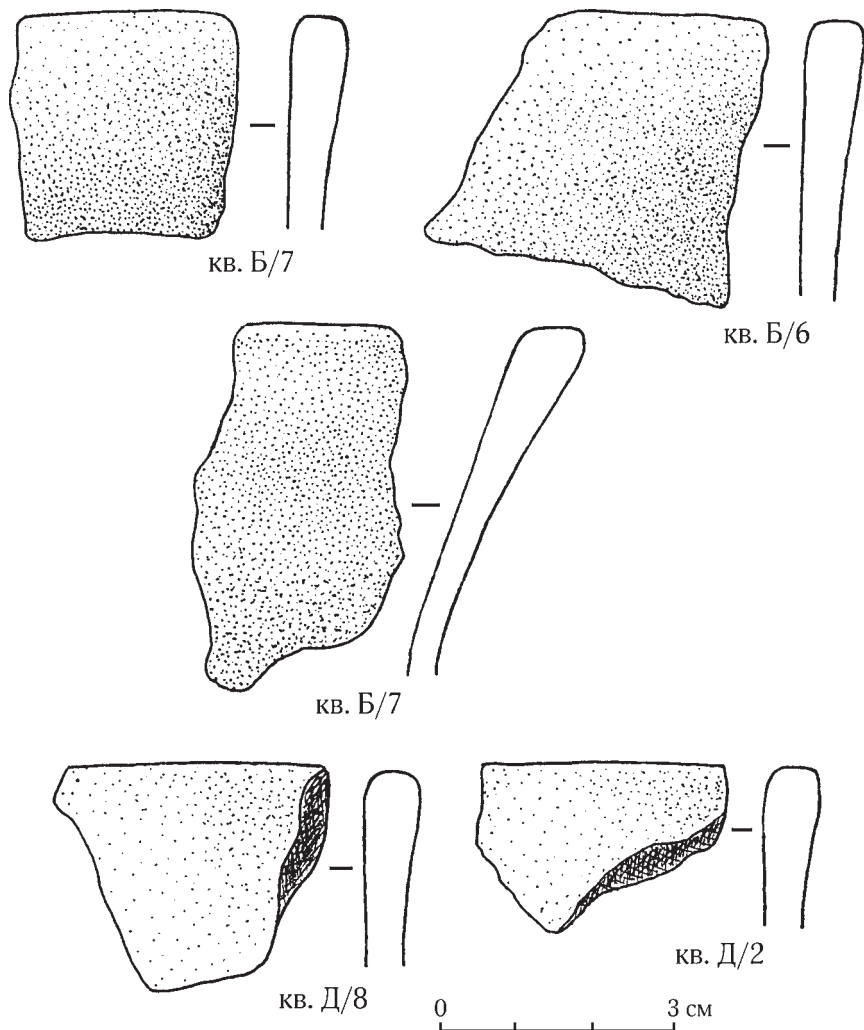

Рис. 80. Некрополь Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Находки кургана № 17: лепная керамика

Разрез кургана по линии Е—Е. Каменная насыпь имела полусферическое сечение, её протяжённость 6,0 м, высота 0,77 м. Сложена валунами и крупной галькой с преобладанием в верхней части валунов крупных размеров. Насыпь симметрична, с равномерно понижающимися оплывшими склонами без явных следов разрушения. Дерново-гумусный слой заполнял пространство между камнями на глубину до 0,2 м. В поддерновом слое заполнитель представлен слабогумусированным тёмно-коричневым песком мощностью до 0,24 м. В нижней части каменной насыпи — светло-жёлтый тонкозернистый песок. Под вершиной кургана, между пикетами 6 и 8,

фиксирувался прямоугольный профиль песчаной полости. Песок в ней аналогичен заполнению нижней части каменной насыпи, но с более плотной текстурой. В южном разрезе фиксировалась южная стенка полости, на которой лежали камни курганной насыпи. Лучше всего внутреннее строение кургана отражала северная сторона. Песчаная полость в данном месте имела плотное каменное перекрытие и боковую кладку, прослеживаемую в кв. 4—5. Длина песчаной полости — 2,0 м, высота 0,24—0,28 м.

Разрез кургана по линии 7—7. Насыпь в разрезе асимметрична, граница фиксируется только с южной стороны и представлена сильно оплывшим склоном. Максимальная мощность 0,44 м. Оплывание насыпи естественное, обусловлено особенностями микрорельефа — уступом рёлки к более низкой пойменной поверхности речной долины. С северной стороны насыпь разрушена мощной корневой системой дерева. Диаметр основания кургана по разрезу — 7,0 м, но, видимо, до разрушения он не превышал 6 м. Высота насыпи 0,8 м. Курган сложен из хорошо окатанных валунов различных размеров, крупной гальки и редких включений гравия. В разрезе западной стороны отмечено наличие крупных валунов по всей мощности насыпи, в том числе и в основании кургана. Дёрн проникал в насыпь на глубину до 0,22 м. Верхняя часть насыпи, мощностью до 0,4 м, сопровождалась тёмно-коричневым слабо гумусированным песком. Пространство между камнями в основании кургана содержало светло-жёлтый тонкозернистый песок.

В разрезе с обеих сторон зафиксирована песчаная полость с боковой кладкой и каменным перекрытием. Полость расположена под вершиной кургана в кв. Г—Д, её ширина 1,2—1,5 м, высота (мощность заполнения) — 0,3—0,4 м. В разрезе восточной стороны в перекрытии залегал крупный валун. Песок в полости очень плотный, тонкозернистый, светло-жёлтый. В центральной части в кв. Е отмечено цветовое изменение песка при сохранении структурно-текстурных свойств за счёт едва заметных гумусированных пятен размытой органики, придававших песку сероватый оттенок. С западной стороны разреза центральной части кургана под полостью фиксировались отдельные валуны, располагавшиеся ниже уровня основания каменной насыпи. Как оказалось, они заполняли глубокую яму. После их удаления установлены очертания и размеры ямы.

Стенки раскопа. Разрезы боковых стенок раскопа не содержали информации о строении курганной насыпи, так как находились за её пределами. Они повторяли данные по микрорельефу и стратиграфии участка местности, зафиксированные по профилям Е—Е, 7—7.

Вывод. По ландшафтной характеристике курган долинный, рёлка служила естественной подушкой, оформленной рвом, входил в состав группы

из 3 курганов, образовывавших, вероятнее всего, родовое кладбище. Каменная округлая в плане насыпь размером 7×8 м, высотой 0,82 м, ориентирована север — юг, состав насыпи валунно-галечный, мелкие валуны со следами прокала, камни удлинённой формы поставлены на ребро, на вершине кургана плотная укладка камней с тёмно-коричневой гумусированной супесью — остатки дёрна, подножие насыпи окружено ровиком, в средней части насыпи присутствовала полость подпрямоугольной формы размером 2,0×1,5 м, заполненная плотным слоем светло-жёлтого тонкозернистого песка с редким включением гравия, мощностью 0,20—0,24 м, свидетельствующей о сооружении деревянного склепа до возведения курганной насыпи, 3 фрагмента неорнаментированной лепной керамики. Кроме могильного пятна на уровне н.о. —82 под валунно-галечным скоплением зафиксировано углубление размером 1,30×0,35—0,40 м, без находок.

Реконструкция кургана № 17

Курган сооружён на поверхности песчаной рёлки, протянувшейся вдоль древнего русла реки. Реконструкция каменной насыпи без сыпучего заполнения и, соответственно, отличающаяся от реальных величин несколько меньшими размерами, дала следующие результаты: диаметр основания 4,7 м, высота 1,68 м. На вершине кургана устанавливался крупный валун удлинённой формы — стела. В данном случае камней подобной формы и, вероятно, предназначенных для этой цели, найдено два. Один лежал на вершине кургана, другой обнаружен на северном склоне в средней части насыпи. Наличие под каменной насыпью большой ямы свидетельствует о совершении погребения по обряду ингумации. Находки, представленные фрагментами сосудов, обнаружены в нижней части каменной насыпи, преимущественно в северной половине кургана и в центральной яме. Собранная керамика (венчики, шейка) показывает, что в насыпи находились фрагменты не менее чем от 3 лепных сосудов. Причём фрагменты венчика одного сосуда фиксировались в разных местах: на северной периферии кургана, а также с южной и восточной сторон от песчаной полосы в нижней части каменной насыпи. Показательны помещённые в курган символические находки массивных каменных псевдоорудий. Все три находки обнаружены вместе в северо-западной части кургана, над небольшим углублением, под насыпью. Принципиально новым фактом является песчаная полость, зафиксированная в основании кургана, перекрывающая могильную яму по всему периметру. Несомненно, это след надмогильного сооружения в виде деревянного склепа. Об этом свидетельствуют её форма и размеры, гумусированность в песчаном заполнении, особенности строения каменной насыпи на прилегающих участках.

* * *

Погребальные памятники, к которым относится курганный некрополь Петровка-9, позволяют постепенно заполнять недостающие страницы в древней истории дальневосточного региона.

Визуальный осмотр и картирование курганов некрополя Петровка-9 однозначно показывают, что мы имеем дело с большим курганным полем, курганы которого имеют различную ландшафтную привязанность. Большая часть курганов долинного типа, дислоцирована на берегах р. Петровка и возведена на песчаных релках. Значительное количество курганов занимало подножия сопок, определённая часть насыпей находилась на пологих склонах сопок, наименьшее количество приходилось на высокие склоны сопок вплоть до их вершин. Какой-либо планиграфической закономерности в расположении курганов (в виде цепочек вдоль русел рек, как, например, в Горном Алтае) не выявлено. Курганы Петровки-9, вероятнее всего, возводились исходя из конкретных обстоятельств, времени года и ландшафтных особенностей данного места (формы и размеров долины, характера и высоты окружающих сопок, ориентации течения реки). Возведение такого количества курганов не могло быть одномоментным актом, а предполагало длительную временную эксплуатацию данной территории в качестве погребального поля. Об этом свидетельствуют обнаруженные в петровском археологическом микрорайоне разновременные памятники. Два поселенческих комплекса — Петровка 1, Петровка 4, с которыми, по всей вероятности, связана большая часть курганов Петровка-9, располагались вблизи данного некрополя или на разумном расстоянии от него. В культурном слое поселения Петровка 1, представленном буро-коричневым лёгким суглинком, содержалась лепная керамика янковской культуры. Поселение Петровка-4, дислоцированное на мысовидном склоне правого борта ручья Бабушкин, состояло из округлых жилищных западин размером 6×5 м и тоже содержало лепную керамику янковской культуры I тыс. до н.э. Как видим, материал указанных поселений янковской культуры не противоречит артефактам, обнаруженным в шестнадцати курганах Петровки-9 (№ 1—3, 5—17) и позволяет связывать их с носителями янковской культуры. Средневековые, позднесредневековые памятники — Петровка-5, Петровка-7, Петровка-8, представленные ремесленным объектом (гончарная печь), культовым и жилым сооружениями, вполне могут быть связаны со средневековым курганом № 4. Не исключено, что объекты этнографического времени, представленные в данном археологическом микрорайоне памятниками «Под жёрновом», Петровка-6, впоследствии, при дальнейших раскопках, тоже найдут свои курганные захоронения.

В настоящее время на раскопанном участке петровского курганного поля зафиксированы захоронения двух эпох: а) курганы эпохи раннего металла (*№ 1—3, 5—17*); б) один курган эпохи средневековья (*№ 4*), вероятнее всего, чжурчжэньского времени. При практически одинаковой архитектуре курганных насыпей эпохи раннего металла и средневековья их погребальные обряды разительно отличаются друг от друга.

ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА

Структура курганного поля

Структурирование курганного поля памятника Петровка-9 проявилось при стационарном исследовании участка некрополя. Большинство курганов оказались не связанными между собой одиночными погребальными объектами (*№ 3, 5—10*). Три объекта с близко расположенными и частично перекрывавшими друг друга насыпями являлись родовыми кладбищами. *Первое родовое кладбище* представлено курганами *№ 1, 2* с одновременными захоронениями, *второе родовое кладбище* включало курганы *№ 11—16* с разновременными захоронениями. Последовательность захоронений на втором родовом кладбище выглядела следующим образом. Наиболее ранним являлся курган *№ 12*, с западной стороны он смыкался через микроложбину с курганом *№ 15*, с севера и северо-запада уходил под насыпи более поздних курганов *№ 11* и *№ 16*. *Третье родовое кладбище* представлено курганом *№ 17*, входившим в группу из трёх курганов, два из которых пока не исследованы.

Форма курганов

В плане курганы имели круглую или овальную форму, хотя в первоначальном виде они могли быть прямоугольными или квадратными, но с течением времени оплыли и их конфигурация изменилась. В разрезе курганы представляли собой вид уплощённого шатра или юрты. В нескольких случаях вершины курганов оказались слегка вогнутыми. Нельзя исключать, что это результат более поздней деятельности человека, например попытки ограбить, хотя чрезвычайно скудный сопровождающий погребальный инвентарь вряд ли мог породить такое стремление. Более реалистичным является проседание насыпи в месте расположения могильного углубления или изъятие стелы с вершины кургана.

Архитектура курганов

Архитектура курганных насыпей достаточно стандартная. Первоначально создавалась искусственная выровненная площадка, на которую насыпалась песчаная «подушка», служившая платформой основания кургана. В этом случае курган окольцовывался ровиком, из которого брали песок для «подушки». Поскольку курганы возводили на песчаных рёлках, то для части курганов, особенно если они располагались на оконечностях рёлок, создавать «подушку» не требовалось. Ею служила сама рёлка, поэтому просто ограничивались её обрезанием, и тогда либо отпадала нужда в ровике, либо он фрагментарно выкапывался по необходимости. «Подушку» часто укрепляли слоем галечника. В одном случае под курганный насыпь выявлен каменный круг диаметром 3,5×3,2 м. Камни были вдавлены в грунт. Размеры камней составляли 20×10×8; 17×8×6 см. Вероятно, эта площадка соответствовала первоначальному размеру основания кургана. Внутри каменного круга встречались отдельные древесные угольки. Связаны ли они со способом погребения, например, кремацией умершего или с какими-то другими обрядовыми действиями, например, с каменными оградками, ещё предстоит выяснить. Но не исключено, что каменный круг и камни, торцом вдавленные в почву, первоначально, видимо, являлись деталями разметки кургана.

На этом уровне во многих курганах зафиксированы могильные углубления прямоугольной (подпрямоугольной) формы размером 1,8—1,6×1—0,8 м, ориентированные длинной стороной, как правило, северо-восток — юго-запад и в нескольких случаях содержавшие костные остатки человека (*курганы № 1, 2, 5, 6, 11, 13—15, 17*). Отмечены факты торцовой установки камней возле могильного углубления или на поверхности «подушки». Поверх могильного углубления сооружали каменную насыпь либо из галечно-валунных фракций без включений сыпучих материалов, либо каменно-почвенную, в состав насыпи входили валуны разного калибра, галька, глыбы и сыпучий материал, иногда с дёрном. Камни частью доставлялись с близлежащих сопков, частью добывались из речных отложений. Многие камни имели признаки нагрева и следы копоти (*курганы № 1, 2, 3, 7*). На вершинах курганов устанавливались каменные стелы в виде подпрямоугольных или овальных глыб, иногда с небольшой подработкой сторон, но всегда без претензий на антропоморфные или зооморфные изображения. Высота и ширина стел неодинаковые, но какого-то чёткого стандарта не прослеживается. В основном они более одного метра, но менее двух.

Типы и способы захоронений

Выявлены три типа захоронений: а) в могильных углублениях (*курганы № 1, 2, 5, 6, 11, 13—15*); б) на горизонте (*курганы № 3, 7, 9*); в) в склепе (*курган № 17*). Прослежены три способа захоронения: ингумации (*курганы № 1, 2, 5, 6, 11, 13—15*), подхоронения в курганный насыпь, кремации (*курганы № 3, 7*).

Погребальный инвентарь

Присутствовал в большинстве курганов и был достаточно скромным. Залегал, как правило, в нижней части курганный насыпи, реже в могильном углублении. Представлен керамическими изделиями (*курганы № 1, 2, 5—8, 10, 11, 13, 14, 17*); каменными орудиями (*курганы № 1, 5, 7, 9, 10*); костями человека (*курганы № 1—3, 5, 7*), костями животных (*курганы № 9, 10*).

Керамические изделия представлены лепной посудой и пряслицем. *Лепные сосуды*. Целых изделий не встречено, профилировка фрагментов венчиков и боковых стенок позволяет отнести их к амфоровидным, горшковидным, чашевидным формам. Вся керамика лепная, плоскодонная, с коричневой, бурой, красно-оранжевой поверхностью, лощёная, толщиной стенок 0,5—1,0 см, окислительного печного обжига, без явных следов использования. Для *амфоровидных* сосудов характерны прямая профилировка горловины с отогнутым наружу (иногда под прямым углом) венчиком, выпуклое тулово, для *горшковидных* изделий — профилированная (дугообразная) горловина, простой венчик, слабопрофилированное тулово. Для *чаш* характерны прямые стенки и простой венчик. Зафиксировано три типа орнамента: плоский, врезной и выпуклый. *Плоский* орнамент представлен крашенной в малиновый цвет внешней поверхностью (амфоровидные и чашевидные сосуды); *врезной* орнамент — горизонтально-прочерченным декором геометрических конфигураций (амфоровидные и горшковидные сосуды); *выпуклый* — наклепными треугольными в сечении горизонтальными валиками (горшковидный сосуд). Основной орнаментальной зоной служила верхняя часть тулова, в основном плечики. Все три типа орнамента могут присутствовать в одной композиции. *Пряслице* трапецевидной в сечении формы с выделенной укороченной шейкой и врезным орнаментом на ней в виде оттисков трёхзубой гребенки. Диаметр основания пряслица — 3,8 см; высота — 2 см; диаметр отверстия — 0,6 см. Глиняная посуда и пряслице полностью аналогичны материалам памятников Песчаный

и Чапаево янковской культуры [Окладников, 1963; с. 390; Дьяков, 1989, с. 125; Сидоренко, 2011, с. 27—36; 2007, с. 270].

Каменные орудия. Немногочисленные, преимущественно галечные, представлены плечиковыми мотыгами (2 шт.), скребловидным изделием, выполненным на массивном отщепе кремневой породы, режуще-скребловидным орудием, оформленным односторонними сколами на конце плоской гальки, галечными отщепами среднего размера из плотной породы, абразивной плиткой. Шлифованные изделия в петровских курганах не встречены.

Кости животных. Лошадиная «бабка» (курган 9), челюсть собаки (курган 10).

Кости человека. Фрагменты костей человека (трубчатые, тазовые, позвонки, фаланга) встречены в курганах № 1—3, 5, 7. Костный материал древних памятников в условиях Приморья сохраняется плохо. Поэтому обнаруженные в курганах кости человека имеют особую ценность и чрезвычайно важны как источник для определения этнического состава древнего населения.

Культурная и временная идентификация

Культурную и временную идентификацию курганов эпохи раннего металла позволяют установить хотя и скудные, но достаточно выразительные артефакты. В первую очередь, это лепная керамика, формы которой, типы орнамента и орнаментальные композиции полностью соответствуют керамике памятников на п-ове Песчаный, Чапаево янковской культуры, датируемой 1 тыс. до н.э. и связываемой А.П. Окладниковым с племенами илоу [Окладников, 1963, с. 125].

Обнаружение в кургане № 9 лошадиной «бабки» имеет принципиальное значение, поскольку удревняет появление лошади в Приамурье и Приморье почти на 500 лет. Остеологический материал на янковских памятниках представлен домашними животными: собакой, свиньёй, коровой [Окладников, 1963, с. 346]. До раскопок курганов Петровки-9 считалось, что лошадь в регионе появляется в польцевской культуре эпохи раннего железного века, а постоянное её присутствие, активное использование в военном деле и даже культ приходится на эпоху средневековья, на мохэскую, бохайскую и чжурчжэньские культуры.

Находка скульптурки каменного «кабанчика» в кургане № 5 подтверждает присутствие свиньи в хозяйстве янковцев и, вероятно, даже её культ. Не совсем характерным для янковской культуры является наличие в петровских курганах галечных орудий — мотыг, скребел и прочих изде-

лий. Галечные орудия более присущи лидовской культуре, на янковских памятниках преобладали шлифованные изделия: прямоугольные топоры, наконечники стрел, копий [Дьяков, 1989]. В Петровских курганах шлифованные изделия отсутствуют.

Макетная реконструкция курганов

Макетная реконструкция, произведённая для трёх курганов, выявила их первоначальный вид: курган № 1 (восточный) при диаметре основания 3,6 м имел высоту 1,4 м, периметр — 11 м. Курган № 2 (западный) имел диаметр основания 3,25 м, высоту 1,15 м, периметр — 10,3 м. Курган № 3 при диаметре основания 4,5 м достигал в высоту 2,3—2,5 м. Поскольку при реконструкции курганов насыпь выкладывалась только из камня (без добавления грунта), то реальные курганы, вероятнее всего, имели несколько больший объём. За две тысячи лет их размеры изменились: высота уменьшилась ориентировочно на 1—1,5 м (просадка), ширина увеличилась в тех же пределах (оплыли).

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

На курганном поле Петровки-9 раскопан один курган эпохи средневековья (№ 4). При практически одинаковой архитектуре курганных насыпей эпохи раннего металла и средневековья их погребальные обряды разительно отличались друг от друга. По ландшафтному расположению курган № 4 долинный, рёлочный, возведён без подушки и ровика, по форме круглый, диаметр 4 м, высота 1 м, по составу каменный, с могильным углублением подпрямоугольной формы (165×75 см). Наличие в могильном углублении чёрной жирной почвы свидетельствует о том, что захоронение совершено способом кремации «на стороне». Это подтверждает отсутствие следов сжигания «на месте». Находок в могильном углублении не обнаружено, но в насыпи кургана зафиксированы сероглиняная круговая керамика, вероятнее всего культуры приморских чжурчжэней, и каменный артефакт (подвеска). Таким образом, курган № 4 является погребальным сооружением, датируемым на основании находок сероглиняной круговой посуды эпохой средневековья, вероятнее всего, чжурчжэньским временем, т.е. XII—XIII вв.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУРГАНЫ ПРИМОРЬЯ

Погребальный обряд средневековых тунгусо-маньчжуров (мохэсцев, бохайцев, чжурчжэней), обитавших на территории российского Дальнего Востока, изучен неравномерно. В Приамурье он исследован достаточно подробно. Установлено, что для мохэской культуры — праматери всех средневековых тунгусо-маньчжурских культур — традиционны некрополи двух типов: *грунтовые* и *курганные* с явным преобладанием первых, отличающихся к тому же устоявшимися традициями [Деревянко Е.И., 1975, 1977; Дьякова, 1984, 1993, 1998, 2012]. Грунтовые могильники обычно располагались на песчаных речных рёлках или на мысовых выступях. Для них характерны могильные ямы прямоугольной, трапецевидной, овальной формы, стенки которых часто укреплялись плахами, горбылём. Известны четыре способа захоронений — ингумации, кремации, вторичные, кенотафы. Отмечено разложение костров на могиле, почитание лошади в качестве жертвенного животного; погребальным инвентарём служили лепные «типично мохэские» сосуды, наполненные кашей из проса, располагавшиеся обычно в районе головы, преднамеренная порча («умерщвление») погребальных вещей (пробитые днища сосудов, согнутые ножи, копья), остатки тризн в могильных насыпях. Как правило, мохэские грунтовые некрополи являлись родовыми кладбищами.

Курганы в мохэской культуре обычно возводились на одном кладбище с грунтовыми погребениями. Причины и время появления таких курганов до сих пор не выяснены. Преемнице мохэской культуры — культуре амурских чжурчжэней с курганными некрополями повезло больше. Благодаря работам В.Е. Медведева материалы этих двух типов могильников обстоятельно изучены и подробно опубликованы [Медведев, 1977, 1998].

Противоположная ситуация с изучением курганных некрополей средневековых тунгусо-маньчжуров сложилась в Приморье. Интересы исследователей-медиэвистов этого региона длительное время были сосредоточены на изучении памятников городского типа. Положение изменилось во второй половине 80-х годов XX в., когда Сихотэ-Алинской археологической экспедицией ДВГУ, руководимой В.И. Дьяковым, во время стацио-

нарных исследований в Дальнегорском районе многослойного поселения Рудная Пристань в 300 м от раскопа был обнаружен некрополь мохэской культуры, получивший название Монастырка-III [Дьяков, № 896]. Впоследствии, с 1990 по 1996 г., могильник стационарно исследовался автором данной работы [Дьякова, № 20065, 19113, 18592, 18183, 17039]. В типовом отношении могильник оказался смешанным, т.е. на нём присутствовали как грунтовые, так и курганные захоронения. На вскрытой площади 2180 м² обнаружены 4 кургана, 88 грунтовых погребений, 3 погребения на горизонте, 10 подхоронений в насыпь. Могильные ямы составляли ряды, тянувшиеся с северо-востока на юго-запад. Могилы ориентированы запад — восток. Встречены могилы трёх форм: подпрямоугольной (прямоугольной), трапециевидной, круглой. Умерших хоронили способом кремации: 1) в могильной яме; 2) на стороне с последующим захоронением в могильной яме; 3) на месте с последующим возведением насыпи.

Для кремаций в могильной яме (погребения № 22, 27, 29, 30, 31, 34) характерны: а) могильная яма размерами в полный рост человека, глубиной до 50—80 см от древней поверхности прямоугольной или трапециевидной в плане формы; б) сгоревшая внутримогильная конструкция в виде ящика с плоской крышкой из горбыля, снаружи обмазанного по щелям глиной; в) остатки костяка, часть которого сохраняет анатомический порядок; г) наличие в могиле кострища; д) определённое расположение погребального инвентаря: сосудов на крышке гроба в районе головы (в западной части могилы), пояса тюркского или амурского типов в районе таза, обувных украшений в восточной части могилы. Все вещи имеют следы огня. В качестве топлива использовался торф из близлежащего тетюхинского торфяника.

Для кремаций на стороне с последующим захоронением в могильной яме или на горизонте (погребения № 23, 25) характерны: а) могильные ямы небольшого размера, более мелкие, чем при кремации в могиле; б) менее чёткая форма могильных ям из-за постепенного истлевания деревянных конструкций и завала могильных стенок внутрь; в) скопление жжёных костей в одном месте без анатомического порядка; г) отсутствие следов внутримогильных конструкций; д) произвольное расположение погребального инвентаря.

Для кремаций на месте характерно большое неправильной формы глиняное прокалённое пятно (с остатками торфа) с многочисленными вкраплениями мелких жжёных костей и погребального инвентаря со следами сильного огня — курган № 40.

Кенотафы (2 погребения). Они небольшого размера — до 70 см в длину, неглубокие, подпрямоугольной формы, с несколькими фрагментами керамики в заполнении, без следов внутримогильного устройства и костей. Кенотафы входили в единый ряд с другими могилами.

Но нас в данном случае интересует курган № 41 и «каменный круг» возле него, являющийся явной инновацией в погребальном обряде средневековых тунгусо-маньчжуров, впервые зафиксированной в данном некрополе.

3.1. КУРГАНЫ МОХЭСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИМОРЬЯ. НЕКРОПОЛЬ МОНАСТЫРКА-III (рис. 81—91, ил. 29, 30)

Некрополь располагался на левом берегу р. Монастырка на 14—18-метровой террасе к западу от пос. Рудная Пристань Дальнегорского района Приморского края.

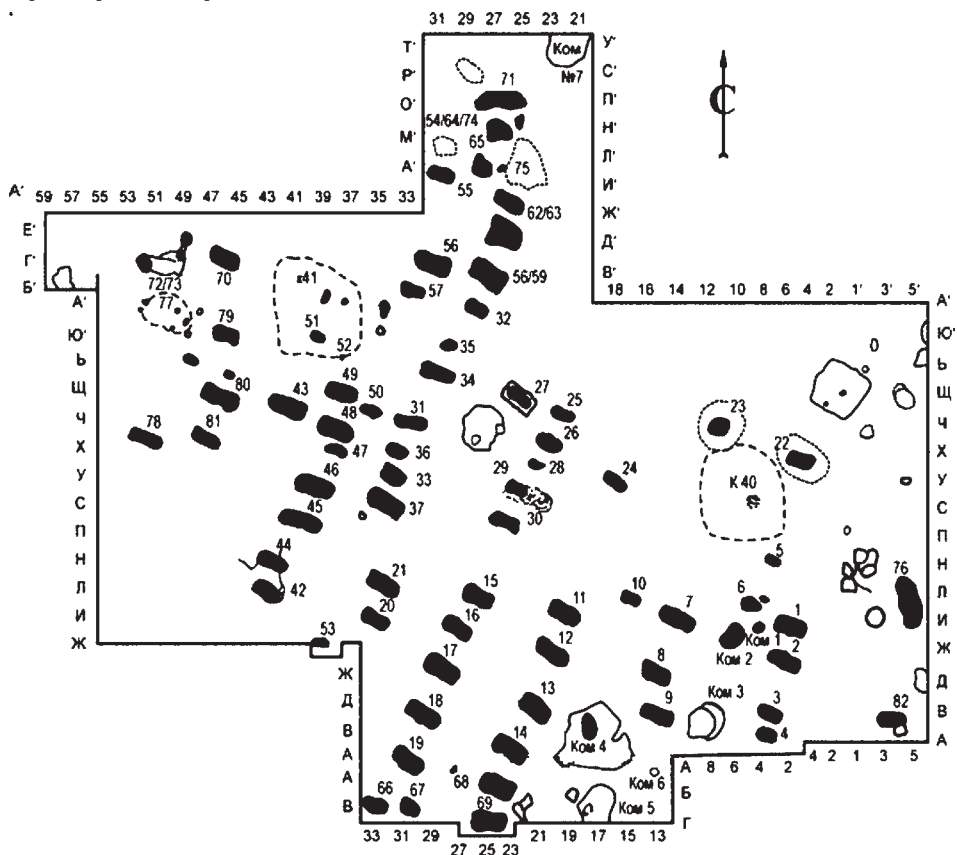

Рис. 81. Некрополь Монастырка-III, Дальнегорский район, Приморский край. План погребений и курганов

КУРГАН № 41 (рис. 82)

Располагался в северной части раскопа в кв. Б—А/36—42. В плане насыпь имела подпрямоугольную форму. С запада на восток её длина достигала 5,2 м, с юга на север 6,2 м. Почвенно-растительный горизонт насыпи был тонким, и сквозь него пробивались отдельные гальки. Верхняя часть насыпи состояла из галечно-гравийных конкреций, размеры которых составляли 0,02—0,05—0,10 м. Низ галек и гравия сразу под дёрном

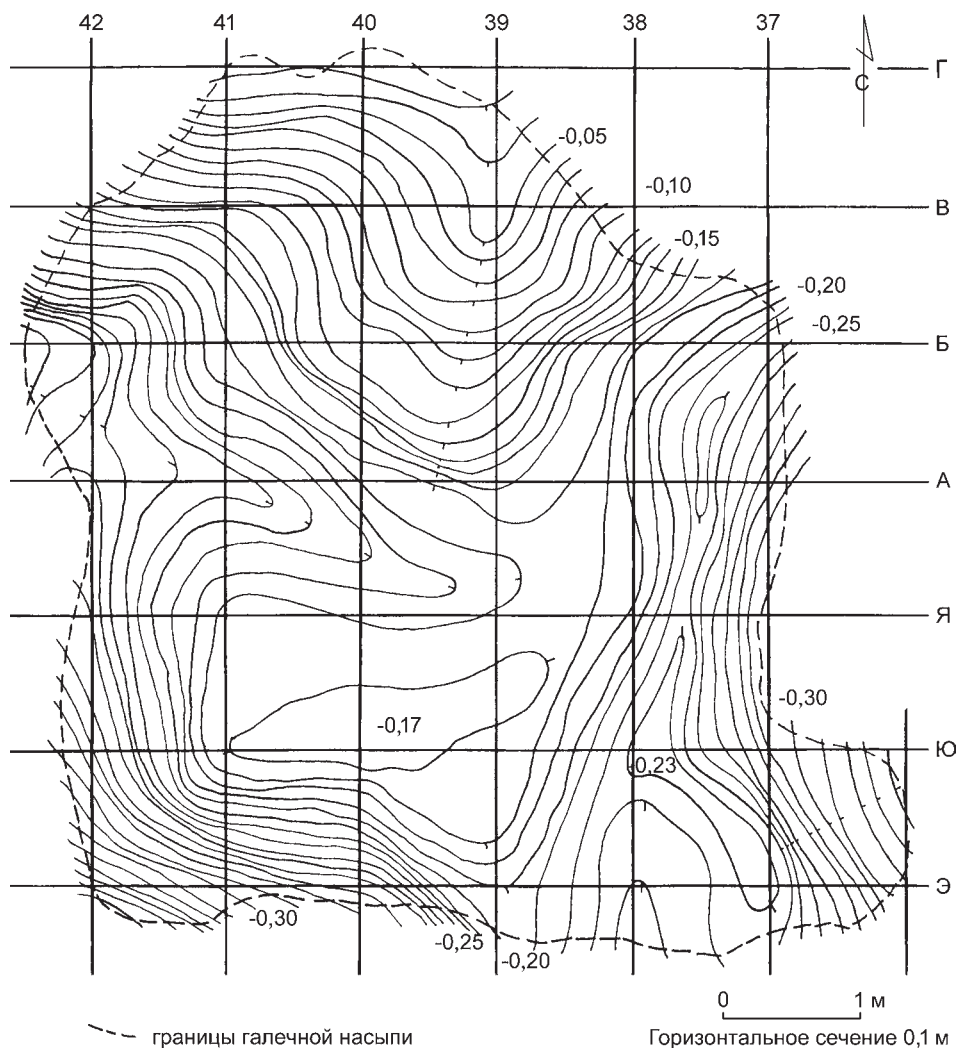

Рис. 82. Некрополь Монастырка-III, Дальнегорский район, Приморский край. Нивелировочный план кургана № 41

Рис. 83. Некрополь Монастырка-III, Дальнегорский район, Приморский край.
Фото кургана № 41 после снятия дёрна. Вид с юга

утопал в слое чёрной (похожей на угольную пыль) супеси. Это торф, который использовали в качестве топлива при кремациях, добытый на тетюхинском торфянике, расположенном у подножия мыса в непосредственной близости от некрополя. При сжигании, особенно вместе с покойным, торф давал ярко-чёрный цвет с жирным лоском. Мощность галечно-гравийного слоя со жжёным торфом на разных участках была различной — от 0,08 до 0,22 м (рис. 3, 4). Именно с этим слоем связано большинство находок в насыпи.

В кв. Ь—Ъ/41—42 в галечнике над могилой встречены три фрагмента керамики светло-серого цвета без орнамента, фрагмент боковой стенки сосуда коричневого цвета толщиной 0,8 см.

В кв. Я/40 в 0,2 м от бровки к югу отмечались сильно пережжённые человеческие косточки, длина которых составляла 1,5—2,5—0,5 см. Кости залежали в виде мелких линз под гальками. Здесь же находились фрагменты лепной керамики мохэского типа (категория I, тип 1). Вероятно, это подхоронение в насыпь.

В кв. Ю/42 на западной оконечности насыпи обнаружен раздавленный лепной мохэский сосуд. Изделие имело горшковидную форму, под венчиком располагался характерный налепной валик с левосторонними вдавлениями. Поверхность тулова не имела орнамента (категория I, тип 1, вид 2) (рис. 85, 1).

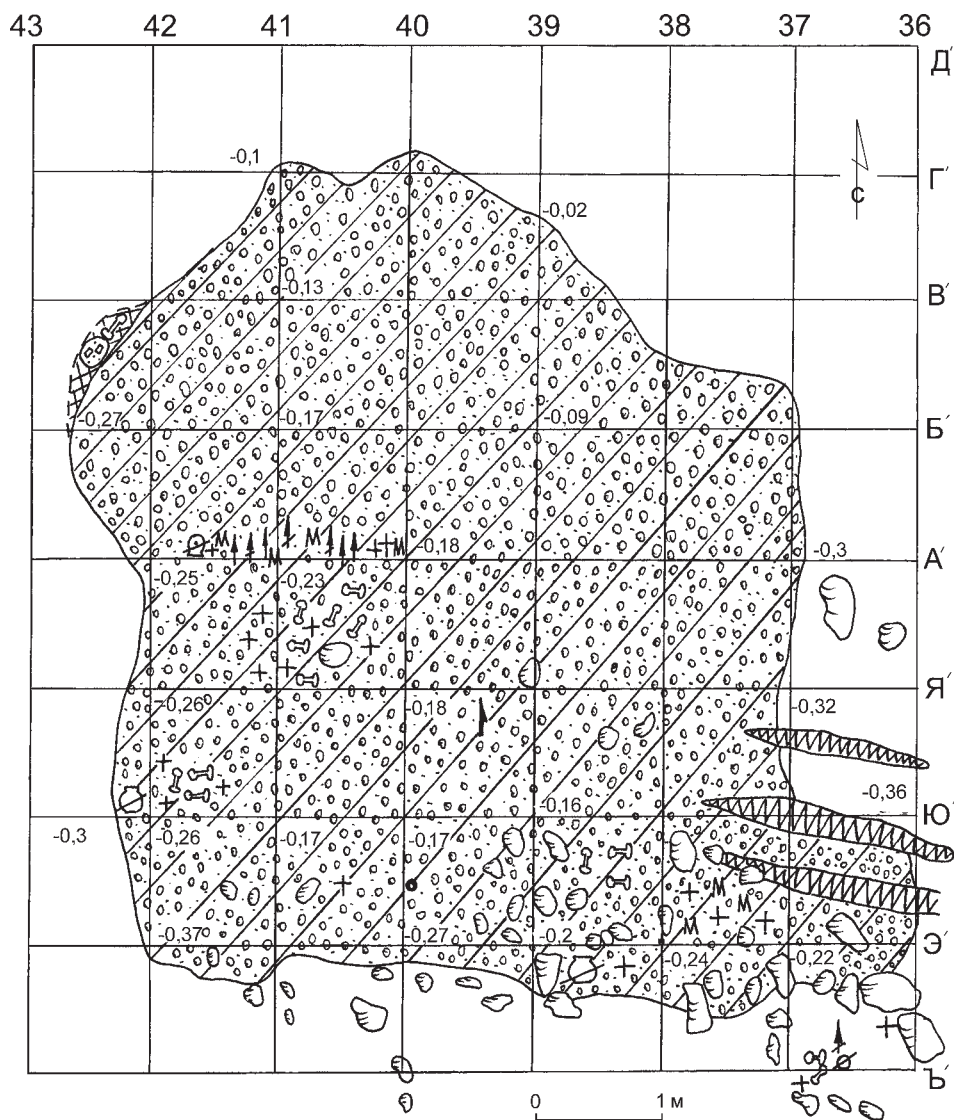

Рис. 84. Некрополь Монастырка-III, Дальнегорский район, Приморский край.
План кургана № 41

В кв. Ю/41 в 0,12 м от упомянутого сосуда на восток залегало несколько жжёных мелких косточек человека, не поддающихся определению. Рядом находились фрагменты лепной неорнаментированной керамики. Видимо, это тоже подхоронение в насыпь.

В кв. Э/40 на уровне н.о. –31 встречен фрагмент типично мохэского сосуда (категория I, тип 1).

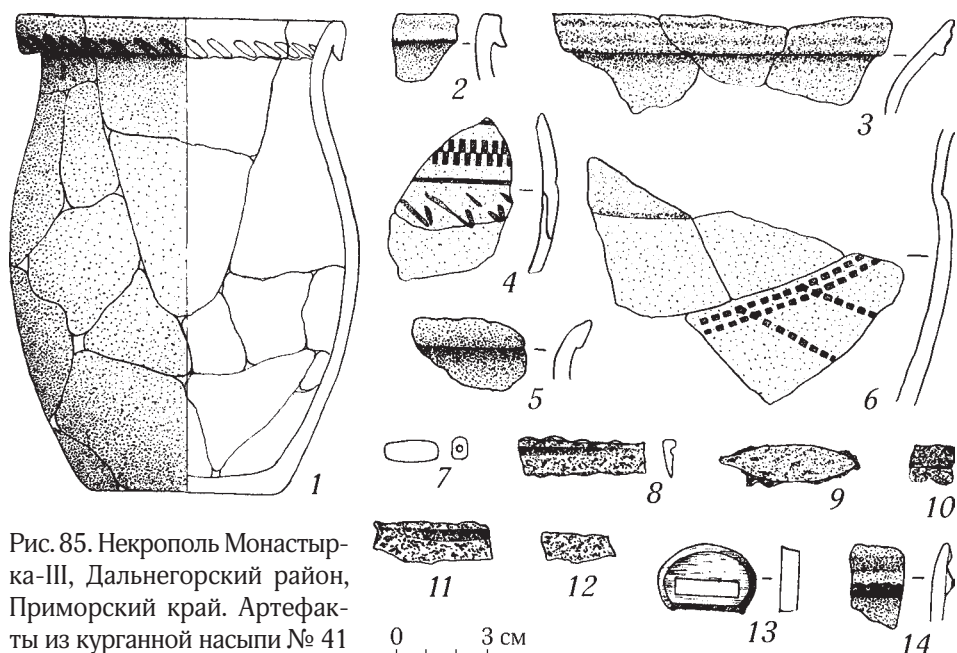

Рис. 85. Некрополь Монастырка-III, Дальнегорский район, Приморский край. Артефакты из курганный насыпи № 41

В кв. Б/38 на южной оконечности насыпи на уровне н.о. –20 залегал раздавленный круговой сосуд с оттисками штампованного декора. По форме и декору изделие аналогично керамике культуры амурских чжурчженей (категория III).

В кв. Ю/39 на уровне н.о. –22 в галечно-гравийном слое зафиксирован железный нож, воткнутый остриём в почву. Форма пера листовидная. Длина изделия 5 см.

В кв. Э/38 вблизи крупного камня зафиксированы мелкие жжёные кости человека.

В кв. Э/37 на восточном краю насыпи в самом низу галечного слоя, почти у материка встречены фрагменты серой неорнаментированной круговой керамики и 3 фрагмента железного изделия длиной 10,4 см, диаметром 1,4 см.

В слое чёрной супеси (жжёного торфа), подстилающей в нескольких местах галечник (кв. Я/38-39), отмечались немногочисленные находки. В кв. Э/39-40 над могилой № 51 — каменная бусина с голубым оттенком. В плане бусина овальная, в сечении — прямоугольная. Длина 2 см, диаметр 0,9 см.

В кв. Я/40-41 в западной части насыпи встречены два фрагмента типично мохэского венчика с наlepным валиком и фрагмент круговой керамики серого цвета со штампованным орнаментом.

В слое светло-серой супеси, подстилавшей галечно-гравийную насыпь и чёрную супесь, находок не было.

Разрезы галечно-гравийной насыпи кургана № 41 (рис. 86, 87)

Разрез по линии Я—Я. Почвенно-растительный горизонт (0,03—0,07 м) подстилается галечно-гравийным слоем с включением чёрной жирной супеси (горелого торфа). Слой фиксировался на всей протяжённости бровки, достигая на отдельных участках (кв. Я/39, 40) материка. Его мощность составляла 0,08—0,22 м.

Рис. 86. Некрополь Монастырка-III, Дальнегорский район, Приморский край.
Фото разрезов кургана № 41

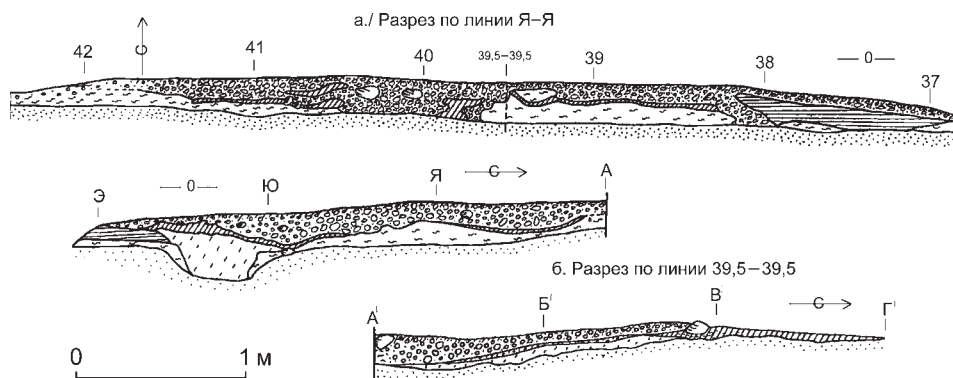

Рис. 87. Некрополь Монастырка-III, Дальнегорский район, Приморский край.
Разрезы кургана № 41

В кв. 38—41 в виде тонких линз мощностью 0,03—0,05—0,35 м прослеживалась чёрная жирная супесь (горелый торф) без гравийно-галечно-го включения. В двух местах чёрную жирную супесь подстилала светло-серая супесь, образуя самостоятельные вытянутые линзы. В одном месте супесь залегала в гравийно-галечных включениях (кв. 39). В кв. 37 светло-серая супесь залегала под слоем тёмно-коричневой супеси. Тёмно-коричневую супесь (несгоревший торф) подстилал материк.

Разрез по линии 39,5—39,5. Почвенно-растительный горизонт незначительной мощности (0,03 м). Слой галечно-гравийных конкреций, уплотненных в чёрную жирную супесь (жжёный торф) распространялся на всём протяжении бровки.

Слой жирной супеси зафиксирован в виде двух линз в кв. Я—Э—Ю.

Слой светло-серой супеси подстилал галечно-гравийный слой чёрного цвета (торфяной). В кв. Ю он опускался вниз и окаймлял с боков могильную яму.

После разборки галечно-гравийной насыпи и удаления напластований на уровне н.о. —36 обнажился материк. Под насыпью в её южной части зафиксированы два комплекса: в кв. Э—Ю/39—40 — могила № 51 и в кв. Б/37—38 — могила № 52.

Для кремаций на месте характерно большое неправильной формы глиняное прокалённое пятно (с остатками торфа) с многочисленными вкраплениями мелких жжёных костей и погребального инвентаря со следами сильного огня.

Погребение № 51

(рис. 88, 89)

Могила № 51 располагалась на периферии галечно-гравийной насыпи № 41 в кв. Э—Ю/39—40 (рис. 81). Нивелировка кургана показала, что над могилой была уплощённой поверхность (рис. 88). В надмогильном напластовании отмечается слой чёрной жирной супеси, связанной с насыпью, но не с самой могилой. В верхней части могильного заполнения зафиксировано два камня размерами 0,10×0,12 и 0,15×0,20 м. Видимо, первоначально над могилой была каменная насыпь, но при сооружении галечно-гравийной насыпи камни с могилы были убраны, и сохранились только те, которые оказались непосредственно в могиле.

Основным заполнением могилы являлась коричневая супесь. Следов угля или прокала не наблюдалось. Вдоль боковых стенок могилы отмечались включения светло-серой супеси.

На уровне дневной поверхности могильное пятно № 51 приобрело контур неправильной трапеции размером 0,95×0,65×0,48 м. Могила ориенти-

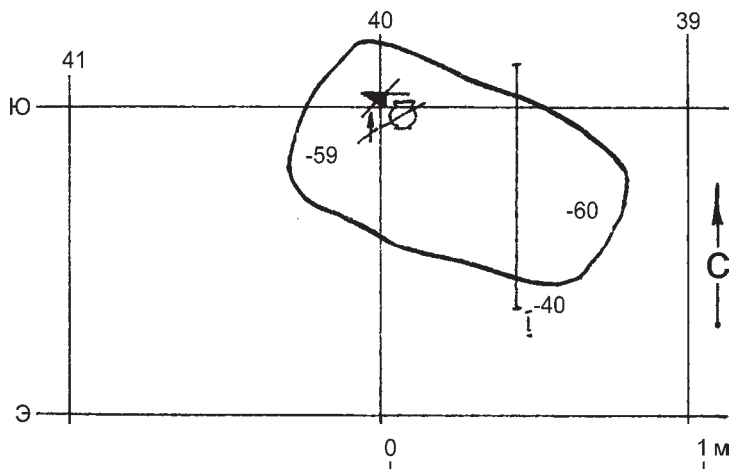
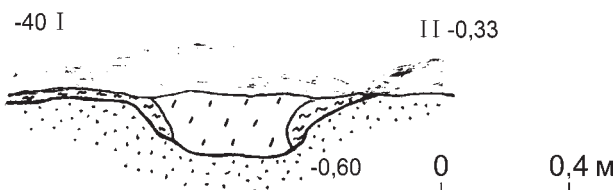

Рис. 88. Некрополь
Монастырка-III,
Дальнегорский район,
Приморский край.
Погребение № 51

рована северо-запад — юго-восток. Она входила в один ряд с могилой № 43. Дно могилы довольно ровное. На уровне н.о. —59 возле пикета Ю/40 на дне могилы обнаружен сосуд горшковидной формы бохайского типа с тремя горизонтально-прочерченными бороздами по венчику и плечикам (рис. 89, 1).

Высота сосуда 13 см, диаметр венчика — 11 см, диаметр дна — 6,5 см, диаметр тулова — 13 см, высота тулова — 9 см (соответствует пропорциям керамики амурских чжурчжэней). Рядом с сосудом в пикете Ю/40 залегал обломок железного ножа с выделенной рукоятью (рис. 9, 2). В кв. Э/40 возле пикета Ю/40 обнаружен обломок железного плоского наконечника стрелы, не поддающийся типовому определению. Глубина могилы 0,15—0,18 м. Костный тлен не прослежен.

Вывод. Видимо, данное погребение выполнялось по обряду кремации в могильной яме. Но торф, использовавшийся в качестве топлива и заполнявший могильную яму, по каким-то причинам не загорелся. Кости погребённого и внутримогильные деревянные конструкции в условиях приморского климата не сохранились. Погребальным инвентарём, сопровождавшим умершего, служил бохайский сосуд когурёского происхождения, характерный для раннего периода Бохая (категория II, тип 2), железный нож и наконечник стрелы. Это свидетельствует о том, что в погребении № 51, вероятнее всего, похоронен был мужчина.

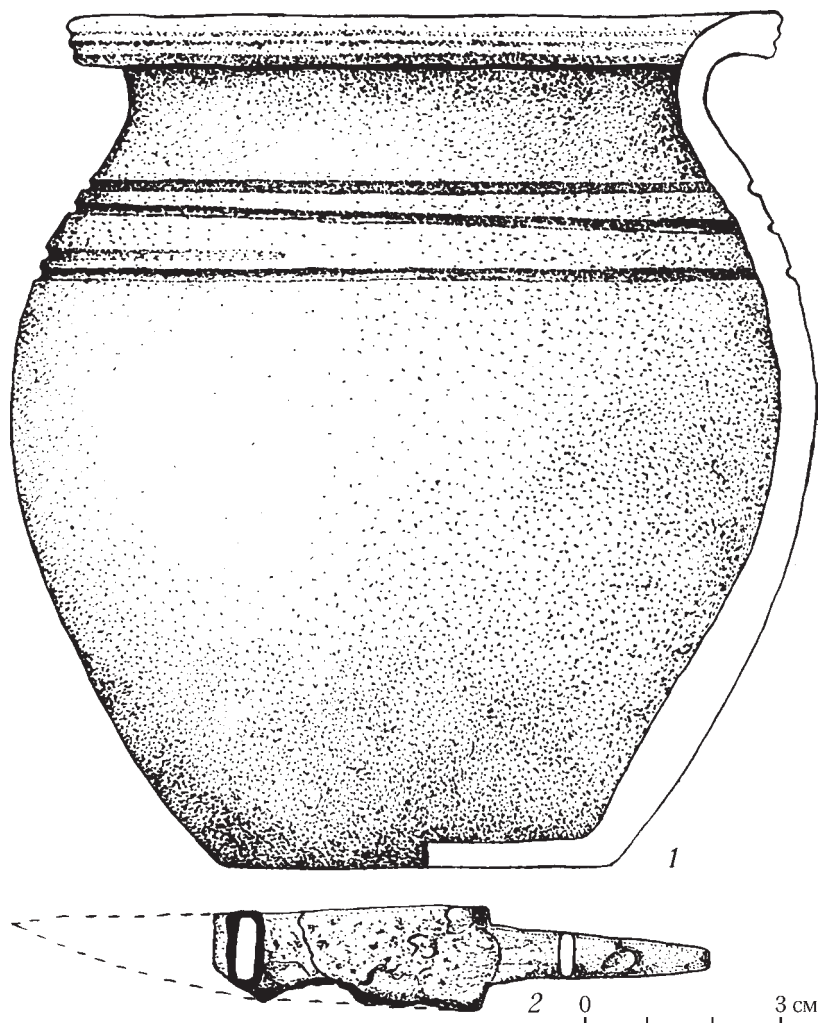

Рис. 89. Некрополь Монастырка-III, Дальнегорский район, Приморский край. Артефакты погребения № 51

Погребение № 52 (рис. 90)

Располагалось в кв. Ю—Б/38 (рис. 81). В плане имело форму круга диаметром 0,38×0,35 м. Заполнением являлась чёрная жирная супесь. В разрезе форма ямы чашевидная. Глубина ямы 0,28 м. В яме находился круговой сосуд со штампованным орнаментом, характерным для памятников амурских чжурчжэней. Цвет сосуда чёрный. В сосуде находились угольки, зола и костный пепел. Видимо, в курган было сделано подхоронение, хотя

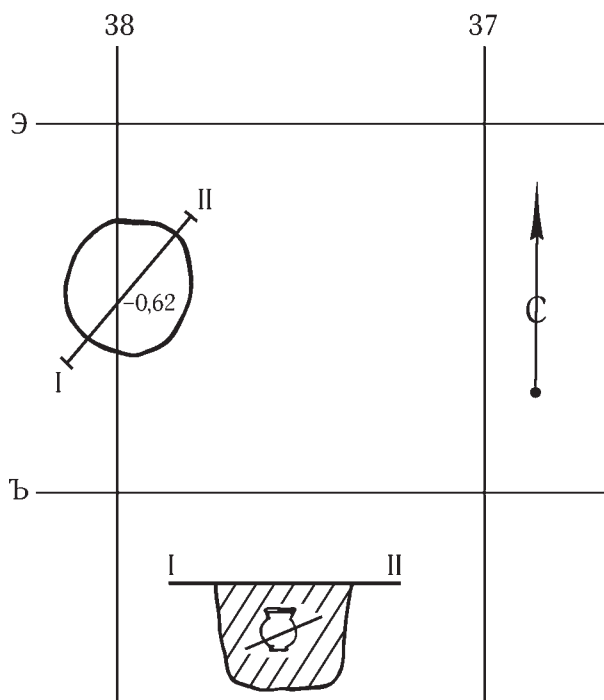

Рис. 90. Некрополь Монастырка-III, Дальнегорский район, Приморский край.
Погребение № 52

впуск в гравии проследить не удалось. Но над ямой, как показала нивелировка кургана № 41, поверхность была вогнутой, что могло быть связано либо с грабительским вмешательством (но этому противоречит целостность комплекса), либо данное захоронение было совершено до возведения кургана, и в месте нахождения могилы насыпь просела.

Вывод. Данное погребение совершено способом кремации на стороне с последующим ямным захоронением, поэтому яма и оказалась заполнена чёрным жирным сгоревшим торфом.

«Каменный круг»

(рис. 91)

С юго-восточной стороны насыпи на уровне н.о. 42 в кв. Ъ/35—37 зафиксирован каменный круг, по форме близкий к овалу, выложенный из 24 камней и галек. Камни отстояли друг от друга на расстояние 0,05—0,10—0,15 м. Диаметр круга составлял 1,25 м. Заполнением внутри круга служила чёрная жирная супесь (жжёный торф). В круге зафиксированы находки: в кв. Ъ/36, Ь/36 — фрагменты керамики горшковидного сосуда мохэского типа — венчик и боковые стенки, фрагмент кругового сосуда серого цвета, а также более 20 кусочков трубчатых костей человека и фрагменты черепной коробки. Все кости сильно пережжены (до голубоватого цвета) [Дьякова, 2014, с. 163—182].

Вывод. Подобные каменные круги характерны для культур тюркского круга. Правда, они, как правило, возводились с восточной стороны кургана, а не с юго-восточной, как в данном случае. О назначении каменных

Рис. 91. Некрополь Монастырка-III, Дальнегорский район, Приморский край. Фото «Каменный круг»

кругов однозначного мнения у исследователей нет. Одни вполне аргументированно относят их к поминальникам, другие — к захоронениям. «Каменный круг» некрополя Монастырка-III — это явное погребение, совершённое на горизонте из кремированных на стороне тел умерших. Сопроводительным погребальным инвентарём явился лепной сосуд мохэского типа и круговая сероглиняная керамика. Подобное сочетание традиционно для погребений культуры амурских чжурчжэней.

* * *

Раскопки кургана № 41 и связанных с ним погребений № 51, 52 и «каменного круга» выявили два вида кремаций: 1. Кремация в могильной яме; 2. Кремация на стороне либо с последующим захоронением в могильной яме, либо в виде подхоронения в курган.

Анализ кургана № 41 и «каменного круга», расположенного с юго-восточной стороны, показывает, что в погребальном обряде мохэской культуры появляются принципиально новые, инновационные элементы, не связанные с местными традициями. Это означает наличие очень серьёзных мировоззренческих сдвигов религиозного или этнического характера у средневековых тунгусо-маньчжуров.

3.2. КУРГАНЫ БОХАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С конца XIX в. до 80-х годов XX в. в области бохаведения благодаря трудам Ф.Ф. Буссе, Л.А. Крапоткина, А.В. Гребенщикова, В.К. Арсеньева, П. Кафарова, А.З. Фёдорова, З.Н. Матвеева, А.П. Окладникова и Э.В. Шавкунова были получены серьёзные научные результаты по всем основным проблемам данного направления, начиная от ввода в научный оборот корпуса восточных письменных источников, открытия, фиксации и раскопок археологических памятников до анализа проблем этнической истории, этногенеза и культуругенеза. Естественно, что далеко не все полученные этими исследователями материалы оказались в полной мере введены в научный оборот. В данном случае речь идёт о полевых исследованиях Э.В. Шавкунова, связанных с курганами долины р. Кроуновка (прежнее название — Чапигоу. — *О.Д.*). Необходимость вернуться к этим археологическим объектам возникла вследствие того, что они оказались не только не опубликованы, а лишь суммарно описаны без предъявления чертежей и анализа конкретных погребальных материалов. К тому же в литературе курганы вошли под названиями «абрикосовские» и «копытинские» под сплошной нумерацией № 1—5, что предопределяет восприятие их как единого памятника. Проверка материалов по первоисточнику — полевому отчёту Э.В. Шавкунова — выявила принципиально иную картину и потребовала внесения уточнений. Во-первых, курганные захоронения раскопаны не на двух, как значится в публикациях, а на четырёх разных сопках — Абрикосовая, Копыто, Амфитеатр, Мечта, сосредоточенных в средней части долины р. Кроуновка (Чапигоу) и отстоящих друг от друга на расстояние в пределах 800—700—500—300 м. Концентрация курганов четырёх памятников в одной долине допускает обозначать их как кроуновский курганный комплекс, но при обязательном указании конкретного места раскопок по названиям сопки, и, во избежание разночтений, дублировать их опубликованной автором нумерацией. Получается следующее: Копытинский курган (№ 5) Кроуновского комплекса, Абрикосовские курганы Кроуновского комплекса (№ 2, 3), курган сопки Мечта Кроуновского комплекса (№ 4), курган сопки Амфитеатр Кроуновского комплекса (№ 1). Во-вторых, помещённые в полевом отчёте чертежи, рисунки, фотографии позволяют в определённой степени восстановить облик и содержание конкретных погребений, что даёт возможность переосмыслить указанные курганные объекты и вписать их в современные концептуальные реалии, начиная от ревизии культурной принадлежности и заканчивая интерпретационными построениями.

КРОУНОВСКИЙ КУРГАННЫЙ КОМПЛЕКС (рис. 92)

Впервые курганы обнаружены в 1956 г. Дальневосточной археологической экспедицией, руководимой академиком А.П. Окладниковым. Повторно разведочно обследовались в 1957 г. В 1958 и 1959 гг. Э.В. Шавкуновым были проведены стационарные исследования двух буддийских храмов и пяти курганов, обнаруженных на четырёх сопках: Копыто — 1 курган,

Рис. 92. Карта курганов кроуновского анклава

- 1 — Кроуновский курганный некрополь
- 2 — Абрикосовский курганный некрополь

Абрикосовая — 2 кургана, Амфитеатр — 1 курган, Мечта — 1 курган. Местонахождение археологических объектов в долине р. Кроуновка (Чапигоу) исследователь описывает следующим образом: «...приблизительно в 3—4 км вверх по течению реки Чапигоу к югу от с. Кроуновки Славянского района (ныне Уссурийский район. — *О.Д.*) Приморского края имеется неширокая, но в то же время довольно-таки вытянутая по направлению реки, т.е. с юго — юго-запада на северо — северо-восток, долина протяжённостью около 2—3 км, которую со всех сторон окружает сплошная гряда сопок, лишь изредка прорезанная небольшими долинками мелких речушек. Посреди этой долины на правом берегу Чапигоу (Кроуновка) почти напротив устья реки Янцзыгоу (ныне Павлиновка. — *О.Д.*), левого притока Чапигоу, одиноко возвышается сложенная из базальта сопка, известная среди местного населения под названием Копыто» [*Шавкунов Э.В.*, № 1877, с. 6]. Почти напротив неё, но уже на левом берегу р. Чапигоу, в 600—700 м, расположена одиночная сопка Абрикосовая. Про расположение остальных сопкок автор отчёта ограничился замечанием, что «...наряду с раскопками на сопке Копыто были исследованы параллельно ряд древних захоронений, которые расположены на склонах соседних с Копыто сопках. Всего было вскрыто 5 захоронений, оказавшихся, к большому сожалению, грабленными» [*Шавкунов Э.В.*, № 1877, с. 6]. Положение спасла помещённая в отчёте панорамная фотография, на которой автор раскопок собственноручно отметил места расположения самих сопкок и места раскопок курганов, сопроводив отметки рукописными комментариями, что и позволило в конечном счёте установить следующее: сопка Амфитеатр располагалась приблизительно в 500 м к северо-западу от Абрикосовой сопки, а сопка Мечта — приблизительно в 300 м к юго-востоку от неё. Общее впечатление от курганов исследователь определил так: «...Все захоронения имеют вид небольших, порой почти едва заметных всхолмлений в виде каменных насыпей. Размеры их значительно варьируют между собой, что находится в прямой зависимости, по-видимому, не только от типа захоронений, но и от действий грабителей, которые при разборке насыпей разбрасывали камни вокруг них» [*Шавкунов Э.В.*, № 1877, с. 6].

По мнению автора раскопок, курганы являлись частью единого поселенческого комплекса бохайской культуры, куда кроме погребальных памятников входили поселения и храмовые сооружения. Надо сказать, что Э.В. Шавкунову очень повезло при его первых самостоятельных шагах в приморской археологии. Ему первому удалось открыть все типы археологических памятников тунгусо-маньчжурского государства Бохай (698—926), сосредоточенных в одном месте и системно взаимосвязанных между собой. Более того, на основании храмовых и поселенческих материалов, полученных при раскопках, исследователь сумел верно

определить не только культурную, но и временную привязку этих курганов, датировав их VIII в. Однако в полевом отчёте о раскопках он пропустил некоторые обязательные этапы проведённых работ, например, детальную характеристику каждого вскрытого курганного комплекса, а ограничился только суммарными описаниями курганов и обобщающими интерпретациями. Поэтому потребовалось повторное введение в научный оборот материалов раскопанных курганов с внесением соответствующих корректировок и уточнений, извлечённых из архивных документов (чертежей, фотографий, рисунков, описаний), и устранением разночтений и противоречий между источниками и публикациями.

Сопка Амфитеатр (курган № 1) (рис. 93)

Располагалась приблизительно в 500 м к северо-западу от Абрикосовской сопки и была отделена от последней широкой ложбиной. На её восточном склоне обнаружен и раскопан курган, вошедший в литературу под № 1. Являлся ли курган одиночным или это была курганная группа, информация отсутствует. Согласно фотографии, внешне курган на сопке Амфитеатр, вероятно, представлял собой подпрямоугольный в плане холм, покрытый дёрном и поросший мелким кустарником и отдельными деревьями. С севера на юг размеры курганного холма могли достигать 17 м, с запада на восток — 20 м. Первоначально каменная насыпь (от уровня материкового горизонта), видимо, превышала метровую высоту. Причём, судя по продольному и поперечному разрезам, такая высота была по всей площади кургана (рис. 93, *В*, *С*). Курган оказался разрушен грабителями, о чем свидетельствует западина в его центре, крошки человеческих костей, встречавшихся в дёрне и сразу под дёрном, а также каменные выбросы на насыпи. Сама каменная насыпь сооружена из рваного базальтового камня-плитняка без какой-либо цементной связки, но, видимо, по специальной технологии, поскольку до момента раскопок сохраняла форму и не разрушилась даже после грабительских вмешательств. На отдельных камнях отмечена подтёска. Внутри кургана на уровне материковой поверхности прослежены врытые торцом по периметру захоронения базальтовые плиты, определённые Э.В. Шавкуновым как оградка. Высоту оградки в настоящее время установить невозможно, но количество торцовых камней по чертежу вполне просчитывается. Их в оградке зафиксировано 18 штук. Форма оградки скорее подпрямоугольная, но могла быть и овальной. Камни крепились не вплотную друг к другу, а на различном расстоянии. Хотя нельзя исключать, что такая разрежённость камней в оградке могла быть связана с тем, что часть торцовых камней оказалась повалена.

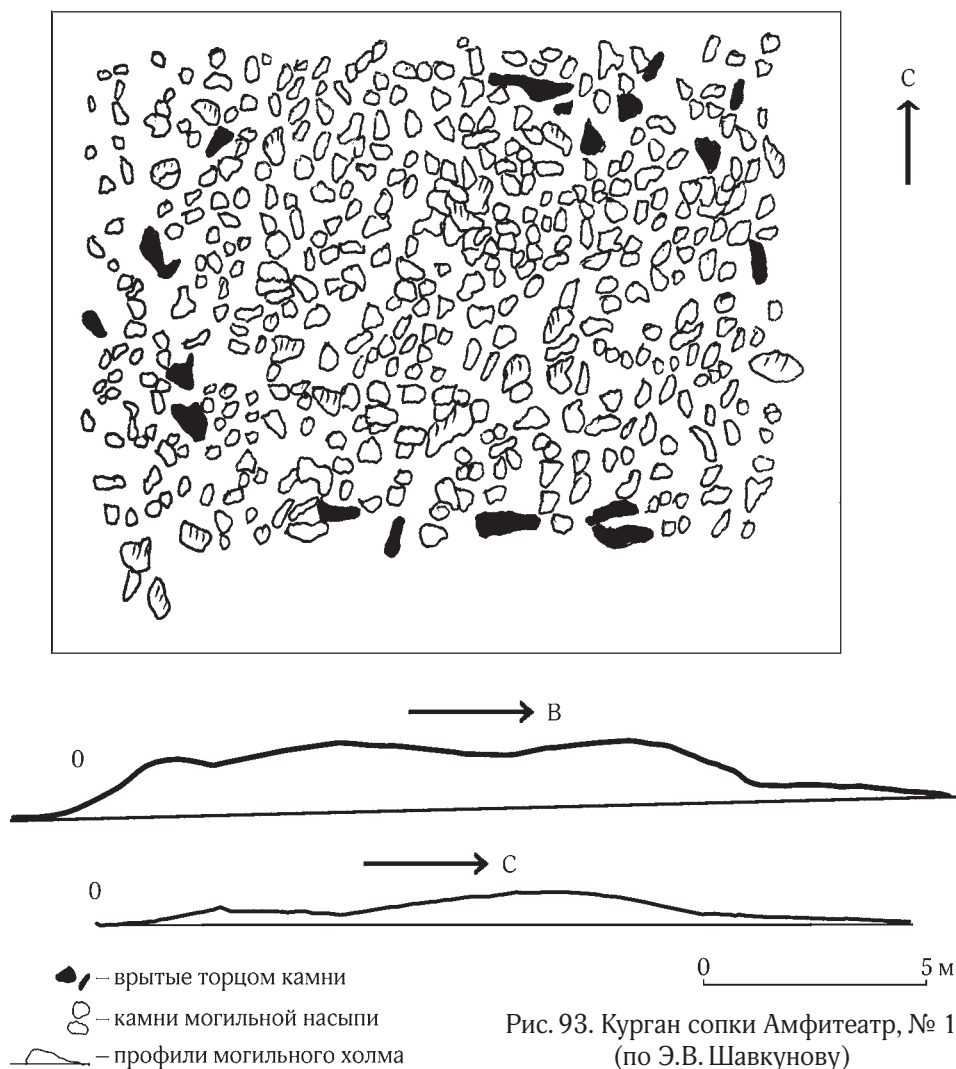

Рис. 93. Кургan сопки Амфитеатр, № 1
 (по Э.В. Шавкунову)

Исследователь привёл размеры оградки: «...Длина насыпей захоронения № 1, заключённой между стенками оградки, равна 7 м, а ширина — 5 м» [Шавкунов Э.В., № 1877]. Могильная яма или какое-либо другое погребальное сооружение не зафиксированы, но при этом отмечено, что на горизонте под каменной насыпью и в самой насыпи встречались мелкие костные фрагменты, полностью поместившиеся в спичечную коробку. В отчёте не сказано, что на костях были следы огня, но в монографии исследователь отметил данный факт: «...костяная крошка носит на себе следы пребывания костяка в огне, что, по-видимому, должно указывать на наличие здесь трупосожжения» [Шавкунов Э.В., 1968, с. 93].

Нет в отчёте и описания подкурганного материка, хотя в публикации отмечено, что «...под каменной насыпью после незначительной прослойки гумуса прослеживался либо скальный выход сопки, либо же не потревоженный материковый слой из красновато-бурой глины» [Шавкунов Э.В., 1968, с. 93]. Выявленные факты позволяют нам полагать, что, вероятнее всего, исследователь столкнулся с обрядом кремации умершего на стороне с последующим захоронением кремированных останков (костей со следами огня) под курганной насыпью. Такой приём практиковался средневековыми тунгусо-маньчжурами и прослежен как в мохэской культуре (подхоронения в курган некрополя Монастырка-III), так и в культуре амурских чжурчжэней [Дьякова, 1998, с. 145; Медведев, 1977, с. 125]. Более поздние подхоронения в кургане сопки Амфитеатр исследователем не установлены. И вероятнее всего, с курганом связано только это одно захоронение. Из погребального инвентаря в кургане № 1 обнаружен лишь «...небольшой железный нож» (рис. 2). Точные размеры ножа установить невозможно из-за отсутствия самого предмета, описи и линейного масштаба на фотографии, но, вероятнее всего, его длина не превышала 11 см, насада — 3 см, лезвия — 8 см, ширина — 2,5 см. Нож однолезвийный, с клиновидным сечением пера, выделенным прямоугольным насадом, тупоугольной линией соединения насада и спинки ножа. Такой тип ножей в средневековых тунгусо-маньчжурских культурах встречается не часто. Следует отметить, что инвентарь, приведённый для данного кургана в отчёте, и инвентарь, опубликованный автором в монографии, разительно отличаются. В монографии среди находок данного захоронения автор поместил фотографии железной пряжки, наконечника стрелы, каменного выпрямителя стрел, обломок тесла, что, вероятнее всего, является ошибкой, так как в отчёте перечисленный инвентарь значителен найденным в кургане на сопке Копыто (№ 5).

Выводы. Курган на сопке Амфитеатр (№ 1) располагался на склоне и был сложен из базальтовых камней, иногда имевших для более плотного скрепления специальную подработку. Форма кургана подпрямоугольная. Внешние размеры кургана 17×20 м. Под каменной насыпью на уровне материковой поверхности зафиксирована подпрямоугольная оградка из воткнувших торцом базальтовых плит. Размеры оградки 7×5 м. Внутри оградки отмечено захоронение без могильной ямы, осуществлённое способом кремации на стороне с последующим захоронением останков под курганом. Погребальный инвентарь — железный нож — однозначной культурной диагностике не поддаётся, но и не противоречит присутствию таких вещей в культурах средневековых тунгусо-маньчжуров, в том числе бохайской. Курган сопки Амфитеатр, видимо, как-то был связан

с абрикосовским или копытинским храмовыми сооружениями (кумирнями), поскольку находился на достаточно близком расстоянии от них. В первую очередь это относится к Абрикосовскому храму, отдалённому от кургана всего на 500 м. Более того, эта связь однозначно могла быть подтверждением для причисления кургана Амфитеатр к бохайской культуре, но, из-за отсутствия необходимых доказательств, к данной культуре его можно отнести только условно. То же можно сказать и о датировке памятника. Однозначных доказательств существования его в VIII в. н.э. нет, как нет и противоречий этому. Косвенным подтверждением предложенной Э.В. Шавкуновым датировки кургана этим временем опять же является Абрикосовский храм.

Сопка Абрикосовая (курганы 2, 3)

(рис. 94—96)

Расположена на левом берегу р. Кроуновка в 3—4 км к югу от одноимённого села, почти напротив сопки Копыто. Курганы обнаружены на гребне западного склона сопки [Шавкунов Э.В., № 1877]. Общее количество курганов неизвестно, но поскольку было вскрыто два грабленных захоронения, получивших номера 2 и 3, то, видимо, такое их количество здесь и было. На северном пологом склоне этой же сопки на искусственной террасе раскопан буддийский храм с 22 колоннами, обнесённый невысокой каменной четырёхугольной оградой с деревянным частоколом и черепичным навесом. Кроме буддийских культовых предметов (фрагменты статуи будды, бодисатва) в храме обнаружена табличка с изображением несторианского креста, фрагмент докшита, шуби, а также обломки круговой посуды (пиала, чаша, горшок) и штукатурки с цветной росписью. Материал храмовой постройки вполне справедливо позволил исследователю отнести его к бохайской культуре и датировать VIII в. Основанием для этого явились аналогии с археологическими артефактами из Верхней столицы Бохая — Дунцзинчэна [Шавкунов Э.В., 1968, с. 89].

Курган № 2 (рис. 94). Представлял собой каменную (базальтовую) насыпь подпрямоугольной формы длиной 5,8 м, шириной 5,5 м, высотой около 1 м, покрытую дёрном и мелким кустарником. В центральной части прослежена небольшая западина и вокруг неё каменные выбросы — следы грабителей. При расчистке дернового слоя обнаружены мелкие кусочки костей, разбросанные по всей площади кургана. Судя по фотографии, камни насыпи имели различные размеры — от мелких до крупных. Следы подтёски на них исследователем не отмечены, но, вероятнее всего, подработка камня для более плотного скрепления имела место, так как даже после грабительских внедрений курган сохранил форму. Как можно судить

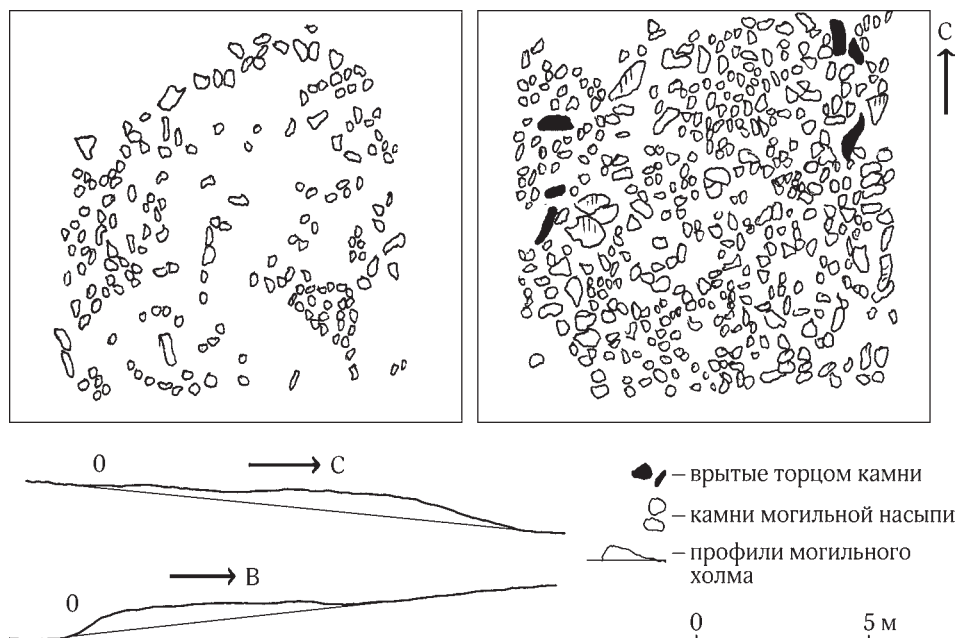

Рис. 94. Курган сопки Абрикосовая, № 2 (по Э.В. Шавкунову)

по чертежу, на уровне материковой поверхности зафиксированы шесть врытых торцом базальтовых плит — остатки оградки после грабительских нарушений. Могильной ямы или какого-либо другого погребального сооружения под курганной насыпью не обнаружено. Не обнаружены также следы погребального костра. Среди находок в отчёте значатся «...несколько фрагментов лепной керамики, в том числе два венчика и шестнадцать бусин из песчаника (1 шт.), пасты (6 шт.), халцедона (7 шт.), сердолика (1 шт.), яшмы (1 шт.). Бусы цилиндрической и сечкообразной формы различных размеров» [Шавкунов Э.В., № 1877] (рис. 95).

Лепная керамика, как можно судить по рисунку в отчёте, представлена типично мохэскими сосудами — венчиками с наlepным валиком и ромбовидными насечками по нему, что, собственно, и является диагностирующим признаком для культурной атрибуции памятника, поскольку лепные сосуды мохэского типа характерны для мохэской, бохайской и чжурчжэньской (амурской) культур. Кроме того, в кургане находились фрагменты венчиков сосудов, доработанных на круге, когуреского происхождения и фрагменты серой круговой посуды танского происхождения, что позволяет считать данный курган принадлежащим бохайской культуре [Дьякова, 1993, с. 289]. Датировку памятника VIII в. помимо мохэской керамики подтверждает наличие в комплексе белой бусины из пасты.

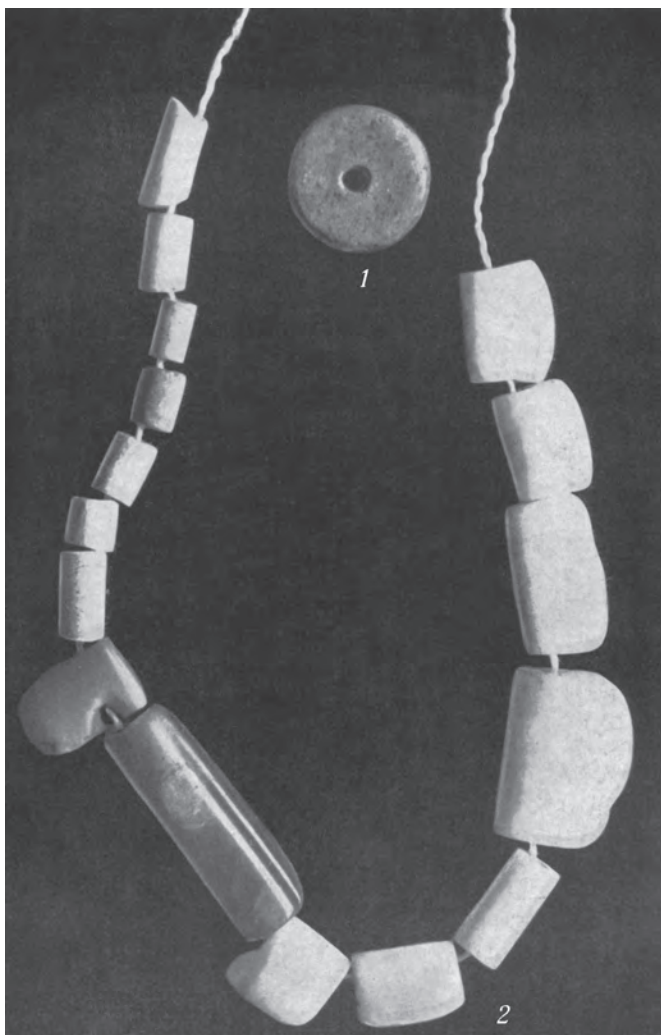
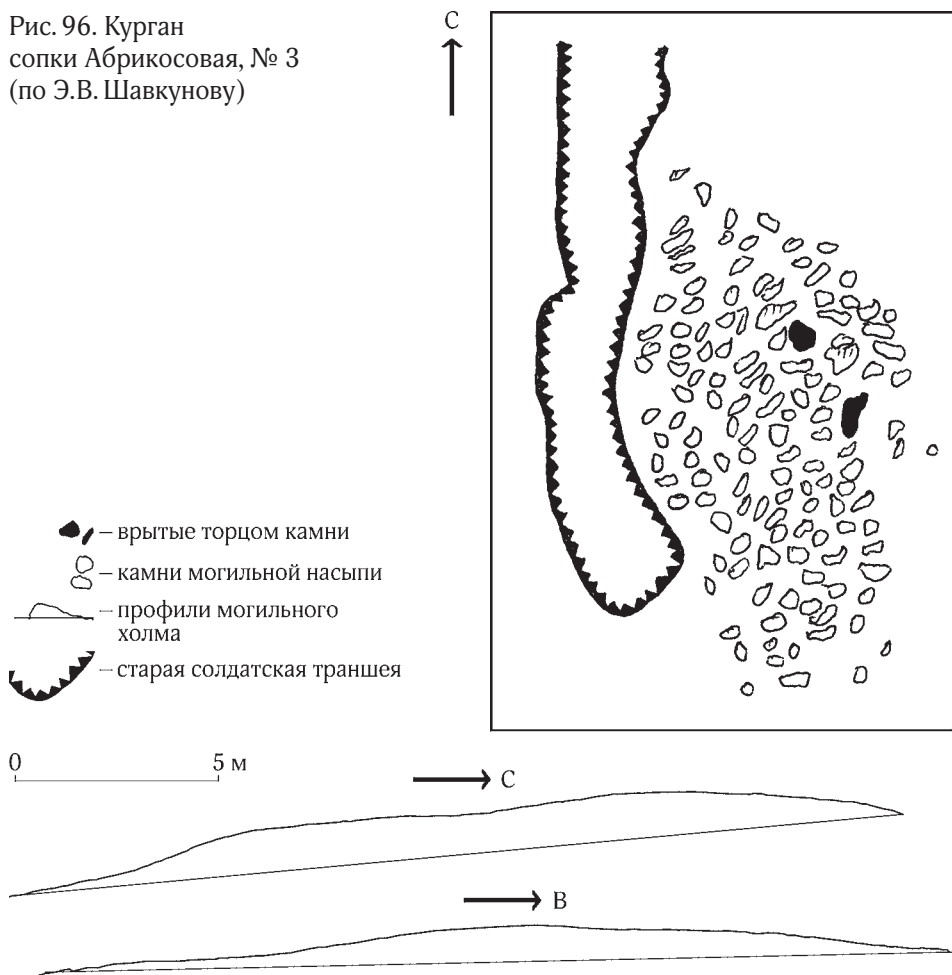

Рис. 95. Кургan сопки
Абрикосовая, № 2,
находки:
1 — пряслице,
2 — бусы
(по Э.В. Шавкунову)

Кургan № 3 (рис. 96). Его местонахождение относительно предыдущего кургана нам не известно, но, вероятнее всего, оба кургана находились рядом, так как на фотографии на сопке Абрикосовая отмечено только одно место раскопок курганов. Кургan № 3 представлял собой остатки каменной насыпи, значительно повреждённой с восточной стороны солдатской траншеей (рис. 96). Точные размеры, форма и высота кургана неизвестны, но произведённая по чертежу реконструкция позволяет полагать, что диаметр кургана не превышал 14 м, а его высота составляла приблизительно 1 м. Кургan, вероятнее всего, имел подпрямоугольную форму. Насыпь состояла из базальтовых камней разных размеров. Следы подтёски или другой обработки камней исследователем не отмечены.

Рис. 96. Курган
сопки Абрикосовая, № 3
(по Э.В. Шавкунову)

От материкового скального выхода каменную насыпь отделяла небольшая прослойка грунта, в которой Э.В. Шавкунов отметил два сохранившихся от оградки камня, врытых торцом в почву. Могильных ям, пятен или следов костра не прослежено, но при этом костяная крошка, хоть и в малом количестве — 3 кусочка, всё-таки в кургане присутствовала. Сопровождающий погребение материал не обнаружен.

Вывод. Данный курган имеет ту же характеристику, что и предыдущий, но из-за отсутствия (разграбления) погребального инвентаря не поддаётся культурной и временной диагностике. Однако, находясь в связке с предыдущим курганом, он может быть диагностирован по нему и отнесён к бохайской культуре. Достаточно очевидна связь абрикосовских курганов с храмовым комплексом, расположенном на этой же сопке. По предположению Э.В. Шавкунова, курганы являлись захоронениями знатных людей.

Сопка Мечта (курган 4)

(рис. 97)

Расположена в 300 м к юго-востоку от сопки Абрикосовая. На её восточном склоне обнаружен и вскрыт каменный курган (№ 4). Сколько курганов находилось в данном месте, исследователем не указано, но поскольку вскрыт был только один грабленный курган, то, видимо, он оказался единственным или смогли обнаружить только один. Согласно чертежу в отчёте, курган имел круглую или квадратную форму. Как и предыдущие курганы, он отсыпан из разнокалиберного базальтового камня. Диаметр кургана достигал 15 м, высота — 0,8—1 м. В северной и северо-западной частях кургана прослежены два врытых торцом камня, т.е. остатки ограды. В захоронении № 4 ни костных, ни материальных артефактов не зафиксировано. Исследователь предположил, что погребение было «основательно разграблено».

Вывод. Культурная и временная диагностика кургана невозможна из-за отсутствия материала. Связь с культовыми и поселенческими объектами не установлена.

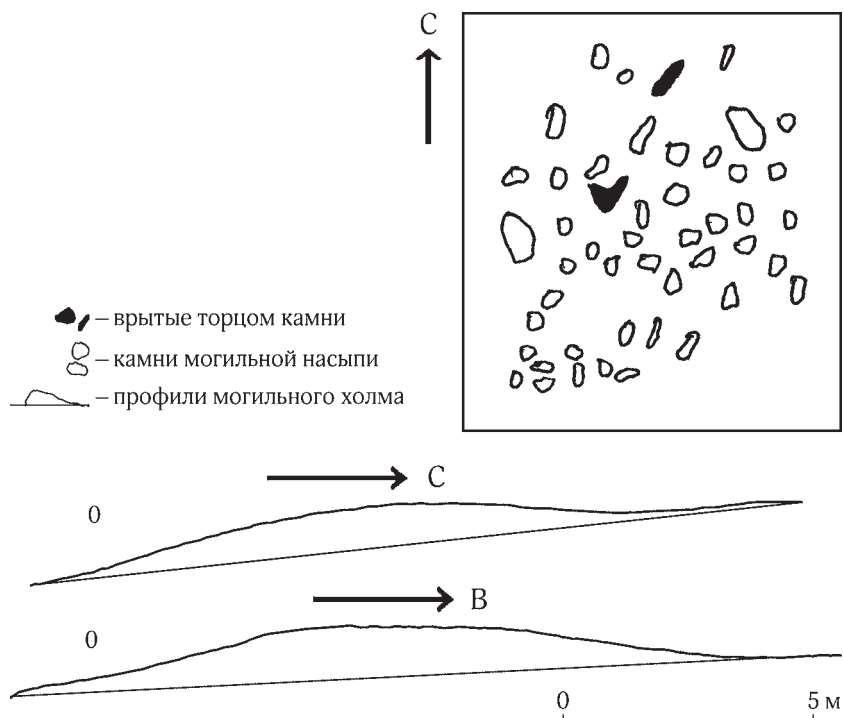

Рис. 97. Курган сопки Мечта, № 4 (по Э.В. Шавкунову)

Сопка Копыто (курган 5) (рис. 98—99)

Расположена посреди долины на правом берегу р. Кроуновка (старое название Чапигоу) почти напротив устья её левого притока р. Янцзыгоу (ныне Павлиновка. — *О.Д.*). Северо-восточный склон сопки пологий и плавно сливается с долиной. Восточный, южный и западный склоны сопки довольно крутые и трудны для подъёма. Вершина сопки Копыто плоская, вблизи её южного и западного краёв раскопано храмовое здание (позднее определённое Э.В. Шавкуновым как буддийская кумирня) [*Шавкунов Э.В.*, № 1877]. Курган сооружён, в отличие от абрикосовских

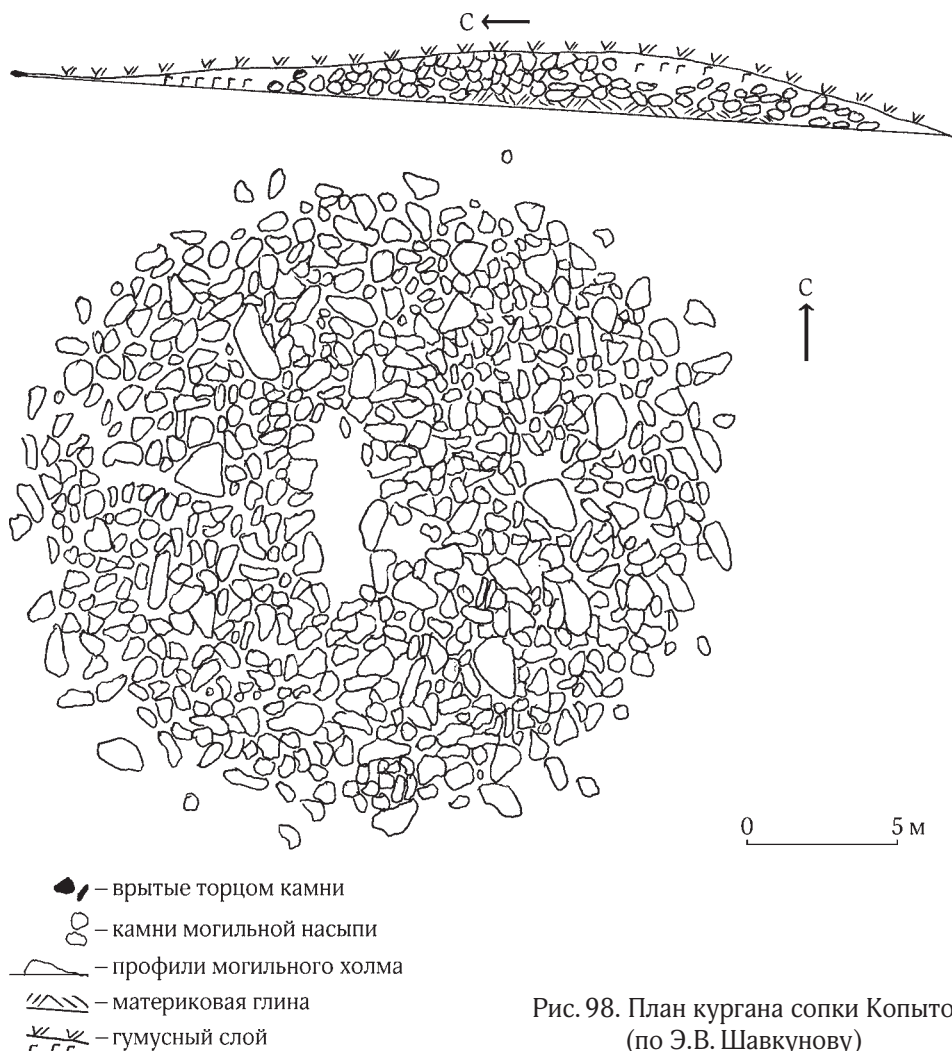

Рис. 98. План кургана сопки Копыто
(по Э.В. Шавкунову)

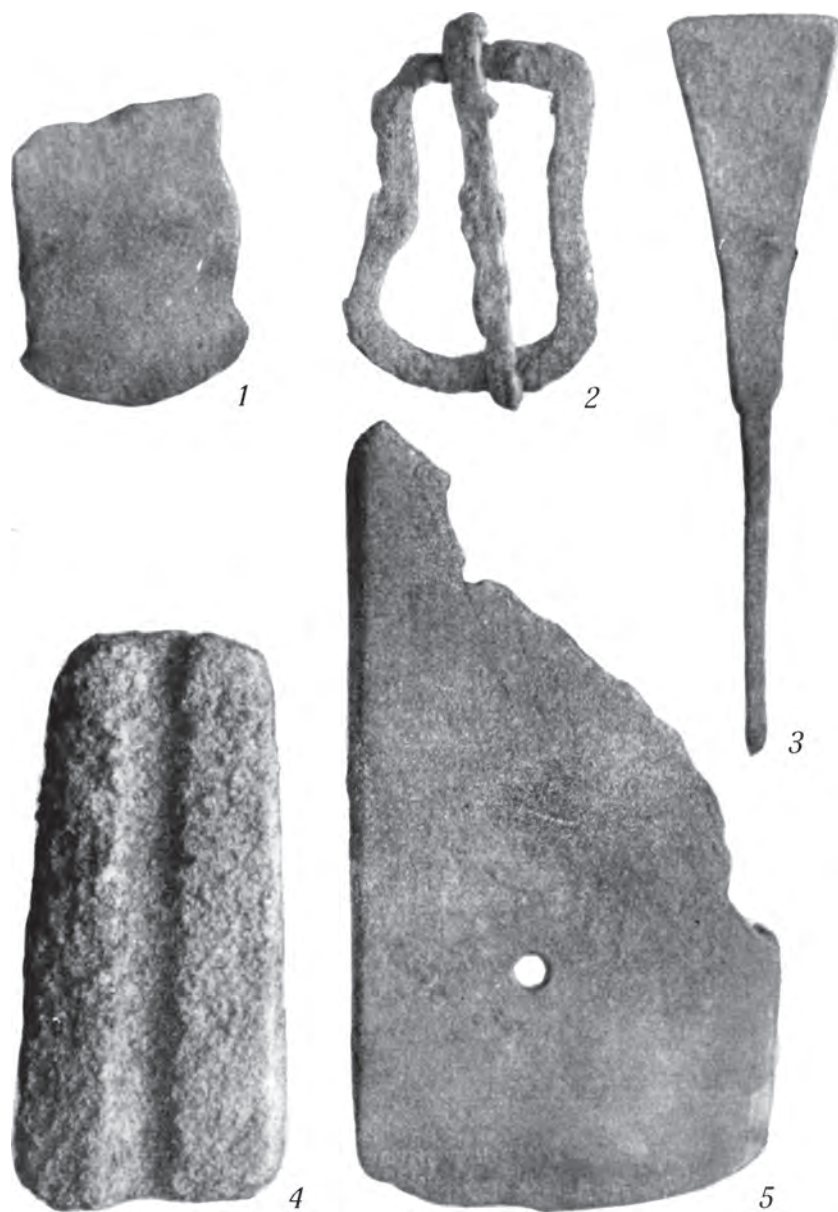

Рис. 99. Курган сопки Копыто, находки: 1 — фрагмент железного изделия, 2 — железная пряжка, 3 — наконечник стрелы, 4 — выпрямитель стрел, 5 — обломок железного втульчатого тесла. (по Э.В. Шавкунову)

курганов и кургана сопки Амфитеатр, не на гребне и не на склоне сопки, а у восточного подножия сопки Копыто.

Курган № 5. Представлял собой холм, покрытый дёрном и поросший мелким кустарником с отдельно стоящими деревьями. В плане имел круглую форму и был насыпан из рваного базальтового камня разного размера без какой-либо цементной связки. Высота кургана достигала 1,4 м, диаметр — 12 м. Курган оказался повреждён грабителями, о чем свидетельствуют выброшенные камни, продолговатая яма метровой ширины и 3,7-метровой длины, заполненная гумусом, ориентированная с юга на север и расположенная почти в центре насыпи. Каменная насыпь покоилась на материковой красно-бурой глине, что позволило автору раскопок предположить, что «...покойника клали непосредственно на поверхность земли, после чего над ним сооружалась каменная насыпь...» [*Шавкунов Э.В.*, № 1877]. Как и в случае с предыдущими курганами, в отчёте исследователь не указал, что костные остатки имеют следы температурного воздействия, но в вышедшей в 1968 г. монографии «Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье» на этот факт специально обращено внимание читателей и сделано предположение о «...наличии здесь трупосожжения». С данным заключением исследователя можно согласиться, но, как и в случае с захоронением на сопке Амфитеатр, только с принципиальной корректировкой. Поскольку следов кремации под курганом (костёр, прокал) на месте захоронения не зафиксировано, то, вероятнее всего, исследователь столкнулся с обрядом кремации на стороне с последующим захоронением сожжённых останков под курганом. При этом, как правило, вместе со сжигаемым в огонь должен попадать и сопровождавший его погребальный инвентарь, но о следах температурного воздействия на артефакты нам тоже ничего неизвестно. Из инвентаря во время зачистки и разбора каменной насыпи в различных её частях было обнаружено несколько фрагментов лепной керамики, в том числе горловина сосуда с отогнутым наружу простым венчиком со скруглённой кромкой, половинка прямоугольного втульчатого железного тесла, плоский железный наконечник стрелы с выделенным насадом треугольным пером, железная пряжка трапиевидной формы с язычком, песчаниковый выпрямитель стрел с желобком и большое количество костяной крошки (рис. 7). Расположение кургана у подножия сопки Копыто, а храмового буддийского комплекса — на самой сопке позволило Э.В. Шавкунову заключить, что «...как размеры могильной насыпи, так и её непосредственная близость от храма на сопке Копыто и позволяет предполагать, что здесь был погребён какой-то представитель бохайской знати» [*Шавкунов Э.В.*, 1968, с. 93]. Однако что касается определения культурной принадлежности кургана, то следует отметить, что диагностирующий материал отсутствует, хотя временные рамки

бытования артефактов вполне соответствуют бохайскому периоду, а аналогии с материалами копытинского храма, где однозначно присутствует бохайский материал, позволяют отнести курган к бохайской культуре и согласиться с предложенной Э.В. Шавкуновым датировкой VII в.

Выводы. Анализ материалов памятников кроуновского курганного анклава даёт возможность переосмыслить результаты исследований 50-х годов прошлого века и коррелировать их с современными концептуальными реалиями, начиная от ревизии культурной принадлежности и заканчивая интерпретационными построениями.

1. Позволяют ли археологические артефакты из курганов сопок Мечта, Амфитеатр, Абрикосовая и Копыто относить указанные памятники к бохайской культуре периода функционирования государства Бохай (698—926), и если позволяют, то по каким конкретно признакам. Напомним, что в конце 50—60-х годов прошлого века, когда Э.В. Шавкуновым исследовались и публиковались археологические материалы этих памятников, диагностические признаки бохайской культуры ещё не были разработаны. Формулирование диагностической атрибуции культуры приморского Бохая происходило постепенно и поэтапно. Стандартный набор глиняной посуды, который удалось разработать только в 70—90-е годы прошлого века, включал три технологически разные категории керамики: лепные сосуды мохэского типа (аборигенные признаки), доработанные на круге бохайские горшки когуреского происхождения (государственные признаки), круговая сероглиняная танская керамика (эпохальные признаки) [Дьякова, 1993, с. 133; Дьякова, 1994, с. 17; Dyakova, 1988, с. 221—233]. Стандартный набор изделий из цветного металла, представленный амурскими и тюркскими типами поясной гарнитуры и комбинированными серьгами, был выделен только в 1990—2000-е годы [Дьякова, 1998, с. 117]. Градостроительная атрибутика Бохая формировалась с конца XIX в., активно прорабатывалась Э.В. Шавкуновым и его учениками в 60—70—80-е годы прошлого века, но сформулирована была только в 2000-е годы. Она включает каменные крепости когуреских традиций, квадратные городища танских традиций и бохайские геометрические укрепления с каменно-земляной облицовкой валов [Государство Бохай, 1994, с. 56; Болдин и др., 1990, с. 25; Болдин, 2002, с. 181—185; Завердюк, 2007, с. 185; Дьякова, 2009, с. 133; Дьякова, 2014, с. 235—238]. Погребальная атрибутика, из-за малого количества памятников, не выделена и до сих пор находится на стадии накопления источников.

Из всей диагностирующей бохайскую культуру атрибуции в данном курганном анклавe содержится только одна — керамическая посуда мохэского

и бохайского типов, обнаруженная в кургане № 2 сопки Абрикосовая. Остальные объекты либо содержат эпохальный материал, позволяющий датировать памятник и устанавливать военно-экономические связи, либо совсем лишены артефактов (в том числе по причине разграбленности). Принадлежность перечисленных курганов к бохайской культуре Э.В. Шавкунову пришлось доказывать косвенным путём — через материалы храмов (кумирен), в которых обнаружен комплекс бохайских диагностирующих артефактов, или, при отсутствии материала, как в курганах сопки Амфитеатр, Абрикосовая (курган № 3), Мечта, опираться только на внутреннее типовое сходство курганных насыпей долины р. Кроуновка. Следует отметить, что вывод исследователя о принадлежности курганов бохайской культуре вполне выдержал проверку временем, хотя доказательная база содержит массу изъянов и умозрительных допусков.

2. Как показал анализ исходных источников, однозначно можно признать на курганных памятниках сопки Амфитеатр, Абрикосовая, Мечта, Копыто наличие каменной подпрямоугольной насыпи, крупные базальтовые камни которой имели иногда подтёску, обряд кремации на стороне с последующим захоронением сожжённых останков под курганом на горизонте, т.е. без могильной ямы, возведение подкурганной подпрямоугольной каменной оградки из торцом поставленных базальтовых плит, сопровождающий немногочисленный (разграбленный?) погребальный инвентарь (должен иметь следы огня, но это остаётся неизвестным). Перечисленные выше детали курганов сопки Амфитеатр, Абрикосовая, Мечта, Копыто долины р. Кроуновка находят себе ближайшие аналогии среди поминальных сооружений древних тюрок, берущих свои истоки, как доказано в настоящее время, в индоевропейских культурах эпохи бронзы — афанасьевской, андроновской, карасукской, тагарской, скифской [Киселёв, 1951; Кызласов Л.Р., 1958; Савинов, 1981]. В доскифских культурах оградки являются ограждением могилы, в скифское время они приобретают самостоятельное значение и сооружаются для проведения обряда поминовения (шумракский этап), у тюрок-тюгу оградка приобретает законченные черты поминального объекта с чётко разработанным каноном, по которому строятся сооружения такого типа на протяжении нескольких веков [Овчинникова, 1992, с. 206—208]. Древнетюркские поминальные сооружения (каменные оградки) всегда связаны с каменными изваяниями (стелами, валунами, вертикально поставленными камнями-балбалами), стоящими с восточной стороны оградок. «Сами же алтайские оградки почти одинаковы по размерам и сооружены по одному принципу. Это подквадратные или прямоугольные в плане площадки, образованные поставленными на ребро плитами. Внутри оградок, как правило, каменная заброска из крупных валунов или мелкой гальки» [Кубарев, 1979, с. 135—160].

По характеристике приморские оградки курганов долины р. Кроуновка наиболее близки юстыдскому типу оградок. Они одиночные, но различаются по внутреннему содержанию. Выявить традиционный культовый набор из сопровождающего погребального инвентаря в нашем случае сложно. Нож, обнаруженный в кургане сопки Амфитеатр, вполне может ассоциироваться с мясом как культовой едой, железная пряжка — с лошадиным снаряжением, наконечник стрелы, выпрямитель для стрел из кургана сопки Копыто — с воинскими атрибутами, керамические сосуды — с жертвенной посудой, набор бус — с высоким социальным статусом погребённого. Но в целом такая расшифровка — дело будущего, поскольку требует проверки на массовых источниках. В настоящее время можно только констатировать, что курганы долины р. Кроуновка сопровождалась каменными оградками, традиция возведения которых заимствована бохайцами из древнетюркских поминальных памятников, несущих, в свою очередь, индоевропейский след.

3. Наконец, необходимо выяснить, как курганные объекты долины р. Кроуновка коррелируют с современными классификационными системами бохайских некрополей других территорий, в частности северо-восточного Китая. Кроме каменных оградок в раскопанных бохайских курганах Э.В. Шавкунов предположил наличие внутрикурганной погребальной камеры: «...с помощью специально обработанных плит для покойного, или во всяком случае его останков, сооружалась, как это можно предполагать на основании внешнего вида ямы от выбора насыпи в первом захоронении, специальная камера наподобие продолговатого ящика, а возможно даже и в виде небольшого склепа, как это имеет место в некоторых захоронениях бохайского времени в долине р. Муданьцзян» [Шавкунов Э.В., 1968, с. 89]. Действительно, известно, что каменные склепы возводились в Бохае. Китайскими археологами разработана типология бохайских погребальных комплексов, куда входят: 1) земляные могилы, соотносимые с традиционными мохэскими добохайскими или раннебохайскими захоронениями, редко встречающимися в средний и поздний периоды; 2) деревянные и каменные саркофаги, характерные для раннего и среднего периодов Бохая, где деревянные саркофаги сопоставляются с мохэскими традициями, а каменные («камни навалом») — с когурёскими традициями [Ли Дяньфу, 1987; Лю Сяодун, 2006]; 3) склепы (каменные и кирпичные), часто встречающиеся в поздний период. Как видим, предложенная Э.В. Шавкуновым реконструкция, если она имела место, наиболее сопоставима с каменными саркофагами когурёского происхождения, что вполне соответствует среднему периоду Бохая.

4. И наконец, кто захоронен в бохайских курганах долины р. Кроуновка? По предположению Э.В. Шавкунова, в кургане на сопке Копыто был

погребён какой-то представитель бохайской знати. В «Полном маньчжурско-русском словаре» Ив. Захаров отмечает, что Бохай при танской династии постоянно отправлял своих учеников в Китай для изучения языка и литературы, приобретения книг. Только в 831 г. в Бохай из Китая вернулось после обучения 150 человек. «История свидетельствует, что учение это не осталось бесследно: они заводили во всякой деревне училище, называя его храмом, и не позволяли вступать в брак прежде, чем молодой человек не научится грамоте и стрельбе из лука. В книжном учении они доходили до высокой степени совершенства, умели не только читать, но и сочинять книги изящно и красноречиво и писать стихи по-китайски» [Матвеев, 1929, с. 28]. Кто знает, может быть, именно эти сподвижники просвещения здесь упокоены.

3.3. ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ КАМЕННЫЙ СКЛЕП У с. БОГОПОЛЬ

История Приморья XV—XVII вв., как и всего российского Дальнего Востока, малоизвестна не только широкому кругу читателей, но и специалистам. Письменных источников по данному периоду сохранилось немного. Большая их часть написана на китайском языке и для российских исследователей затруднительна. Русскоязычные свидетельства появились достаточно поздно, только с началом освоения первопроходцами дальневосточных земель, т.е. на заключительной стадии этого «тёмного периода». Представлены они различного рода «скасками», «распросными речами», записками, содержащими, как правило, сведения о путях продвижения первопроходцев, транспортных системах в регионе, характере аборигенного населения, его быте и местах расселения. Очевидно, что этого явно недостаточно для объективной реконструкции исторических реалий того времени. Поэтому сегодня мы располагаем только фрагментами исторической канвы того периода, сотканными в разное время усилиями многих специалистов — востоковедов, историков, этнографов, лингвистов [Васильев, 1857, 1863; Палладий и Попов, 1888; Рудаков, 1902; Бантыш-Каменский, 1882; Дайцин и тунчжи, цз. 43—48; Горский, 1852; Дополнение к актам историческим, 1848, 1846; Мелихов, 1966, с. 113—114; Лебедева, 1957, с. 69—110; Долгих, 1959; Соловьёв, 1973, с. 281]. Понятно, что для воссоздания достоверной версии исторической ситуации необходимо задействовать весь корпус разнородных источников — нарративных, археологических, лингвистических, этнографических. Но прежде их

необходимо выявить, что представляет определённые трудности и требует значительных временных затрат. Ситуация усугубляется укрепившимся в сознании исследователей впечатлением, что XV—XVII века в истории российского Дальнего Востока малоинтересны, скучны и, увы, достаточно примитивны, так как после монгольского нашествия тунгусо-маньчжурские аборигены были угнаны в другие места, преимущественно в Маньчжурию, а Приморье и Приамурье оказались слабозаселёнными и, будучи отодвинутыми на обочину мировой и региональной истории, в исторических перипетиях не участвовали. Авторы, со своей стороны, намерены ввести в научный оборот новый вид источников — археологический, позволяющий экстраполировать его на письменные исторические свидетельства и реконструировать отдельные исторические моменты.

НЕКРОПОЛЬ БОГОПОЛЬ

(рис. 100—108, ил. 31)

В 2003 г. при проведении Амуро-Приморской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН разведочных изысканий в Восточном Приморье в долине р. Зеркальная (Тадуши. — О.Д.) житель с. Богополь Андрей Фролов показал автору данной работы объект, который назвал «печью», куда они в детстве лазили и находили железные наконечники стрел и бронзовые украшения.

Объект располагался в 2 км к западу от с. Богополь (Кавалеровский район, Приморский край) на надпойменной террасе левого берега р. Зеркальная, окаймлявшейся с востока сухим ручьём, а с юга — дорогой и рекой. Поверхность террасы поросла вторичным лесом, была достаточно ровной, плавно понижаясь в сторону реки. Край террасы срезан дорогой [Дьякова, № 24041, с. 40—48].

Описание объекта. Первичный осмотр памятника, казалось, подтверждал определение местных жителей, что перед нами гончарная печь, сходная по внешнему виду с той, что раскопана в 1999 г. В.И. Дьяковым на поселении Петровка-5 в южном Приморье (Шкотовский район) [Дьяков, Дьякова, Сакмаров, 2002, с. 193—204].

Среди высокой травы едва просматривалась куполообразная каменная постройка с двумя зияющими провалами (с южной и северной сторон) в виде оскаленной пасти зверя (рис. 101). В плане купол имел форму правильного круга диаметром 4,5 м. Высота купола превышала 1 м. Внешняя поверхность объекта была задернована. При проведении раскопок под дёрном обнажилась насыпь, состоявшая из щебня, скальных обломков и суглинка.

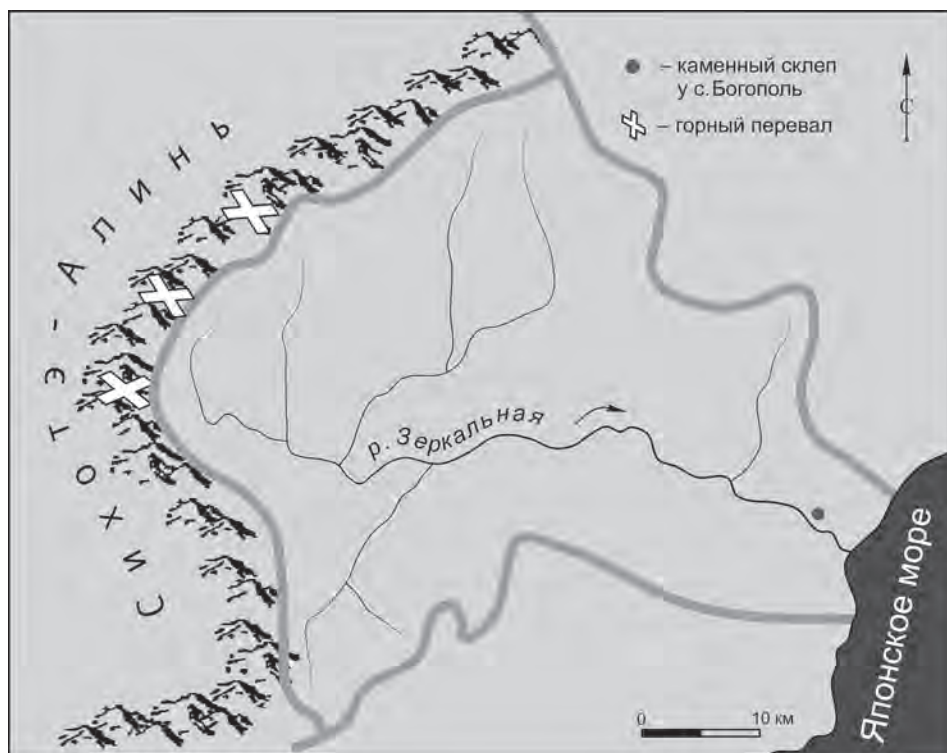
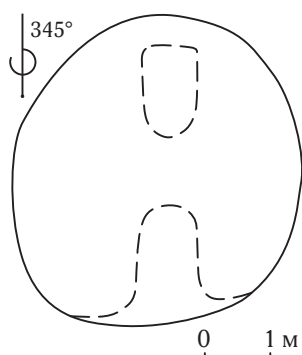

Рис. 100. Карта бассейна р. Зеркальная

Выяснилось, что уцелели только верхняя часть купола и боковые своды, под которыми оказался каменный ящик прямоугольной формы, заполненный рухнувшей насыпью и камнями.

Свод. Купол постройки был выложен из камня в виде арки. Камни имели разные размеры — от 10 до 35—40 см. Арочная техника кладки свода требовала помимо прямоугольных камней использовать каменные клинья, загонявшиеся между ними.

Основание каменного свода покоилось на горизонтально выложенных плоских камнях, являвшихся своего рода фундаментом (рис. 102).

Каменный ящик. Ниже фундамента, удерживавшего свод, находился каменный ящик прямоугольной формы размером 303×100 см (рис. 103).

Рис. 101. План каменного склепа у с. Богополь (внешняя поверхность)

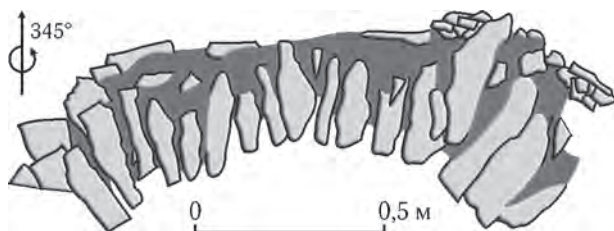

Рис. 102. Каменный склеп
у с. Богополь
(план арочного свода)

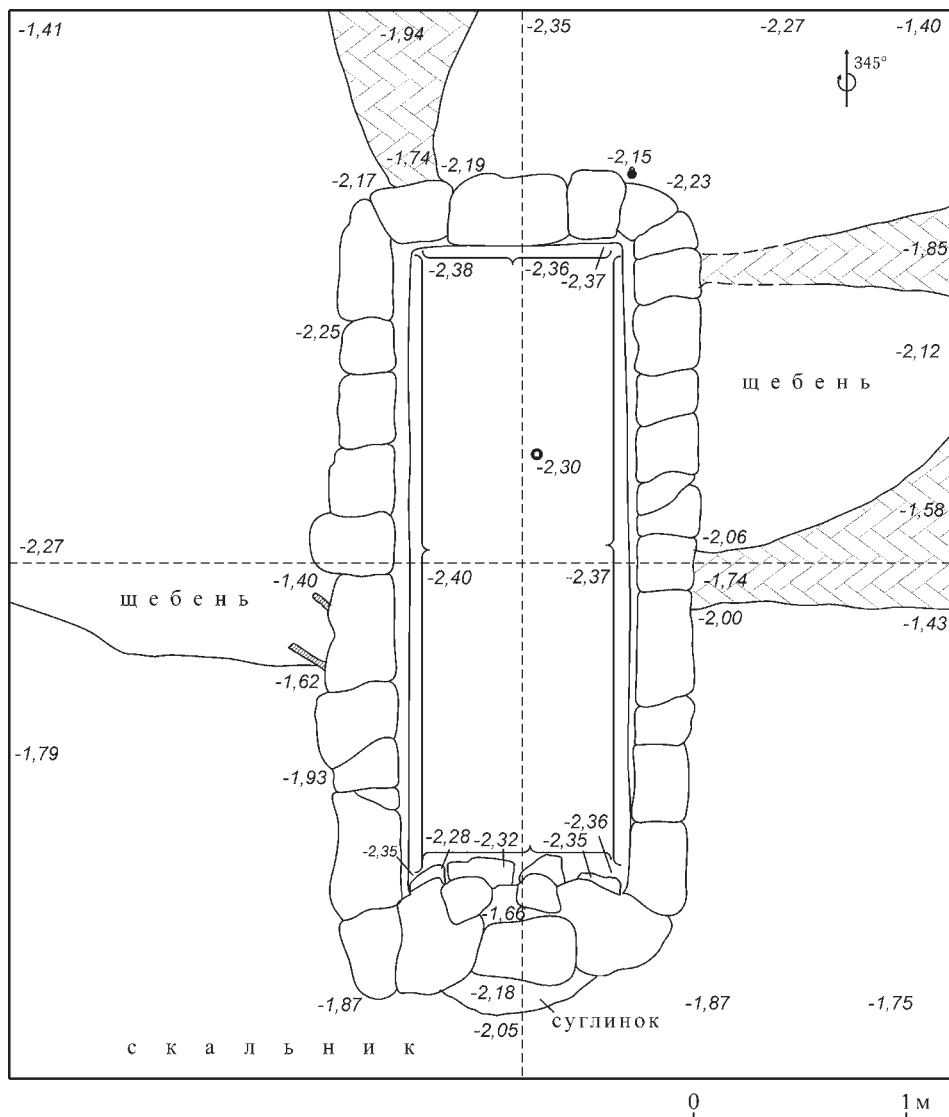

Рис. 103. План каменного склепа у с. Богополь

Восточная стенка. Возведена из плотно уложенных камней с плоскими сторонами. Длина стены 303 см, высота — 82 см (рис. 104). Стенка практически вертикальная, и из-за отсутствия цементной связки камни плотно подгонялись друг к другу, образуя гладкую поверхность.

Высота нижнего ряда камней, являвшихся основанием стены, составляла 40 см. В него входило 6 камней, размер которых достигал 70—98 см. Следующие два ряда камней — второй и третий — сложены из камней прямоугольной формы меньшего размера — 40—67 см. Четвёртый по высоте ряд состоял из 10 камней, выравнивавших верхнюю линию стены до идеально горизонтального положения.

Западная стенка (рис. 8). Длина 301 см, высота 82 см. Сложена из 6 каменных рядов. Нижний ряд, являвшийся основанием стенки, сложен из крупных валунов с гладкой поверхностью. Второй ряд тоже возведён из крупных камней. В нем сооружена подпрямоугольная ниша размером 30×18 см и глубиной 10 см (рис. 105). Ниша условно названа

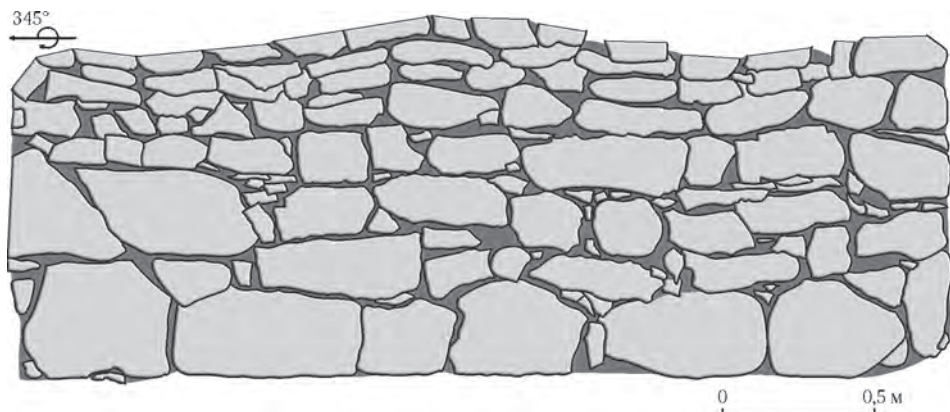

Рис. 104. Восточная стенка каменного склепа у с. Богополь

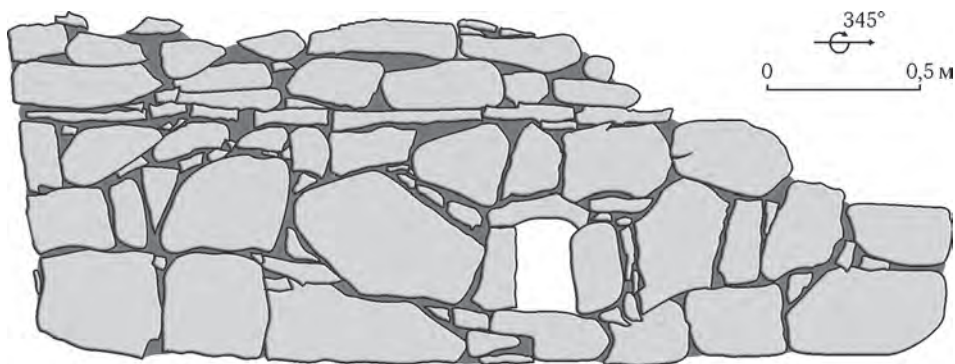

Рис. 105. Западная стенка каменного склепа у с. Богополь

«алтарь». Третий по высоте ряд, состоявший из камней разного размера, уложен так, что его верхний край представлял собой ровную горизонтальную поверхность, на которую помещено 7 плоских камней (плиток) толщиной 5—7 см для дополнительного выравнивания поверхности линии стены. Далее на них возведено ещё два ряда камней среднего размера — 30—40 см. Верхняя поверхность западной стены оказалась неровной вследствие более поздних разрушений, особенно в северной части, где был сделан лаз для проникновения в могилу. Ниша в западной стене и камни во многих местах сохранили следы огня в виде красных и чёрных прокалов. При беседе с местными жителями выяснилось, что это следы от их посещений склепа.

Северная стенка (рис. 106). Значительно разрушена. Длина стены 100 см, высота 78 см. Нижний ряд сложен из двух крупных камней, над которым сохранилось ещё два ряда камней разного размера. Верхняя часть стены разрушена.

Южная стенка (рис. 107). Имеет значительные поздние повреждения. Длина стенки 100 см, высота сохранившейся части — 90 см. На стыке с восточной стенкой 3 ряда камней и, частично, четвёртый ряд. Выше стенка разрушена.

Дно каменного ящика. Поверхность дна каменного ящика ровная, с небольшим уклоном к северу, состояла из серо-зелёного суглинка без какой-либо каменной кладки.

Котлован и устройство стен. До возведения каменного ящика заранее был вырыт котлован, глубина которого равнялась высоте каменных стен ящика. При возведении каменных стен снаружи с восточной

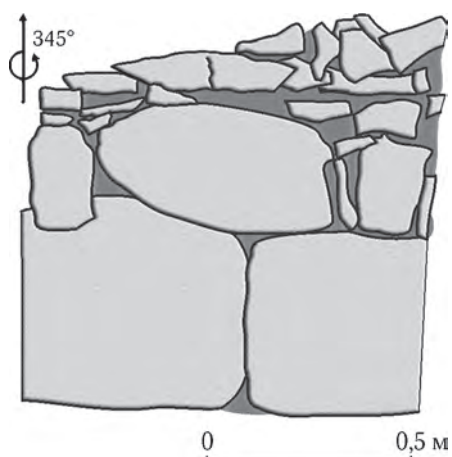

Рис. 106. Северная стенка каменного склепа у с. Богополь

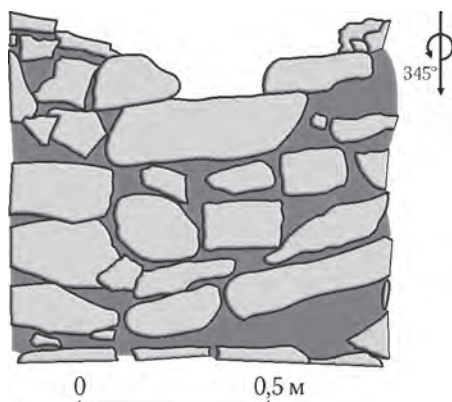

Рис. 107. Южная стенка каменного склепа у с. Богополь

и северной сторон сделаны три насыпи из ломаного камня, использовавшиеся в качестве дополнительных подпорок, поддерживавших каменные стенки. Одной стороной три насыпи упирались в стенку котлована, другой — в каменные стенки ящика, чтобы последние не завалились.

Инвентарь. При разборке каменного и щебенистого завала, оказавшегося внутри каменного ящика, были обнаружены бронзовые бубенчик и монета.

Монета круглой формы с квадратным отверстием. Диаметр монеты 2,6 см. Согласно определению А.Л. Ивлиева, это маньчжурская монета Шунь чжи (1641—1661 гг.) (рис. 108).

Бубенчик круглой формы с круглой петелькой сверху. Длина бубенчика 2 см, диаметр — 1 см (рис. 108). Подобные бубенчики в форме дракончиков и лягушек, но более крупного размера, широко бытовали в средне-

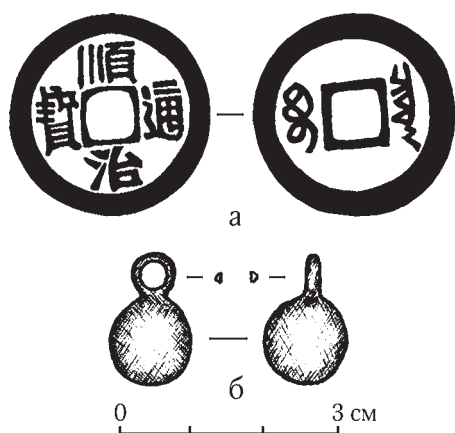

Рис. 108. Инвентарь каменного склепа у с. Богополь: а — монета; б — бубенчик

вековых культурах Дальнего Востока в I — нач. II тыс. н.э. — мохэской, бохайской, амурских чжурчжэней [*Памятники истории и культуры Приморского края*, 1991, с. 226; *Медведев*, 1977, с. 47—101; *Деревянко*, 1975, с. 17—203; *Дьякова*, 1998, с. 204; *Дьякова*, 2014, с. 318].

Бубенчики нашивались на одежду тунгусо-маньчжурскими этносами Приморья и Приамурья и в этнографическое время. В Китае подобные украшения используют для отпугивания злых духов до сих пор и нашивают на обувь, кошельки, одежду.

Выводы. Раскопки каменного склепа у с. Богополь показали, что данный объект построен, согласно обнаруженной в нем маньчжурской монете Шунь чжи, в XVII в. Такие монеты выпускали с 1641 г. по 1661 г., что приходится на время становления и укрепления Маньчжурского государства, основанного чжурчжэнем Нурхаци. Выявленные археологические данные — одиночность и обособленность захоронения на возвышенности, устройство каменного склепа, арочный свод усыпальницы, неаборигенность погребальных традиций — выдают явную несвязанность погребённого с тунгусо-маньчжурским населением долины р. Зеркальная (Тадуши). Время возведения склепа в XVII в. позволяет экстраполировать эти факты в исторический контекст следующим образом: появление

каменной усыпальницы с арочным сводом у с. Богополь — печальный результат одного из военных походов Маньчжурского государства в Приморье с целью захвата и насильственного угона родственного тунгусо-маньчжурского населения в Дунбэй. Сейчас невозможно установить, кем был человек, нашедший свой последний приют в приморской земле. Понятно лишь одно, что поход для него закончился трагически и случилось это, судя по характеру выкопанного котлована и каменной кладке, не зимой, а летом или осенью. К сожалению, до нас не дошли наконечники стрел и предметы из алтарной ниши, предназначенные для сопровождения души человеческой в мир иной. Но они, по свидетельству местных жителей, были. Поскольку алтарная ниша располагалась в северной части западной стенки склепа, можно думать, что погребённый был захоронен головой на север. Северная же ориентация соответствует погребальным традициям монголов. Последние, как утверждают китайские хроники, тоже входили в состав войск Маньчжурского государства, в том числе в качестве самостоятельных отрядов.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ КУРГАНОВ ПРИМОРЬЯ (вместо заключения)

На фоне многочисленных детальных исследований древних курганов степного пояса Евразии и стран Дальнего Востока российское Приморье выделяется «белым пятном», где о древних и средневековых курганных некрополях мало что известно. Сооружались ли подобные объекты вообще в Приморье или эта территория по каким-то причинам оказалась вне зоны курганных погребальных традиций и выпала из общего исторического контекста? Повлиял ли на приморские культуры процесс формирования скифо-сибирского единства с его курганными традициями, когда на всём Евразийском пространстве в I тыс. до н.э. преобладало индо-иранское население, значительно преобразившее весь окружающий мир и продвинувшее вперёд этно-социально-политико-экономическое племенное устройство до предгосударственного уровня? Картирование курганов Приморья, выявление их ареальной приуроченности, ландшафтной привязанности, времени сооружения, установление типового разнообразия, культурной и этнической составляющей позволяет не только поставить проблему, но и положить начало её реализации, выявив периодизацию курганных культур и наметив основные аспекты их происхождения: аборигенное или заимствованное.

В настоящее время по архивным и опубликованным источникам удалось выявить 42 курганных некрополя: Никольский, Борисовский, Сергеевский, Сучанский, Богуславский, Кокшаровский, Шмидтовский, Полтавский, Кроуновский, Абрикосовский, Де-Фриз, Тереховский, Старокаменский, Батюкинский, Фурмановский, Валентиновский, Покровский, Отрадненский, Песчаное-1, Попова, Михайловский, Козаковский, Монастырка-III, Петровка-9, Петровка-2, Петровка-3, Соколовский, Чернятино-5, Рудниковский, Тавричанский, Украинка-9, Монакинский, Шайгинский, Крабе,

Монастырский, Богопольская гробница и др. К сожалению, большинство некрополей не обследованы и по ним нет никакой информации, кроме кратких сведений о географической привязке. Для составления периодизационной схемы в качестве опорных памятников использованы стационарно исследованные курганные некрополи: Никольский, Борисовский (раскопки Ф.Ф. Буссе), Валентиновские (раскопки Г.И. Андреева, Ж.В. Андреевой), Петровка-9 (раскопки В.И. Дьякова, Н.Б. Леоновой), Дворянка-1 (раскопки Н.А. Ключева), Соколовские (раскопки И.Ю. Слепцова), Чернятино-5 (раскопки Ю.Г. Никитина), Монакино (раскопки Н.Г. Артемьевой), Монастырка-III (раскопки В.И. Дьякова, О.В. Дьяковой), гробница Богополь (раскопки О.В. Дьяковой), Тавричанка (раскопки В.И. Дьякова). Картирование выявленных материалов показало, что Приморье вполне вписывается в общеисторический контекст и курганные некрополи возводились здесь в разные эпохи.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Самые древние курганные памятники, обнаруженные в Приморье, относятся к эпохе *раннего железного века* и датируются I тыс. до н.э. Пять стационарно исследованных памятников позволяют провести их культурную идентификацию. Четыре курганных некрополя (Лазовский, Валентиновский, Соколовский, Петровка-9) принадлежат янковской культуре, датируемой I тыс. до н. э. Один памятник (Дворянка-1) интерпретирован как культура типа Лютинтун и датирован концом II — началом I тыс. до н.э. [Ключев, 2013, с. 64—70].

Янковская культура

Изначально памятники янковской культуры были введены в научный оборот как памятники «культуры раковинных куч», так как в раскопанных жилищах оказалось много раковин устриц, японского гребешка, рапанов, мидий и прочих остатков морепродуктов. Позднее по разным причинам культура несколько раз переименовывалась: южно-приморская (Г.И. Андреев), сидеминская, урило-сидеминская (А.П. Окладников). Осенью 1972 г. на конференции, проходившей в г. Владивосток, было принято решение называть культуру янковской по имени одного из первых её исследователей Михаила Ивановича Янковского.

География янковской культуры тяготеет преимущественно к южной части Приморского края, особенно к Амурскому и Уссурийскому побережьям. Выяснено, что хозяйство янковской культуры было комплексным:

обнаружены признаки земледелия (просо, ячмень), скотоводства (корова, свинья, собака), охоты, собирательства, морского и прибрежного промысла (мореходы). Янковцы обладали высокоразвитой яркой материальной культурой: жили в четырёхугольных полуземлянках каркасного типа; изготавливали великолепную глиняную посуду амфоровидной, горшковидной форм, миски, чаши на колоколовидном поддоне (сосуды типа доу для мяса), украшенные плоским (лощёным, крашенным в малиновый и чёрный цвета), врезным (прочерченным геометрическим, в том числе меандровым) и выпуклым (налепным, инкрустированным) орнаментом; производили прекрасные каменные изделия: шлифованные наконечники стрел, прямоугольные в сечении топоры и долота, ножи, наконечники копий, кинжалы, имитировавшие бронзовые предметы, разнообразные и многочисленные костяные изделия: иглы, проколки, украшения, знали железные орудия (кельты), активно контактировали с окружающим миром (обнаружена монета ханьского времени). О погребальном обряде янковцев известно мало, зафиксированы факты захоронений в старых жилищах и под жилищами в неглубоких могилах, иногда выложенных камнем, с положением на спине и головой на юг (Чапаево-17, Зайсановка-7, Поспелово-1). Происхождение янковской культуры окончательно не выяснено. Существует две точки зрения: а) формирование культуры происходило на местной основе и продолжало традиции неолита и эпохи бронзы; б) культура имеет пришлый характер. В последние десятилетия XXI в. отмечается усиление второй позиции.

Появление у янковцев курганных некрополей в достаточно сложившемся и устоявшемся виде тоже указывает на их заимствование. Важно выяснить — откуда. Для этого кратко суммируем основные параметры выявленных курганных традиций. Курганные некрополи янковской культуры представлены: большими курганными полями (Петровка-9, Соколовские); небольшими курганными группами (Петровка-9, Валентиновские, Лазовские); одиночными курганами (Петровка-9).

По ландшафтной привязанности курганы преимущественно долинные, реже склоново-сопочные, что, вероятно, обусловлено длительной эксплуатацией данной территории как погребального объекта. На отдельных участках курганных полей прослеживается внутренняя структура в виде родовых кладбищ.

Курганы в плане были круглыми или подквадратными, в разрезе повторяли форму шатра или юрты. Такие факты указывают на заимствование курганной традиции из кочевых культур.

Архитектура курганов достаточно стандартная: выравнивалась и размечалась площадка, затем создавалась «подушка», служившая платформой основания кургана. В этом случае курган окольцовывался ровиком,

из которого брали материал для «подушки». В некоторых случаях под насыпью располагался круг (3,5×3,2 м) из вдавленных в почву камней, соответствовавший первоначальному размеру основания кургана. Внутри каменного круга встречались отдельные древесные угольки. Связаны ли они со способом погребения, например кремацией умершего, или с какими-то другими обрядовыми действиями, например с каменными оградками, ещё предстоит выяснить. Но не исключено, что каменный круг и камни, торцом вдавленные в почву, первоначально, видимо, являлись деталями разметки кургана. Во многих курганах на уровне подушек устраивались могильные прямоугольные (подпрямоугольные) углубления размером 1,8—1,6×1—0,8 м, ориентированные длинной стороной, как правило, северо-восток — юго-запад, в нескольких случаях содержавшие костные остатки человека. Поверх могильного углубления сооружалась каменная или каменно-почвенная насыпь. Камни доставлялись как с близлежащих сопок, так и из русла реки. На многих камнях сохранились признаки нагрева и следы копоти. Оформление курганов завершалось установкой на вершинах каменных стел в виде подпрямоугольных или овальных глыб, иногда с небольшой подработкой сторон, но всегда без претензий на антропоморфные или зооморфные изображения. Выявлены три типа захоронений: а) в могильных углублениях; б) на горизонте; в) в склепе. Прослежены три способа захоронения: ингумация, подхоронение в курганный насыпь, кремация. Сопровождающий погребённого инвентарь залегал, как правило, в нижней части курганной насыпи, он был достаточно скромнен и включал: *лепные сосуды* амфоровидной, горшковидной, чашевидной форм с *плоским* орнаментом в виде окрашенной в малиновый цвет внешней поверхности; с *врезным* орнаментом в виде горизонтально прочерченных геометрических конфигураций; с *выпуклым* орнаментом в виде наlepных треугольных в сечении горизонтальных валиков; *пряслица* трапециевидной в сечении формы с выделенной укороченной шейкой; *каменные орудия*, преимущественно галечные (плечиковые мотыги, скребловидные изделия). Шлифованные изделия, традиционные для янковской и лидовской культур, в петровских, наиболее исследованных, курганах не встречены.

Жертвенными животными, видимо, являлись: *собака* (её челюсть обнаружена в кургане 10 некрополя Петровка-9); *кабан* (встречена каменная скульптура); не исключено, что *лошадь* (в кургане № 9 некрополя Петровка-9 зафиксирована лошадиная «бабка») — хотя она могла служить фигурой игры в «бабки». В любом случае это чрезвычайно важный факт. Считалось, что впервые лошадь в Приамурье появляется в польцевской культуре, а широкое распространение получает в мохэской культуре.

Кости человека. Фрагменты костей человека (трубчатые, тазовые, позвонки, фаланга), встреченные в ряде курганов, могли бы дать важную информацию. Костный материал древних памятников в условиях Приморья сохраняется плохо. Поэтому обнаруженные в курганах кости человека имеют особую ценность и чрезвычайно важны как источник для определения этнического состава древнего населения. Весь остеологический материал для молекулярно-генетической экспертизы передан в 2007 г. А.С. Пилипенко, но результаты, к сожалению, до сих пор не получены.

Вывод. Появление каменных курганных насыпей в Приморье в эпоху раннего металла, и в частности каменных кругов, позволяет полагать, что истоки этой традиции уходят в Центральную Азию и Южную Сибирь, в культуры кочевников. По времени это совпадает с периодом формирования скифо-сибирской общности, представленной преимущественно индоиранским населением. Каменные круги с определённым количеством камней характерны именно для этой эпохи. Геометрический стиль орнаментации, в частности меандр, отдельные формы сосудов тоже подтверждают воздействие западных традиций. Изначально для янковских захоронений традиционным считается помещение умерших под пол заброшенных жилищ по обряду ингумации с положением погребённого на спине и ориентировкой головы на юг. Захоронения совершались в неглубоких, иногда выложенных камнем могильных ямах. Погребальным инвентарём служили вещи повседневного пользования: бусы, каменные подвески, топоры, пряслица, сосуды, а не специально созданные сакральные изделия. Кроме одиночных захоронений встречались и коллективные (Чапаево).

Появление курганов в янковской культуре свидетельствует о внедрении новой погребальной традиции. Для Дальнего Востока с древности характерны стационарные жилища типа землянок и полуземлянок, для которых в земле выкапывался котлован. Это означает, что у дальневосточного населения до этого времени не было запрета на «ковыряние» земли. Зато такой запрет существовал у степных этносов, в первую очередь у кочевников. Они пользовались наземными жилищами (юртами и пр.), что соответствовало их форме хозяйства, не позволявшей «царапать лицо матери», отождествлявшейся с землёй. Как видим, в эпоху палеометалла в I тыс. до н.э. в Приморье появляются насыпные каменные курганы, повторяющие форму шатра и возведённые над слабыми (почти условными) углублениями. Это позволяет предполагать, что данный факт отражает момент появления принципиально нового погребального обряда, заимствованного у кочевых племён Центральной Азии и Южной Сибири

скифо-сибирского круга, не исключено, что опосредствованно, через забайкальские культуры. Заметим, что запрет на «ковыряние» земли дожил у монголов, хакасов, тувинцев, т.е. у монгольских и тюркских народов, почти до наших дней. У тунгусо-маньчжурских этносов такого запрета не было никогда. Закономерность появления и распространение курганов очень точно обозначил Н.Я. Мерперт: «Курганы являют разительный контраст погребальному обряду раннеземледельческих обществ, где мёртвые оставались в пределах своего посёлка, даже своего дома... В степи же курганы являются определённой закономерностью, обусловленной и естественными, и психологическими предпосылками. Здесь курганы насыпались в самые различные периоды и самыми различными племенами, с древнеямских до половецких и татарских — во времени, от монгольских на востоке до гшннских на западе и южно-нубийских на юге — в пространстве» [Мерперт, 1974, с. 84]. Подобная закономерность характерна и для янковской культуры, хорошо знакомой с земледельческим производством, когда для неё традиционными были захоронения в жилищах, но в определённый момент она испытала сильное влияние кочевых культур, что проявилось в виде смены погребального обряда и внедрения курганов.

Культура типа Лютинтун

Культура типа Лютинтун провинции Цзилинь (КНР) представлена одним курганным памятником — Дворянка-1, датированным по радиоуглеродному анализу концом II — началом I тыс. до н.э. [Клюев, 2013, с. 64—70]. Данный объект представлял собой каменный курган, захоронение в каменном ящике, каменную вымостку с грунтовой могилой. Этнокультурная атрибуция данного объекта и определение его места в приморской археологии пока не установлены. Остаётся неизвестным, связан ли данный памятник с местными культурами этого времени — синегайской, янковской, лидовской или он является автономным объектом, появившимся здесь в силу каких-то обстоятельств. Вписывается ли раскопанный каменный ящик типологически и хронологически в аналогичные объекты сопредельных территорий, в первую очередь Бурятии, Забайкалья, Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, тоже предстоит выяснить. Полагаем, что сама культура *Лютинтун* является аналогом сибирско-центральноазиатских культур, но только с китайским названием.

Вывод. Предварительно данный объект можно оценить как интересный и перспективный для исследования памятник, требующий тщательного и всестороннего анализа.

ФИНАЛЬНЫЙ ЭТАП РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Польцевская культура

Следующей культурой, отмеченной возведением курганов, является польцевская культура, завершающая ранний железный век и датируемая второй половиной I тыс. до н.э. — IV в. н.э.

Польцевская культура — одна из самых загадочных и важнейших культур Дальнего Востока, принявшая активное участие в формировании ряда этносов региона. Памятники польцевской культуры занимают достаточно обширный географический ареал, включающий Среднее и Нижнее Приамурье, южное, западное и восточное Приморье, Северо-Восток Китая, видимо, север Корейского полуострова. Территориальная обширность, хронологические перепады и разноэтничные контакты обусловили специфику культуры и породили несколько локальных и локально-хронологических вариантов, что вызвало многочисленные длительные дискуссии исследователей относительно происхождения и развития польцевской культуры. Своё название культура получила по памятнику Польце I, расположенному в Ленинском районе Еврейской автономной области вблизи с. Кукелево, стационарно исследовавшемуся Дальневосточной археологической экспедицией в 1960-е годы. В Приамурье известно около сотни памятников этой культуры. Поселения, состоявшие из 20—30 полуземлянок каркасного типа площадью 20—110 м², располагались на высоких террасах по берегам рек и озёр. Одним из главных отличительных особенностей культуры являются сосуды типа яёй (с высокой горловиной и блюдовидным венчиком), что позволило А.П. Окладникову установить её связь с культурой яёй Японии. Большинство исследователей связывают происхождение польцевской культуры с урийской культурой Приамурья (А.П. Окладников, С.В. Глинский, А.П. Деревянко), что определённо подтверждается преемственностью керамических традиций.

В Приморье памятники польцевского типа впервые выделил в 1959 г. А.П. Окладников, указав на существование связей между культурами раннего железного века Приамурья и Приморья. Позднее по материалам многослойного поселения Булочка было определено периодизационное положение польцевской культуры после янковской и кроуновской культур [Окладников, 1959, с. 166—167; Окладников, Глинский, Медведев, 1972, с. 71]. Подробно эти положения были развиты А.П. Деревянко, сопоставившим керамические традиции, каменные изделия и типы жилищ Приамурья, Приморья и культуры яёй Японии и заключившим, что польцевская культура пришла в Приморье и в Японию в IV—III вв. до н.э.

[Деревянко А.П., 1973, с. 270; 1975, с. 138—149; 1976, с. 182—196]. Позднее, в 1977 г. с выделением польцевской культуры в Приморье не согласилась Ж.В. Андреева и на основании многокомпонентной компрессионной стратиграфии поселения Синие Скалы выделила ольгинскую культуру; дискуссия относительно правомерности её выделения до сих пор не завершена. В северо-восточном Китае польцевская культура представлена памятниками культур ваньяньхэ, гунтулин и фэнлинь, расположенными на правом берегу Амура. Культура *ваньяньхэ* занимает территорию к северу от р. Сунгари (среднее и нижнее Приамурье) и датируется II в. до н.э. — II в. н.э. Культура *гунтулин* занимает равнину Саньцзян и датируется II в. до н.э. — II в. н.э. Культура *фэнлинь* локализована в той же равнине в бассейне р. Цисинхэ, но датируется более поздним временем — III—VI вв. Памятники польцевской культуры и культуры ваньяньхэ по основным параметрам идентичны, памятники культур гунтулин и фэнлинь имеют локальные и локально-хронологические различия. Из сказанного становится очевидным, что памятники польцевской культуры с её локальными и локально-хронологическими вариантами занимали достаточно обширную территорию Среднего и Нижнего Приамурья, Приморья и Северо-Восточного Китая. Проблема происхождения, формирования и развития польцевской культуры пока только поставлена, она требует дальнейшей разработки и корреляции полученных материалов. Пока исследователи едины в одном: польцевская культура оказала значительное влияние на формирование японской культуры яёй. При этом самой слабой стороной в изучении польцевской культуры оказались погребальные памятники, т.е. источники, способные дать информацию по ряду основополагающих вопросов. Но о погребальных памятниках почти ничего не известно. Несколько захоронений, совершённых способом ингумации и сопровождавшихся незначительным инвентарём, среди которого находились сосуды, исследовано на памятнике Амурский Санаторий. Ещё известно одно захоронение, совершённое в двух соединённых горловинами сосудах.

В Приморье польцевские захоронения до последнего времени были вообще неизвестны. Поэтому открытие двух курганных некрополей — чрезвычайно важное событие в приморской археологии. К сожалению, козаковские курганы изучены только разведочно, информация по ним минимальная. Монакиновские курганы исследовались стационарно, но из 30 объектов вскрыто пока только два.

По ландшафтной характеристике монакиновские курганы относятся к долинно-склоновому типу. По составу курганы каменные, круглые, диаметром не более 10 м, высотой 1,5—2 м. Нижняя часть каменной насыпи покоилась на кольцевой каменной кладке, внутри которой находился каменный ящик, состоящий из вертикально поставленных камней, с дном

из скальника. Размеры ящика 1,8×0,8×0,4 м. Сопровождающий материал немногочисленный, но разнообразный: глиняный горшок, блюдовидный венчик от сосуда, кремневый наконечник стрелы, железная панцирная пластина. Ориентировочно памятник отнесён к концу I тыс. до н.э. — началу I тыс. н.э.

Выводы. Захоронения в каменных ящиках в Приморье встречались и ранее, ещё до польцевской культуры. Самое известное захоронение было случайно вскрыто в 1959 г. на Голубиной Сопке (Известковая) при проведении хозяйственных работ. Сохранившиеся материалы были переданы археологам и опубликованы А.П. Окладниковым и Э.В. Шавкуновым. По их описанию, «захоронение представляло собой ящик, выложенный из дикого камня-плитняка. Ящик имел форму куба»; исследователи провели аналогии с материалами захоронений культуры яёй Японии и Корейского полуострова, отметив тесные культурные связи Приморья и Корей в I тыс. до н.э. [Окладников, Шавкунов Э.В., 1960, с. 282—288.]. К сожалению, в 1990-е годы памятник был уничтожен, а раскопки должным образом не проведены. В результате определение культурной принадлежности и временной привязки этого памятника не состоялось. Второе захоронение в каменном ящике раскопано на памятнике Дворянка-1, отнесено к культуре Лютинтун и датировано концом II — началом I тыс. до н.э. Но едва ли указанные выше каменные ящики как-то связаны с польцевскими. Для прояснения проблемы необходимо полученные польцевские материалы рассмотреть в контексте каменных ящиков Восточной Азии. Согласно разработкам Д.Г. Савинова, «подобные захоронения традиционны для всех культур Саяно-Алтайского ареала, начиная с эпохи бронзы, но в скифское время постепенно выходят из употребления и почти полностью исчезают к середине I тыс. до н.э. Поэтому широкое распространение погребений в каменных ящиках в конце I тыс. до н.э. можно рассматривать как своеобразное возрождение древней традиции на новом историческом этапе развития южно-сибирских культур. Другое объяснение подразумевает миграцию на территорию Южной Сибири какой-то группы населения из области, где традиция не прерывалась на протяжении всего I тыс. до н.э. Такой областью были восточные районы Азии, откуда носители этой традиции могли распространяться на запад в период хуннских завоеваний. Имеющиеся материалы подтверждают вторую точку зрения, хотя не исключают и возможного участия в этих процессах потомков древнего местного населения» [Савинов, 1987; с. 176; Савинов, 1981, с. 232—248; Савинов, 1981, с. 108].

Таким образом, зарождение традиции захоронений в каменных ящиках не связано с Приморьем. Серьёзное воздействие культур с каменными

ящиками приморские культуры испытали как минимум дважды. Первый раз — со стороны скифо-сибирских культур в I тыс. до н.э., второй раз — в конце I тыс. до н.э. в связи с возрастающей хуннской активностью, сдвинувшей многие племена с традиционных мест обитания и приведшей в движение и взаимодействие многие этносы. Естественно, с появлением новых материалов данное положение будет корректироваться, но проблема происхождения захоронений в каменных ящиках обозначена и ждёт своего разрешения.

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Представлена курганами тунгусо-маньчжурской общности, включающей мохэскую, бохайскую и чжурчжэньскую культуры, а также курганами смольнинской культуры палеоазиатского происхождения.

Мохэская культура

Является базовой культурой для всего дальневосточного средневековья. Появившись на территории российского Приморья и Приамурья в первой половине I тыс. н.э. и будучи изначально кочевой культурой, она претерпела значительную трансформацию от родоплеменного состояния до государственного и имперского уровня. С нею связано создание государства Бохай (698—926), империй Цзинь (1115—1234) и Цин (1644—1911 гг.). Для мохэской культуры традиционными были грунтовые захоронения. Однако в определённый период в ней появляются курганные некрополи: Монастырка-III, Соколовский, Чернятино-5. Самым изученным памятником является Монастырка-III. По типу это грунтово-курганный некрополь склоново-сопочного характера с каменными подпрямоугольными курганами, локализованными в северо-западной и юго-восточной частях могильника. В погребениях обнаружены традиционные для мохэской культуры вещи: лепные сосуды с наlepным валиком под венчиком, комбинированные серьги, пояса амурского и тюркского типов, железные ножи и наконечники стрел, а также бохайские горшки когурёского происхождения и круговая керамика танских традиций. Памятник отнесён к найфельдской группе мохэской культуры, сочетающей в себе мохэские и польцевские традиции. Датируется VI—IX вв., т.е. мохэ-бохайским временем [Дьякова, 1998, с. 245]. В материалах и погребальном обряде прослежены тюркские традиции. И это неудивительно. Роль тюрков в дальневосточной истории — проблема, возникшая в историографии Восточной Азии с момента выхода этих этносов на историческую

арену. Об этом позаботились соседи — китайские летописцы. Если обратиться к нарративным источникам, то мы обнаружим фиксацию разного рода событий, удостоенных внимания китайских хроникёров. Так, в хрониках династии Суй сообщается, что «...в 20—30-х годах VI в. произошло сплочение племён туцзюэ. В 534 г. они появились на границе с Китаем с торговыми целями» [Воробьёв, 1994, с. 305]. С этого момента прослеживается регулярное упоминание этих племён в китайских нарративных источниках. Например, отмечаются следующие факты: тобаская династия Западная Вэй накануне своего краха присылает посла для завязывания дружеских отношений; туцзюэ принимают активное участие в китайских распрях не без выгоды для себя; туцзюэ затевают широкое наступление на Китай по всей Великой стене в 582 г.; туцзюэ в 584 г. потерпели поражение от династии Суй; туцзюэ в 605 г., когда кидани вторглись в Иньчжоу, ради мира вместе с китайцами отбросили их; в 616—617 гг. туцзюэ своим массированным вторжением способствовали падению Суй и подчинили киданей и шивэй; династия Тан, придя к власти, разорвала в 619 г. договор с туцзюэ, но уже в 626 г. император династии Тан признал себя вассалом туцзюэ, что повлекло за собой изменение в политической ситуации и в Маньчжурии: кидани и шивэй тоже признали вассалитет туцзюэ; в 627 г. уйгуры восстали против туцзюэ, а в 628 г. восточная часть тюркского каганата восстала и вместе с киданями перешла на сторону Китая [Воробьёв, 1994, с. 305]. Уже из краткого перечня летописных событий видно, что тюрки являлись серьёзным фактором в жизнедеятельности всей Восточной Азии как военно-политическая и торгово-экономическая сила, с которой не только нужно было считаться, но и очень часто приходилось находиться от неё в зависимости. Несмотря на то что российские дальневосточные территории простирались достаточно далеко от эпицентра древнетюркского мира, через письменные свидетельства мы видим, что контакты древних тюрков с дальневосточными племенами были. Причём, как правило, возникновению этих контактов способствовал Китай, привлекавший для своих не всегда мирных «разборок» с соседями то тюрков, то мохэсцев, то киданей, то другие племена, последовательно соблюдая китайский принцип «побеждать варваров руками варваров». Поэтому в данном случае важно установить время и характер контактов тюрков с мохэсцами Приморья. Согласно китайским письменным источникам, приведённым М.В. Воробьёвым, «тюрки хоронили останки покойников, особенно знатных, в курганах. Поскольку существовал обряд трупосожжения, останки состояли из пепла, кальцинированных костей скелета. Это избавляло от необходимости возводить сложные сооружения типа камер, так как и сопровождающий инвентарь не всегда, но часто сжигался. «Суй шу» даже предусматривала сооружение камеры со статуей

или нарисованным изображением хана. В погребении встречается довольно разнообразный железный инвентарь: оружие (трёхпёрые наконечники стрел, мечи, копья), конская упряжь (удила, сбруи), сосуды (котлы), украшения (бляшки). К востоку от курганов ставили каменные изваяния мужчины, прижимающего к груди каменный сосуд. Лицо, оружие, одежда проработаны и различимы. У погребений простонародья ставили каменную стелу или столбик. Рядом с курганом строили поминальную каменную оградку. Внутри во время поминок разжигали костёр и сжигали жертвы: животных, птиц, вещи. Около курганов ханов ставили изваяния животных, людей, строили капища. Позднее обряд погребения у туцзюэ изменился; трупосожжение стало вытесняться трупоположением в грунтовой яме, прикрытой насыпью из камней. Изменение произошло в 1-й четверти VII в. Интересно, что перемену отметил китайский император и в 628 г. оценил её как отход от предписаний предков туцзюэ и оскорбление духов. Существовала ещё и такая разновидность погребения, как захоронение одних лишь вещей покойного (кенотаф)» [Воробьёв, 1994, с. 316].

Вывод. Таким образом, анализ археологического материала курганного некрополя Монастырка-III позволяет полагать, что на смену традиционному для мохэ погребальному обряду с ингумациями в грунтовых могильниках в начале VII в. приходит тюркский погребальный обряд с кремациями. И не исключено, что часть некрополя Монастырка-III была связана с тюркскими воинами. Об этом свидетельствует погребальный обряд — появление курганного могильника, кремаций на месте, могильных устройств в виде ящика из горбыля и полубревен с плоской крышкой, забутовка самой могилы камнем и наличие вещей (преимущественно предметов вооружения), деталей одежды и украшений тюркского типа. Смена погребального обряда у тюрков с кремаций на ингумации, зафиксированная в китайских источниках в 628 г., видимо, свидетельствует о влиянии средневековых тунгусо-маньчжуров на тюрков, в частности мохэсцев, племена которых были весьма воинственными, имели конницу и принимали активное участие во многих политических перипетиях и вооружённых конфликтах того времени. Следовательно, такие события могли иметь место в начале Танской династии, т.е. в первой трети VII в.

Смольнинская культура

О курганах смольнинской культуры можно говорить лишь предварительно, поскольку они только зафиксированы, но не раскопаны. К ним относятся михайловские и шайгинские курганы [Шавкунов Э.В., № 2678; Хорев, № 11291; Дьякова, № 24041]. По типу курганы долинные и составляют,

видимо, курганное поле, по составу каменные с диаметром 5—8 м и высотой 0,5—1 м. Подъёмный материал — круговая керамика с вафельными оттисками — даёт основания полагать, что курганы возведены носителями смольнинской культуры, датируемой X—XI вв.

Вывод. Предварительно выделенные михайловские и шайгинские курганы смольнинской культуры требуют дальнейших стационарных исследований, чтобы либо согласиться с данным предположением, либо его опровергнуть.

Бохайская культура

В VII в. на Дальнем Востоке сложилась беспокойная обстановка. Танский Китай вёл активные завоевательные войны. В 630 г. он уничтожил Первый тюркский каганат. Затем Китаем были разгромлены два корейских государства — *Пэкче* (660 г.) и *Когурё* (668 г.). Часть племён сумо мохэ, входившие в состав Когурё, переселили в северные пограничные районы Китая (современный г. Чаян). Но в 696—697 гг. против Китая подняли восстание кидани. Данной неурядицей воспользовались переселённые племена сумо мохэ и ушли на северо-восток в свои родные земли (к горам *Чанбайшань* и р. Сунгари), где в 698 г. *Да Цзожун* создал мохэское государство *Чжэнь*, а себя титуловал ваном этого государства. Мохэское государство Чжэнь включало значительные территории Приморья, Северной Кореи и Маньчжурии. По составу оно было полиэтничным. В него входили помимо мохэских племён когурёсцы, китайцы, палеоазиаты. На севере Чжэнь граничило с племенами хэйшуй мохэ, на юге — с государством Силла, на юго-западе — с киданями, на северо-западе — с шивэй (древними монголами).

Согласно письменным источникам, данное государство «...имело территорию в 5000 ли... по квадрату» [Бичурин, 1950, с. 27]. В 713 г. государство Чжэнь, после урегулирования отношений с танским Китаем, было благополучно переименовано в Бохай [Бичурин, 1950; Воробьёв, 1975; Воробьёв, 1983; Кычанов, 2010, с. 109]. Бохай имел 5 столиц, которые были нужны для постоянных переездов вана со свитой по различным провинциям, дабы пресекать сепаратизм и осуществлять контроль. В Бохэе было 15 областей. В каждую область входило 62 округа, каждый округ включал 125 уездов. Уезд состоял из одного или нескольких городов и окружающих их посёлков. Центральные органы управления Бохая являлись многофункциональным и хорошо развитым государственным аппаратом, в основе которого лежала китайская или китайско-когурёская административная система.

Войсками Бохая командовали восемь главнокомандующих (генералов — дацзянцзюнь). Должности и титулы бохайских чиновников распределялись, как и в Китае, по девяти разрядам рангов. Только разряд ранга вместо «пинь» именовался «чжи». Чиновники 1—3-го разрядов рангов носили фиолетовое платье, имели при себе «яху», или «ху», — костяную табличку, символизовавшую готовность чиновника записать на ней распоряжение императора или вышестоящего чиновника, и золотую верительную бирку-пайцзу в форме рыбки. Чиновники 4—5-го разрядов рангов носили платье малинового цвета, имели «ху» и верительную бирку-рыбку из серебра, чиновники 6—7-го разрядов рангов — светло-малиновое платье, «ху» из дерева, а не из кости, и не имели верительной бирки-пайцзы. Чиновники 8—9-го разрядов рангов носили платье зелёного цвета, у них были деревянные «ху», верительной бирки они не имели» [Кычанов, 2010, с. 111].

Кроме того, была местная администрация. Старейшины больших поселений назывались дуду, за ними следовали (по старшинству) цыши, а самые нижние чины назывались шоулинами [Государство Бохай, 1994, с. 41]. Существовавшая социальная и этническая иерархия неизбежно должна была породить в Бохое различную поминально-погребальную обрядность. Для дунбэйской части Бохая эта обрядность прослежена по археологическим материалам и оформлена в достаточно стройную классификационную систему, отражающую этнические и социальные параметры. Аборигенными (мохэскими) признаны грунтовые захоронения, преобладающие на раннем этапе Бохая. У могил с «каменным навалом» прослежено когурёское влияние. Достаточно подробно изучены погребения управленческого аппарата, во многом следующие танским традициям, когда для погребений стали использовать естественные горы, в них прорубались камеры для гробниц, к которым вёл длинный коридор. Первая камера предназначалась для ритуальных целей, во второй помещался саркофаг. По бокам камер часто сооружались небольшие комнатки для погребального инвентаря: глиняных фигурок людей и животных, сопровождающих умершего в мир иной. К захоронению вела «Аллея духов», вымощенная крупными камнями, по сторонам которой устанавливались статуи мифических животных, лошадей и воинов, призванных охранять дух погребённого.

В Приморье, видимо, со временем будет выявлена аналогичная система погребально-поминальных бохайских объектов. В настоящее время однозначно можно утверждать, что сохраняются традиционные грунтовые захоронения мохэсцев, наряду с которыми с определённого времени распространяются курганные некрополи, представленные кроуновским курганным анклавом (сопки Амфитеатр, Абрикосовая, Мечты, Копыто).

Для них характерно наличие каменной подпрямоугольной насыпи, крупные базальтовые камни которой иногда имели подтёску, обряд кремации на стороне с последующим захоронением сожжённых останков под курганом на горизонте, т.е. без могильной ямы, возведение подкурганной подпрямоугольной каменной оградки из торцом поставленных базальтовых плит, сопровождающий немногочисленный (разграбленный?) погребальный инвентарь. Перечисленные выше детали курганов сопот Амфитеатр, Абрикосовая, Мечты, Копыто долины р. Кроуновка находят ближайшие аналогии среди поминальных сооружений древних тюрков, берущих свои истоки, как доказано в настоящее время, в индоевропейских культурах эпохи бронзы — афанасьевской, андроновской, карасукской, тагарской, скифской [Киселёв, 1951, с. 125—200; Кызласов Л.Р., 1958, с. 27—30; Кызласов Л.Р., 1960, с. 65—67; Кызласов Л.Р., 1969, с. 105; Савинов, 1981, с. 117]. В доскифских культурах оградки являются ограждением могилы, в скифское время они приобретают самостоятельное значение и сооружаются для проведения обряда поминания (шумракский этап), у тюрков оградка получает законченные черты поминального объекта с чётко разработанным каноном, по которому строятся сооружения такого типа на протяжении нескольких веков [Овчинникова, 1992, с. 206—208]. Древнетюркские поминальные сооружения (каменные оградки) всегда связаны с каменными изваяниями (стелами, валунами, вертикально поставленными камнями-балбалами), стоящими с восточной стороны оградок. «Сами же алтайские оградки почти одинаковы по размерам и сооружены по одному принципу. Это подквадратные или прямоугольные в плане площадки, образованные поставленными на ребро плитами. Внутри оградок, как правило, каменная заброска из крупных валунов или мелкой гальки» [Кубарев В.Д., 1979, с. 135—160]. По характеристике приморские оградки курганов долины Кроуновки наиболее близки юстыдскому типу оградок. Они одиночные, но различаются по внутреннему содержанию. В настоящее время можно только констатировать, что курганы долины р. Кроуновка сопровождалась каменными оградками, традиция возведения которых заимствована бохайцами из древнетюркских поминальных памятников, несущих, в свою очередь, индоевропейский след.

Вывод. В средневековых тунгусо-маньчжурских культурах Дальнего Востока, в первую очередь в бохайской культуре, в орнаментальном декоре и погребальных конструкциях прослеживаются опосредованные индоевропейские следы, принесённые на эту территорию тюрками (погребальные традиции) и, видимо, китайскими ремесленниками, копировавшими штамповые элементы декора с деревянных и ковровых изделий на круговую сероглиняную керамику.

Курганы лясского времени (916—1125)

В истории Приморья эпоха киданей является трагичной и малоизвестной страницей. В 926 г., несмотря на активное более чем 20-летнее сопротивление, Бохай пал от рук своих юго-западных соседей — давних заклятых врагов кочевых монгольских племён киданей. Этому способствовала сложившаяся к началу X в. в дальневосточном регионе политическая обстановка. Тюркские и уйгурский каганаты, часто превращавшие Восточную и Центральную Азию в кипящий котёл и не дававшие древним монгольским племенам набраться сил и расправить плечи, к этому времени исчезли с политической арены [Воробьёв, 1994, с. 189]. К тому же в X в. пришла в упадок китайская династия Тан (618—906 гг.), чем не преминули воспользоваться кочевники кидани. В 907 г., применяя военно-наступательную тактику, кидани (в лице Абаоцзи) первоначально провозгласили своё государство, а затем, став лидером на северо-востоке Азии, в 916 г. создали империю Ляо (916—1125 гг.). Через 10 лет после провозглашения империи они расправились с Бохаем и захватили его территорию [Е Лун-ли, 1979, с. 135]. Естественно, после оглушительных военных побед перед киданями встала проблема другого рода — как и каким способом контролировать и удерживать завоёванные земли. Выход был найден. Согласно скудным и чрезвычайно малочисленным письменным источникам на завоёванных бохайских просторах лясский император Абаоцзи в 926 г. создал вассальное государство и даровал его своему старшему сыну Елюй Пэй (Елюй Туюй). Елюй Пэй назвал новое государство Дундань, что в переводе с китайского означает «Восточное Кидань» (киданьское название «Восточное Даньгур», т.е. лежащее восточнее Ляо, корейское название — «Тоннак-гук») [Воробьёв, 1994, с. 189; Е Лун-ли, 1979, с. 119; Хан Гю Чхоль, 2000, с. 66—68]. Елюй Пэю презентовали китайский титул «жэньхуанван», т.е. «царственный ван народа», а населению — дань в виде ежегодной поставки в Ляо тысячи лошадей. Летом 926 г. из Дундань увезли бохайского вана и вывели киданьские войска. Столицу Дундань утвердили в столице Бохая Лунцзюаньфу, позже перенесли в Ляоян. Однако мир в новом государстве всё равно не наступил. Восстания бохайцев не утихали. Тогда кидани применили к бохайцам древний испытанный метод насильственного переселения непокорных племён в другие места и регионы. Был издан соответствующий указ, и по нему около двух третей наиболее воинственного и «провинившегося» бохайского населения отправили на западные территории империи Ляо, чтобы бохайцы, находясь в окружении чужеродных этносов, не смогли затеять новую смуту и были полностью подконтрольны властям. Согласно письменным источникам,

многие бохайские аристократы перешли на службу при императорском дворе киданей или чиновниками на местах. В записях указывается, что из 224 послов киданей в государство Корё 26 имели фамилию Гао (корейское Ко) бохайского происхождения и 80 человек просто носили бохайские фамилии [Хан Гю Чхоль, 2000, с. 66—67]. Должным образом киданями были оценены и военные доблести бохайцев. Многих из них кидани не преминули привлечь к военным операциям и военной службе. Это являлось обычной практикой для Востока, когда армию подкрепляли отрядами из побеждённых племён и даже назначали их представителей военачальниками (часто из перебежчиков и предателей). Как была организована территория Приморья в этот период, нам доподлинно неизвестно, но серия городищ, поселений, производственных комплексов и погребальных объектов продолжала функционировать, сохраняя аборигенные тунгусо-маньчжурские традиции и впитывая инновации в виде ляоских вещей [Дьякова, 2014]. Из курганных некрополей к этому периоду, вероятно, относятся два памятника: курган Кокшаровка-8 и курган о-ва Фуругельма. Кокшаровский курганный некрополь связан с Кокшаровским городищем, относящимся к постбохайскому (ляоскому) времени. По характеру материала и типу погребального комплекса курган может датироваться постбохайским временем, т.е. концом X—XI вв. По форме курган округлый с уплощённой (срезанной?) вершиной и каменной кладкой, что позволяет полагать, согласно китайской иерархии, что захоронение принадлежало сыну человека знатного рода. Не исключено, что раскопанный Кокшаровский курган — лишь какая-то часть крупного ритуального комплекса, требующего продолжения исследований и соответствующего анализа. Вероятно, впоследствии в этом погребальном комплексе будут открыты надземные сооружения в виде «Аллеи духов» и храма, если захороненному лицу они полагались по социальному статусу.

Курган о-ва Фуругельма находился в западной части острова на вершине мыса. На черепе скелета обнаружена часть шлема с остатками волос и бронзовым щитком, предохранявшим переносицу от ударов. Погребальный инвентарь свидетельствует о захоронении воина и о не очень спокойной обстановке в то время в Приморье. Среди подъёмного материала зафиксирован фрагмент сероглиняного кругового сосуда и половинка китайской медной монеты XI—XII вв.

Вывод. Курганы постбохайского времени (Кокшаровский и Фуругельма) выявляют два социальных типа населения: чиновничий и воинский. Кокшаровский курган свидетельствует о наличии административного управления в Приморье в ляоское время, курган Фуругельма показывает присутствие военного контингента.

Чжурчжэньская культура

В истории Приморья чжурчжэньская эпоха является одной из самых ярких страниц, оставившей многочисленные свидетельства былого величия империи Цзинь (1115—1234), в которую приморские земли входили в качестве северо-восточной провинции. Империя имела сложную государственную, социальную и этническую структуру, что не могло не отразиться на материальной культуре и погребальных традициях. Они неизбежно должны были быть разнообразными, что подтверждает даже та разрозненная информация из трёх чжурчжэньских курганных некрополей, выявленных в настоящее время в Приморье: Никольск-Уссурийского, Сергеевского и кургана № 4 памятника Петровка-9. Наиболее значимым по социальному статусу является *Никольск-Уссурийский погребальный комплекс*, поскольку он сооружён в честь военного и государственного деятеля империи Цзинь (1115—1234) из рода Ваньянь, вероятно, носившего имя Дигунай. По заключению В.Е. Ларичева, досконально исследовавшего все этапы раскопок этого памятника, «...наличие на могиле изваяния черепахи со стелой свидетельствовало о захоронении в гробнице... важного лица, имеющего титул первого ранга. В его погребальный комплекс... должны входить храм для жертвоприношений, аллея каменных изваяний людей, лошадей, тигров, овец, а также колонны, торжественные ворота с четырьмя проходами, стена, сложенная из камня или земли, окружавшая прямоугольником гробницу, и ров, наполненный водой», что подтверждают рисунки, сделанные И.А. Лопатиным [Ларичев, 1966, с. 12].

Данный погребальный комплекс связан своим происхождением с ритуальной практикой Китая, которую, как правило, перенимали правящие круги сопредельных «варварских» каганатов и государств. Империя Цзинь не была исключением, тем более что Китай в это время входил в её состав и основное делопроизводство велось на китайском языке. Считается, что подобный могильный ансамбль впервые появляется в эпоху Западная Хань (206 г. до н.э. — 8 г. н.э.). Аллея духов в сформированном виде зафиксирована в погребальном комплексе императора Гуан У-ди в эпоху Восточной Хань (25 г. н.э. — 220 г. н.э.). «Аллея духов» (шэньдао, гуйдао, шэньлу) входит «...в надземную часть могильного ансамбля в виде центрального прохода к усыпальнице, оформленного различными конструкциями (стелами, пилонами, арками), а также каменными скульптурами людей и животных, установленными попарно по обеим сторонам. Считалось, что это — дорога, по которой идут души умерших, а люди и звери, чьи изображения образуют аллею, призваны защищать их... Во времена Поздней Хань обычай строить аллеи духов на могилах распространился на

погребения аристократии и чиновников. Кроме тигров, баранов, лошадей и верблюдов появляются изображения львов, а также фантастических существ *бисе* и *тяньлу*... Все описанные выше изображения животных были созданы для защиты погребений и иных сооружений. Позднее скульптуры, установленные перед гробницами, начали выполнять ещё одну функцию: они указывали на социальный статус покойного...» [Комиссаров и др., 2012, с. 29—31]. Погребальные комплексы такого типа сохранялись вплоть до династий Мин (1368—1644) и Цин (1644—1911 гг.).

Иной социальный статус имеют *Сергеевские курганы*. Это захоронения склоново-сопочного ландшафта с курганами овальной формы, с деревянным гробом трапециевидной формы из корейского кедра или лиственницы, обложенным для сохранности пятью слоями берёсты и глиной, с юго-восточной ориентацией головы погребённого, с деревянной с тремя косами из человеческих волос куклой внутри гроба, обёрнутой в берёсту, что свидетельствует об уже сформировавшихся погребальных традициях у рядового чжурчжэньского населения Приморья, аналогичных для дальневосточных тунгусо-маньчжуров этнографического времени. Ориентация умерших головой с востока на запад связана с «миром мёртвых» — буни, находящимся на западе, там, где заходит солнце, и умерший, по поверью, встав, должен пойти по дороге в этот мир [Сем, 1973, с. 127]. Деревянная кукла у нанайцев мугды изображала покойника на последних поминках, и с ней совершался цикл ритуалов [Штернберг, 1933, с. 519]. Захоронение кукол (череп человека, обмазанный глиной с прикреплёнными косами) известно в курганах хуннского времени. Поэтому не исключено, что истоки данной погребальной традиции чжурчжэней восходят именно к ним.

Сложно сказать, к какому социальному статусу принадлежал погребённый *кургана № 4 некрополя Петровка-9*, но это явно рядовое захоронение. Каменный курган круглой формы с могильным углублением подпрямоугольной формы, долинного ландшафта имеет практически такую же архитектуру насыпей, что и курганы эпохи раннего металла, но разительно отличается от них по погребальному обряду, совершённому способом кремации «на стороне». Скудность погребального инвентаря в виде сероглиняной круговой керамики и каменной подвески также свидетельствует, что в эпоху средневековья курганные насыпи использовались для погребений не только знатных людей, но и простого населения.

Вывод. Следует отметить, что у чжурчжэней Приморья в период империи Цзинь уже полностью сформировался не только разностатусовый погребальный обряд (государственного и рядового уровня), но и практически окончательно сложилось мировоззрение, получившее дальнейшее развитие у тунгусо-маньчжурских этносов Дальнего Востока.

Эпоха позднего средневековья

Позднее средневековье, начиная от династии Юань (1271—1368) и заканчивая династией Цин (1644—1911), в истории российского Дальнего Востока до сих пор остаётся «тёмным» периодом, о котором мало что известно, хотя именно этот период кардинально изменил всю этно-социально-политическую картину региона. Письменные источники содержат мало сведений о событиях, которые происходили на территории российского Приморья, но они всё-таки есть и в определённой степени позволяют установить, хотя и фрагментарно, историческую канву. Согласно китайским источникам «Дайцин и Тунчжи», территория Приморья называлась Воцзы, а населявшие её народы — дунхай-воцзibu, что означает «лесные племена Восточного моря». На южном берегу р. Сисэ (ныне Джигитовка, а до 1971 г. — Иодзыхэ), согласно Цзилиньшэн ту (*Карта провинции Гири (Цзилинь)*), располагались стойбища племени ци-я-ка-ла [Соловьёв, 1973, с. 45]. По данным П.И. Кафарова, «словом дацзы китайцы называют тунгусоязычные племена кя-ка-ла... Кя-ка-ла прозябают по Приморью от Владивостока до реки Исэ» (соврем. Джигитовка) [Палладий и Попов, 1888, с. 148]. Японский исследователь Сей Вада, сопоставивший разновременные китайские источники, поместил племя ци-я-ка-ла в верховья р. Иман. По его мнению, это были орочи или удэгейцы Сихотэ-Алиня, называвшиеся китайцами в период монгольской династии Юань нюйчжи е жэнь, т.е. «дикие чжурчжэни» [Сей Вада, 1938, с. 91—92].

Российский исследователь Г.В. Мелихов, работавший с китайскими и русскими источниками, связывал компактное проживание тунгусоязычного племени варка с бассейном р. Туманган и верховьями р. Уссури, прослеживая их простираение к востоку и северо-востоку до морского побережья, включая острова [Мелихов, 1966, с. 95].

Таким образом, опираясь на нарративные источники, все исследователи приходили к одному результату, показывавшему, что на территории Приморья после нашествия на Дальний Восток в XIII в. монголов по западным и восточным склонам Сихотэ-Алиня проживали два крупных тунгусоязычных этнических объединения (или союза племён) — воцзи и варка — предки нанайцев, удэгейцев, орочей.

В китайских источниках сохранились также сведения об административно-территориальных округах (лу), функционировавших в XVI—XVII вв. на территории Приморья: Хэлиньлу, Нимачалу, Суйфыньлу, Хуэлу, Яланьлу и др. (Дайцин и тунчжи, цз. 46). Картирование этих округов позволило Ф.В. Соловьёву очертить географию каждой административной единицы, выглядевшей следующим образом: «Восточное побережье Уссурийского

залива, включая нынешний Шкотовский район от р. Майхэ и до зал. Восток, входило в округ Хэлиньлу; бассейн рек Сучана и Судзухэ от южных отрогов хребта Сихотэ-Алиня до моря охватывал округ Яланьлу; в бассейне р. Суйфун и прилегающей к нему территории располагался округ Суйфыньлу; в бассейне рек Даубихэ и Улахэ находился округ Хуэлу; р. Иман и прилегающие к нему районы включались в округ Нимачалу. Все округа назывались по имени рек, на которых они располагались... округ в территориальном отношении мог представлять собой единый, связанный системой рек и гор, географический район. Так, Суйфунский округ охватывал долину этой реки с её притоками и горными системами; округ Ялань (Ярань) располагался на одноимённой реке с её притоками и близлежащими другими реками с подступающими к ним отрогами гор Сихотэ-Алиня и т.д.» (рис. 109) [Соловьёв, 1973, с. 58—59]. Из китайских источников также известно, что при создании чжурчжэнями в начале XVII в. Маньчжурского государства их вожди Нурхаци и Абахай постоянно совершали походы в Приморье для угона населения в Маньчжурию с целью организации из них особых отрядов. Напомним, что основным населением Приморья являлись родственные чжурчжэням тунгусо-маньчжурские племена варка и воцзы. Кроме тунгусо-маньчжуров на территории Приамурья и Приморья проживали нивхи (гиляки) и айны. Известна следующая хронология походов по захвату населения.

В 1607 г. по распоряжению Нурхаци князь Баяла, высокопоставленный начальник Эиду и адъютант Хурхань с тысячным отрядом выступили против Воцзи [Соловьёв, 1973, с. 41].

В 1609 г. Хурхань с отрядом в тысячу человек вторгся в округ Хуэ (бассейн р. Даубихэ), захватил две тысячи семей населения и возвратился в Маньчжурию. В 1610 г. Эиду с тысячным отрядом солдат напал на округ Ялань (бассейн р. Сучан — Партизанская), расположенный на территории Воцзи, захватил более 10 тысяч человек и возвратился.

В 1614 г. был совершен военный поход в округа Ялань (р. Партизанская) и Силинь (восточный берег Уссурийского залива), где было захвачено и уведено в Маньчжурию 200 сдавшихся и 1000 пленённых семей [Васильев, 1857, с. 26].

В 1615 г. восьмизнаменные маньчжурские войска пошли в поход по двум дорогам на восточные племена. В сражениях было убито 800 человек, пленено 10 тысяч человек и захвачено 500 семей [Васильев, 1857, с. 26].

8 февраля 1635 г. войска Убахая и Цзингурдая выступили против племён варка, напали на местность Ниманя (Иман. — О.Д.), захватили более 1000 человек.

15 ноября 1635 г. маньчжурские войска напали на южное Приморье. Войска шли четырьмя колоннами. Первая, под командованием Убахая,

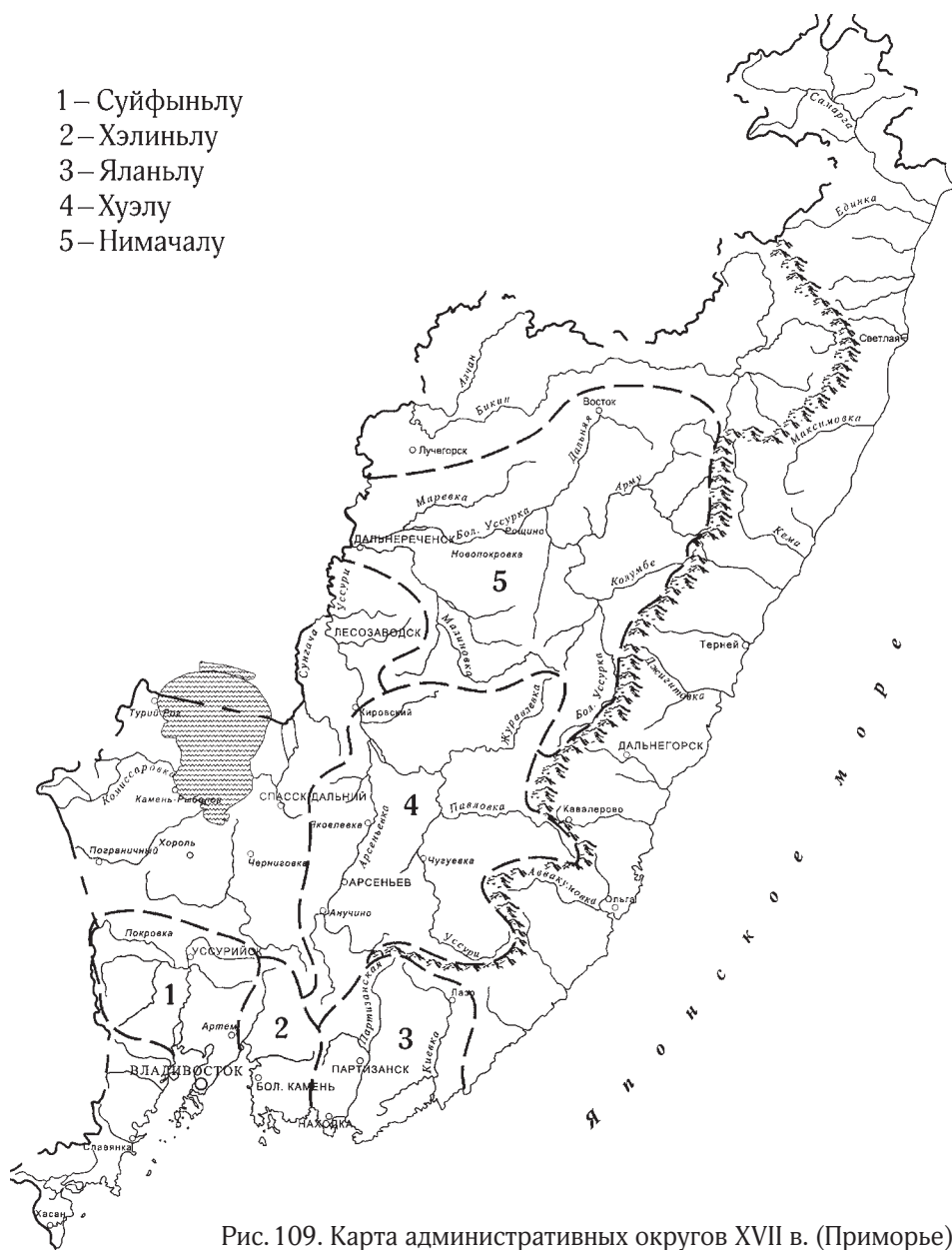

Рис. 109. Карта административных округов XVII в. (Приморье)

двигалась на Эхэйкулунь и Элэюсо; вторая, под командованием Доцзили, двигалась на Ялань (р. Партизанская. — О.Д.), Лилинь и Хуэ (Даубихэ и Сучан. — О.Д.); третья, во главе с Чжафуни, направлялась на Акули и Нимань (Ваку и Иман. — О.Д.); четвёртая, под командованием Ушита, шла на Нолэй и Авань [Маньчжурское владычество в Китае, 1966, с. 91].

Захваченные аборигены были сформированы в пять особых рот (ню-ру), в две из них вошли жители бассейна р. Суйфун (р. Раздольная. — *О.Д.*), а в три — аборигены бассейна р. Иман (р. Большая Уссурка. — *О.Д.*) [*Маньчжурское владычество в Китае*, 1966, с. 86].

Однако наибольшую активность в борьбе против аборигенных племён Приморья проявил маньчжурский император Канси (4 мая 1654 — 20 декабря 1722). Им были учреждены поощрительные награды за организацию военных походов. В «Хойдянь шилу» сообщается, что «в первые годы правления императора Канси по всеподданнейшему докладу было разрешено выдавать награды участникам походов по «привлечению» в подданство новых маньчжуров в следующем порядке: за 100 привлечённых семей давалось отличие первой степени (Тоудэн цзюньгун), за 80 семей — военное отличие второй степени (Эрдэн цзюньгун), за 60 семей — военное отличие третьей степени (Саньдэн цзюньгун), за 40 семей — военное отличие четвёртой степени (Сыдэн цзюньгун), за 20 семей — военное отличие пятой степени (Удэн цзюньгун)» [*Рудаков*, 1903, с. 372].

Такие действия маньчжурских властей неизбежно заставляли тунгусо-маньчжурские племена перемещаться в более труднодоступные места — на север Приморья и в Приамурье. Тем более что перемещения на новые места в случае затруднительных ситуаций являлись для тунгусо-маньчжуров традиционной ответной психологической реакцией, ставшей их этнопсихологической чертой. Тому масса примеров. И. Надаров, обстоятельно исследовавший коренные народы Приморья, писал, что все гольды (нанайцы) Северо-Уссурийского края могут быть отнесены к оседлому населению, но это не привязывает их к одному месту жительства постоянно. При ухудшении условий гольд бросает свою фанзу и переходит на другое место, не стесняясь расстоянием. Например, из устья Уссури может перейти в низовья Даубихэ (Арсеньевка), а с Даубихэ — на Амур. [*Надаров*, 1887, с. 66—73].

Указанные события — походы с целью захвата населения и перемещения аборигенов — не могли не отразиться в археологических материалах. Пока они весьма немногочисленные и представлены тремя объектами: богопольским склепом, сучанскими и мономаховскими курганами. Географически они охватывают большую часть Приморья: южное, восточное, северо-восточное. Позднесредневековые курганы приурочены к склоново-сопочному ландшафту и представлены двумя типами сооружений: 1) склепы с подкурганной прямоугольной ямой из тёсаных камней или каменных плит; 2) простые каменно-земляные курганы. Сопровождающим погребальным материалом служили монета XVII в., металлическая пуговица, бляха и бусина.

Вывод. Таким образом, на территории Приморья выявлены захоронения аборигенного (тунгусо-маньчжурского) населения в виде простых курганов и склепы, принадлежавшие, видимо, управленцам определённого ранга. Свидетельства письменных источников о количестве перемещённых при цинской династии из Приморья людей (измеряемых тысячами) однозначно показывают, что территория не была пустой. Население там сохранялось при маньчжурском владычестве, управлялось округами, но вело традиционный образ жизни с опорой на охоту и рыболовство.

* * *

Таким образом, анализ курганных сооружений Приморья показывает, что впервые они стали возводиться ещё в конце I тыс. до н.э. носителями янковской культуры, связываемой с палеоазиатским населением региона. Истоки этой традиции уходят в погребальный обряд доскифских и скифских культур, имеющий индоевропейское происхождение. Сохранялась курганная традиция и в развитом железном веке, что зафиксировано в польцевской культуре (конец I тыс. до н.э. — начало I тыс. н.э.). Типовое разнообразие курганов появилось только в раннем и развитом средневековье в культурах тунгусо-маньчжурского круга — мохэской, бохайской, чжурчжэньской. Но и здесь они были не аборигенными, а заимствованными — в мохэской культуре, вероятнее всего, от тюрок, в бохайской культуре — от тюрок, когурёсцев и китайцев. Завершающим этапом развития курганных сооружений является позднее средневековье, характеризующееся уникальной богопольской каменной гробницей, возведённой в XVII в. и обнаруживающей явно не аборигенные традиции. Но наряду с ней были и простые курганные погребения местного населения. В литературе имеются сведения о сооружении курганов в этнографическое время удэгейцами, но достоверность этих данных требует проверки. Известны отдельные каменные курганные сооружения и для современной эпохи. Такой факт зафиксирован в Тавричанке, где погребение под каменным курганом совершено в первой половине XX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Ж.В.* Курганы валентиновской группы памятников // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 120—125.
- Андреева Ж.В.* Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век. М.: Наука, 1977. 240 с.
- Бантыш-Каменский Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань, 1882.
- Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. 334 с.
- Болдин В.И., Дьякова О.В., Сидоренко Е.В.* Новогордеевское городище как источник для периодизации культур Приморья / Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация, датировка культур. Владивосток, 1990.
- Болдин В.И.* Городище Синельниково-1 и периодизация средневековых археологических культур Юго-Западного Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 181—185.
- Буссе Ф.Ф., Крапоткин Л.А.* Остатки древностей в Амурском крае // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1888. Т. 1. 39 с.
- Буссе Ф.Ф., Крапоткин Л.А.* Древности Амурского края // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1908. Т. 12. С. 1—66.
- Васильев В.П.* Описание Маньчжурии // Зап. РГО. Кн. 12. СПб., 1857.
- Васильев В.П.* Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин. СПб., 1863.
- Воробьёв М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). Исторический очерк. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1975. 451 с.
- Воробьёв М.В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). М.: Наука, 1983. 372 с.
- Воробьёв М.В.* Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времён до IX в. включительно). Владивосток: Дальнаука, 1994. С. 410.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.; Л., 1965. 144 с.
- Гарковик А.В., Горюшин Ю.А.* Могильник Соколовский: результаты археологической разведки 2001 г. // Россия и АТР. 2002. № 3. С. 88—95.
- Глуздовский В.Е.* Древности Амурского и Уссурийского края. Каталог музея Общества изучения Амурского края // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1907. Т. 11. С. 19.
- Горский В.* Начало и первые дела маньчжурского дома. Труды членов русской духовной миссии в Пекине. СПб., 1852. Т. 1. 215 с.
- Государство Бохай (698—926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М.: Наука, 1994. 56 с.
- Дайцин и тунджи (Историко-географическое описание Дайцинской династии), цз. 43—48.
- Дайцин и тунджи, цз. 46, Цзилинь, л. 5 (по Ф.В. Соловьёву).
- Деревянко А.П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 356 с.

- Деревянко А.П.* Приамурье: I тысячелетие до нашей эры. Новосибирск, 1976. 384 с.
- Деревянко А.П.* Культура яёй и её связи с материковыми культурами // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975. С. 138—149.
- Деревянко Е.И.* Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.
- Деревянко Е.И.* Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1975. 211 с.
- Долгих Б.О.* Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам // Сб. статей по истории Дальнего Востока. М., 1958. С. 119—141.
- Дополнение к актам историческим. СПб., 1846. Т. 2.
- Дополнение к актам историческим. СПб., 1848. Т. 3.
- Дьяков В.И.* Приморье в эпоху бронзы. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1989. 296 с.
- Дьякова О.В.* Каменный склеп у с. Богополь в Приморье в контексте истории Дальнего Востока // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2. С. 67—72.
- Дьяков В.И., Дьякова О.В.* Курганный комплекс Петровка-9 (Приморье) // Дальневосточно-сибирские древности. Новосибирск, 2012. С. 33—40.
- Дьяков В.И., Леонова Н.Б.* Курганы Приморья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск, 2001. С. 103—107.
- Дьяков В.И., Дьякова О.В.* Курган № 17 некрополя Петровка-9 // Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история: сб. науч. ст. Вып. 2. Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 44—59.
- Дьякова О.В.* Мохэская культурная общность (этногенетический аспект) // *Varietas delectans*: сб. к 70-летию Н.Л. Сухачёва. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 201—225.
- Дьякова О.В.* Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV—X вв. М.: Наука, 1984. 205 с.
- Дьякова О.В.* Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Ч. 2. Владивосток: Дальнаука, 1993. С. 179—289.
- Дьякова О.В.* Мохэские памятники Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1998. 318 с.
- Дьякова О.В.* Инновации в погребальных традициях средневековых тунгусо-маньчжуров Приморья (по материалам кургана № 41 некрополя Монастырка-III) // Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, история, этнография. Вып. 3 / отв. ред. О.В. Дьякова. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 163—182.
- Дьякова О.В.* О корреляции раннесредневековых культур Приамурья // Материальная культура Востока. М.: Наука, 1988. С. 27—31.
- Dyakova O.V.* On Some Aspects of the Mediaeval Cultural Studies // *Cultura Antiqua*. 1994. Vol. 46, N. 12. P. 17—19.
- Дьякова О.В., Дьяков В.И., Сакмаров С.А.* Позднесредневековая гончарная печь памятника Петровка-5 в Приморье // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. Вып. 4. С. 193—204.
- Дьякова О.В.* Каменный склеп у с. Богополь в Приморье в контексте истории Дальнего Востока // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2. Новосибирск, 2005. С. 67—72.
- Дьякова О.В.* Государство Бохай: археология, история, политика. М.: Восточная литература, 2014. 318 с.

- Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 162 с.
- Забелина Н.Н. К исторической топографии г. Уссурийска // Вопросы географии Дальнего Востока. Сб. 4. Хабаровск, 1959. С. 374—390.
- Завердюк Л.В. Градостроительная культура государства Бохай Восточной Азии: 698—926 гг.: дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / [Место защиты: Новосибир. гос. архитектур.-худож. акад.]. Новосибирск, 2007. 185 с.: ил. РГБ ОД, 61 07-18/55.
- Е Лун-ли. История государства киданей / пер. В.С. Таскина. М.: Наука, 1979.
- Ивлиев А.Л. Погребения киданей // Центральная Азия и соседние территории в средние века: сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, 1990. С. 42—63.
- История Дальнего Востока СССР с древнейших времён до XVII века. М.: Наука, 1989. 376 с.
- Кафаров Палладий. Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край // Изв. РГО. 1871. Т. 7. 364 с.
- Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 643 с.
- Клюев Н.А., Ким Дон Хун, Гарковик А.В., Дорофеева Н.А., Кривуля Ю.В., Морева О.Л., Слепцов И.Ю. Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья по материалам исследований 2008—2009 гг. Дэдзон, 2010. 340 с.
- Клюев Н.А., Слепцов И.Ю., Морева О.Л., Саранцева С.Е. Исследование кургана около городища Кокшаровка-1 в Приморье в 2012 г. // Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история. Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 106—119.
- Клюев Н.А., Слепцов И.Ю. Курганный комплекс Соколовский (результаты исследований 2001, 2007 гг.) // Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история. Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 71—105.
- Клюев Н.А. Могильник эпохи палеометалла на памятнике Дворянка 1 в Приморье // Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история. Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 60—70.
- Комиссаров С.А., Кудинова М.А., Соловьёв С.А. О назначении «аллеи духов» в ритуальной практике Китая и сопредельных территорий в эпоху древности и средневековья // Вестн. НГУ. Сер. «История, филология». 2012. Т. 11, вып. 10 (Востоковедение). С. 29—31.
- Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 135—160.
- Кызласов Л.Р. Этапы древней истории Тувы // ВМУ, ист.-филол. сер. 1958. № 4. С. 25—31.
- Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы // СА. 1959. № 3. С. 66—80.
- Кызласов Л.Р. Тува в составе уйгурского каганата // Уч. зап. ТНИИЯЛИ. Вып. 8. Кызыл, 1960.
- Кызласов Л.Р. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.) // ВМУ. Истор. науки. 1960. № 1. С. 65—67.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: МГУ, 1969. С. 23—35.

- Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Санкт-Петербургское лингвистическое общество, 2010. 361 с.
- Ларичев В.Е. Тайна каменной черепахи. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 254 с.
- Ларичев В.Е. Путешествия в страну восточных иноземцев. Новосибирск: Наука, 1973. 340 с.
- Ларичев В.Е. Навершие памятника князю Золотой империи (Уссурийск, Приморье) // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 205—224.
- Лебедева Е.П. Расселение маньчжурских родов в конце XVI и начале XVII вв. // Учён. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Л., 1957. Т. 132. С. 69—110.
- Лопатин И.А. Обзор южной части Приморской области в Восточной Сибири за Суйфуном // Зап. СО РГО. 1864. Т. 8. С. 182—184.
- Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
- Матвеев З.А. Бохай // ТДВГУ. Сер. 6, № 8. Владивосток, 1929. 39 с.
- Медведев В.Е. Курганы Приамурья. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. 1998. 143 с.
- Медведев В.Е. Культура амурских чжурчжэней. Конец X—XI вв. Новосибирск, 1977. 125 с.
- Мелихов Г.В. Процесс консолидации маньчжурских племён при Нурхаци и Абахае (1591—1644 гг.) // Маньчжурское владычество в Китае. М.: Наука, 1966.
- Мелихов Г.В. К истории проникновения маньчжуров в бассейн верхнего Амура в 80-х годах XVII в. // Маньчжурское владычество в Китае. М.: Наука, 1966.
- Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 152 с.
- Надаров И. Северо-Уссурийский край. СПб: Военная типография, 1887. 234 с.
- Никитин Ю.Г., Чжун Сук Бэ, Я.Е., Пискарёва Я.Е. Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2006 году. Б/м. 2007. 397 с.
- Овчинникова Б.Б. Оградки в традиции народов Саяно-Алтая // Тез. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 1992. С. 206—208.
- Окладников А.П. Далёкое прошлое Приморья. Владивосток: Примор. кн. изд-во, 1959. 392 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П. Далёкое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. 440 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П. Польце — поселение раннего железного века у с. Кукелево: материалы полевых исследований Дальневост. археол. экспедиции. Новосибирск, 1970. Вып. 1. 234 с.
- Окладников А.П., Шавкунов Э.В. Погребение с бронзовыми кинжалами на р. Майхэ (Приморье) // Сов. археология. 1960. № 3. С. 282—288.
- Окладников А.П., Глинский С.В., Медведев В.Е. Раскопки древнего поселения Булочка у города Находка в Сучанской долине // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1972. № 6, вып. 2. С. 66—72.
- Палладий и Попов П.С. Китайско-русский словарь. Пекин, 1888. Т. 1.
- Памятники истории и культуры Приморского края. Материалы к своду. М: Наука, 1991. 179 с.

- Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.
- Рудаков А.В.* Поземельный вопрос в Гиринской провинции в связи с её заселением (перевод Цзилинь тунчжи) // Изв. Восточного института. Т. 3. Владивосток, 1902. 125 с.
- Рудаков А.В.* Материалы по истории культуры в Гиринской провинции (1644—1902 гг.). Т. 1. Владивосток, 1903. 89 с.
- Савинов Д.Г.* Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 108.
- Савинов Д.Г.* Антропоморфные изваяния и вопрос о ранних тюрко-кыргызских связях // Тюркологический сборник 1977 года. М., 1981. С. 232—248.
- Савинов Д.Г.* Погребения в каменных ящиках в Южной Сибири конца 1 тыс. до н.э.: возрождение традиций или миграция // Смена культур и миграции в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1987. 176 с.
- Сей Вада.* Племена нижних притоков Амура по китайским источникам // Записки исследовательского департамента Тойо Бунко (Восточная библиотека). Токио, 1938. № 10. С. 91—92. (По Ф.В. Соловьёву).
- Сем Ю.А.* Чжурчжэньский могильник в долине Партизанска // Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973. С. 126—131.
- Сидоренко Е.В.* Пряслица тетюхинской группы памятников эпохи палеометалла горно-таёжной зоны Приморья // Россия и АТР. Владивосток, 2011. № 3. С. 27—36.
- Сидоренко Е.В.* Северо-Восточное Приморье в эпоху палеометалла. Владивосток: Дальнаука, 2007. 270 с.
- Слепцов И.Ю., Клюев Н.А., Гарковик А.В., Горюшин Ю.А.* Могильник Соколовский: результаты археологической разведки 2001 г. // Россия и АТР. 2002. № 3. С. 88—95.
- Соловьёв Ф.В.* Китайские отходники и их географические названия в Приморье. Владивосток, 1973. 282 с.
- Степи Евразии в эпоху средневековья.* М., 1981. 304 с.
- Фёдоров А.З.* Памятники старины в городе Никольске-Уссурийском и его окрестностях. Никольск-Уссурийский; Владивосток, 1916. 24 с.
- Хан Гю Чхоль.* Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай / ДВО РАН. Владивосток, 2001. С. 66—71.
- Шавкунов Э.В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968. 129 с.
- Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. 435 с.

ИСТОЧНИКИ

- Андреев Г.И.* Отчёт о работах в Приморье Прибрежного отряда ДВАЭ в 1960 г. / Арх. ИА РАН. Р-1. № 2074.
- Андреев Г.И.* Отчёт о работах в Приморье Прибрежного отряда ДВАЭ в 1959 г. / Арх. ИА АН СССР. Р-1. № 1923.
- Андреева Ж.В.* Отчёт о раскопках на поселении Синие Скалы Ольгинского района Приморского края за 1965 г. / Арх. ИА АН СССР. Р-1. № 3102.
- Артемяева Н.Г.* Отчёт об археологических исследованиях га памятниках Краснополье-1, Монакино-4, Ратное-3, Ратное-5 в Партизанском районе Приморского края в 2011 г. Владивосток-2012 / Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 683.
- Галактионов О.С.* Отчёт об археологических разведках на территории Приморского края в 1983 г. / Арх. ИА АН СССР. Р-1. № 11516.
- Дьяков В.И.* Отчёт о раскопках памятника Монастырка-III — первого мохэского могильника в Приморском крае. 1986 г. / Арх. ИА РАН. Р-1. № 13435.
- Дьяков В.И.* Отчёт об археологических поисковых работах в Пограничном районе Приморского края в 1990 г. / Арх. ИА РАН. Р-1. № 15231.
- Дьяков В.И.* Научный отчёт о продолжении археологических раскопок памятника Петровка-9, разведочных работах в Шкотовском, Ханкайском районах Приморского края / Арх. ИА РАН. Р-1. № 26014.
- Дьякова О.В.* Археологические исследования в Приморском крае за 1992 г. / Арх. ИА РАН. Р-1. № 17039.
- Дьякова О.В.* Раскопки раннесредневекового могильника Монастырка-III в Приморском крае в 1993 г. / Арх. ИА РАН. Р-1. № 18183.
- Дьякова О.В.* Отчёт об археологических исследованиях в Приморском крае и Амурской области в 1994 г. / Арх. ИА РАН. Р-1. № 18592.
- Дьякова О.В.* Археологические исследования Амуро-Приморской археологической экспедиции в Приморском крае в 1995 г. / Арх. ИА РАН. Р-1. № 19113.
- Дьякова О.В.* Археологические исследования Амуро-Приморской археологической экспедиции в Приморском крае в 1996 г. / Арх. ИА РАН. Р-1. № 20065.
- Дьякова О.В.* Отчёт о работах Амуро-Приморской археологической экспедиции в 2003 г. на городище Сибайгоу и разведочных работах в Кавалеровском, Ольгинском, Чугуевском и Пожарском районах Приморского края / Арх. ИА РАН. Р-1. № 24041.
- Дьякова О.В.* Отчёт о разведывательных работах Амуро-Приморской археологической экспедиции в Ольгинском, Чугуевском, Кавалеровском, Дальнегорском районах Приморского края в 2011 г. / Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 690.
- Леонова Н.Б.* Археологические раскопки памятников Петровка-5, -6, -9 у г. Большой Камень в Приморском крае в 2000 г. / Арх. ИА РАН. Р-1. № 26041.
- Окладников А.П.* Отчёт о работе ДВАЭ летом 1954 г. / Арх. ИА АН СССР. Р-1. № 1029.
- Окладников А.П.* Отчёт о работе ДВАЭ летом 1954 г. / Арх. ИА АН СССР. Р-1. № 1189.
- Слепцов И.Ю.* Отчёт об археологической разведке в Лазовском районе Приморского края в 2001 г. // Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 482.

- Фёдоров А.З.* Полевой дневник за 1915 г. / Фонды Приморского краеведческого музея им. В.К. Арсеньева. МПК № 4780.
- Харламов Н.Г.* Раскопки в Дальневосточном крае. Отчёт-дневник о работе 1928 г., опись материалов и карта / Арх. ЛОИА АН СССР. Ф. 2. № 135, 60.
- Хорев В.А.* Отчёт об археологической разведке в Лазовском, Ольгинском, Михайловском и Октябрьском районах Приморского края в 1975 г. / Арх. ИА АН СССР. Р-1. № 5741.
- Хорев В.А.* Отчёт об археологической разведке в Лазовском, Ольгинском, Михайловском и Октябрьском районах Приморского края в 1986 г. / Арх. ИА АН СССР. Р-1. № 11291.
- Шавкунов Э.В.* Отчёт о результатах полевых исследований на территории Приморского края. 1955—1956 гг. / Арх. ИА РАН. Р-1. № 1316.
- Шавкунов Э.В.* Отчёт о результатах археологических исследований в 1959 г. / Арх. ИА АН СССР. Р-1. № 1877.
- Шавкунов Э.В.* Отчёт об археологических исследованиях на юге Приморского края в 1963 г. / Арх. ИА АН СССР. Р-1. № 2678.
- Шавкунов Э.В.* Отчёт о результатах археологических исследований сотрудника Отдела истории и археологии ДВ Филиала СО АН СССР Шавкунова Э.В. в 1958 г. / Арх. ИА РАН. Р-1. № 1719.
- Шавкунов В.Э.* Отчёт об археологических работах в Приморском крае в 2001 г. / Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 452.
- Шавкунов В.Э.* Отчёт об археологической разведке в Яковлевском районе Приморского края в 1987 г. / Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 228.

REFERENS

- Andreeva Zh.V.* Kurgany valentinovskoj gruppy pamyatnikov // Bronzovyj i zheleznyj vek Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1974. S. 120—125.
- Andreeva Zh.V.* Primor'e v ehpokhu pervobytnoobshhnogo stroya. Zheleznyj vek. M.: Nauka, 1977. 240 s.
- Bantysh-Kamenskij N.* Diplomatičeskoe sobranie del mezhdru Rossijskim i Kitajskim gosudarstvami s 1619 po 1792 g. Kazan', 1882.
- Bichurin N.Ya.* (Iakinf). Sobranie svedenij o narodakh, obitavshikh v Srednej Azii v drevnie vremena. M.; L., 1950. 334 s.
- Boldin V.I., Diakova O.V., Sidorenko E.V.* Novogorodeevskoe gorodishhe kak istochnik dlya periodizatsii kul'tur Primor'ya / Problemy srednevekovoj arkheologii Dal'nego Vostoka: proiskhozhdenie, periodizatsiya, datirovka kul'tur. Vladivostok, 1990.
- Boldin V.I.* Gorodishhe Sinel'nikovo-1 i periodizatsiya srednevekovykh arkheologicheskikh kul'tur Yugo-Zapadnogo Primor'ya // Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka. Vladivostok: DVO RAN, 2002. S. 181—185.
- Busse F.F., Krapotkin L.A.* Ostatki drevnostej v Amurskom krae // Zapiski Obshhestva izucheniya Amurskogo kraya. Vladivostok, 1888. T. 1. 39 s.
- Busse F.F., Krapotkin L.A.* Drevnosti Amurskogo kraya // Zapiski Obshhestva izucheniya Amurskogo kraya. Vladivostok, 1908. vyp. 12. S. 1—66.
- Vasil'ev V.P.* Opisanie Man'chzhurii // Zap. RGO. Kn. 12. SPb., 1857.
- Vasil'ev V.P.* Svedeniya o man'chzhurakh vo vremena dinastij Yuan' i Min. SPb., 1863.
- Vorob'ev M.V.* Chzhurchzhelni i gosudarstvo Tszin' (X v. — 1234 g.). Istoricheskij ocherk. M.: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury, 1975. 451 s.
- Vorob'ev M.V.* Kul'tura chzhurchzhelnej i gosudarstva Tszin' (X v. — 1234 g.). M.: Nauka, 1983. 372 s.
- Vorob'ev M.V.* Man'chzhuriya i Vostochnaya Vnutrennyaya Mongoliya (s drevnejshikh vremen do IX v. vklyuchitel'no). Vladivostok: Dal'nauka, 1994. S. 410.
- Gavrilova A.A.* Mogil'nik Kudyrgeh kak istochnik po istorii altajskikh plemen. M.; L., 1965. 144 s.
- Garkovik A.V., Goryushin Yu.A.* Mogil'nik Sokolovskij: rezul'taty arkheologicheskoi razvedki 2001 g. // Rossiya i ATR. 2002. № 3. S. 88—95.
- Gluzdovskij V.E.* Drevnosti Amurskogo i Ussurijskogo kraya. Katalog muzeya Obshhestva izucheniya Amurskogo kraya // Zapiski Obshhestva izucheniya Amurskogo kraya. Vladivostok, 1907. T. 11. C. 19.
- Gorskij V.* Nachalo i pervye dela man'chzhurskogo doma. Trudy chlenov russkoj dukhovnoj missii v Pekine. SPb., 1852. T. 1.
- Gosudarstvo Bokhaj (698—926 gg.) i plemena Dal'nego Vostoka Rossii. M.: Nauka, 1994. 56 s.
- Dajtsin i tunchzhi (Istoriko-geograficheskoe opisanie Dajtsinskoj dinastii), tsz. 43—48. Dajtsin i tunchzhi, tsz. 46, Tszilin', l. 5 (po F.V. Solov'evu).
- Derevyanko A.P.* Rannij zheleznyj vek Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, 1973. 356 s.
- Derevyanko A.P.* Priamur'e: I tysyacheletie do nashej ehry. Novosibirsk, 1976. 384 s.
- Derevyanko A.P.* Kul'tura yaej i ee svyazi s materikovymi kul'turami // Arkheologiya Severnoj i Tsentral'noj Azii. Novosibirsk: Nauka, 1975. S. 138—149.

- Derevyanko E.I.* Troitskij mogil'nik. Novosibirsk: Nauka, 1977. 224 s.
- Derevyanko E.I.* Mokhehskie pamyatniki Srednego Amura. Novosibirsk: Nauka, 1975. 211 s.
- Dolgikh B.O.* Ehtnicheskij sostav i rasselenie narodov Amura v XVII v. po russkim istochnikam // Sb. statej po istorii Dal'nego Vostoka. M., 1958. S. 119—141.
- Dopolnenie k aktam istoricheskim. SPb., 1846. T. 2.
- Dopolnenie k aktam istoricheskim. SPb., 1848. T. 3.
- Diakov V.I.* Primor'e v ehpokhu bronzy. Vladivostok: Izd-vo DVGU, 1989. 296 s.
- Diakova O.V.* Kamennyj sklep u s. Bogopol' v Primor'e v kontekste istorii Dal'nego Vostoka Arkheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii, № 2. 2005, s. 67—72.
- Diakov V.I., D'yakova O.V.* Kurgannyj kompleks Petrovka-9 (Primor'e) // Dal'nevostochno-sibirskie drevnosti. Novosibirsk, 2012. S. 33—40.
- Diakov V.I., Leonova N.B.* Kurgany Primor'ya // Integratsiya arkheologicheskikh i ehtnograficheskikh issledovanij. Nal'chik; Omsk, 2001. S. 103—107.
- Diakov V.I., D'yakova O.V.* Kurgan № 17 nekropolya Petrovka-9 // Aziatsko-Tikhookeanskij region: arkheologiya, ehtnografiya, istoriya. Sbornik nauchnykh statej. — Vyp. 2. — Vladivostok: Dal'nauka, 2013, s. 44—59.
- Diakova O.V.* Mokhehskaya kul'turnaya obshhnost' (ehtnogeneticheskij aspekt) // Varietas delectans. Sbornik k 70-letiyu N.L. Sukhachyova. — SPb.: Izd-vo "Nestor-Istoriya", 2012. S. 201—225.
- Diakova O.V.* Rannesrednekovaya keramika Dal'nego Vostoka SSSR kak istoricheskij istochnik IV—X vv. Moskva: Nauka, 1984. S. 205.
- Diakova O.V.* Proiskhozhdenie, formirovanie i razvitie srednekovykh kul'tur Dal'nego Vostoka. Ch. 2. Vladivostok: Dal'nauka, 1993. S. 179—289.
- D'yakova O.V.* Mokhehskie pamyatniki Primor'ya. Vladivostok: Dal'nauka, 1998. 318 s.
- Diakova O.V.* Innovatsii v pogrebal'nykh traditsiyakh srednekovykh tunguso-man'chzhurov Primor'ya (po materialam kurgan № 41 nekropolya Monastyрка-III) // Aziatsko-Tikhookeanskij region: arkheologiya, istoriya, ehtnografiya. Otv. red. O.V. D'yakova. Vyp. 3. Vladivostok: Dal'nauka, 2014. S. 163—182.
- Diakova O.V.* O korrelyatsii rannesrednekovykh kul'tur Priamur'ya // Material'naya kul'tura Vostoka. M.: Nauka. 1988, s. 27—31.
- Diakova O.V.* On Some Aspects of the Mediaeval Cultural Studies // Cultura Antiqua. 1994. Vol. 46, No. 12, p. 17—19.
- Diakova O.V., D'yakov V.I., Sakmarov S.A.* Pozdnesrednekovaya goncharnaya pech' pamyatnika Petrovka-5 v Primor'e // Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii. Blagoveshensk: Izd-vo AmGu, 2002. Vyp. 4. S. 193—204.
- Diakova O.V.* Kamennyj sklep u s. Bogopol' v Primor'e v kontekste istorii Dal'nego Vostoka // Arkheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii. № 2. Novosibirsk, 2005. S. 67—72.
- Diakova O.V.* Gosudarstvo Bokhaj: arkheologiya, istoriya, politika. M.: Vostochnaya literatura, 2014. 318 s.
- Diakonova V.P.* Pogrebal'nyj obryad tuvintsev kak istoriko-ehtnograficheskij istochnik. L.: Nauka, 1975. 162 s.
- Zabelina N.N.* K istoricheskoy topografii g. Ussurijska // Voprosy geografii Dal'nego Vostoka. Sb. 4. Khabarovsk, 1959. S. 374—390.

- Zaverdyuk L.V. Gradostroitel'naya kul'tura gosudarstva Bokhaj Vostochnoj Azii: 698—926 gg.: dis. ... kand. arkhitektury: 18.00.01 / [Mesto zashhity: Novosib. gos. arkhitektur.-khudozh. akad.]. Novosibirsk, 2007. 185 s.: il. RGB OD, 61 07-18/55.
- E Lun-li. Istoriya gosudarstva kidanej / per. V.S. Taskina. M.: Nauka, 1979.
- Ivliev A.L. Pogrebeniya kidanej // Tsentral'naya Aziya i sosednie territorii v srednie veka: sb. nauch. tr. Novosibirsk: Nauka. 1990. S. 42—63.
- Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR s drevnejshikh vremen do XVII veka. M.: Nauka, 1989. 376 s.
- Kafarov Palladij. Ehtnograficheskaya ehkspeditsiya v Yuzhno-Ussurijskij kraj // Izv. RGO. 1871. T. 7. 364 s.
- Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoj Sibiri. M., 1951. 643 s.
- Klyuev N.A., Kim Don Khun, Garkovik A.V., Dorofeeva N.A., Krivulya Yu.V., Moreva O.L., Sleptsov I.Yu. Arkheologicheskie pamyatniki ehpokhi paleometalla i ran-nego srednevekov'ya Primor'ya po materialam issledovanij 2008—2009 gg. Dehdzhon, 2010. 340 s.
- Klyuev N.A., Sleptsov I.Yu., Moreva O.L., Sarantseva S.E. Issledovanie kurgana okolo gorodishha Koksharovka-1 v Primor'e v 2012 g. // Aziatsko-Tikhookeanskij region: arkheologiya, ehtnografiya, istoriya. Vladivostok: Dal'nauka, 2013. S. 106—119.
- Klyuev N.A., Sleptsov I.Yu. Kurgannyj kompleks Sokolovskij (rezul'taty issledovanij 2001, 2007 gg.) // Aziatsko-Tikhookeanskij region: arkheologiya, ehtnografiya, istoriya. Vladivostok: Dal'nauka, 2013. S. 71—105.
- Klyuev N.A. Mogil'nik ehpokhi paleometalla na pamyatnike Dvoryanka 1 v Primor'e // Aziatsko-Tikhookeanskij region: arkheologiya, ehtnografiya, istoriya. Vladivostok: Dal'nauka, 2013. S. 60—70.
- Komissarov S.A., Kudinova M.A., Solov'ev S.A. O naznachenii "allei dukhov" v ritual'noj praktike Kitaya i sopredel'nykh territorij v ehpokhu drevnosti i srednevekov'ya // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya., 2012. T. 11, vyp. 10: vostokovedenie, s. 29—31.
- Kubarev V.D. Novye svedeniya o drevnetyurkskikh ogradkakh Vostochnogo Altaya // Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka. Novosibirsk, 1979. S. 135—160.
- Kyzlasov L.R. Ehtapy drevnej istorii Tuvy // VMU, ist.-filol. ser. 1958. № 4. S. 25—31.
- Kyzlasov L.R. Srednevekovye goroda Tuvy // SA. 1959. № 3. S. 66—80.
- Kyzlasov L.R. Tuva v sostave ujugurskogo kaganata // Uch. zap. TNIIYALI. Vyp. 8. Kyzyl, 1960.
- Kyzlasov L.R. Tuva v period tyurkskogo kaganata (VI—VIII vv.) // VMU. Istor. nauki. 1960. № 1. S. 65—67.
- Kyzlasov L.R. Istoriya Tuvy v srednie veka. M.: MGU, 1969. S. 23—35.
- Kychanov E.I. Istoriya prigranichnykh s Kitaem drevnikh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov). SPb.: Sankt-Peterburgskoe lingvisticheskoe obshhestvo, 2010. 361 s.
- Larichev V.E. Tajna kamennoj cherepakhi. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1966. 254 s.
- Larichev V.E. Puteshestviya v stranu vostochnykh inozemtsev. Novosibirsk: Nauka, 1973. 340 s.

- Larichev V.E.* Navershie pamyatnika knyazyu Zolotoj imperii (Ussurijsk, Primor'e) // Bronzovyj i zheleznyj vek Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1974. S. 205—224.
- Lebedeva E.P.* Rasselenie man'chzhurskikh rodov v kontse XVI i nachale XVII vv. // Uchen. zap. Leningr. gos. ped. in-ta im. A.I. Gertsena. L., 1957. T. 132. S. 69—110.
- Lopatin I.A.* Obzor yuzhnoj chasti Primorskoj oblasti v Vostochnoj Sibiri za Sujfunom // Zap. SO RGO. 1864. T. 8. S. 182—184.
- Man'chzhurskoe vladychestvo v Kitae. M., 1966.
- Matveev Z.A.* Bokhaj // TDVGU. Ser. 6, № 8. Vladivostok, 1929. 39 s.
- Medvedev V.E.* Kurgany Priamur'ya. Novosibirsk: Izd-vo IAEH SO RAN. 1998. 143 s.
- Medvedev V.E.* Kul'tura amurskikh chzhurchzhenej. Konets X—XI vek. Novosibirsk, 1977. 125 s.
- Melikhov G.V.* Protsess konsolidatsii man'chzhurskikh plemen pri Nurkhatsi i Abakhae (1591—1644 gg.) // Man'chzhurskoe vladychestvo v Kitae. M.: Nauka, 1966.
- Melikhov G.V.* K istorii proniknoveniya man'chzhurov v bassejn verkhnego Amura v 80-kh godakh XVII v. // Man'chzhurskoe vladychestvo v Kitae. M.: Nauka, 1966.
- Merpert N.Ya.* Drevnejšie skotovody Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ya. M.: Nauka, 1974. 152 s.
- Nadarov I.* Severo-Ussurijskij kraj. SPb: Voennaya tipografiya, 1887.
- Nikitin Yu.G., Chzhun Suk Beh, Piskaryova Ya.E.* Arkheologicheskie issledovaniya na mogil'nike Chernyatino-5 v Primor'e v 2006 godu. B/m. 2007. 397 s.
- Ovchinnikova B.B.* Ogradki v traditsii narodov Sayano-Altaya // Tez. konf. k90-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova. SPb., 1992. S. 206—208.
- Okladnikov A.P.* Dalekoe proshloe Primor'ya. Vladivostok: Primor. kn. izd-vo, 1959. 392 s.
- Okladnikov A.P., Derevyanko A.P.* Dalekoe proshloe Primor'ya i Priamur'ya. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo, 1973. 440 s.
- Okladnikov A.P., Derevyanko A.P.* Pol'tse — poselenie rannego zheleznogo veka u s. Kukelevo: materialy polevykh issledovanij Dal'nevost. arkheol. ehkspeditsii. Novosibirsk, 1970. Vyp. 1.
- Okladnikov A.P., Shavkunov Eh.V.* Pogrebenie s bronzovymi kinzhalami na r. Majkheh (Primor'e) // Sov. arkheologiya. 1960. № 3. S. 282—288.
- Okladnikov A.P., Glinskij S.V., Medvedev V.E.* Raskopki drevnego poseleniya Bulochka u goroda Nakhodka v Suchanskoj doline // Izv. SO AN SSSR. Ser. obshhestv. nauk. 1972. № 6, vyp. 2. S. 66—72.
- Palladij i Popov P.S.* Kitajsko-russkij slovar'. Pekin, 1888. T. 1.
- Pamyatniki istorii i kul'tury Primorskogo kraya. Materialy k svodu. M: Nauka, 1991.
- Rudenko S.I.* Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya. M.; L., 1960. 360 s.
- Rudakov A.V.* Pozemel'nyj vopros v Girinskoj provintsii v svyazi s ee zaseleniem (perevod Tszilin' tunchzhi) // Izv. Vostochnogo instituta. T. 3. Vladivostok, 1902.
- Rudakov A.V.* Materialy po istorii kul'tury v Girinskoj provintsii (1644—1902 gg.). T. 1. Vladivostok, 1903.
- Savinov D.G.* Drevnetyurkskie kurgany Uzuntala // Arkheologiya Severnoj Azii. Novosibirsk, 1982. S. 108.

- Savinov D.G.* Antropomorfnye izvayaniya i vopros o rannikh tyurko-kyrgyzskikh svyazyakh // Tyurkologicheskij sbornik 1977 goda. M., 1981. S. 232—248.
- Savinov D.G.* Pogrebeniya v kamennykh yashhikakh v Yuzhnoj Sibiri kontsa 1 tys. do n. eh.: vozrozhdenie traditsij ili migratsiya // Smena kul'tur i migratsii v Zapadnoj Sibiri. Tomsk: TGU, 1987. 176 s.
- Sej Vada.* Plemena nizhnikh pritokov Amura po kitajskim istochnikam // Zapiski issledovatel'skogo departamenta Tojo Bunko (Vostochnaya biblioteka). Tokio, 1938. № 10. S. 91—92. (Po F.V. Solov'evu).
- Sem Yu.A.* Chzhurchzhehn'skij mogil'nik v doline Partizanska // Materialy po istorii Dal'nego Vostoka. Vladivostok, 1973. S. 126—131.
- Sidorenko E.V.* Pryaslitsa tetyukhinskoj gruppy pamyatnikov ehpokhi paleometalla gorno-tayozhnoj zony Primor'ya // Rossiya i ATR. Vladivostok, 2011. № 3. S. 27—36.
- Sidorenko E.V.* Severo-Vostochnoe Primor'e v ehpokhu paleometalla. Vladivostok: Dal'nauka, 2007. 270 s.
- Sleptsov I.Yu., Klyuev N.A., Garkovik A.V., Goryushin Yu.A.* Mogil'nik Sokolovskij: rezul'taty arkheologicheskoy razvedki 2001 g. // Rossiya i ATR. 2002. № 3. S. 88—95.
- Solov'ev F.V.* Kitajskie otkhodniki i ikh geograficheskie nazvaniya v Primor'e. Vladivostok, 1973. 282 s.
- Stepi Evrazii v ehpokhu srednevekov'ya. M., 1981. 304 s.
- Fedorov A.Z.* Pamyatniki stariny v gorode Nikol'ske-Ussurijskom i ego okrestnostyakh. Nikol'sk-Ussurijskij; Vladivostok, 1916. 24 s.
- Khan Gyu Chkhol'.* Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Vostochnoj Azii. K 1300-letiyu obrazovaniya gosudarstva Bokhaj / DVO RAN. Vladivostok, 2001. S. 66—71.
- Shavkunov Er.V.* Gosudarstvo Bokhaj i pamyatniki ego kul'tury v Primor'e. L.: Nauka, 1968. 129 s.
- Shternberg L.Ya.* Gilyaki, orochi, gol'dy, negidal'tsy, ajny. Khabarovsk, 1933. 435 s.

ISTOCHNIKI

- Andreev G.I.* Otchet o rabotakh v Primor'e Pribrezhnogo otryada DVAEH v 1960 godu. Arkh. IA RAN. R-1. № 2074.
- Andreev G.I.* Otchet o rabotakh v Primor'e Pribrezhnogo otryada DVAEH v 1959 g. // Arkh. IA AN SSSR. R-1. № 1923.
- Andreeva Zh.V.* Otchet o raskopkakh na poselenii Sinie Skaly Ol'ginskogo rajona Primorskogo kraja za 1965 g. // Arkh. IA AN SSSR. R-1. № 3102.
- Artem'eva N.G.* Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh ga pamyatnikakh Krasnopol'e-1, Monakino-4, Ratnoe-3, Ratnoe-5 v Partizanskom rajone Primorskogo kraja v 2011 godu. Vladivostok-2012 // Arkh. IHAЕ FEBRAS DVO RAN. F. 1. Op. 2. D. 683.
- Galaktionov O.S.* Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii Primorskogo kraja v 1983 g. // Arkh. IA AN SSSR. R-1. № 11516.
- Diakov V.I.* Otchet o raskopkakh pamyatnika Monastyрка-III — pervogo mokhehskogo mogil'nika v Primorskom krae. 1986 g. // Arkh. IA RAN. R-1. № 13435.
- Diakov V.I.* Otchet ob arkheologicheskikh poiskovykh rabotakh v Pogranichnom rajone Primorskogo kraja v 1990 g. // Arkh. IA RAN. R-1. № 15231.
- Diakov V.I.* Nauchnyj otchet o prodolzhenii arkheologicheskikh raskopok pamyatnika Petrovka-9, razvedochnykh rabotakh v Shkotovskom, Khankajskom rajonakh Primorskogo kraja // Arkh. IA RAN. R-1. № 26014.
- Diakova O.V.* Arkheologicheskie issledovaniya v Primorskom krae za 1992 g. // Arkh. IA RAN. R-1. № 17039.
- D'yakova O.V.* Raskopki rannesrednevekovogo mogil'nika Monastyрка-III v Primorskom krae v 1993 godu // Arkh. IA RAN. R-1. № 18183.
- Diakova O.V.* Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Primorskom krae i Amurskoj oblasti v 1994 g. // Arkh. IA RAN. R-1. № 18592.
- D'iakova O.V.* Arkheologicheskie issledovaniya Amuro-Primorskoj arkheologicheskoy ehkspeditsii v Primorskom krae v 1995 godu // Arkh. IA RAN. R-1. № 19113.
- Diakova O.V.* Arkheologicheskie issledovaniya Amuro-Primorskoj arkheologicheskoy ehkspeditsii v Primorskom krae v 1996 godu // Arkh. IA RAN. R-1. № 20065.
- Diakova O.V.* Otchet o rabotakh Amuro-Primorskoj arkheologicheskoy ehkspeditsii v 2003 g. na gorodishhe Sibajgou i razvedochnykh rabotakh v Kavalerovskom, Ol'ginskom, Chuguevskom i Pozharskom rajonakh Primorskogo kraja. Vladivostok // Arkh. IA RAN. R-1. № 24041.
- Diakova O.V.* Otchyot o razvedyvatel'nykh rabotakh Amuro-Primorskoj arkheologicheskoy ehkspeditsii v Ol'ginskom, Chuguevskom, Kavalerovskom, Dal'negorskom rajonakh Primorskogo kraja v 2011 godu // Arkh. IHAЕ FEBRAS DVO RAN. F. 1. Op. 2. D. 690.
- Leonova N.B.* Arkheologicheskie raskopki pamyatnikov Petrovka-5, -6, -9 u g. Bol'shoj Kamen' v Primorskom krae v 2000 g. // Arkh. IA RAN. R-1. № 26041.
- Okladnikov A.P.* Otchet o rabote DVAEH letom 1954 g. // Arkh. IA AN SSSR. R-1. № 1029.
- Okladnikov A.P.* Otchet o rabote DVAEH letom 1954 g. // Arkh. IA AN SSSR. R-1. № 1189.

- Sleptsov I.Yu.* Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v Lazovskom rajone Primorskogo kraya v 2001 g. // Arkh. IHAE FEBRAS DVO RAN. F. 1. Op. 2. D. 482.
- Fedorov A.Z.* Polevoj dnevnik za 1915 g. // Fondy Primorskogo kraevedcheskogo muzeya im. V.K. Arsen'eva. MPK № 4780.
- Kharlamov N.G.* Raskopki v Dal'nevostochnom krae. Otchet-dnevnik o rabote 1928 g., opis' materialov i karta // Arkh. LOIA AN SSSR. F. 2. № 135, 60.
- Khorev V.A.* Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v Lazovskom, Ol'ginskom, Mikhailovskom i Oktyabr'skom rajonakh Primorskogo kraya v 1975 g. // Arkh. IA AN SSSR. R-1. № 5741.
- Khorev V.A.* Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v Lazovskom, Ol'ginskom, Mikhailovskom i Oktyabr'skom rajonakh Primorskogo kraya v 1986 g. // Arkh. IA AN SSSR. R-1. № 11291.
- Shavkunov Eh.V.* Otchet o rezul'tatakh polevykh issledovaniy na territorii Primorskogo kraya. 1955—1956 gg. // Arkh. IA RAN. R-1. № 1316.
- Shavkunov Er.V.* Otchet o rezul'tatakh arkheologicheskikh issledovaniy v 1959 g. // Arkh. IA AN SSSR. R-1. № 1877.
- Shavkunov Er.V.* Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na yuge Primorskogo kraya v 1963 g. // Arkh. IA AN SSSR. R-1. № 2678.
- Shavkunov Er.V.* Otchet o rezul'tatakh arkheologicheskikh issledovaniy sotrudnika Otdela istorii i arkheologii DV Filiala SO AN SSSR Shavkunova Eh.V. v 1958 g. // Arkh. IA RAN. R-1. № 1719.
- Shavkunov V.Eh.* Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Primorskom krae v 2001 godu // Arkh. IHAE FEBRAS DVO RAN. F. 1. Op. 2. № 452.
- Shavkunov V.Er.* Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v Yakovlevskom rajone Primorskogo kraya v 1987 g. // Arkh. IHAE FEBRAS DVO RAN. F. 1. Op. 2. № 228.

SUMMARY

THE ANCIENT MOUNDS OF PRIMORYE

Primorye, the Russia's far eastern province, has remained a blank area on the imaginary map of ancient mounds scattered around the vastness of the Far East and Central Asia. Indeed we know too little about Primorye's prehistoric and mediaeval burial mounds and barrows. Do they actually exist? Or was Primorye somehow excluded from the world of burial mound traditions? If burial mounds do or did exist, what about their geographical distribution, geomorphological features, dating, classification, ethnicity? All of these questions are yet to be addressed.

As of today, archives and current publications have permitted to recognize 42 barrow cemeteries: Nikolski, Borisovski, Sergeevski, Suchanski, Boguslavski, Koksharovski, Shmidtovski, Poltavski, Krounovski, Abrikosovski, De-Friz, Terekhovski, Shaiginski, Monomahovski, Starokamenski, Batyukinski, Furmanovski, Valentinovski, Pokrovski, Otradnenski, Peschanoe-I, Popova, Mihajlovski, Kozakovski, Monastyrka-III, Petrovski, Sokolovski, Chernyatino-5, Rudnikovski, Tavrichanski, Ukrainka-9, Monakinovski, Bogopolskaya and a few more. Unfortunately the majority of them are only known by a brief tip on the location, nothing more. This is why we've worked out our chronological classification by referring to the following few methodically investigated mounds: Nikolsk-Ussurijski cluster, Petrovka-9, Monakinovski, Monastyrka-3, and the Bogopol tomb. After having analyzed all available data we were able to conclude that Primorye fitted well into the broader historic context. Burial mound cemeteries were nothing alien to Primorye since the Early Metal through Late Middle Ages.

The Early Metal Epoch

The oldest burial mounds are tied to the Yankovskaya culture that dates to early Metal epoch. They either are scattered around big fields, or compacted into clusters, or stand out just as isolated mounds.

Geomorphologically, the mounds are usually found in valleys, but sometimes occupy hill sides. The mounds are mapped as circles, with cross-sections resembling a tent or yurt. Such resemblance suggests borrowing from nomadic burial traditions.

The architecture of the mounds is commonplace. Builders would have to flatten and delineate the ground, then create a "cushion", a platform to raise a mound on. Such structure needed to be surrounded by a ditch which yielded a soil for the "cushion". In some instances, found underneath the platform there was a circle (3.5×3.2 m) made from stones firmly pressed into the ground. In size, the circle corresponded to the initial dimensions of the mound base. Inside the stone circle, there lay pieces of charcoal. Whether or not those occurrences are connected with burial procedure (for example, cremation or other ritualistic elements like, say, stone fencing) is yet to be clarified. We cannot exclude though that stone circle and stones wedged into the ground could be just means of making a plot plan. Many of the mounds have rectangular (sub-rectangular) burial pits measuring 1.8—1.6×1.0—0.8 m at the

“cushion” level. The pits are oriented mostly northeast to southwest by their longer side. In some cases the pits contained human bone remains. The burial pits were covered with pile of earth or stones mixed with earth. The stones could be brought from nearby hills or from river banks. Many of the stones bear traces of heating and soot. The finishing touch in the construction of a mound would be the putting up of a stone monument on the top, in the form of sub-rectangular or oval rock sometimes slightly worked up on the sides but never showing any anthropomorphic or zoomorphic traits. We’ve discerned three types of burials: a) the placement of the body inside the burial pit; b) on the ground level; c) in crypt. There also are three modes of mortuary practice: inhumation, secondary burial, and cremation. Grave goods usually lay in the lower part of the mound and were rather scarce: a *handmade* amphora or pot or bowl-like vessels with *flat* decoration on crimson-painted outer surface, or with *incisedornamentation* in the form of horizontally drawn geometric incisions, or with a *bulging* décor in the form of horizontally attached circular ribs, triangular in section; *spindle whorls*, trapezoidal in cross-section, with accentuated shortened neck; *stone tools*, mostly made from pebbles (shouldered hoes, scraper-like implements). Polished tools, traditional to Yankovski culture, did not occur in Petrovski mounds, the most thoroughly investigated of them all.

Sacrificial animals apparently included *dog* (a mandible occurred in Mound 10 at Petrovka-9 graveyard), *boar* (an occurrence of stone figurine), possibly *horse* (Mound 9 at Petrovka-9 yielded a pasternbone, although that could as well be a playing dice). The latter still was a notable occurrence because of the fact that horse was believed to first appear in Poltsevskaia culture, and achieve more prominent presence in the Moheculture.

Human bone fragments (tubular, pelvic, vertebrae, phalange) occurred in several mounds.

The emergence of stone mounds in Primorye during the Paleometal epoch (particularly stone circles) encourages us to infer that the roots of the tradition stem from nomadic cultures of Central Asia and Southern Siberia. Chronologically, this coincides with the time of formation of Scytho-Siberian unity which comprised predominantly Indo-Iranic population. Stone circles with a definite quantity of stones are typical for this particular epoch. The geometric style of decoration, particularly meander, as well as specific vessel shapes also speak for the influence from western traditions. As we can see, in the 1st millennium bc in Primorye, the early Metal epoch witnessed the emergence of stone pile mounds whose shape mimicked that of a tent built over very shallow pit (virtually a hint of the pit). This is what permits us to surmise the beginning of entirely new burial rite in the area, the rite borrowed from the Scytho-Siberian nomads of Central Asia and Southern Siberia.

Early Iron Age

Another culture, well-known for its burial mounds, is Poltsevskaia. This culture marks the end of the Iron Age, with dates between the second half of 1st millennium bc and 4th century ad.

Until recently not a single Poltsevskaia mound was found in Primorye. That's why an unexpected discovery of two mound graveyards of such kind (Kozakovski and Monakinovski) is a tremendously significant event. Sadly, research is at the earliest stage on both of the newfound sites. The Kozakovski mound were only just surveyed, the data's been very scarce. The Monakinovski mounds underwent a more detailed examination, but only two of the 30 objects of interest were excavated so far.

Environmentally, the Monakinovski mounds should be attributed to the valley-hillside type. By composition, the mounds are made of stones, circular in shape, not more than 10 m in diameter, 1.5–2 m in height. The lower part of the stone pile lay upon an annular stone platform which also contained a stone-made box inside the ring of stones. The box's walls were made of vertical stone slabs, the bottom was a big rock. The box measured 1.8×0.8×0.4 m overall. Accompanying inventory wasn't abundant, but diverse: an earthen pot, a dish-like vessel lip, a flint arrowhead, an iron cuirass plate. Preliminary dates for the site fall between the end of 1st mill. BC and beginning of 1st mill. AD.

The inception of the tradition to bury the dead in stone boxes is not indigenous to Primorye. Local cultures felt an impact from cultures with stone box tradition at least twice. The first time it was the Scytho-Siberians in 1st mill. bc. The second time it was aXiongnu's (Hunnu's) increasing activity, the phenomenon that often forced native tribes to flee from their homeland, and triggered ethnic relocations and population exchanges. Of course, we cannot be entirely sure about that, and mayreconsider this standpoint if the analysis of new data forces us to. However, the problem of the origins of stone box burials has been named and awaits its solution.

The Middle Ages

This epoch is represented by mounds associated with the Tungus-Manchurian peoples including Mohe, Bohai, and Jurzhen cultures, as well as by mounds attributed to Smolninskaya culture of Paleo-Asiatic descent.

The Mohe culture

This culture is referential for the entire mediaeval Far-East. This culture is tied to the creation of the Bohai state (698–926), Jin (also called 中國, 1115–1234) and Qing(清朝, 1644–1911) empires. Typical for the Mohe culture were soil burials. However, at some point in time the bearers of this culture began to build mounds to bury their dead, and thus mound graveyards appeared: Monastyrka-III, Sokolovskii, Cherniatiino-5. The most investigated site is Monastyrka-III. It is attributed to the part-ground-part-mound type of cemetery, hillside type by landscape positioning, with stone sub-rectangular mounds located in northwestern and southeastern parts of the cemetery. The burials contained inventory considered typical to the Mohe culture: handmade vessels with the attached cord under the lip, combination earrings, belts of Amur and Turkic types, iron knives and arrowheads, as well as Bohai pots of

Koguryo (Goguryeo) make and wheel-made ceramics of Tang (唐) traditional styling. The site has been attributed to the Naifeld group of the Mohe culture, the one that combines the Mohe and Poltse traditions. The dating is within VI—X centuries, implying the Mohe-Bohai time span.

Smolninskaya culture

The mounds assigned to the Smolninskaya can only be mentioned in passing since none of them have been excavated. They comprise Mikhailovski and Shaiga mounds. They represent the valley type of mounds. By composition, they are stone-made. The diameter at the base is 5—8 m, and height is 0.5—1 m. Accompanying finds (wheel-made pottery with wafer prints) permit to attribute the mounds to Smolninskaya culture dated to X—XI centuries.

The Bohai mounds

The Bohai mounds are represented by the Krounovka enclave that comprises the following mound sites: SopkaMechta, Abrikosovaya, Kopyto, and Amphitheatre. Their typology is as follows: 1) *earthen graves*, comparable with early traditional Mohe burials; 2) *stone boxes*, typical for the early and middle time of Bohai, compatible with Koguryo and Turkic traditions; 3) *stone and brick crypts*, often occurring in the late Bohai time. The Krounovka enclave's mounds feature stone fencing, the trait that the Bohai borrowed from ancient Turkic commemorative tombstones which, in turn, can be traced back to Indo-European roots. The earthen Mohe burials and stone-clad Koguryo ones coincide with the middle period of Bohai.

Jurzhen culture

The Jurzhen culture is represented by three mound sites: Nikolsk-Ussuriiski, Sergejevski, and Mound No. 4 at Petrovka-9. The *Nikolsk-Ussuriiski* graveyard was built in honor of a high-rank military or state officer, a Wanyan family member, possibly named Digunai. Architectural features, burial site's landscape, and memorial design, all follow the Chinese traditions of putting to grave ranked officers from "barbaric" empires. Burial complex comprised a shrine for sacrifices; an alley of figurines representing humans, horses, tigers, and sheep; pillars; ceremonial gate; rectangular wall, and a moat filled with water.

Sergejevski mounds. They are graves of the hillside type with ovate mounds containing trapezoidal wooden coffins made from Korean cedar or larch. For better protection, the coffins were insulated with five layers of birch bark and clay. The interred body lay with its head to southeast and was accompanied by wooden doll with three braids woven of human hair. The doll was swaddled with shreds of birch bark. Thus we see evidence that regular Jurzhen population in Primorye did indeed practiced strict mortuary rites similar to the documented Far Eastern Tunguso-Manchurians.

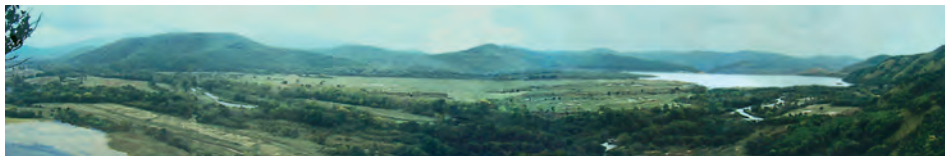
Petrovski mound No. 4 is a common burial site containing samples of wheel-made pottery attributed to the Jurzhen culture. The burial pit is sub-rectangular. Above the pit, there rises a stone mound. We can assume that during the Jin period the Jurzhen people of Primorye created different funeral ceremonies depending on the status of the deceased (the official as opposed to commoner's level). We can further infer about the general beliefs formed among Tunguso-Manchurian peoples of the Far East.

The Late Middle Ages

This epoch is exemplified at the *Bogopolskaya tomb* site with its rectangular stone box 303 by 10 cm in size. The content of the box included a bronze ball-bell (topped with rounded loop), and bronze (brass) Manchurian Shunzhi (顺治) coin (1641–1661) which attest to the time of the rise and strengthening of the Manchuria State established by Nurhaci (努尔哈齐), a Jurzhen native.

To sum up, the analysis of mound structures of Primorye shows that they first appeared as early as back in the late 1st millennium bc, built by the Yankovskaya culture bearers tied to Paleo-Asiatic inhabitants of the region. The roots of the tradition stem from the mortuary rites of pre-Scythian and Scythian cultures of Indo-European descent. The mound-building practices survived into the early Iron Age, as we can see in the case of Poltsevskaia culture (end of 1st mill. BC — beginning of 1st mill. AD). The diversification of mound types begins to show itself as late as in the early and developed Middle Ages among the Tunguso-Manchurian group of cultures — Mohe, Bohai, and Jurzhen. However, even then the mound-building traditions were not indigenous but borrowed, most probably, from the Turks in the case of Mohe, from the Turks, Koguryo, and Chinese in the case of Bohai. The final developmental stage of the mound-building tradition coincides with the late Middle Ages, being represented by the unique Bogopolstone tomb dated to 17th century. The tomb evidently incorporates non-aboriginal elements.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ил. 1. Панорама памятника Петровка-9
(Шкотовский район, Приморский край)

Ил. 2. Памятник Петровка-9
(Шкотовский район, Приморский край).
Каменная стела-1

Ил. 2а. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Каменная стела-2

Ил. 3. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Профиль кургана № 2 (западный), вид с северо-запада

Ил. 4. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
«Подушка» кургана № 1 после снятия каменной насыпи

Ил. 4а. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Ровик курганов № 1—2 после снятия каменной насыпи

Ил. 5. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Камни кургана № 1

Ил. 6. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 1 — каменная мотыга

Ил. 7. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 3 после снятия дёрна. Вид с юга

Ил. 8. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 3 после снятия каменной насыпи. Вид с юго-запада.

Ил. 9. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 4. Вид с северо-востока

Ил. 10. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 4. Могильная яма. Вид с северо-запада

Ил. 11. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 4. Разрез по линии 4—4(западная часть). Вид с севера.

Ил. 12. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 5. Вид с юго-запада

Ил. 13. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 5. Разрез по линии 5—5. Вид с юго-востока

Ил. 14. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 6. Общий вид с юга

Ил. 15. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 6. После снятия дёрна. Вид с запада

Ил. 16. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 8. Общий вид с юго-запада

Ил. 17. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 9. Общий вид с юго-запада

Ил. 18. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 9. Зачистка верха каменной насыпи. Вид с северо-запада

Ил. 19. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 9. После снятия каменной насыпи. Вид с юго-востока

Ил. 20. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 10. Снятие каменной насыпи. Вид с северо-востока

Ил. 21. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 10. Разрез по линии 5—5. Вид с юга

Ил. 22. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курганы № 11—16. Вид с востока

Ил. 23. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курганы № 11—16. Контуры ям при зачистке по матерiku

Ил. 24. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 13. Разрез по линии Г—Г (пикеты 7—9). Вид с запада

Ил. 25. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 14. Разрез по линии 10—10, пикеты Д—Ж. Вид с юга

Ил. 26. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 17. Каменная насыпь после снятия дёрна. Вид с востока

Ил. 27. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 17. Разрез по линии Е—Е, 7—7. Вид с юго-востока

Ил. 28. Памятник Петровка-9 (Шкотовский район, Приморский край).
Курган № 17. Разрез по линии Е—Е, 7—7. Вид с юго-запада

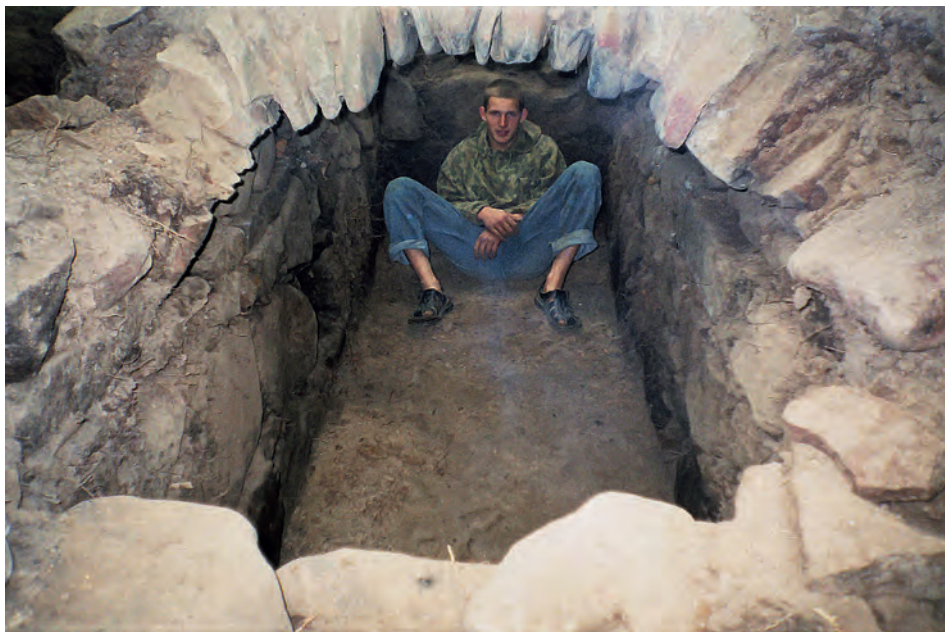

Ил. 29. Памятник Монастырка-III (Дальнегорский район, Приморский край). Общий вид с юга

Ил. 30. Памятник Монастырка-III (Дальнегорский район, Приморский край). Курган 412

*а**б*

6

Ил. 31. Памятник Богополь (Кавалеровский район, Приморский край)

Научное издание

Владимир Иванович Дьяков,
Ольга Васильевна Дьякова

КУРГАНЫ ПРИМОРЬЯ

Редактор-корректор *В.Е. Старовойтова*
Дизайн, вёрстка *А.С. Иванов*

Отпечатано с оригинал-макета,
представленного автором,
минуя редподготовку в «Дальнауке»

Подписано к печати 24.11.2016 г.
Печать офсетная. Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. п. л. 20,96. Уч.-изд. л. 16,54. Тираж 300 экз. Заказ 80

ФГУП «Издательство Дальнаука»
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7
Тел. 231-23-59. E-mail: irina@dnph.dvo.ru

Отпечатано в Информационно-полиграфическом хозрасчетном центре ТИГ ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

Книга В.И. и О.В. Дьяковых позволяет читателю соприкоснуться с древней историей Дальнего Востока и совершить путешествие в таинственный мир древних курганов.

Владимир Иванович Дьяков — доктор исторических наук, профессор и автор многочисленных публикаций, среди которых «Приморье в эпоху бронзы», «Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья», «Приморье в раннем голоцене».

Ольга Васильевна Дьякова — доктор исторических наук, профессор и автор восьми книг, среди которых «Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник», «Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока», «Мохэские памятники Приморья», «Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня», «Государство Бохай: археология, история, политика». В настоящее время В.И. Дьяков возглавляет Владивостокский филиал Российской таможенной академии, а О.В. Дьякова заведует лабораторией археологии Приамурья Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

